

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

6

1952

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ВОПРОСЫ
ФИЛОСОФИИ

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

6

1 9 5 2

XIX съезд Коммунистической партии и вопросы идеологической работы

I

Съезды партии Ленина — Сталина представляют собой выдающиеся события в политической и идейной жизни нашей страны и международного рабочего класса. Каждый очередной съезд Коммунистической партии решал новые великие задачи, идейно и политически вооружал нашу партию, рабочий класс, весь советский народ на решение этих задач.

XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза займет в истории нашей партии, в жизни народов СССР и трудящихся всего мира одно из самых выдающихся мест. Он подвел итоги деятельности партии за важнейший исторический отрезок времени, наполненный великими событиями в жизни нашего социалистического Отечества и трудящихся всего мира. Победоносно законченная Великая Отечественная война Советского Союза против фашистских агрессоров; народная революция в ряде стран Европы и Азии, приведшая к отпадению этих стран от системы империализма и установлению в них режима народной демократии; успешное восстановление разрушенного врагом народного хозяйства нашей страны на новой, еще более совершенной технической основе; новый мощный подъем всего народного социалистического хозяйства и социалистической культуры — все это факты огромного, всемирно-исторического значения.

Коммунистическая партия, руководимая сталинским Центральным Комитетом, великим учителем и вождем товарищем Сталиным, пришла к своему съезду как партия победителей, партия строителей коммунизма, как величайшая, самая передовая историческая сила современности. Коммунистическая партия пришла к XIX съезду монолитной, сплоченной вокруг своего Центрального Комитета, вокруг своего мудрого вождя товарища Сталина, приведшего нашу партию, наш народ, наше Отечество к величайшим победам.

Коммунистическая партия пришла к своему съезду окруженная любовью и безграничным доверием народа. В тесной, неразрывной связи с народом партия Ленина — Сталина всегда видела и видит главный источник своих сил. Коммунистическая партия Советского Союза предстала перед международным рабочим классом как самая испытанная в боях марксистская партия, до конца верная священным принципам пролетарского, ленинского интернационализма.

Всемирно-историческое значение XIX съезда Коммунистической партии определяется теми важнейшими задачами строительства коммунизма, которые на нем обсуждались и решались. Огромным событием в идейной жизни партии и всего советского народа явился выход в свет накануне съезда гениального труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Этот теоретический труд представляет собой самое выдающееся событие в идейной жизни нашей партии после выхода сталинской книги «Краткий курс истории ВКП(б)» — этой энциклопедии марксистских знаний. Гениальные положения, великие идеи нового

Сталинского труда могучим светом озарили всю работу XIX съезда партии. Они явились идейно-теоретической основой всех его решений. Сталинский труд вооружил нашу партию научным знанием законов развития социалистического общества, законов и условий строительства коммунизма.

В замечательном докладе секретаря ЦК КПСС тов. Г. М. Маленкова на XIX съезде партии дан глубокий анализ двух линий экономического развития, характерных для двух противоположных лагерей — социалистического и капиталистического.

«Общая картина мирового экономического положения,— говорит тов. Маленков,— в настоящее время характеризуется наличием двух линий развития.

Одна линия — это линия непрерывного подъема мирной экономики в Советском Союзе и странах народной демократии, экономики, не знающей кризисов и развивающейся в интересах обеспечения максимального удовлетворения материальных и культурных потребностей общества. Эта экономика обеспечивает систематическое повышение жизненного уровня народных масс и полную занятость рабочей силы. Для этой экономики характерно дружественное хозяйственное сотрудничество стран, составляющих демократический лагерь.

Другая линия — это линия экономики капитализма, производительные силы которого топчутся на месте, экономики, бьющейся в тисках все более углубляющегося общего кризиса капитализма и постоянно повторяющихся экономических кризисов, линия милитаризации экономики и одностороннего развития отраслей производства, работающих на войну, линия конкурентной борьбы между странами, порабощения одних стран другими. Такое положение создается в результате того, что эта экономика развивается не в интересах общества, а в интересах обеспечения максимальной прибыли для капиталистов путем эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путем закабаления и систематического ограбления народов других стран, особенно отсталых стран; наконец, путем войн и милитаризации народного хозяйства»¹.

В СССР объем промышленного производства в 1951 году составил 1 266% по отношению к 1929 году, то есть увеличился почти в 13 раз. Неуклонное развитие промышленности СССР по восходящей линии происходит на основе развития мирного производства. Социалистические производственные отношения здесь являются величайшим двигателем развития производительных сил. Эта закономерность находит свое подтверждение и в странах народной демократии, успешно строящих социализм.

В европейских странах народной демократии, несмотря на то, что они пострадали от войны значительно больше, чем капиталистические страны Западной Европы, довоенный уровень промышленной продукции в 1951 году был превзойден: в Польше в 2,9 раза, в Чехословакии в 1,7 раза, в Венгрии в 2,5 раза, в Румынии в 1,9 раза, в Болгарии в 4,6 раза, в Албании более чем в 5 раз. Больших успехов в развитии народного хозяйства добилась Германская Демократическая Республика. Быстро развивается экономика Китайской Народной Республики.

Противоположную картину представляет собой экономика стран капиталистического лагеря. Здесь производительные силы находятся в состоянии прозябания. В большинстве капиталистических стран Западной Европы промышленность топчется вокруг уровня 1929 года. В США уровень промышленного производства увеличился с 1929 года по 1951 год всего лишь в 2 раза, и это увеличение произошло за счет второй мировой войны, на которой нажилась американская буржуазия, за счет войны в Корее, на которой магнаты Уолл-стрита продолжают наживаться,

¹ Г. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), стр. 7. Госполитиздат. 1952.

превращая кровь и слезы кэрейского народа в золото. Теперешняя конъюнктура в промышленности США поддерживается за счет милитаризации экономики, за счет гонки вооружений. Недаром американско-английская буржуазия бонится мира пуще всего и всячески разжигает и подогревает военную истерию.

Состояние прозябания производительных сил в лагере капитализма, застой в промышленности, рост безработицы и другие кризисные явления в экономике капитализма служат подтверждением важнейшего положения сталинского труда «Экономические проблемы социализма в СССР» о том, что старые производственные отношения, какими являются ныне капиталистические отношения, представляют собой тормоз, препятствие для развития производительных сил.

Тов. Г. М. Маленков показал на ярких и убедительных примерах действие двух противоположных основных экономических законов, открытых товарищем Сталиным,— основного экономического закона современного капитализма и основного экономического закона социализма. В капиталистических странах растет обнищание народных масс и одновременно растут прибыли магнатов капитала. В социалистическом обществе идет процесс неуклонного роста материального благосостояния и культурного уровня всех трудящихся.

Во всех капиталистических странах существует постоянная безработица и огромное количество людей обречено на частичную безработицу. В США, например, полностью безработных около 3 млн. человек. Систематически падает жизненный уровень трудящихся, снижается заработная плата, сокращается потребление предметов питания и других товаров. В Англии реальная заработная плата ниже довоенной на 20%, во Франции и Италии она составляет менее половины довоенной. Стоимость жизни в США по сравнению с 1939 годом возросла почти в 3 раза. На сокращение потребления товаров в США указывают данные о росте запасов товаров в розничной торговле.

Все эти и многочисленные другие факты свидетельствуют о том, что закон абсолютного обнищания трудящихся в капиталистических странах неумолимо действует и приводит к систематическому падению жизненного уровня трудящихся масс. В то же время прибыли монополистов невиданно возрастают. Так, прибыли монополий США увеличились с 3,3 млрд. долларов в 1938 году до 42,9 млрд. долларов в 1951 году, то есть в 13 раз. 1 565 английских компаний за первые 5 месяцев 1952 года получили на 16% больше прибылей, чем в прошлом году. В этом и проявляется действие открытого товарищем Сталиным основного экономического закона современного капитализма.

Растут и обостряются внутренние и внешние противоречия в лагере империализма, устои капитализма трещат, расшатываются. Империалисты ищут выхода из создавшегося положения на путях развязывания новой войны. Война для капиталистов — лучший бизнес, источник обеспечения максимальных прибылей. Этой именно цели и служит милитаризация капиталистического хозяйства.

Идеологи империализма сочиняют мальтузианские и расистские теории, призванные дать обоснование и оправдание агрессивной политики империалистов. Особенно реакционные теории развивают апологеты американского империализма, стремящегося к установлению мирового господства США. Лейтмотивом всей американской империалистической идеологии является презрение к народу, презрение к трудящимся.

Противоположные экономические условия, другой основной экономический закон существуют в социалистическом обществе. Этот закон обуславливает совершенно противоположные, чем в странах капитализма, результаты. Тов. Г. М. Маленков привел в докладе яркие факты и цифры, показывающие сталинскую заботу партии и Советского государства о всестороннем улучшении условий жизни советского народа.

Непрерывно растёт в нашей стране национальный доход. На этой основе систематически повышается материальное благосостояние рабочих, служащих и колхозников. Реальный заработок рабочих и служащих возрос в 1951 году по сравнению с 1940 годом примерно на 57%, а реальные доходы колхозников — на 60%. Значительно выросла сеть больниц, санаториев, яслей и других учреждений здравоохранения.

Благоприятные материальные условия жизни народов СССР открыли возможности для непрерывного роста населения. Так, за последние три года прирост населения в нашей стране составил 9,5 млн. человек.

Империалистическая буржуазия и ее идеологи видят источник всех бед капитализма, источник нищеты и страданий народных масс в якобы чрезмерном росте народонаселения. Обманывая народные массы, неомальтузианцы наших дней хотят снять ответственность за бедствия народов с капитализма и перенести ее на природу. Это хитроумный трюк обанкротившейся буржуазии.

В стране социализма невиданный прирост населения не ведет к перенаселению, к безработице. Советское правительство всемерно поощряет рост народонаселения. Факт невиданно быстрого роста народонаселения при отсутствии безработицы, при неуклонном подъеме материального благосостояния всего общества разбивает вдребезги все изуверские неомальтузианские бредни.

Два мира, две линии развития и две противоположные идеологии: реакционная, империалистическая, с одной стороны, и передовая, социалистическая, — с другой. Одна выражает положение и интересы реакционной буржуазии, другая — интересы рабочего класса, трудящихся всех стран. И какой бы вопрос современности мы ни взяли, всюду мы сталкиваемся с этими двумя противоположными идеологиями, противоположными взглядами.

II

В докладе тов. Г. М. Маленкова, в работе и решениях XIX съезда партии вопросы развития социалистической культуры и социалистической идеологии, вопросы борьбы против буржуазной реакционной идеологии заняли выдающееся место. Директивы, принятые съездом партии по пятому пятилетнему плану развития СССР, наметили грандиозную программу хозяйственного и культурного строительства коммунизма в нашей стране. Этот план знаменует собой новый крупный шаг в движении социалистического общества к коммунизму.

В принятом съездом Уставе Коммунистической партии Советского Союза сказано: «Ныне главные задачи Коммунистической партии Советского Союза состоят в том, чтобы построить коммунистическое общество путем постепенного перехода от социализма к коммунизму, непрерывно повышать материальный и культурный уровень общества, воспитывать членов общества в духе интернационализма и установления братских связей с трудящимися всех стран, всемерно укреплять активную оборону Советской Родины от агрессивных действий ее врагов».

Чтобы успешно решить поставленные XIX съездом партии перед Советской страной великие задачи хозяйственного и культурного строительства, задачи постепенного перехода к коммунизму, необходимо еще выше поднять уровень идеологической работы в стране, уровень социалистического сознания строителей коммунизма, преодолеть пережитки капитализма в сознании людей. Решение всех этих задач, выдвинутых XIX съездом перед партией, перед работниками идеологического фронта, позволит нам еще более успешно двигаться вперед.

Товарищ Сталин в своем новом труде «Экономические проблемы социализма в СССР» дал предельно глубокое научное обоснование основных предварительных условий постепенного перехода от социализма к коммунизму. Таких условий три. Необходимо обеспечить непрерывный

рост всего общественного производства с преимущественным ростом производства средств производства; путем постепенных переходов поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности, а товарное обращение также постепенно заменить системой продуктообмена; поднять культурный уровень народа на такую ступень, которая обеспечит всем членам общества возможность всесторонне развивать свои физические и умственные способности.

И. В. Сталин указывает, что «раньше, чем перейти к формуле «каждому по потребностям», нужно пройти ряд этапов экономического и культурного перевоспитания общества, в течение которых труд из средства только лишь поддержания жизни будет превращен в глазах общества в первую жизненную потребность, а общественная собственность — в незыблемую и неприкосновенную основу существования общества»¹.

Мощное развитие производительных сил и соответствующее этому развитие социалистических производственных отношений — главное, определяющее в постепенном переходе социалистического общества к коммунизму. Но это не единственное условие. Строительство коммунизма, переход к коммунизму требуют высокого уровня коммунистического сознания, преодоления пережитков капитализма в сознании людей. Необходимо поднять на новую, высшую ступень идейный и культурный уровень строителей коммунизма, превратить всех людей в активных деятелей общества. Все это предполагает грандиозный размах работы по коммунистическому воспитанию широких народных масс.

В отчетном докладе на XIX съезде партии тов. Г. М. Маленков отметил крупнейшие завоевания, достигнутые Советской страной в области развития культуры. Социализм создал небывалые в истории благоприятные условия для физического и умственного развития советского человека, его способностей, дарований, так бурно проявляющихся в материальном производстве, в науке и искусстве.

Осуществляя руководящую и направляющую деятельность в коммунистическом строительстве, партия неослабно заботится о всемерном развитии советского общества, о культурном росте советского человека. Духовную жизнь общества, согласно учению марксизма, нельзя отрывать от материальных условий. Людей, которые отрицали значение общественных идей в развитии общества, партия разоблачила как вульгаризаторов марксизма-ленинизма.

Товарищ Сталин в своем труде «О диалектическом и историческом материализме» учит, что новые общественные идеи и теории возникают на основе развития потребностей материальной жизни общества. Однако, возникнув, они оказывают обратное воздействие на развитие общества. «Новые общественные идеи и теории потому собственно и возникают,— указывает И. В. Сталин,— что они необходимы для общества, что без их организующей, мобилизующей и преобразующей работы *невозможно* разрешение назревших задач развития материальной жизни общества»².

Этим положением марксистской науки партия руководствуется в решении задач духовного развития общества, в деле коммунистического воспитания народа. Развитие материальных условий жизни социалистического общества немыслимо без духовного совершенствования людей, без преодоления пережитков капитализма в их сознании. Со времени Великой Октябрьской социалистической революции произошли крупнейшие изменения в духовной жизни нашего общества. Социализм коренным образом преобразил не только материальную основу общества, но и духовный облик народа. Именно это дало возможность товарищу Сталину заявить, что «последний советский гражданин, свободный от цепей капи-

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 66. Госполитиздат. 1952.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 547. 11-е изд.

тала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства»¹.

Всенародной идеологией советского общества является самая передовая, научная идеология — марксизм-ленинизм. Под знаменем этой великой идеологии советский народ одержал свои великие всемирно-исторические победы — свергнул власть буржуазии и установил Советскую власть, построил социалистическое общество, отстоял свою социалистическую Родину в Великой Отечественной войне, разгромил злейших своих врагов. Социалистическая идеология является идейной основой морально-политического единства советского общества и дружбы народов. Такая могучая движущая сила развития социалистического общества, как советский патриотизм, является неотъемлемой частью социалистической идеологии. В социалистической идеологии советские люди черпали и черпают силы, уверенность в победе великого дела коммунизма. Социалистическая идеология освещала и освещает советскому народу его путь к коммунизму.

Социалистическая идеология во всем мире противостоит реакционной идеологии буржуазии, идеологии поджигателей войны. Коммунистическая партия, ЦК КПСС, товарищ Сталин всегда уделяли вопросам идеологической работы огромное внимание, вели и ведут непримиримую борьбу против проявлений враждебной нам буржуазной идеологии, идейно вооружают партию и ее кадры испытанной в боях победоносной идеологией марксизма-ленинизма.

«Идеологическая работа является первостепенной обязанностью партии, и недооценка этой работы может нанести непоправимый ущерб интересам партии и государства. Мы должны всегда помнить, что всякое ослабление влияния социалистической идеологии означает усиление влияния идеологии буржуазной»².

Отмечая торжество нашей великой социалистической идеологии, триумфальные победы марксизма-ленинизма, мы не должны забывать и об имеющих место на некоторых участках широкого фронта культуры, науки и искусства проявлениях остатков буржуазной идеологии.

«В нашем советском обществе,— говорит тов. Г. М. Маленков,— нет и не может быть классовой базы для господства буржуазной идеологии. У нас господствует социалистическая идеология, нерушимую основу которой составляет марксизм-ленинизм. Но у нас еще сохранились остатки буржуазной идеологии, пережитки частнособственнической психологии и морали. Эти пережитки не отмирают сами собою, они очень живучи, могут расти и против них надо вести решительную борьбу. Мы не защищены также от проникновения к нам чуждых взглядов, идей и настроений извне, со стороны капиталистических государств, и изнутри, со стороны недобитых партией остатков враждебных советской власти групп. Нельзя забывать, что враги Советского государства пытаются распространять, подогревать и раздувать всяческие нездоровые настроения, идеологически разлагать неустойчивые элементы нашего общества»³.

Всем нам известны серьезные прорывы в ряде областей знания, где некоторые люди пытались насаждать враждебные советскому обществу антимарксистские взгляды. Чуждые социалистической идеологии концепции протаскивались в философию, биологию, физиологию, языковедение, политическую экономию, а также в искусство и литературу. Советская интеллигенция, руководимая коммунистической партией, преодолела и преодолевает эти враждебные социализму антимарксистские теории и взгляды. Задача состоит во всемерном развитии бдительности,

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 590.

² Г. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), стр. 94.

³ Там же.

в умении нащупать отрицательные явления в самом зародыше и решительно их пресекать.

В нашем обществе есть еще люди, представляющие остатки разбитых антиленинских групп, неустойчивые элементы, подверженные влиянию буржуазной идеологии, есть чуждые люди, пытающиеся протаскивать свою линию, возрождающие и распространяющие разного рода немарксистские «точки зрения» и «концепции». В редакционной статье газеты «Правда» от 13 января 1953 года указывается, что в нашей стране давно уже ликвидированы эксплуататорские классы, но сохранились еще носители буржуазных взглядов и буржуазной морали — живые люди, скрытые враги советского народа. Чем успешнее будет наше продвижение вперед, тем острее будет борьба врагов народа, обреченных на гибель, доведенных до отчаяния. Люди, стоящие на точке зрения «затухания» классовой борьбы, порывают с марксизмом, содействуют врагам коммунизма.

Чтобы до конца ликвидировать вражеские элементы и всякую возможность вредительства, необходимо вести борьбу с ротозейством и благодушием в наших рядах, за усиление революционной бдительности во всех областях нашей жизни и деятельности.

Наличие враждебного капиталистического окружения и недобитых вражеских элементов внутри СССР обязывает работников идеологического фронта повысить во сто крат бдительность в работе, вести наступление против всяких проявлений враждебной марксизму идеологии. Коммунистическая партия требует от работников идеологического фронта еще выше поднять уровень всей идеологической работы и на основе непримиримой борьбы с врагами социализма добиваться новых успехов в деле коммунистического воспитания советского народа.

Основу всей нашей идеологической работы составляет глубокое творческое усвоение марксизма-ленинизма широкими кадрами советской интеллигенции. Величайшее значение в идеологической и теоретической борьбе с реакционной буржуазной идеологией, в том числе и с реакционной буржуазной философией и социологией, имеет труд товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

III

В своем труде «Экономические проблемы социализма в СССР» товарищ Сталин поднял марксистскую политическую экономию на новую, высшую ступень. После «Капитала» К. Маркса и работы «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленина труд И. В. Сталина по экономическим проблемам — самое выдающееся событие в политической экономии. В этом сталинском труде дан всесторонний научный анализ законов общественного производства и распределения материальных благ в социалистическом обществе, определены научные основы развития социалистической экономики, определены законы, условия и пути постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Но труд товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» — это великий вклад не только в политическую экономию, но и в сокровищницу марксизма в целом. Будучи посвящен экономическим проблемам, этот труд И. В. Сталина, как и «Капитал» К. Маркса, представляет собой глубоко философское произведение. В этом гениальном произведении творческого марксизма даны ответы на великие вопросы современности, поставленные ходом развития общества, ходом развития марксистской науки.

Товарищ Сталин в данной работе подвергает сокрушительной критике субъективно-идеалистические взгляды на закономерности природы и общества, дает дальнейшее всестороннее обоснование марксистского уче-

ния об объективном характере законов развития природы и общества, глубокий научный анализ объективного характера экономических законов развития социалистического общества.

В труде «Экономические проблемы социализма в СССР» получила дальнейшее развитие материалистическая диалектика, ее законы, основные черты, категории: проблемы внутренней связи явлений, их взаимодействия; конкретно-исторического подхода к явлениям действительности; поступательного развития общества, борьбы нового и старого; противоречия, противоположности и конфликты, возникающие в капиталистическом обществе, и особый характер противоречий в социалистическом обществе; проблема постепенного развития — скачки без взрыва в условиях социализма — и, исходя отсюда, проблема особой связи формы и содержания при социализме; проблема сущности и явления, возможности и действительности, свободы и необходимости, случайности и закономерности — все эти и другие важнейшие проблемы материалистической диалектики получили в произведении товарища Сталина дальнейшее творческое развитие на основе философского обобщения новых фактов и практической деятельности нашей партии, идейно вооружив ее в руководстве строительством коммунизма.

В труде И. В. Сталина показано, что в различных общественно-экономических формациях действуют как общие экономические законы, имеющие силу для всех ступеней развития общества, так и особые, специфические законы, свойственные только данной формации. К числу общих экономических законов, действующих во всех общественных формациях, относится, например, закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. К числу специфических экономических законов, свойственных только данной общественной формации, относятся такие, например, законы, как основной экономический закон современного капитализма или основной экономический закон социализма. Различные общественные экономические формации не только отличаются друг от друга, но и связаны друг с другом. Эта связь доказывается наличием общих экономических и социологических законов.

В работе товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» получила дальнейшее творческое развитие проблема диалектики производительных сил и производственных отношений. Товарищ Сталин дал дальнейшее научное обоснование экономического закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, раскрыл действие этого закона в различных общественных формациях и в особенности в условиях социализма. Товарищ Сталин показал, что закон обязательного или полного соответствия действует во всех общественных формациях, а не только при социализме, как ошибочно понимали философы и экономисты.

Товарищ Сталин указал и на другую ошибку в понимании философами и экономистами закона полного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Полное соответствие многими толковалось как абсолютное, исключающее противоречия между развивающимися производительными силами и социалистическими производственными отношениями. Эта ошибка получила распространение в экономической и философской литературе, она нашла также отражение на страницах журнала «Вопросы философии» в статьях М. Т. Иовчука, В. Е. Козловского и других, в книгах «Исторический материализм» под редакцией проф. Ф. В. Константинова, «О советском социалистическом обществе» и других изданиях. Товарищ Сталин разъяснил, что полное соответствие между производительными силами и производственными отношениями в социалистическом обществе не исключает между ними противоречий.

Огромное значение в развитии марксистской науки об обществе имеет важнейшее положение сталинского труда с том, что новые произ-

водственные отношения являются главным двигателем развития производительных сил.

В новом труде И. В. Сталина получила дальнейшее творческое развитие проблема базиса и надстройки, раскрыта сущность экономического базиса, показана роль политической надстройки (Советской власти) в строительстве социализма, использование ею такого экономического закона, как закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

Товарищ Сталин, раскрывая объективный характер экономических законов, показывает, какое значение имеют их открытие и использование в сознательной деятельности общества, в политике нашей партии, в строительстве коммунизма. В труде товарища Сталина, таким образом, дана дальнейшая разработка вопроса о соотношении объективных законов, исторической необходимости, и сознательной творческой деятельности масс, классов, партий и отдельных исторических личностей. Исторический материализм, как и вся марксистская философская наука, поднят товарищем Сталиным на новую, высшую ступень.

Выдающееся значение сталинского труда по экономическим проблемам состоит также в том, что в нем подвергнуты глубокому научному анализу новые явления современного капитализма: дальнейшее обострение его кризиса, углубление его противоречий, распад единого мирового рынка, сужение базы капиталистического производства. Товарищ Сталин обосновал в своем труде неизбежность дальнейшего обострения противоречий между империалистическими державами и опасность новых империалистических войн.

Все эти важнейшие проблемы, затрагивающие исторические судьбы и интересы народов, имеют первостепенное значение в идеологической борьбе нашей эпохи.

Буржуазия, некогда выступавшая под флагом либерализма, демократии и национальной независимости, давно уже стала реакционной силой. Она выбросила за борт знамя демократии и национальной независимости. Реакционные идеологи буржуазии проповедуют фашизм, отказ от национального суверенитета.

Знамя демократии и национальной независимости ныне поднимают коммунистические и рабочие партии капиталистических стран, объединяя под этим знаменем широчайшие народные массы.

Труд товарища Сталина, а также его историческая речь на XIX съезде партии наносят сокрушительный удар по всей реакционной буржуазной идеологии и идейно вооружают кадры строителей коммунизма, все коммунистические и рабочие партии в их борьбе против империалистической реакции, за мир, за демократию, за национальную независимость и социализм.

IV

Труды товарища Сталина учат всех нас тому, как надо творчески решать новые философские вопросы на основе обобщения новых данных общественного развития, на основе новых данных науки.

В трудах «Марксизм и вопросы языкознания», «Экономические проблемы социализма в СССР» товарищ Сталин указывает на своеобразие проявления законов диалектики в условиях социализма. Однако внимание философов не привлечено еще в должной мере к разработке указанных И. В. Сталиным проблем. Значительная часть экономистов и философов предала забвению важнейшее положение марксистской философии об объективности законов развития социалистического общества. Например, планирование истолковывали как экономический закон социализма, не отличая объективные экономические законы от законов, имеющих лишь юридическую силу.

Тов. М. А. Суслов в статье «По поводу статей П. Федосеева», опубликованной в «Правде» от 24 декабря 1952 года, отметил, что «именно в вопросе о характере и действиях экономических законов социализма со стороны значительной части советских экономистов и философов было допущено больше всего путаницы, заключающейся, главным образом, в субъективистском, волюнтаристском истолковании закономерностей социалистической экономики».

Как указывает тов. М. А. Суслов, «элементарная обязанность каждого члена партии состоит в том, чтобы не замазывать допущенных ошибок, не увильживать от них, а честно и открыто признавать свои ошибки и исправлять их». Это указание непосредственно относится к журналу «Вопросы философии», в котором был опубликован ряд статей, содержавших ошибочные положения о законах развития социалистического общества. Так, в статье Л. Б. Альтера «О характере экономических законов социалистического общества», напечатанной в № 2 журнала «Вопросы философии» за 1949 год, планирование трактуется как экономический закон и проводится параллель с законом полного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Ошибочное положение такого же порядка содержится в статье Ц. А. Степаняна «О некоторых закономерностях перехода от социализма к коммунизму», опубликованной в № 2 журнала «Вопросы философии» за 1947 год.

Философы, занимающиеся проблемами диалектического материализма, за последние годы не дали ни одной книги, ни одной брошюры по вопросу об объективном характере законов науки. За все годы была написана о законе лишь одна докторская диссертация, да и та до сих пор не опубликована. Необходимо создать монографии, написать брошюры, статьи, посвященные проблеме объективного характера законов науки.

Почти совершенно забыта философами разработка категорий диалектического материализма. Товарищ Сталин показал великое познавательное и преобразующее значение диалектического закона борьбы нового и старого, категорий возможности и действительности, формы и содержания, сущности и явления, свободы и необходимости. И. В. Сталин раскрыл новые стороны в понимании этих категорий диалектики применительно к условиям социализма. Все это обязывает философов глубоко осмыслить развитие товарищем Сталиным проблем диалектического материализма и на основе этого развернуть научную работу, подвергнуть критике ошибки в толковании ряда вопросов.

К сожалению, у нас еще и сейчас разработка вопросов материалистической философии ведется часто в отрыве от жизни, от практики, в отрыве от развития современного естествознания и конкретных общественных наук. В результате иногда под названием философских марксистских работ сочиняется нечто несусветное, схоластическое. Взять, к примеру, докторскую диссертацию директора Института философии Академии наук Грузинской ССР тов. С. Б. Церетели. Диссертация называется «К марксистско-ленинскому пониманию логического». В автореферате диссертации С. Б. Церетели пишет: «Сам процесс изменения качественно конечных предметов тоже такая беспредельность, которая всегда конечна, но никогда не имеет конца; он больше конечного, как неконечный, но не является бесконечностью» (стр. 22).

«Определенность означает, что нечто есть это, а не иное». «Следовательно, каждая определенность содержит в себе определенное «не»; без этого момента она и не была бы какой-либо определенностью» (стр. 4).

«Все есть некоторая определенность, в котором «не» не абсолютно, а относительно» (стр. 5).

«Абстракция и абстрактное тем и имеют смысл, от чего абстрагируются; «растение» имеет смысл благодаря «нерастению» (стр. 4).

«То, что утверждается внутренним отрицанием, т. е. то, отрицание чего утверждает его же, есть бесконечное. Отрицание бесконечного опирается на него и обосновывает его же» (стр. 23).

«Значит, положительность должна заключать в себе отрицание; отрицание отрицает ее именно как положительное, но содержащим внутреннее отрицание является то положительное, которое отрицает это его отрицание» (стр. 27). И далее в таком же духе. Весь автореферат, который является квинтэссенцией представленной к защите диссертации, написан в сугубо гегельянском, схоластическом духе. Тов. С. Б. Церетели не рядовой человек, а руководитель научного учреждения. В духе своей философии он, видимо, воспитывает и своих сотрудников.

Проявление гегельящины свидетельствует о том, что нам нужно быть бдительными, что идеалистические взгляды нами еще не всюду преодолены. Отдельные элементы — носители антимарксистских взглядов — пытаются тащить нас назад и возрождают старый идеалистический хлам давно разгромленных классиками марксизма-ленинизма идеалистических школ и течений.

Один из источников ошибок и недостатков в разработке вопросов философии научными сотрудниками — неглубокое знание марксизма и отрыв от конкретных областей знания, от социалистической практики. В нашей литературе еще встречаются пережитки старой, гегельянской терминологии. Несомненно, к таким пережиткам относится формула тождества противоположностей, которая не имеет ничего общего с законом борьбы противоположностей, борьбы нового со старым, борьбы рождающегося и развивающегося со старым, отмирающим.

Формула тождества противоположностей, которая занимает видное место и в автореферате тов. Церетели, неясна, она способна сбивать с толку людей, передовые силы, разоружать их в борьбе со старым, отживающим, реакционным. Взять, к примеру, такие противоположности, как новое и старое, война и мир, революция и реакция, жизнь и смерть, социализм и капитализм и т. п., какое же здесь может быть тождество? Между ними идет борьба, борьба за преодоление, уничтожение силами мира сил войны, передовыми силами — сил реакции, силами, представляющими новое, развивающееся, — сил старых, отживающих. Эту закономерность выражает ленинско-сталинская формула борьбы противоположностей. «Развитие есть «борьба» противоположностей» (Л е н и н). Именно это положение В. И. Ленина воспроизведено И. В. Сталиным в его труде «О диалектическом и историческом материализме» при характеристике основных черт материалистической диалектики. Положения о борьбе старого и нового, положительного и отрицательного нашли блестящее и глубокое обоснование в трудах В. И. Ленина и И. В. Сталина. Этими положениями и должны руководствоваться теоретические работники — марксисты.

Опираясь на труд товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», философам необходимо прежде всего вскрыть и преодолеть допущенные ошибки в теоретической работе, в опубликованных книгах, брошюрах, статьях.

Жизнь выдвигает все новые и новые задачи, настоятельно требует от философов умения постоянно улавливать это новое и теоретически его осмысливать, обобщать. Труды товарища Сталина обогащают марксистскую науку новыми идеями, вооружают нас знанием новых законов развития социалистического общества, помогают глубже понять важнейшие жизненные явления и значительно улучшить всю нашу теоретическую работу. Повысить качество, идейно-теоретический уровень всей философской работы — это сейчас основная задача Института философии АН СССР и журнала «Вопросы философии», философских кафедр вузов, всех философских работников.

Предметом дальнейшей творческой разработки должны стать вопросы о характере экономических законов при социализме, о связи общих социологических законов и специфических законов, возникших на почве экономических условий социалистического общества, о трех основных предварительных условиях постепенного перехода к коммунизму, о преодолении существенных различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. Для философских работников особо актуальное значение приобретает разработка вопросов коммунистического воспитания трудящихся нашей страны в тесной связи с задачами постепенного перехода от социализма к коммунизму, с задачами успешного выполнения решений XIX съезда КПСС.

Философские работники, в частности Институт философии Академии наук СССР, не изучают и не разрабатывают проблемы классовой борьбы в странах капитализма на современном этапе. Это большое упущение в нашей работе. Особо важное значение имеет систематическая борьба против буржуазной реакционной идеологии. Вся многосторонняя работа философов должна быть пронизана последовательной борьбой против различных видов буржуазной идеологии. Современная идеология империализма, ее философия и социология находятся в состоянии небывалого маразма и загнивания, они проповедуют античеловеческие, растленные идеи и направлены к оправданию империалистических войн, являются орудием духовного порабощения трудящихся масс в странах капитала.

За последнее время среди некоторых литераторов, критиков, а также и философов была попытка навязать советской литературе антимарксистскую концепцию бесконфликтности в драматургии, в искусстве вообще. Эта «теория» наносила огромный вред советской литературе, так как она отвлекала писателей от важнейшей задачи разоблачения и выкорчевывания пережитков капитализма в сознании людей, отвлекала от борьбы с отрицательными явлениями жизни. Писатель не должен нарушать важнейшее требование социалистического реализма — правдиво отражать действительность, руководствуясь задачами, выдвигаемыми коммунистической партией.

Философы не сумели своевременно вскрыть ложности «теории» бесконфликтности и помочь писателям избежать ошибок в своей творческой работе. Больше того, ошибочные положения некоторых философов питают эти ошибочные взгляды в области эстетики. Так, например, тов. В. П. Чертков в статье «Некоторые вопросы диалектики в свете труда И. В. Сталина по языкознанию» (опубликована в сборнике «Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания») ошибочно утверждает, что «старое при социализме не превращается в тормоз развития и впервые в истории все больше и больше устраняется в соответствии со зрелостью процессов, протекающих в жизни» (стр. 189). Партия вскрыла вредность «теории» бесконфликтности и указала путь правильного решения важнейших проблем социалистической эстетики.

Долгое время среди деятелей литературы и искусства дебатировалась проблема художественного образа, проблема типического в искусстве. Глубочайшее решение этой проблемы дал тов. Г. М. Маленков в отчетном докладе XIX съезду партии. «Типично не только то, что наиболее часто встречается, — сказал тов. Маленков, — но то, что с наибольшей полнотой и заостренностью выражает сущность данной социальной силы... Проблема типичности есть всегда проблема политическая»¹.

Проблемы советской эстетики должны быть постоянно в поле зрения советских философов. Философы обязаны оказывать необходимую помощь деятелям искусства и литературы в разработке новых проблем, возникающих в ходе развития советского искусства.

¹ Г. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), стр. 73.

Дальнейшее развитие научной философской работы настоятельно требует преодоления начетничества и буквоедства. Постановка новых философских вопросов и их разрешение возможны лишь на основе творческого отношения к науке. И. В. Сталин учит нас тому, что только на основе творческого подхода к явлениям действительности возможно находить новое в самой жизни, обобщать это новое и тем самым развивать дальше науку.

В научно-исследовательской философской работе требуется решительно изжить элементы вульгаризаторства. К преодолению вульгаризаторства один путь — глубокое творческое усвоение марксистской науки и выработка навыков конкретно-исторического подхода к явлениям природы и общества.

Товарищ Сталин предупреждает нас от поверхностного отношения к действительности. Часто научные работники не вникают в сущность жизненных процессов, а ограничиваются рассмотрением лишь внешних сторон действительности. Например, некоторые люди, не замечая обострения и нарастания противоречий между капиталистическими странами, твердили, что противоречия между социализмом и капитализмом сильнее, чем противоречия между капиталистическими странами, и, исходя из этого, отрицали неизбежность войн между странами капитализма. Товарищ Сталин показал ошибочность такой точки зрения. Товарищ Сталин указывает, что теоретически противоречия между социализмом и капитализмом сильнее противоречий между капиталистическими странами. Однако конкретно-исторические условия развития капиталистических стран свидетельствуют о непрерывном нарастании противоречий между ними, о том, что эти противоречия практически сильнее, чем противоречия между лагерем социализма и лагерем капитализма, что и делает войны между капиталистическими странами неизбежными. Люди, утверждающие противное, ошибаются, пишет товарищ Сталин. «Они видят внешние явления, мелькающие на поверхности, но не видят тех глубинных сил, которые, хотя и действуют пока незаметно, но все же будут определять ход событий»¹.

Из этого указания товарища Сталина вытекает требование изучать жизненные процессы во всей их многогранности и глубине, а не ограничиваться скольжением по поверхности.

Для преодоления серьезных недостатков и ошибок в теоретической работе, как и во всякой другой области деятельности, есть одно великое, незаменимое средство — развертывание критики и самокритики. Критика и самокритика среди философов, в частности в философских учреждениях, еще не приобрели того значения и той роли, которую им отводит коммунистическая партия. Многие философские работники в большом долгу перед народом, перед партией. Они отстают от задач, которые выдвигает партия в области развития нашей философской теории, в деле борьбы с растленной реакционной буржуазной идеологией. Есть немало крупных по своему количественному составу философских кафедр в университетах, институтах, которые не принимают или почти не принимают еще никакого участия в философской теоретической работе. Кафедра диалектического и исторического материализма философского факультета Московского университета имени М. В. Ломоносова, насчитывающая около 40 человек, в течение десятка последних лет не опубликовала ни одной философской книги. Члены этой кафедры вообще почти не выступают в печати. Недостаточное участие в научной работе принимают философские кафедры Академии общественных наук и Высшей партийной школы при ЦК КПСС, коллективы которых ведут научную работу внутри кафедр, но еще слабо участвуют в общесоюзных философских мероприятиях. Почти совершенно не участвуют в обще-

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 33.

союзной философской работе институты философии союзных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана и др.

В большом долгу перед страной Институт философии Академии наук СССР. Институт не решил еще многих серьезных задач, поставленных перед ним философской дискуссией 1947 года. Известно, что двухтомник по истории философии создается уже в течение пяти лет, но работа эта еще не завершена. Недопустимо медленно идет работа над двухтомником по истории философии народов СССР. Два года назад коллективом философских работников была подготовлена книга по историческому материализму. В советской печати указывалось на ее существенные недостатки. Перед авторским коллективом была поставлена задача доработать книгу в соответствии с требованиями, предъявляемыми к учебнику по историческому материализму. Однако авторский коллектив до сих пор не сумел выполнить это требование общественности. Необходимо, опираясь на новый труд товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», повысить теоретический уровень книги «Исторический материализм», устранить ошибки и ускорить ее выпуск. До сегодняшнего дня нет добротного учебника по диалектическому материализму.

Институт философии Академии наук СССР не проявляет еще оперативности в работе, слабо еще привлекает к разработке новых вопросов не только периферийных работников, но и философские кадры, работающие в Москве. Да и многие сотрудники Института работают на холостом ходу, годами трудятся и ничего не создают. Накануне XIX съезда партии вышло в свет несколько монографий по вопросам философии, которые являются результатом серьезной работы отдельных философов. Но это совершенно недостаточно. Советский читатель ждет монографий по многим актуальным философским проблемам.

Институт философии АН СССР и журнал «Вопросы философии» не сумели еще привлечь широкие философские кадры к совместной творческой теоретической работе. В стране у нас выросло много философских работников, могущих и желающих активно участвовать в общей теоретической работе, но часто они не обладают достаточной творческой смелостью и не получают необходимой помощи и руководства. Институт философии должен привлечь кадры преподавателей философии и вместе с ними добиться решительного подъема идейно-теоретического уровня философской работы.

Серьезные изъяны имеются у нас в подготовке философских научных кадров. После философской дискуссии 1947 года было обращено внимание на подготовку научных работников по историческому материализму, по истории русской философии. В этом направлении достигнуты некоторые положительные результаты. Вместе с тем совершенно неудовлетворительно обстоит дело с подготовкой кадров по другим разделам философского знания, в частности, совсем плохо готовятся кадры для работы в таких областях, как диалектический материализм, эстетика, критика современной буржуазной философии и социологии. Необходимо безотлагательно принять меры и добиться обеспечения научными кадрами всех важнейших участков философской работы. Министерство высшего образования, Академия наук СССР должны серьезно заняться регулированием подготовки научных теоретических философских кадров для отдельных областей философского знания.

За последние пять лет произошел значительный рост кандидатов философских наук. Докторских диссертаций по философии защищено лишь 27, но большинство из них не опубликовано. Многие доктора философских наук не только не выступают в печати с книгами, монографиями, но и статей не публикуют. Некоторые, видимо, считают, что важно прежде всего получить ученую степень, а затем можно и почить на лаврах.

У нас в стране большое количество кандидатов философских наук, имеющих кандидатский стаж от 10 до 15 лет. Почему эти товарищи не пишут докторских диссертаций? Потому отчасти, что научные кафедры, институты и академии не требуют этого от них, не помогают товарищам, не контролируют их научно-исследовательскую работу. Улучшение дела подготовки философских кадров — наша неотложная задача.

* * *

XIX съезд партии поставил задачу дальнейшего развертывания идеологической работы, усиления борьбы за очищение сознания советских людей от различных пережитков капитализма, за дальнейшее развитие в массах коммунистического сознания, за воспитание их в духе советского патриотизма и интернационализма, в духе кровной заботы об интересах государства, уверенности в победе нашего дела, готовности преодолевать любые трудности. Тов. Г. М. Маленков подчеркнул, что необходимо «покончить с недооценкой идеологической работы, вести решительную борьбу с либерализмом и беспечностью в отношении идеологических ошибок и извращений, систематически повышать и совершенствовать идейно-политическую подготовку наших кадров; направлять все средства идеологического воздействия, нашу пропаганду, агитацию, печать на дело коммунистического воспитания советских людей; поднять на более высокий уровень советскую науку, развертывая критику и борьбу мнений в научной работе, памятуя, что только таким путем может выполнить советская наука свою миссию — занять первое место в мировой науке»¹.

Эти задачи идеологической работы, сформулированные тов. Г. М. Маленковым в отчетном докладе на XIX съезде партии, определяют направление деятельности всех философских кадров и философских учреждений страны. Они обязывают нас так перестроить философскую работу, чтобы ее результаты наилучшим образом отвечали задачам коммунистического воспитания трудящихся и дальнейшего расцвета всех отраслей науки.

XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза и новые труды нашего великого учителя товарища Сталина создали для подъема научной, преподавательской и пропагандистской деятельности философов самые благоприятные условия. Поднять идейно-теоретический уровень всей нашей философской работы, сделать ее более плодотворной и воинственной, быстро отвечающей на требования партии и запросы трудящихся — такова задача советских философов.

Вооруженные глубоким знанием марксистско-ленинской науки, советские философы являются верными помощниками коммунистической партии в осуществлении всемирно-исторических задач, выдвинутых решениями XIX съезда партии. Пламенная пропаганда великих идей марксизма-ленинизма — самая благородная задача советских философов. «Учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина дает нашей партии непобедимую силу, умение прокладывать новые пути в истории, ясно видеть цель нашего поступательного движения, быстрее и прочнее завоевывать и закреплять победы»².

¹ Г. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), стр. 98.

² Там же, стр. 107.

О новом выдающемся вкладе И. В. Сталина в марксистско- ленинскую философию

М. Д. КАММАРИ

Труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» является новым великим вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма, марксистской политической экономики, в науку о строительстве социализма и коммунизма, означает новый, высший этап в развитии марксизма.

В этом новом труде И. В. Сталина дан гениальный анализ законов экономического развития социалистического общества, законов общественного производства и распределения материальных благ при социализме, определены научные основы развития социалистической экономики, закономерностей перехода от социализма к коммунизму.

Труд товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», послуживший теоретической основой решений XIX съезда партии, положенный в основу работы программной комиссии, созданной на съезде, вооружает партию и советский народ боевой программой строительства коммунизма. Ярким светом марксистско-ленинской теории он освещает пути строительства социализма в странах народной демократии.

Труд товарища Сталина — замечательный образец творческого марксизма, партийности марксистско-ленинской науки, органического единства теории и практики, яркое выражение великой преобразующей, жизнеутверждающей силы марксизма-ленинизма.

В своем новом труде товарищ Сталин обогатил диалектический и

исторический материализм новыми положениями и выводами, поднимающими диалектический и исторический материализм на новую, высшую ступень.

Философские положения труда товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» являются дальнейшим развитием и конкретизацией положений, обоснованных в таких его классических философских произведениях, как «О диалектическом и историческом материализме», «Марксизм и вопросы языкознания».

Теоретическое богатство нового труда И. В. Сталина поистине неисчерпаемо, его содержание и значение могут быть раскрыты лишь путем глубокого изучения всех освещаемых в нем проблем и творческого применения его положений на практике. Мы остановимся здесь лишь на некоторых вопросах марксистской философии, разработанных в этом труде товарищем Сталиным.

* * *

Труд И. В. Сталина — образец гениального творческого применения и развития марксистского диалектического метода, материалистической диалектики. Еще в своем классическом философском труде «О диалектическом и историческом материализме» товарищ Сталин дал глубокий анализ основных черт диалектического метода, основных законов материалистической диалектики, показал взаимосвязь и взаимозависимость всех явлений и процессов природы и общества, их развитие от

низших ступеней к высшим, раскрыл глубокое содержание и значение ленинских положений о законе борьбы противоположностей как ядре материалистической диалектики, разъяснив, что содержанием процесса развития, превращения количественных изменений в качественные, перехода от низшей ступени развития к высшей является борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, между отживающим и развивающимся.

В противоположность метафизике, подчеркивает И. В. Сталин, диалектика рассматривает природу и общество не как случайное скопление предметов и явлений, оторванных и не зависящих друг от друга, а как единое целое, где все явления органически связаны друг с другом, зависят друг от друга и обуславливают друг друга.

В противоположность метафизике диалектика рассматривает природу и общество не как состояние покоя и неподвижности, а как непрерывное движение и изменение, обновление и развитие, где всегда что-то возникает и развивается и что-то разрушается и отживает свой век.

В противоположность метафизике и вульгарной теории эволюции диалектика рассматривает процесс развития не как простой процесс роста, количественного изменения, а как такое развитие, которое от количественных изменений переходит к качественным, наступающим не постепенно, а быстро, внезапно, в виде скачкообразного перехода от одного качественного состояния к другому, и не случайно, а закономерно, в результате накопления незаметных и постепенных количественных изменений. В своих трудах «Краткий курс истории ВКП(б)» и «Марксизм и вопросы языкознания» товарищ Сталин открыл также такие качественные изменения, скачки, революции, которые происходят не путем разового уничтожения старого и разового возникновения нового, не одним ударом, а постепенно, без взрыва. Без взрыва старого, а путем постепенного отмирания элементов старого качества и возникновения, рождения эле-

ментов нового качества развивается язык. Без взрыва, постепенно развиваются и некоторые другие общественные явления как базисного, так и надстроечного порядка, особенно в условиях социалистического общества, где нет антагонистических классов.

В противоположность метафизике, реформистской идеологии марксистская диалектика исходит из того, что «предметам природы, явлениям природы свойственны внутренние противоречия, ибо все они имеют свою отрицательную и положительную сторону, свое прошлое и будущее, свое отживающее и развивающееся, что борьба этих противоположностей, борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, между отживающим и развивающимся, составляет внутреннее содержание процесса развития, внутреннее содержание превращения количественных изменений в качественные.

Поэтому диалектический метод считает, что процесс развития от низшего к высшему протекает не в порядке гармонического развертывания явлений, а в порядке раскрытия противоречий, свойственных предметам, явлениям, в порядке «борьбы» противоположных тенденций, действующих на основе этих противоречий»¹.

В своем труде «Экономические проблемы социализма в СССР» И. В. Сталин мастерски применил диалектический метод к анализу закономерностей экономического развития социалистического общества. Все экономические явления социалистического общества И. В. Сталин рассмотрел в их внутренней взаимной связи, в их изменении, поступательном движении от низших ступеней к высшим, показывая, как количественные изменения, например, в росте производительных сил закономерно приводят к коренным качественным изменениям, выдвигающим необходимость изменения, преобразования существующих производственных отношений; как колхозная форма

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 578. 1952.

собственности путем ряда постепенных переходов необходимо должна быть поднята до уровня общенародной, а товарное производство и обмен — тоже путем постепенных переходов — заменены системой продуктообмена.

На примере анализа товарного производства и товарного обмена в СССР товарищ Сталин показал, что всякое явление должно быть рассмотрено конкретно-исторически, в связи со всеми другими и особенно определяющими общественно-экономическими явлениями, в связи с господствующим в обществе способом производства. Товарищ Сталин показал, что нельзя рассматривать товарное производство как нечто независимое от окружающих экономических условий, которые его породили, с которыми оно связано в своем развитии. Все зависит от условий, места и времени. Товарное производство родилось много тысячелетий тому назад на основе развития производительных сил, в результате разделения труда, возникновения частной собственности, вызвавшей, в свою очередь, разложение первобытно-общинного строя. Товарное производство развивалось далее на основе рабовладельческого и феодального способов производства, обслуживало эти способы производства. В рабовладельческом обществе товарами становились не только продукты труда ремесленников, земледельцев, рабов, но и сами рабы. В феодальном обществе товарами становились продукты труда ремесленников и крепостных крестьян и сами крестьяне. Но ни в рабовладельческом, ни в феодальном обществе товарное производство само по себе не могло породить капитализм. Капиталистическое производство вырастает из простого товарного производства, но оно начинается там, где средства производства сосредоточены в частных руках, а рабочие, лишены средств производства, вынуждены продавать свою рабочую силу как товар. Без этого нет капиталистического производства.

Товарищ Сталин показал, далее, что существование товарного производства и обмена при социализме

обусловлено главным образом наличием двух форм социалистической собственности — общенародной и колхозной, групповой, — и соответственно этому наличием двух секторов социалистического хозяйства — государственного и кооперативно-колхозного.

В связи с этим природа товарного производства и обмена и сфера действия закона стоимости у нас коренным образом изменились. При социализме средства производства составляют не частную, а общественную собственность, рабочая сила перестала быть товаром, ибо рабочий класс держит в своих руках власть и владеет средствами производства. Таким образом, товарное производство при социализме — это не обычное товарное производство, а товарное производство особого рода, в корне отличное от прежнего производства и обмена, ибо это — товарное производство и обмен без капиталистов; оно имеет в основном дело с продуктами-товарами объединенных социалистических производителей; сфера действия этого производства и обмена ограничена предметами личного потребления.

Товарищ Сталин гениально показал, что товарное производство и присущий ему объективный закон развития, закон стоимости, имеют свое начало и свой конец.

В свое время меньшевистствующие идеалисты, следуя Гегелю, рисовали абстрактную схему: сперва существует абстрактное тождество без всяких различий; затем в тождестве появляются различия, но без противоречий; затем различия превращаются в противоположность, противоположность — в противоречие, противоречие «снимается», возникает новое тождество и так далее — до бесконечности. В этих абстрактных, метафизических и идеалистических схемах не учитывались конкретные условия развития.

Товарищ Сталин противопоставил этим мертвым схемам конкретный анализ реальных противоречий общественного развития. Глубоко вскрывая источники, корни противоречий в самих явлениях и процессах общественного развития, в усло-

виях материальной жизни общества, товарищ Сталин характеризует специфические особенности этих противоречий, формы их проявления, порождаемые ими следствия, результаты. указывает пути преодоления и разрешения противоречий и силы, способные разрешить эти противоречия. Так дает товарищ Сталин анализ основных противоречий империализма, противоречий между капитализмом и социализмом, внутренних и внешних противоречий в процессе строительства социализма в одной стране (СССР), в обстановке капиталистического окружения, анализ противоречий капитализма в национальном вопросе, анализ борьбы между старым и новым как основы нашего развития. Так товарищ Сталин рассматривает критику и самокритику как движущую силу и закономерность развития советского общества, как особую форму выявления и преодоления недостатков и противоречий нашего развития, борьбу мнений и свободу критики — как закон развития науки.

В своем новом труде товарищ Сталин развивает дальше положения материалистической диалектики о противоречиях как источнике и движущей силе развития, творчески применяя их к анализу закономерностей перехода от социализма к коммунизму.

Рассматривая постепенный переход советского общества от социализма к коммунизму, товарищ Сталин показал, что полное соответствие производительных сил и производственных отношений при социализме нельзя понимать метафизически, как нечто исключаящее противоречия между ними. Производительные силы, как наиболее подвижной, революционный и определяющий элемент производства, и при социализме опережают в своем развитии производственные отношения, следовательно, не случайно, а закономерно вступают с ними в противоречие. Общество поэтому в силу необходимости должно изменять, совершенствовать свои производственные отношения, например, повышать колхозную собственность до уровня общенародной собственности, заменять

систему товарного обмена продукто-обменом.

Товарищ Сталин показал вместе с тем коренное отличие этого противоречия при социализме, где нет антагонистических классов, от противоречия в обществе, построенном на антагонизме классов, где противоречие между производительными силами и производственными отношениями превращается неизбежно в конфликт, находит свое выражение в классовых противоречиях, в ожесточенной борьбе классов и неизбежно ведет к социальной революции, к насильственному свержению отживших производственных отношений вместе с защищающими их реакционными силами и классами. В социалистическом обществе нет таких классов, и поэтому при условии правильной политики руководящих органов противоречие между производительными силами и производственными отношениями не может здесь превратиться в конфликт.

Социалистическое общество, своевременно учитывая возникающие противоречия, преодолевает их, приводя производственные отношения в соответствие с ростом производительных сил, совершая таким путем свое поступательное движение вперед, к коммунизму.

Так диалектически товарищ Сталин рассматривает и все другие процессы развития общества: процесс преодоления противоположности между городом и деревней, физическим и умственным трудом, а также процесс уничтожения существенных различий между ними, точно характеризуя эти противоположности и различия и указывая пути и средства их уничтожения.

Вскрыв внутреннее содержание процессов развития социалистической экономики, специфические внутренние противоречия, присущие социалистической экономике, борьбу между положительными и отрицательными сторонами явлений, между отживающим и нарождающимся, товарищ Сталин открыл новую диалектическую закономерность развития, указав, что «в наших социалистических условиях экономическое развитие происходит не в порядке

переворотов, а в порядке постепенных изменений, когда старое не просто отменяется начисто, а меняет свою природу применительно к новому, сохраняя лишь свою форму, а новое не просто уничтожает старое, а проникает в старое, меняет его природу, его функции, не ломая его форму, а используя ее для развития нового»¹.

Это — дальнейшее развитие товарищем Сталиным обоснованного им в труде «Марксизм и вопросы языкознания» положения о том, что не только развитие языка, но и развитие ряда других явлений как базисного, так и надстроечного порядка происходит без взрывов, внезапных революций и переворотов, а постепенно. Эта постановка и решение вопроса о характере качественных изменений в новом труде И. В. Сталина конкретизируются применительно к вопросу о взаимосвязи формы и содержания в процессе развития при социализме.

Положения товарища Сталина, раскрывающие своеобразие закономерностей развития при социализме, требуют к себе особого внимания философов и экономистов, требуют специального изучения и разработки на конкретном материале всей нашей советской действительности, ибо они углубляют познание законов нашего развития. Труд И. В. Сталина обязывает наших философов разрабатывать вопросы марксистско-ленинской философии в неразрывной связи с задачами практики строительства коммунизма и международного революционного рабочего движения, дает новый классический образец такой именно разработки. Товарищ Сталин учит видеть различие между содержанием и формой экономических процессов при социализме, вскрывать глубинные процессы, сущность явлений, законы природы и общественной жизни, а не скользить на поверхности явлений. И. В. Сталин указал на необходимость пересмотра старых понятий политической экономии, отражающих экономику капитализма, замены их новыми понятиями, пра-

вильно отражающими сущность явлений экономики социализма, специфику ее противоречий, качественных изменений и форм развития.

Исключительно глубока и важна сталинская постановка вопроса о соотношении противоречий между лагерем социализма и лагерем капитализма, с одной стороны, и противоречий между капиталистическими странами — с другой. Теоретически ясно, что первые противоречия глубже и сильнее вторых: они определяют в конечном счете все содержание, весь ход мировой истории вплоть до победы коммунизма во всем мире. Но практически, при известных условиях, противоречия между империалистами оказываются сильнее первых, неизбежно порождая конфликты и войны между империалистическими государствами. Так было, например, в период второй мировой войны, несмотря на то, что империалисты пытались все время разрешать противоречия между собой за счет СССР.

Выясняя причины такого, как будто парадоксального, положения, товарищ Сталин указывает, что, во-первых, война с СССР, как со страной социализма, опаснее для капитализма, чем война между капиталистическими странами, ибо первая обязательно поставит вопрос о существовании самого капитализма, а война между капиталистическими странами ставит только вопрос о преобладании одних капиталистических стран над другими. Во-вторых, капиталисты, хотя и шумят в целях «пропаганды» об агрессивности Советского Союза, сами не верят в его агрессивность, учитывают мирную политику СССР, зная, что СССР сам не нападет на капиталистические страны. Поэтому в период второй мировой войны борьба капиталистических стран за рынки и желание уничтожить своих конкурентов оказались практически сильнее, чем противоречия между лагерем капитализма и лагерем социализма. Обобщая опыт истории, товарищ Сталин обогатил диалектику новым положением, согласно которому не всегда наиболее глубокие и сильные противоречия приводят к взрыву, кон-

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 53.

фликту; при известных условиях менее сильные и менее глубокие противоречия могут привести к такому взрыву и конфликту гораздо раньше. Учет этих противоречий, их развития и обострения особенно важен для определения линии внешней политики Советского государства в отношении к отдельным группировкам капиталистических государств на каждом этапе исторического развития. На это товарищ Сталин указывал еще свыше 30 лет назад.

Анализируя в своем новом труде нынешние противоречия между США и другими империалистическими странами — Англией, Францией и Италией, — между США и побежденными Германией (Западной) и Японией, влащими ныне жалкое существование под сапогом американского империализма, товарищ Сталин подчеркнул, что неизбежность войн между капиталистическими странами остается в силе.

Гениальный сталинский анализ противоречий между капиталистическими странами показал ошибочность взглядов тех, кто полагает, что в силу развития новых международных условий после второй мировой войны перестали быть неизбежными войны между капиталистическими странами. Товарищ Сталин показал, что эти товарищи видят внешние явления, мелькающие на поверхности, но не видят тех г л у б и н н ы х с и л, которые хотя и действуют пока незаметно, но все же будут определять ход событий.

Конкретный сталинский анализ противоречий современного мирового развития раскрывает исключительную гибкость и творческую силу материалистической диалектики, вооружает ясной революционной перспективой коммунистические и рабочие партии всех стран.

Труд товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» — мощное теоретическое оружие для разоблачения всей реакционной буржуазной идеологии и политики.

* * *

Одной из коренных проблем марксистско-ленинской философии, гениально разработанных в труде

товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», является вопрос об объективном характере законов природы и общества, законов науки, законов политической экономии, законов экономического развития социалистического общества. Вопрос этот не новый в марксистской науке, но в такой конкретной и развернутой форме и в органической связи с практическими задачами строительства социализма и коммунизма он никогда еще не ставился раньше. Разработка этого вопроса И. В. Сталиным нанесла сокрушительный удар по идеализму и философским основам всей буржуазной идеологии.

Известно, что реакционная буржуазная философия и социология давно уже ведут борьбу с марксизмом-ленинизмом по вопросу об объективном характере законов природы и общества. При этом одни представители субъективного идеализма прямо отрицают объективный характер законов природы и общества, отрицают наличие объективной закономерности, необходимости, причинности, объективной связи в явлениях природы и общества, проповедуют оголтелый индетерминизм не только в явлениях общественной жизни, но и в явлениях природы, проповедуют «свободу воли» электрона и тому подобную чертовщину. Они открыто заявляют, что само понятие закона природы, необходимости, причинности, утвердившееся в науке, — не что иное, как «чисто рабочая гипотеза», «условный знак», «символ», «фикция», не отражающие никакой объективной реальности и принятые только, так сказать, для «удобства» ученых или «экономии мышления».

Другие, более трусливые идеалисты, разные позитивисты, «критические реалисты», неокантианцы, агностики твердят, что мы имеем дело только с «феноменами», то есть с вещами, как они нам «кажутся», иначе говоря, с «явлениями» как «комплексами ощущений», а не с вещами самими по себе. О вещах самих по себе, о их сущности, а стало быть, и об их объективной, внутренней, причинной, закономерной связи, о законах их развития мы ничего не

можем знать, они-де непознаваемы. Законы природы, о которых говорит естествознание,— это, мол, не законы самой природы, а «законы разума», «разум диктует законы природе», как утверждал Кант и твердят ныне неокантианцы. Что же касается общества, говорят неокантианцы, то здесь вообще неприменимо понятие закона, ибо здесь нет никакой объективной необходимости, ничего общего, повторяющегося, здесь все индивидуально, неповторимо. Короче говоря, история общества и вся общественная жизнь — это «царство свободы воли», «целеполагания», то есть царство хаоса и субъективного произвола, где ничего нельзя познать научно и ничего нельзя предвидеть.

Вся эта пропаганда субъективного идеализма в течение многих и многих десятилетий направлялась против марксизма, который утверждает, что не только развитие природы, но и развитие общества от низших ступеней к высшим происходит по объективным законам, не зависящим от сознания и воли людей, что эти объективные законы неумолимо ведут капитализм к гибели, что победа социализма так же неизбежна, закономерна, как и то, что после ночи наступает день, после зимы наступают весна и лето.

Ныне пропаганда субъективного идеализма, особенно в науках об обществе, в вопросах политики, имеет прямой своей целью обосновать авантюристическую политику поджигателей новой мировой войны, политику фашистских палачей и головорезов, которые рассуждают просто: нет никаких объективных законов, мы все можем, нам все позволено, мы можем «закрыть» СССР и страны народной демократии, повернуть историю назад.

«Эмпириокритики», последователи епископа Беркли, Юма, Канта, Фихте и других идеалистов и агностиков, твердили и твердят, что законы природы зависят больше от нашего ума, чем от природы, что это только наш субъективный способ — «познавательно связывать явления в непрерывный ряд», «формы упорядочения» познанием первичного «хаоти-

ческого мира элементов», форма «координации нашего опыта», как твердили и твердят махисты и прочие идеалисты.

Все эти, с позволения сказать, теории Ленин разгромил еще свыше 40 лет назад в своем гениальном труде «Материализм и эмпириокритицизм»¹.

Ленин с исключительной силой подчеркнул противоположность двух философских линий — материалистической и идеалистической — в вопросе о закономерности, причинной связи явлений, противоположность, которую пытались затушевать махисты рассуждениями об относительности знаний человека о причинах явлений.

«Действительно важный теоретико-познавательный вопрос, разделяющий философские направления, состоит не в том,— подчеркивал В. И. Ленин,— какой степени точности достигли наши описания причинных связей и могут ли эти описания быть выражены в точной математической формуле,— а в том, является ли источником нашего познания этих связей объективная закономерность природы, или свойства нашего ума, присущая ему способность познавать известные априорные истины и т. п.»².

Вот где водораздел между материализмом и идеализмом в вопросе о причинности, о закономерности явлений природы и общества. Ленин доказал, что последовательная материалистическая линия заключается в признании объективной закономерности, объективной причинности, необходимости в природе и общественной жизни, что эта закономерность отражается в научных понятиях закона, причинности, необходимости и т. д. Ленин показал, что Маркс и Энгельс последовательно отстаивали, развивали и обосновывали в своих трудах ту мысль, что природа и общество развиваются по своим объективным законам, не зависящим от воли людей.

Разоблачая идеализм, который так

¹ См. особо главы III (§§ 3—6) и VI (§ 2 и др.).

² В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 146—147.

или иначе отрицает объективную закономерность в природе или мифицирует ее, Ленин писал: «Признание объективной закономерности природы и приблизительно верного отражения этой закономерности в голове человека есть материализм»¹.

Признание объективной закономерности процессов развития природы и общества вытекает из основного положения материализма о том, что природа, материя, есть объективная реальность, существующая вне и независимо от сознания и воли человека.

В 1913 году против марксистского учения об объективных экономических законах развития капитализма выступил небезызвестный враг материализма П. Струве в своей книге «Хозяйство и цена», разнося самое понятие объективного, «естественного закона», называя его фантомом, пережитком мистики и средневековой схоластики. Ленин в статье «Еще одно уничтожение социализма» разоблачил Струве, указав: «Изгнание законов из науки есть на деле лишь *протаскивание законов религии*. Напрасно воображает г. Струве, будто его «маленькие хитрости» могут обмануть кого-либо насчет этого простого и несомненного факта»².

Разоблачая классовые корни похода буржуазной реакции против законов науки, Ленин указывал, что это объясняется стремлением буржуазной реакции спрятаться от законов исторического развития, которые несут гибель капитализму, доказывают неизбежность победы социализма, уничтожения эксплуатации и классового неравенства.

Диалектический материализм научно обосновал, что законы природы — это объективная, внутренне присущая явлениям, необходимая причинная связь и взаимозависимость. Связь и взаимная обусловленность явлений общественной жизни также не случайны, а представляют объективную закономерность развития общества. Если бы не было этой закономерности, не было бы науки, нельзя было бы ничего предвидеть в общественной жизни, при-

ходило бы отдаться на волю слепого случая, действовать «на авось».

Законы науки отражают внутреннее, необходимые, а не внешние, случайные связи явлений, не поверхность явлений, а их глубокую сущность, не постоянно меняющееся, а устойчивое, повторяющееся в явлениях, их причинную связь, взаимосвязь и взаимодействие. Таковы, например, законы стоимости и прибавочной стоимости в политической экономии капитализма, закон об определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию, закон обязательного соответствия производственных отношений характеру и росту производительных сил, закон об определяющей роли базиса по отношению к надстройке и другие законы в науке об обществе.

Величайшим завоеванием исторического материализма, созданного Марксом и Энгельсом и поднятого на высшую ступень Лениным и Сталиным, является обоснование того положения, что развитие общества есть такой же закономерный во всей своей противоречивости процесс, как и развитие природы.

Ленин еще в 1894 году в борьбе с субъективной социологией народничества показал, что Марксу удалось вскрыть объективные законы истории общества, представить его развитие как естественно-исторический, то есть закономерный, процесс благодаря применению диалектического метода и теории материализма к изучению и объяснению общественных явлений, благодаря тому, что он из всей совокупности общественных отношений выделил производственные, экономические отношения как первоначальные, материальные отношения, составляющие реальный базис общества и определяющие все остальные — идеологические общественные отношения, носящие надстроечный характер. Анализ материальных, производственных, экономических отношений, возникающих независимо от сознания и воли людей, дал возможность вскрыть повторяемость, историческую и экономическую необходимость, закономерность, господствующую в явлениях

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 142.

² В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 182.

общественной жизни, обобщить порядки разных стран в одно основное понятие общественно-экономической формации. Благодаря этому, а также благодаря открытию законов классовой борьбы, законов социальных революций, причин революционной смены общественных формаций, законов возникновения, развития и гибели капитализма изучение истории общества было поставлено марксизмом на научную почву, социология была превращена в науку.

Отрицание объективной закономерности в развитии общества имеет своей теоретической основой отождествление общественного бытия с общественным сознанием. Идеалисты рассуждают примерно так: в обществе действуют люди, сознательные существа, ставящие и преследующие определенные цели, следовательно, вся общественная жизнь есть по своей сущности духовная жизнь. Поэтому общественное бытие и общественное сознание, по существу, тождественны. Так рассуждал Богданов, извращая марксизм в духе махизма, субъективного идеализма, так рассуждал ренегат Каутский и т. п. Ленин еще свыше 40 лет назад разбил эти «теории».

Развивая учение исторического материализма, Ленин и Сталин учат, что в процессе материального производства складывается объективно-необходимая цепь развития, не зависящая от сознания людей и не охватываемая им полностью никогда.

Товарное производство, например, развивалось в течение тысячелетий, а научный закон его развития впервые дан лишь марксизмом.

Товарищ Сталин указывает, что даже такая передовая правящая партия, как наша Коммунистическая партия, обладающая многочисленными теоретически подготовленными кадрами, не может сразу схватывать новых процессов, происходящих в глубинах жизни, и сразу же отражать их в своей практической политике. Почему? Потому что «сначала бывают факты, потом их отражение в сознании наиболее передовых элементов партии, и только после этого наступает момент осознания новых процессов в головах массы членов

партии... Иначе говоря: сознание несколько отстает от фактов»¹.

В чем же в этой связи состоит задача науки, задача передовых сил общества? Эта задача состоит прежде всего в том, чтобы познать объективные законы развития общества и на этой основе, на основе научного предвидения, дать ясную перспективу его развития в ближайшем будущем. На основе познания объективных законов развития общества, учитывая эти законы, используя их, опираясь на них в своей деятельности, передовые силы общества могут активно воздействовать на общественное бытие, ускоряя его изменение, преобразование в интересах трудящихся, в интересах большинства общества, а затем, после ликвидации эксплуататорских классов, и в интересах всего общества.

Маркс, Энгельс и Ленин раскрывали главным образом законы стихийно развивающихся антагонистических формаций общества. Характеризуя законы общественного развития, они преимущественно имеют в виду стихийно развивающееся товарно-капиталистическое производство с господством товарно-денежных отношений, порождающих так называемый товарно-денежный фетишизм, затемняющий сознание участников этих отношений производства. И это понятно, ибо планомерно развивавшегося социалистического общества тогда еще не было, и основоположники научного коммунизма могли говорить об этом обществе и законах его развития лишь в самых общих чертах, лишь в порядке научного предвидения, а не на основе анализа конкретных отношений реального социалистического общества.

Но как обстоит дело с объективным характером законов в таком обществе, где господствует общественная собственность на средства производства, где уничтожены конкуренция и анархия производства, где народное хозяйство развивается планомерно, направляемое политикой партии и государства? В социалистическом обществе люди творят свою историю сознательно, руководствуясь

¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 12, стр. 232.

наукой, открывающей законы развития общества. Можно ли сказать, что и в социалистическом обществе производственные отношения развиваются по объективным законам, не зависящим от воли людей?

Гениальный ответ на эти вопросы, поставленные перед марксистско-ленинской наукой практикой строительства социализма и коммунизма, дал товарищ Сталин.

Некоторые наши философы и экономисты склонялись к тому глубоко ошибочному, идеалистическому взгляду, что в условиях социализма уже нельзя якобы говорить, что производственные отношения складываются и развиваются по законам, не зависящим от сознания и воли людей. Они приходили к прямому отрицанию объективного характера законов науки, особенно законов политической экономии социализма. Они ссылались при этом на особую роль Советского государства, которая якобы дает ему возможность «преобразовать» и «уничтожить» существующие экономические законы и «сформировать», «создать» новые. У них получилось своего рода «головокружение» от колоссальных успехов советской власти, советского строя, и они начали воображать, что советская власть «все может», что ей «все нипочем», что она может и не считаться с объективными законами природы и общества, что они зависят от ее воли.

Значительная часть наших философов и экономистов допустила путаницу, заключающуюся в субъективистском, волюнтаристском истолковании экономических законов социализма. Некоторые экономисты и философы, в том числе и автор этих строк, держались ошибочной формулы о том, что план есть закон экономического развития, имеет силу экономического закона.

Товарищ Сталин показал глубокую ошибочность и опасность таких взглядов для науки и практики. Вскрывая их несостоятельность, товарищ Сталин прежде всего установил, что нельзя смешивать законы науки, которые отражают объективные процессы в природе или обществе, происходящие независимо от

воли людей, с теми законами, которые издаются правительствами, создаются по воле людей и имеют лишь юридическую силу. Законы, издаваемые правительством, могут быть отменены им самим или новым правительством, если они устаревают, становятся негодными. Законов же науки никакое правительство не в состоянии «отменить» или «уничтожить». «Марксизм понимает законы науки,— указывает И. В. Сталин,—все равно идет ли речь о законах естествознания или о законах политической экономии,—как отражение объективных процессов, происходящих независимо от воли людей. Люди могут открыть эти законы, познать их, изучить их, учитывать их в своих действиях, использовать их в интересах общества, но они не могут изменить или отменить их. Тем более они не могут сформировать или создавать новые законы науки»¹.

Что касается особой роли советской власти, то она «объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, тем, что Советская власть должна была не заменить одну форму эксплуатации другой формой, как это было в старых революциях, а ликвидировать всякую эксплуатацию; во-вторых, тем, что ввиду отсутствия в стране каких-либо готовых зачатков социалистического хозяйства, она должна была создать, так сказать, на «пустом месте» новые, социалистические формы хозяйства»². За всю историю человечества никогда не стояла ни перед одной властью столь трудная и сложная задача. Тем не менее советская власть выполнила ее с честью. «Но она выполнила ее не потому,— указывает товарищ Сталин,— что будто бы уничтожила существующие экономические законы и «сформировала» новые, а только лишь потому, что она опиралась на экономический закон *обязательного соответствия* производственных отношений характеру производительных сил. Производительные силы нашей страны, особенно в промышленности, имели об-

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 4.

² Там же, стр. 7.

ственный характер, форма же собственности была частная, капиталистическая. Опираясь на экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, Советская власть обобществила средства производства, сделала их собственностью всего народа и тем уничтожила систему эксплуатации, создала социалистические формы хозяйства. Не будь этого закона и не опираясь на него, Советская власть не смогла бы выполнить своей задачи»¹.

В этих положениях товарища Сталина дано дальнейшее глубокое обоснование материалистической, марксистско-ленинской постановки и решения вопроса о соотношении экономики и политики, базиса и надстройки в период социалистической революции.

Характеризуя особенности социалистической революции, отличающие ее коренным образом от революции буржуазной, Ленин и Сталин вместе с тем показывают, что эти особенности не отменяют общего закона об определяющей роли экономики по отношению к политике, базиса по отношению к надстройке.

Преобразуя старую экономику, уничтожая капиталистические производственные отношения и создавая социалистические, советская власть опиралась на объективные экономические законы. Организуя строительство социализма, она опиралась в своей деятельности на определенную экономическую базу, на крупную национализированную промышленность, транспорт, банки, монополию внешней торговли и прочие командные высоты в экономике; она опиралась на такую экономическую и общественную силу, как рабочий класс, на его союз с крестьянством. Без известного минимума промышленности и пролетариата, их концентрации победа пролетарской революции у нас была бы невозможна. Прочная экономическая база диктатуры пролетариата, указывали В. И. Ленин и И. В. Сталин,— это крупная промышленность. Ее рост

после национализации укреплял экономическую базу диктатуры пролетариата, давал возможность реорганизовать и мелкое крестьянское хозяйство, повернуть его на путь социализма, создать прочную базу Советскому государству и в сельском хозяйстве.

Некоторые экономисты и философы, подчеркивая сознательный, целенаправленный характер всей деятельности советского народа, утверждают, что не сознательная деятельность опирается на объективные законы и условия, а, наоборот, эта сознательная деятельность якобы «создает» законы. Подчеркивая, что все развитие советского общества носит сознательный, целенаправленный характер, они умалчивают или «забывают» сказать, что это развитие совершается по объективным законам, не зависящим от воли людей. Запутывая вопрос об объективном характере законов, они утверждают, что, поскольку законы развития общества «включают» в себя практику людей, они (законы) являются «единством объективного и субъективного». Таким образом, извращается самое понятие закона как отражения объективной, внутренне-необходимой связи, присущей самим явлениям и процессам, совершающимся вне сознания и воли людей, независимо от их воли. Получается, что люди своей сознательной деятельностью «создают» законы общества по своей воле, а не опираются на них в своей деятельности. Наиболее отчетливо эту точку зрения выразили тт. Санина и Венжер.

Раскрывая порочность этого взгляда, товарищ Сталин дал единственно правильное, материалистическое решение вопроса об объективном характере экономических законов: «Существуют ли закономерности экономического развития объективно, вне нас, независимо от воли и сознания людей? Марксизм отвечает на этот вопрос положительно»². Те же, кто заявляет, что люди своей сознательной деятельностью «создают» экономические законы, скатываются на точку зрения субъективного идеа-

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 7.

² Там же, стр. 84.

лизма, утверждающего, что законы экономического развития «создаются» и «преобразуются» руководящими органами общества.

К чему могло бы привести принятие и осуществление «теории», отрицающей существование объективных закономерностей в экономической жизни при социализме и провозглашающей возможность «создания» и «преобразования» законов? «Это привело бы к тому, — указывает товарищ Сталин, — что мы попали бы в царство хаоса и случайностей, мы очутились бы в рабской зависимости от этих случайностей, мы лишили бы себя возможности не то, что понять, а просто разобраться в этом хаосе случайностей.

Это привело бы к тому, что мы ликвидировали бы политическую экономию как науку, ибо наука не может жить и развиваться без признания объективных закономерностей, без изучения этих закономерностей. Ликвидировав же науку, мы лишили бы себя возможности предвидеть ход событий в экономической жизни страны, то есть мы лишили бы себя возможности наладить хотя бы самое элементарное экономическое руководство.

В конечном счете мы оказались бы во власти произвола «экономических» авантюристов, готовых «уничтожить» законы экономического развития и «создать» новые законы без понимания и учета объективных закономерностей»¹.

Этот уничтожающий сталинский удар по субъективному идеализму в политической экономии разоблачает всех и всяких ликвидаторов науки. Сталинская критика субъективного идеализма в политической экономии является гениальным продолжением той последовательно материалистической линии в науке об обществе, которую вели Маркс и Энгельс, которую вел Ленин в борьбе с субъективной социологией народников, с субъективно-идеалистической, махистской социологией Богданова.

Труд товарища Сталина вооружает наши кадры на непримиримую

борьбу со всеми и всякими проявлениями идеализма, враждебного научному, материалистическому марксистско-ленинскому мировоззрению, безраздельно господствующему в нашем социалистическом обществе.

* * *

Обосновывая объективный характер законов науки, законов политической экономии социализма, товарищ Сталин глубоко и всесторонне разрабатывает вместе с тем вопрос об использовании людьми законов науки, законов природы и общества, наносит новый сокрушительный удар по буржуазным «теориям» фатализма, по оппортунистическим «теориям» стихийности и «самотека» в социалистическом строительстве.

Необходимо иметь в виду, что наряду с пропагандистами оголтелого субъективного идеализма, отрицающего объективные законы природы и общества, издавна подвизаются представители идеалистических школок, которые не отрицают прямо действия объективных законов в природе и обществе, но стремятся всячески фетишизировать, абсолютизировать и мистифицировать эти законы. Эти законы объявляются законами развития «абсолютной идеи», «мирового духа», или «вышей божественной личности», то есть «законами бога» (как у Гегеля или современных американских персоналистов), или таинственными, непознаваемыми, роковыми и «непреодолимыми» «законами наследственности» (как у менделистов-морганистов), или, наконец, законами «расовой крови и души» (как у расистов). Все эти «теории» стремятся доказать, что человек бессилен перед законами, как перед слепым «роком», «судьбой», что он не в состоянии до конца познать их и овладеть ими, что люди должны покорно смириться перед властью этих законов, не пытаться преобразовывать природу, общество, ибо это — безумство или кощунство перед законами и перед богом.

Цель этих «теорий» ясна: сеять среди трудящихся неверие в собственные силы, в возможность уни-

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 85.

чтожения капиталистического строя и построения нового, социалистического общества, внушать им мысль о «непреодолимости» и вечности капитализма и его законов. Собственно, такова практически и цель теории стихийности — этой логической основы всякого оппортунизма. Капиталистическое общество развивается стихийно. Оппортунисты молятся на эту стихийность, предлагая рабочему движению покорно плестись за этой стихией, не ставить себе конечных целей, ибо цель-де — ничто, а движение — все. Безднадежно пытаться руководить рабочим движением и направлять его против основ капитализма. Партия-де бессильна перед стихией.

В. И. Ленин и И. В. Сталин беспощадно, до конца разгромили идеологию стихийности и «самотека», доказав возможность познания и использования законов природы и общества, доказав огромную творческую, организующую роль партии, сознательности и организованности рабочего класса, трудящихся масс в истории общества.

Положения об использовании законов природы и общества, законов экономического развития в практической деятельности партии товарищ Сталин развил еще в своем классическом труде «О диалектическом и историческом материализме». В своем новом труде товарищ Сталин обосновывает и развивает дальше эти положения, показывая, как используются объективные законы в интересах общества.

Из того факта, что законы науки носят объективный характер, что они отражают объективные процессы, происходящие независимо от воли людей, вовсе не следует, учит И. В. Сталин, что результаты действий сил и законов природы вообще неотвратимы, что разрушительные действия сил природы и общества везде и всегда происходят стихийно, неумолимо и не поддаются никакому воздействию со стороны людей.

«Если исключить астрономические, геологические и некоторые другие аналогичные процессы, — указывает И. В. Сталин, — где люди, если они даже познали законы их развития,

действительно бессильны воздействовать на них, то во многих других случаях люди далеко не бессильны в смысле возможности их воздействия на процессы природы. Во всех таких случаях люди, познав законы природы, учитывая их и опираясь на них, умело применяя и используя их, могут ограничить сферу их действия, дать разрушительным силам природы другое направление, обратить разрушительные силы природы на пользу общества»¹.

Принципиально так же обстоит дело с использованием сил и законов экономического развития, все равно, идет ли речь о законах капитализма или о законах коммунизма. «Люди могут открыть эти законы, познать их и, опираясь на них, использовать их в интересах общества, дать другое направление разрушительным действиям некоторых законов, ограничить сферу их действия, дать простор другим законам, пробивающим себе дорогу, но они не могут уничтожить их или создать новые экономические законы»².

Марксизм-ленинизм показал антинаучность «теорий» разных буржуазных философов и социологов, которые, отрицая объективный характер законов, истолковывают их в духе фатализма, сводя законы общественной жизни к законам биологии (так называемый социальный дарвинизм, «органическая» школа в буржуазной социологии, неомальтузианство, расизм) и даже к законам механики (так называемая теория равновесия Богданова и Бухарина). Общество развивается по своим особым законам, отличным от законов биологии или механики. Но законы развития общества столь же объективны, как и законы природы.

Отличие законов политической экономии от законов естествознания состоит не в том, что первые якобы зависят от сознания и воли людей, а вторые не зависят, а в том, во-первых, что большинство законов политической экономии недолговечно в отличие от законов природы (зако-

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 4.

² Там же, стр. 5.

нов механики, физики, химии, биологии). Они действуют в течение определенного исторического периода, после чего уступают место новым законам; но они, эти законы, не «уничтожаются» по воле людей, а теряют силу вследствие новых экономических условий; новые законы экономического развития создаются не волей людей, а возникают на базе новых экономических условий.

Положение товарища Сталина об изменении действия законов в связи с изменением условий имеет огромное общенаучное и философское значение, указывая единственно верный путь к полному преодолению субъективного идеализма в понимании законов природы и общества. Это положение определяет также пути и средства к овладению и использованию законов природы и общества в интересах человечества.

Особенностью экономических законов (и других законов общественного развития) является, во-вторых, то, что в отличие от законов естествознания, где открытие и применение нового закона проходит обычно более или менее гладко, в экономической области и в ряде других областей общественной жизни открытие и применение нового закона, задевающего интересы отживающих сил общества, встречает сильнейшее сопротивление со стороны этих сил.

Товарищ Сталин показал, что, например, экономический закон обязательного соответствия производительных отношений характеру производительных сил давно пробивает себе дорогу в капиталистических странах, и если он еще не пробил себе дорогу и не вышел на простор, то это потому, что он встречает сильнейшее сопротивление со стороны отживающих сил общества. В этих странах пока не нашлось такой общественной силы, которая могла бы преодолеть это сопротивление.

В нашей стране такая сила нашлась в 1917 году в виде союза рабочих и крестьян, представляющих большинство общества. В этом «секрет» того, что советской власти — власти рабочих и крестьян — удалось разбить старые силы общества, открыть простор действию экономи-

ческого закона обязательного соответствия производительных отношений характеру производительных сил и, опираясь на этот объективный закон, организовать ликвидацию капитализма и построение социализма в нашей стране. Если бы не было этого объективного закона и его использования прогрессивными силами общества, такую задачу невозможно было бы решить.

Развивая дальше эти положения, товарищ Сталин показал, во-первых, что использование экономических законов в интересах общества происходит в той или иной мере не только в социалистическом обществе, но и в других формациях; во-вторых, что использование экономических законов всегда и везде при классовом обществе имеет классовую подоплеку, причем борцом за использование экономических законов в интересах общества всегда и везде выступает передовой класс, тогда как отживающие классы сопротивляются этому.

Товарищ Сталин показал также принципиальную разницу в использовании экономических законов в интересах общества между пролетариатом и другими классами, совершавшими перевороты в производственных отношениях. Эта разница состоит в том, что революция пролетариата, классовые интересы которого сливаются с интересами подавляющего большинства общества, означает уничтожение всякой эксплуатации, тогда как революции других классов, уничтожая ту или иную форму эксплуатации, сохраняли эксплуатацию большинства общества, ограничивались рамками узко классовых интересов, находящихся в противоречии с интересами большинства общества.

Товарищ Сталин доказал, следовательно, что и самое использование экономических законов теми или иными классами общества есть процесс исторически обусловленный, закономерный.

Разработка товарищем Сталиным вопроса об использовании объективных законов природы и общества в общественно-исторической практике представляет творческое развитие ленинских положений об отношении

практики человека к законам объективного мира.

Товарищ Сталин обогатил материалистическую диалектику новыми положениями и выводами об использовании экономических законов в практике строительства социализма и коммунизма, выводами, имеющими поистине всемирно-историческое значение, ибо они освещают путь вперед всему человечеству.

Глубокая разработка этой проблемы товарищем Сталиным представляет новый ценный вклад в марксистско-ленинскую философию, в теорию познания диалектического материализма, в теорию исторического материализма. Положения и выводы, обоснованные товарищем Сталиным, освещают пути строительства коммунизма в СССР, строительства социализма в странах народной демократии, практику всего международного рабочего и революционного движения.

Разрабатывая вопрос об использовании объективных законов общественного развития в интересах общества, товарищ Сталин исходит из марксистского решения проблемы свободы и необходимости, развивает эту, одну из коренных проблем марксистско-ленинской философии дальше в органической связи с задачами строительства социализма и коммунизма.

Марксизм-ленинизм учит, что свобода есть не воображаемая независимость от законов внешнего мира, природы и общества, а познанная необходимость и действие со знанием дела, со знанием объективных законов. Эти положения приобретают особо важное значение в условиях социализма и коммунизма, когда люди строят свою жизнь, творят мировую историю сознательно, руководимые единой целью, единой волей, единым планом, на основе знания законов развития общества.

В своей практике человечество использовало многие силы и законы природы и общества задолго до их открытия. В течение многих тысяч лет люди занимались обменом товаров, следовательно, не сознавая этого, имели дело с законом стоимости, который был открыт и научно объяс-

нен только Марксом. Господствующие классы, организуя свой государственный аппарат, орудие подавления угнетенных, эксплуатируемых классов, и угнетенные классы, восстававшие против господства эксплуататоров, так или иначе учитывали и использовали законы классовой борьбы, но теоретически эти законы были открыты и научно обоснованы лишь Марксом и Энгельсом — гениальными вождями и теоретиками рабочего класса. Однако тогда не было еще достигнуто господство людей над стихийными силами природы и общества. Такое господство достигается лишь познанием и сознательным применением законов природы и общества.

Ленин писал: «Господство над природой, проявляющее себя в практике человечества, есть результат объективно-верного отражения в голове человека явлений и процессов природы, есть доказательство того, что это отражение (в пределах того, что показывает нам практика) есть объективная, абсолютная, вечная истина»¹. Господство человечества над силами своего общественного развития точно так же достигается познанием этих сил, объективных законов развития общества.

Некоторые философы и экономисты пытались истолковать положения Энгельса о господстве над законами общественного развития при социализме и формулу Энгельса о скачке из царства необходимости в царство свободы в духе субъективного идеализма, как «уничтожение» объективных законов, не зависящих от воли людей.

Товарищ Сталин показал несостоятельность этого идеалистического вывода. Энгельс называет свободу «познанной необходимостью». «А что может означать «познанная необходимость»? Это означает, — указывает товарищ Сталин, — что люди, познав объективные законы («необходимость»), будут их применять вполне сознательно в интересах общества»².

Характеризуя переход от капита-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 177

² И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 6.

лизма, развивающегося стихийно, к социалистическому обществу с планомерным развитием экономики, Энгельс указывал, что общественные силы, подобно силам природы, действуют слепо, насильственно, разрушительно, пока люди, не познав их, не считаются с ними. «Но раз мы познали их, изучили их действие, направление и влияние, то только от нас самих зависит подчинять их все более и более нашей воле и с помощью их достигать наших целей»¹. Защитники капиталистического способа производства упорно противятся познанию общественного характера современных производительных сил и особенно применению их сообразно с их общественной природой. «Когда с современными производительными силами станут обращаться сообразно с их познанной, наконец, природой, — писал Энгельс, — общественная анархия в производстве заменится общественно-планомерным регулированием производства, рассчитанного на удовлетворение потребностей как целого общества, так и каждого его члена»².

С силами и законами общества дело обстоит так же, как и с силами природы. Пока люди их не познали, общество находится под властью этих слепых, непознанных сил и законов, действующих часто разрушительно. И, наоборот, если эти силы и законы познаны, их можно превратить из демонических повелителей, приносящих разрушение и бедствия, в покорных слуг социалистического общества.

Люди могут при этом условии осуществлять свою власть и свой контроль над действиями законов своего общественного развития, над законами своей собственной общественной деятельности.

Раскрыв объективный характер законов науки, законов природы и общества, экономических законов социализма, показав возможности и пути использования этих законов передовыми, прогрессивными силами, прежде всего рабочим классом,

в интересах общества, товарищ Сталин развил дальше важнейшие положения марксистско-ленинской философии о свободе и необходимости, о единстве теории и практики, об активной, действенной, организующей и преобразующей роли науки, о роли классовой борьбы в развитии научного познания и применении его достижений на практике. Товарищ Сталин вооружает Коммунистическую партию, рабочий класс, всех трудящихся теоретическим оружием революционного преобразования мира на основе познания и применения законов науки.

* * *

Новым великим вкладом в развитие исторического материализма являются теоретические положения И. В. Сталина об общих и особых законах экономического развития общества, о законе обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, положение о производственных отношениях как главном двигателе производительных сил, глубокий анализ диалектики развития производительных сил и производственных отношений в истории общества вообще и в развитии социалистического общества в особенности. Выдающееся значение для развития исторического материализма и всех общественных наук, для практики борьбы коммунистических и рабочих партий имеют положения И. В. Сталина об основном экономическом законе общественной формации, открытие основного экономического закона современного капитализма и основного экономического закона социализма, определение источника и характера противоречий между производительными силами и производственными отношениями при социализме, о путях и формах преодоления этих противоречий, о закономерностях перехода от социализма к коммунизму, об основных предварительных условиях этого перехода, о характере качественных изменений в процессе этого перехода.

Изучение того нового, что вносит труд товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР»

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 263. 1951.

² Там же, стр. 263—264.

в каждую из этих проблем и какое значение это имеет для исторического материализма и других общественных наук, для революционной практики, потребует многих исследований и коллективных усилий работников самых различных областей знания. В рамках данной статьи необходимо хотя бы кратко остановиться на таких коренных вопросах исторического материализма, глубоко разработанных товарищем Сталиным, как 1) об общих и особых законах развития общества, 2) о действии и значении закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, 3) о диалектике развития производительных сил и производственных отношений в условиях социализма и постепенного перехода к коммунизму.

Марксизм-ленинизм требует отличать не только законы общественного развития от законов природы, но различать также общие социологические законы, имеющие отношение ко всем общественным формациям, от особых, специфических законов, свойственных лишь ряду формаций (например, закон классовой борьбы) или одной данной формации.

Исторический материализм открыл и обосновал общие социологические законы, относящиеся ко всем формациям. Это закон, согласно которому развитие и смена способа производства вызывают изменение и развитие всего общественного строя, переход от одного строя к другому, более высокому; закон, согласно которому развитие производительных сил определяет изменение производственных отношений; закон об определяющей роли общественного бытия в развитии общественного сознания; закон об определяющей роли базиса по отношению к надстройке и обратном воздействии надстройки на базис. Вместе с тем исторический материализм учит, что наряду с общими законами развития каждая общественная формация имеет свои специфические законы развития, что общие социологические законы проявляются в каждой формации в особой форме, в зависимости от конкретных условий и характера общественного строя.

Классики марксизма-ленинизма, открывшие как общие законы истории, так и особые законы развития общественно-экономических формаций, прежде всего законы развития капитализма и законы социализма, выступают как против затушевывания и стирания специфических особенностей законов развития капитализма, социализма и других формаций, так и против отрицания общих законов развития, свойственных всем или ряду формаций. Известно, что так называемые механисты и меньшевистствующие идеалисты, ревивавшие марксизм, приходили то к отрицанию качественной специфики законов развития природы и общества, то, наоборот, абсолютизируя специфичность законов каждой формы движения, к отрицанию общих законов диалектики и общих законов развития общества. Рецидивом этих взглядов является «теория» Л. Ярошенко, согласно которой якобы не может быть единой политической экономии для всех общественных формаций, так как каждая общественно-экономическая формация имеет свои специфические законы. Товарищ Сталин разбил эти вредные установки, доказав, что это, по сути дела,—возрождение установок Бухарина, ограничивавшего сферу политической экономии товарно-капиталистическим производством.

Исходя из определений предмета политической экономии, данных Марксом, Энгельсом, Лениным, товарищ Сталин дал классическое определение политической экономии как науки, изучающей законы общественного производства и распределения материальных благ на различных ступенях развития человеческого общества. Это определение исходит из единства общих и особых законов экономического развития.

Товарищ Сталин учит: «Различные общественные формации в своем экономическом развитии подчиняются не только своим специфическим экономическим законам, но и тем экономическим законам, которые общи для всех формаций, например, таким законам, как закон об единстве производительных сил и производственных отношений в едином общественном

производстве, закон об отношениях между производительными силами и производственными отношениями в процессе развития всех общественных формаций. Стало быть, общественные формации не только отделены друг от друга своими специфическими законами, но и связаны друг с другом общими для всех формаций экономическими законами»¹.

Отрицать общие законы развития общества — значит отрицать связь между формациями, следовательно, лишить себя возможности понять закономерность смены формаций, закономерность перехода от низшей ступени развития общества к высшей. Отрицание общих законов ведет к отрицанию исторического материализма как науки, к отрицанию общих законов материалистической диалектики.

Диалектическое единство общего и особенного товарищ Сталин вскрывает и при анализе марксовой теории воспроизводства, показывая ее применимость и значимость для социализма и коммунизма.

Товарищ Сталин показал, что содержание марксовых схем воспроизводства не исчерпывается отражением специфики капиталистического производства, что они содержат вместе с тем целый ряд основных положений о воспроизводстве, имеющих силу для всех общественных формаций и особенно для социализма. К ним относятся такие основные положения марксовой теории воспроизводства, как положение о разделении общественного производства на производство средств производства и производство предметов потребления, положение о преимущественном росте производства средств производства при расширенном воспроизводстве, положение о соотношении между I и II подразделениями, о прибавочном продукте как единственном источнике накопления, об образовании и назначении общественных фондов, о накоплении как единственном источнике расширенного воспроизводства. Все эти положения имеют силу не только для капитализма; без применения их не может

обойтись ни одно социалистическое общество при планировании хозяйства. Марксова формула о соотношении между I и II подразделениями остается в силе не только для социализма, но и для коммунизма.

Определяя основной экономический закон современного капитализма и основной экономический закон социализма, товарищ Сталин дал понятие основного экономического закона общественной формации, что также имеет важное значение для исторического материализма и всех общественных наук. Товарищ Сталин подчеркивает, что основной экономический закон — это такой закон, который определяет не какую-либо отдельную сторону или какие-либо отдельные процессы развития данного способа производства, а все главные стороны и главные процессы его развития, следовательно, сущность данного способа производства. Таким законом не может считаться для современного капитализма ни закон стоимости, ни закон конкуренции и анархии производства, ни закон средней нормы прибыли. Таким законом для современного капитализма является закон, требующий обеспечения максимальной капиталистической прибыли путем эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путем закабаления и систематического ограбления народов других стран, особенно отсталых стран, наконец, путем войн и милитаризации народного хозяйства, используемых для обеспечения наивысших прибылей. Этот закон действительно определяет сущность современного капитализма, объясняет его основные черты, стороны и процессы развития, его противоречия, показывает неизбежность их обострения и гибели капитализма. Только на основе этого закона можно понять действие других законов капитализма. Знание этого закона необходимо не только для экономиста, но и для историка, для юриста, для всех деятелей коммунистических и рабочих партий, для всякого, кто изучает развитие современного капитализма и ведет борьбу с этим отживающим и загнивающим строем.

Основной экономический закон со-

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 71.

циализма коренным образом отличается от основного экономического закона капитализма. Существенные черты и требования основного экономического закона социализма товарищ Сталин определил следующей формулой: «...Обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники»¹.

Товарищ Сталин показал, что закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства не может считаться основным, ибо он не определяет задачи, цели, во имя которых осуществляется планомерное развитие хозяйства. Эту задачу определяет основной экономический закон социализма. Закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства может получить простор лишь в том случае, если он опирается на основной экономический закон социализма. Что касается закона стоимости и других законов, то они также подчинены у нас действию основного экономического закона социализма. Товарищ Сталин раскрыл единство, связь и взаимодействие всех экономических законов данной формации и тем самым развил дальше понимание закономерностей общественного прогресса, дал глубокое научное обоснование всей хозяйственной политики руководящих органов социалистического общества. Все это поднимает руководство социалистическим хозяйством на качественно новую, высшую ступень.

Выдающимся вкладом в исторический материализм как науку об общих законах развития общества явилось дальнейшее глубокое обоснование товарищем Сталиным открытого Марксом закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

Маркс в предисловии к «К критике политической экономии», раскрывая связь между производительными си-

лами и производственными отношениями, указал, что «в общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил»². Когда производительные силы вступают в противоречие, в конфликт с производственными отношениями, внутри которых они до тех пор развивались и которые из форм развития стали оковами для производительных сил, тогда наступает эпоха социальной революции. Меньшевики, оппортунисты извращали эти положения марксизма в целях борьбы с пролетарской революцией, доказывая, что капитализм «врастает» в социализм, что без пролетарской революции и диктатуры пролетариата, то есть без свержения буржуазии, можно придти к социализму. Ленин и Сталин подвергли уничтожающей критике оппортунистов, извращавших положения марксизма о законе обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, разоблачили метафизику и идеализм в понимании этого соответствия.

В труде «О диалектическом и историческом материализме» товарищ Сталин с особой глубиной раскрыл значение закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, показал, что с момента возникновения первобытного общества развитие производительных сил общества вызывало изменение производственных отношений, а вслед за тем и всего общественного строя, что в каждом общественном строе новые производственные отношения вначале соответствуют производительным силам и содействуют их развитию, а затем становятся их оковами, приходят в противоречие и конфликт с ними, который устраняется путем революционного свержения старых производственных отношений и замены их новыми производственными отношениями, соответствующими со-

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 40.

² К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 7. 1949.

стоянию и характеру выросших производительных сил.

Товарищ Сталин показал, что производственные отношения не могут слишком долго отставать от роста производительных сил и находиться с ними в противоречии; производительные силы могут развиваться в полной мере лишь в том случае, если производственные отношения соответствуют характеру, состоянию выросших производительных сил и дают простор для их развития. Поэтому, как бы ни отставали производственные отношения от развития производительных сил, они должны — рано или поздно — придти и действительно приходят в соответствие с уровнем и характером производительных сил: отжившие производственные отношения, тормозящие развитие производительных сил, устраняются и заменяются новыми, соответствующими состоянию и характеру производительных сил. В противном случае получается коренное нарушение единства производительных сил и производственных отношений в системе производства, разрыв производства в целом, кризис производства, разрушение производительных сил.

В труде товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» положение о законе обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил развито дальше. Здесь показано, что каждый новый способ производства, каждый новый общественный строй возникает и утверждается на основе действия этого объективного общего экономического закона, в результате использования его передовыми силами и классами общества, ломающими сопротивление реакционных сил и классов, заинтересованных в сохранении старых производственных отношений и поэтому сопротивляющихся открытию и использованию этого закона.

Товарищ Сталин разъяснил здесь, что использование этого объективного закона передовыми классами общества и противодействие его открытию и использованию реакционными классами происходит законо-

мерно, в порядке борьбы между старым и новым, в форме ожесточенной борьбы между классами. Закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил использовала в свое время буржуазия, свергая феодальные производственные отношения и заменяя их капиталистическими. Феодалы боролись против использования этого закона, ибо он действовал против их классовых интересов, обрекал на гибель феодальный строй. Этот же закон использовали рабочий класс и советская власть, утверждая социалистические производственные отношения при яростном сопротивлении буржуазии.

Характеризуя действие закона обязательного соответствия производственных отношений состоянию и росту производительных сил, товарищ Сталин дает глубокий анализ диалектики развития производительных сил и производственных отношений, с особой силой подчеркивает роль новых производственных отношений как главной и решающей силы, определяющей дальнейшее мощное развитие производительных сил. Товарищ Сталин подверг критике вульгарную богдановско-бухаринскую теорию Л. Ярошенко, согласно которой роль производственных отношений в истории общества ограничивается лишь ролью тормоза, срывающего развитие производительных сил, а в социалистическом обществе производственные отношения поглощаются якобы производительными силами и строительство коммунизма сводится к мифической высшей научной организации производительных сил в общественном производстве. Раскрывая несостоятельность этой «теории», товарищ Сталин показал, что «новые производственные отношения являются той *главной* и решающей силой, которая собственно и определяет дальнейшее, притом мощное развитие производительных сил и без которых производительные силы обречены на прозябание, как это имеет место в настоящее время в капиталистических странах»¹.

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 61.

Раскрывая диалектику развития производственных отношений, товарищ Сталин указывает, что новые производственные отношения, конечно, не остаются вечно новыми, они впоследствии начинают стареть, вступают в противоречие с дальнейшим ростом производительных сил и превращаются в их тормоз.

«Тогда на место таких производственных отношений, ставших уже старыми, появляются новые производственные отношения, роль которых состоит в том, чтобы быть главным двигателем дальнейшего развития производительных сил.

Это своеобразие развития производственных отношений от роли тормоза производительных сил к роли главного их двигателя вперед и от роли главного двигателя к роли тормоза производительных сил, — составляет один из главных элементов марксистской материалистической диалектики»¹, — подчеркивает товарищ Сталин.

Товарищ Сталин дал глубокий анализ диалектики развития производственных отношений в условиях социализма и перехода от социализма к коммунизму.

Марксизм учит, что каждое общество, в том числе и социалистическое, имеет свой экономический базис, состоящий из совокупности производственных отношений людей. Раскрывая формулу Маркса о базисе как совокупности производственных, экономических отношений, И. В. Сталин указывает, что к этим отношениям, изучаемым политической экономией, относятся: «а) формы собственности на средства производства; б) вытекающие из этого положение различных социальных групп в производстве и их взаимоотношение, или, как говорит Маркс: «взаимный обмен своей деятельностью»; в) всецело зависящие от них формы распределения продуктов»².

Товарищ Сталин дал, таким образом, наиболее полное, классическое определение базиса общества.

Кто отрицает наличие в обществе

производственных отношений, составляющих его реальный базис, тот стоит на почве субъективного идеализма и волюнтаризма в истолковании общественных явлений. У него исчезает объект, предмет политической экономии, исчезают объективные экономические законы развития общества. Все это ведет к авантюризму в политике, в практике хозяйственного руководства.

Товарищ Сталин в своем труде показал ошибочность взглядов, широко распространенных в нашей литературе, что при социализме якобы нет никаких противоречий между производственными отношениями и производительными силами общества.

Многие философы и экономисты неправильно поняли положение И. В. Сталина о полном соответствии производительных сил и производственных отношений при социализме как такое соответствие, которое якобы исключает всякое противоречие между ними. Так, в частности, трактовалось полное соответствие в сборнике «О советском социалистическом обществе» (1948), в книге «Исторический материализм» (1951) и в некоторых других работах.

Товарищ Сталин указывает, что слова «полное соответствие» нельзя понимать в абсолютном смысле. Их нельзя понимать так, будто бы при социализме не существует никакого отставания производственных отношений от роста производительных сил. Товарищ Сталин еще в своем труде «О диалектическом и историческом материализме» показал, что производительные силы являются самыми подвижными и революционными силами производства, определяющим элементом производства. Они идут впереди производственных отношений и при социализме. Производственные отношения преобразуются применительно к характеру производительных сил не сразу, а лишь спустя некоторое время.

Полное соответствие производственных отношений характеру производительных сил при социализме заключается в том, что при социализме дело обычно не доходит до конфликта между ними, ибо общество имеет возможность своевремен-

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 62.

² Там же, стр. 73.

но привести в соответствие отстающие производственные отношения с характером производительных сил.

«Социалистическое общество имеет возможность сделать это, — указывает товарищ Сталин, — потому что оно не имеет в своем составе отживающих классов, могущих организовать сопротивление. Конечно, и при социализме будут отстающие инертные силы, не понимающие необходимости изменения в производственных отношениях, но их, конечно, нетрудно будет преодолеть, не доводя дело до конфликта»¹.

Развивая дальше эти положения, товарищ Сталин указал, что наши нынешние производственные отношения переживают тот период, когда они вполне соответствуют росту производительных сил, двигают их вперед семимильными шагами.

«Но было бы неправильно успокаиваться на этом и думать, что не существует никаких противоречий между нашими производительными силами и производственными отношениями. Противоречия безусловно есть и будут, поскольку развитие производственных отношений отстает и будет отставать от развития производительных сил. При правильной политике руководящих органов эти противоречия не могут превратиться в противоположность, и дело здесь не может дойти до конфликта между производственными отношениями и производительными силами общества»². При неправильной политике таксой конфликт будет неизбежен, и наши производственные отношения могут превратиться в серьезнейший тормоз развития производительных сил.

«Поэтому задача руководящих органов, — подчеркивает товарищ Сталин, — состоит в том, чтобы своевременно подметить нарастающие противоречия и во-время принять меры к их преодолению путем приспособления производственных отношений к росту производительных сил»³.

Товарищ Сталин вскрыл эти про-

тиворечия в самом зародыше их развития, указав, что групповая — колхозная собственность, товарное обращение ныне с успехом используются для развития социалистического хозяйства. Но они уже теперь начинают тормозить мощное развитие наших производительных сил, поскольку создают препятствия для полного охвата всего народного хозяйства государственным планированием. И чем дальше, тем больше они будут тормозить дальнейший рост производительных сил нашей страны. «Следовательно, задача состоит в том, — указывает товарищ Сталин, — чтобы ликвидировать эти противоречия путем постепенного превращения колхозной собственности в общенародную собственность и введения продуктообмена — тоже в порядке постепенности — вместо товарного обращения»⁴.

Охарактеризовав основное, определяющее противоречие в движении социалистического общества вперед, к коммунизму, открыв пути и средства преодоления этого противоречия, товарищ Сталин гениально определил вместе с тем основные предварительные условия перехода к коммунизму. Товарищ Сталин показал, что необходимо, во-первых, прочно обеспечить непрерывный рост всего общественного производства с преимущественным ростом производства средств производства; во-вторых, поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности, а товарное обращение заменить системой продуктообмена и, в-третьих, добиться серьезного культурного роста общества.

Характеристика И. В. Сталиным трех основных предварительных условий перехода к коммунизму охватывает все существенные стороны развития материального и духовного производства социалистического общества. Товарищ Сталин рассматривает закономерное развитие общественного бытия и сознания людей, материальных и духовных предпосылок перехода к коммунизму в их единстве. Только после выполнения трех основных предварительных условий, взятых вместе, подчеркивает

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 51.

² Там же, стр. 67.

³ Там же, стр. 68.

⁴ Там же.

товарищ Сталин, можно будет перейти от социалистической формулы — «от каждого по способностям, каждому по труду» к коммунистической формуле — «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

«Это будет,— учит И. В. Сталин,— коренной переход от одной экономики, от экономики социализма — к другой, высшей экономике, к экономике коммунизма»¹.

Решения исторического XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза исходят из сталинского учения о постепенном переходе от социализма к коммунизму. Директивы съезда по пятому пятилетнему плану развития СССР предусматривают новое мощное развитие производительных сил, новый мощный рост производства с преимущественным ростом производства средств производства, развитие машиностроения, электрификации, механизации и автоматизации производства, расширенное социалистическое воспроизводство в промышленности и сельском хозяйстве, рост товарооборота, транспорта, жилищного строительства, рост народного дохода, материального благосостояния и культурного уровня трудящихся. Директивы съезда предусматривают введение всеобщего среднего образования в столицах республик, городах республиканского подчинения, в областных, краевых и крупнейших промышленных центрах в течение пятой пятилетки. Съезд указал на необходимость введения всеобщего среднего образования в следующей пятилетке в остальных городах и сельских местностях, на необходимость уже в пятой пятилетке введения политехнического обучения в средней школе.

Таким образом, в пятой пятилетке будет сделан новый крупный шаг вперед к коммунизму, серьезный шаг в осуществлении основных предварительных условий подготовки перехода к коммунизму в СССР.

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 70.

* * *

Творчески применяя марксистский диалектический метод к анализу путей и условий перехода от социализма к коммунизму, товарищ Сталин обогащает материалистическую диалектику новыми положениями и выводами.

Товарищ Сталин дал замечательный образец конкретного марксистского анализа реальных, жизненных противоречий, противоположностей, различий с точки зрения решения великих, всемирно-исторических задач строительства коммунизма, замечательный образец единства теории и практики, образец творческого марксизма.

Положения и выводы И. В. Сталина об источнике и характере противоречий между производительными силами и производственными отношениями при социализме и о путях их преодоления при переходе от социализма к коммунизму, положения о ликвидации противоположности между городом и деревней, между физическим и умственным трудом, а также о ликвидации существенных различий между ними, положения о противоречиях двух систем — капитализма и социализма, анализ процесса обострения противоречий в лагере империализма и т. д. развивают материалистическую диалектику, наносят сокрушительный удар догматизму и начетничеству в понимании законов общественного развития.

Труд товарища Сталина знаменует новый, высший этап в развитии марксизма-ленинизма, в развитии научного коммунизма, в развитии марксистской политической экономии; он поднимает на новую, высшую ступень и развитие марксистско-ленинской философии; он вооружает строителей социализма и коммунизма, борцов революционного и рабочего движения ясной революционной перспективой, научным предвидением, боевой программой борьбы за победу коммунизма, за светлое будущее всех народов.

Труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» — программа строительства коммунизма

Акад. Г. Ф. АЛЕКСАНДРОВ

1

Народы нашей Родины, руководимые Коммунистической партией, сознательно творят историю социализма и коммунизма. Направляя сознательное творчество народных масс, Коммунистическая партия Советского Союза развертывает свою многостороннюю деятельность на основе марксистско-ленинской науки о законах развития общества. Каждый раз, когда в развитии нашей страны начинался новый этап, основатели и вожди Коммунистической партии и Советского государства В. И. Ленин и И. В. Сталин давали партии и народу ясный план дальнейших действий на основе глубокого марксистского анализа достигнутой ступени развития общества, благодаря гениальному научному проникновению в будущее. Характеризуя великую роль трудов товарища Сталина в строительстве коммунизма в СССР, товарищ Маленков говорил в своем замечательном докладе на XIX съезде партии: «...Планы партии на будущее, определяющие перспективы и пути нашего движения вперед, опираются на знание экономических законов, опираются на науку о строительстве коммунистического общества, разработанную товарищем Сталиным»¹.

В настоящее время СССР переживает один из важнейших периодов своей истории. Восстановив хозяйство и залечив глубокие раны после Великой Отечественной войны, дале-

ко продвинувшись вперед в развитии производительных сил, экономики и культуры, укрепив еще более Советское государство, социалистическое общество, советский народ во всю мощь развернул борьбу за постепенный переход к коммунизму.

Коммунистическая партия Советского Союза ставит своей главной задачей построить коммунистическое общество путем постепенного перехода от социализма к коммунизму, непрерывно повышая материальный и культурный уровень общества, воспитывая членов общества в духе интернационализма и установления братских связей с трудящимися всех стран, всемерно укрепляя активную оборону советской Родины от агрессивных действий ее врагов. Так определены главные задачи КПСС в Уставе партии, принятом ее XIX съездом.

Для осуществления постепенного перехода к коммунизму Коммунистической партии требовалось научно обосновать магистральное направление, пути дальнейшего развития Советской страны, те основные предварительные условия, которые необходимо выполнить, дабы достигнуть великой цели. Труд товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», положенный партией в основу решений своего XIX съезда, в основу перерабатываемой ныне программы Коммунистической партии, дает ясную, научно обоснованную программу построения коммунистического общества. В марксистской классической литературе еще не было произведения, в котором столь ярко и глубоко, в сжа-

¹ Г. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 103. Госполитиздат. 1952.

тых, научно доказанных положениях был бы вскрыт сложный и огромный по своему содержанию процесс закономерного развития общества к коммунизму. В этом сталинском труде с невиданной глубиной и последовательностью научно рассмотрены сложнейшие вопросы закономерного развития коммунистического способа производства от низшей фазы к следующей его, высшей фазе.

Марксизм учит, что история человеческого общества представляет собою не хаотическое, бессвязное нагромождение событий, а строго определенный процесс, подчиняющийся объективным законам, не зависимым от сознания и воли людей. Отрицая объективный характер законов развития общества, буржуазная социология отрицает тем самым возможность науки об обществе. Признавая объективный характер законов общественного развития, марксизм-ленинизм считает, что эти законы могут и должны быть познаны передовыми силами общества, что, следовательно, наука об обществе и законах его развития — такая же точная наука, как, например, биология. Марксизм-ленинизм исходит из того, что можно, овладев наукой об обществе, строить свою деятельность на ее основе, на основе точного знания объективных законов развития общества.

Марксизм всегда вел последовательную борьбу против всевозможных субъективистских истолкований законов общественного развития. К сожалению, субъективистское, немарксистское толкование объективных экономических законов социализма получило распространение среди значительной части экономистов и философов до выхода в свет работы товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Научные работники в области философии в ряде опубликованных статей допустили грубые ошибки, идущие по линии волюнтаристского и метафизического истолкования объективных законов социализма. Подобного рода ошибочные взгляды, как правильно указано в статье тов. М. Суслова «По поводу статей П. Федосеева», помещенной в

газете «Правда» от 24 декабря 1952 года, проповедовались на страницах журналов «Большевик», «Вопросы экономики», «Плановое хозяйство». За работу «Большевика» до июля 1949 года и указанные выше принципиальные ошибки, допущенные редакцией этого журнала, несет ответственность и автор настоящей статьи, бывший тогда членом редколлегии журнала. Это тем более необходимо подчеркнуть, что субъективистско-волюнтаристские взгляды содержались также в ряде работ сотрудников Института философии.

В труде «Экономические проблемы социализма в СССР» товарищ Сталин нанес смертельный удар по субъективистско-волюнтаристским «точкам зрения» и «концепциям» относительно законов социализма.

Для познания объективных законов развития общества недостаточно поверхностного знакомства с фактами, их описания, систематизации. Эти законы выражают существенные отношения между общественными явлениями, между процессами, происходящими независимо от воли людей; объективные экономические законы выражают развитие основных, коренных сил и тенденций в жизни общества, они выражают историческую необходимость в развитии общества. Законы развития общества показывают самые глубокие процессы, совершающиеся в недрах общества. В классическом труде «Экономические проблемы социализма в СССР» товарищ Сталин учит кадры Коммунистической партии и Советского государства умению видеть за внешними событиями глубинные процессы, за поверхностными явлениями — законы движения общества, за отдельными фактами — историческую необходимость. Марксистский анализ, пишет товарищ Сталин, требует проводить «строгое различие между содержанием экономического процесса и его формой, между глубинными процессами развития и поверхностными явлениями...»¹. Товарищ Сталин учит, что Коммунистическая

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 53. Госполитиздат. 1952.

партия должна знать как общие законы развития общества, так и законы развития каждой данной исторической эпохи, чтобы использовать действие этих объективных законов в интересах общества.

В труде товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» развита дальше, поднята на новую, высшую ступень вся марксистско-ленинская наука об обществе, в особенности учение о законах развития социалистического общества, о законах строительства коммунизма.

Открытые товарищем Сталиным объективные экономические законы социализма идейно вооружают партию в ее деятельности по руководству строительством коммунизма в СССР. Отрицать объективный характер экономических законов — значит ликвидировать принцип научного ведения дел в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве, руководить экономической жизнью вслепую, подменять науку хозяйствованием «на глазок», «на авось», обезоруживать кадры советских и хозяйственных работников.

Для того чтобы революционный класс мог действовать сознательно, безошибочно, нужны, учит товарищ Сталин, два условия: надо, во-первых, глубоко знать объективные законы развития общества, надо, во-вторых, уметь и использовать эти законы, положив их в основу деятельности партии и народа. Первое условие достигается марксистско-ленинской наукой, второе — в процессе всей практической, организационной, политической и идеологической деятельности Коммунистической партии, Советского государства.

2

Товарищ Сталин создал целостное учение о коммунистической формации. Он творчески разработал дальше указания и положения Маркса, Энгельса, Ленина о двух фазах развития коммунистического общества и тех общих и особенных объективных чертах, которые присущи как его первой ступени, социалистическому обществу, построенному в нашей

стране, так и его высшей стадии — собственно коммунизму, который ныне с успехом строит советский народ.

Ленин отмечал, что Маркс, двигая положение о двух фазах в развитии коммунистического общества, последовательно применяет здесь материалистическую диалектику, учение о развитии, «дает анализ того, что можно бы назвать ступенями экономической зрелости коммунизма»¹.

Первая фаза коммунизма — социализм возник не на своей собственной основе и в экономическом, нравственном, умственном отношении изживает «родимые пятна» старого общества, пережитки капитализма в экономике и сознании людей.

Высшая фаза коммунизма, учит марксизм, развивается на своей собственной основе, на основе построенного социалистического общества. Поскольку социализм и коммунизм не представляют собою двух различных формаций и зиждутся на едином способе производства, но на разных ступенях его исторического развития, то и переход от социализма к коммунизму совершается постепенно, по мере подготовки необходимых материальных и прочих условий. Это своеобразие диалектического процесса общественного развития при социализме научно вскрыто и обосновано товарищем Сталиным. В труде «Экономические проблемы социализма в СССР» мы читаем: «...В наших социалистических условиях экономическое развитие происходит не в порядке переворотов, а в порядке постепенных изменений, когда старое не просто отменяется начисто, а меняет свою природу применительно к новому, сохраняя лишь свою форму, а новое не просто уничтожает старое, а проникает в старое, меняет его природу, его функции, не ломая его форму, а используя ее для развития нового»².

Поскольку социализм и коммунизм являются единой общественно-экономической формацией, то обе

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 442.

² И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 53.

ее фазы имеют ряд коренных общих черт и закономерностей развития. Поскольку же социализм и коммунизм — это две разные фазы развития одного и того же коммунистического способа производства, постольку каждая из них имеет свои коренные отличия как в экономике, так и в культуре.

Общее у социализма и коммунизма прежде всего то, что основой их является общественная собственность на средства производства, хотя и выступающая в различных формах. Общественная собственность — это то общее, что отличает обе фазы нового общества от всех антагонистических формаций. Вскрывая закономерности первой ступени коммунистического общества — социализма, — Ленин писал в своем гениальном произведении «Государство и революция»: «Поскольку *общей* собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это *не* полный коммунизм»¹.

Далее, как на первой стадии коммунистической формации, уже построенной в нашей стране, так и на высшей ее фазе отсутствует эксплуатация и угнетение людей. Это значит, что при социализме, как и при коммунизме, каждый трудится на свой народ, на общество, на себя, ввиду чего рабочее время уже не делится на необходимое и прибавочное, составляющее источник эксплуатации и обогащения класса капиталистов. Товарищ Сталин указывает, что «странно теперь говорить о «необходимом» и «прибавочном» труде: как будто труд рабочих в наших условиях, отданный обществу на расширение производства, развитие образования, здравоохранения, на организацию обороны и т. д., не является столь же необходимым для рабочего класса, стоящего ныне у власти, как и труд, затраченный на покрытие личных потребностей рабочего и его семьи.

Следует отметить, что Маркс в своем труде «Критика Готской про-

граммы», где он исследует уже не капитализм, а между прочим первую фазу коммунистического общества, признает труд, отданный обществу на расширение производства, на образование, здравоохранение, управленческие расходы, образование резервов и т. д., столь же необходимым, как и труд, затраченный на покрытие потребительских нужд рабочего класса»².

На первой и второй фазах развития коммунистического общества цель всего общественного производства состоит в подъеме материального благосостояния и культурного уровня народа. Обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования производства на базе высшей техники является основным экономическим законом развития общества в эпоху социализма.

И при социализме и при коммунизме мировоззрением общества, которым оно руководствуется во всей своей деятельности, является марксизм-ленинизм.

Нельзя, не порывая с марксизмом, противопоставлять и отделять непреходимой стеной первую стадию развития коммунистического общества от его второй стадии. Такое противопоставление, имевшее иногда место в педагогической практике, является грубейшей теоретической и политической ошибкой. Противопоставление социализма коммунизму содержит в себе предположение, будто при переходе к коммунизму должна произойти смена общественного и государственного строя, развивавшегося в условиях социализма. Во всяком случае, это противопоставление отодвигает переход к коммунизму в далекое, неопределенное будущее. Понятно, насколько теоретически ошибочны, практически несостоятельны и вредны подобные взгляды.

Но для марксиста недостаточно установить общие черты различных фаз развития одной и той же коммунистической формации. Необходи-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 442.

² И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 18—19.

мо ясно видеть и коренные различия между этими двумя фазами. Только при этом условии можно правильно оценить путь, уже пройденный нашей страной, правильно определить, что еще предстоит сделать, на какой ступени развития коммунистической формации находится наша страна.

Конечно, до победы социализма, а тем более в период борьбы нашей партии за социалистическую революцию в России заниматься в деталях вопросом о различии между социализмом и коммунизмом означало уходить от насущных революционных задач в область абстрактного теоретизирования, что всегда было чуждо Коммунистической партии. В. И. Ленин говорил, что смешно выдвигать этот вопрос на первый план в условиях капитализма. Но Ленин же отмечал в своей книге «Государство и революция», что различие между низшей и высшей фазами коммунизма со временем будет, вероятно, громадно. Теперь наступило именно то время, о котором говорил Ленин. Ныне, когда коммунизм успешно строится в СССР, вопрос о том, что именно отличает коммунизм от социализма, что же следует предпринять партии и народу, дабы осуществить переход от социализма к коммунизму, встал во весь рост.

Коммунизм означает коренной переход к высшей по сравнению с социализмом экономике общества. С переходом общества к экономике коммунизма общественное производство будет иметь не два сектора — государственный и колхозный, — а один общенародный сектор хозяйства; товарное обращение будет заменено продуктообменом. Переход к этой высшей экономике будет означать, что развернувшееся во всю мощь общественное производство способно удовлетворить все разумные потребности культурно развитых людей. Принцип социализма — «от каждого по способности, каждому по труду» заменяется принципом коммунизма — «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

Именно высшее развитие производительных сил и производственных

отношений, а также культуры всего общества ведет к преодолению существенных различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, к исчезновению классовых различий между рабочими и трудящимися крестьянами, к исчезновению различий между ними и интеллигенцией. Вместе с дальнейшим подъемом культуры общества и развитием политехнического образования у людей возникнет возможность свободно выбирать профессию, а не быть прикованными на всю жизнь в силу существующего разделения труда к одной какой-либо профессии.

Из этого видно, что нельзя не только противопоставлять, но и отождествлять низшую и высшую стадии в развитии коммунизма.

Непонимание качественных различий между социализмом и коммунизмом ведет к смешению задач первой фазы коммунизма с задачами строительства второй его фазы, ведет к демобилизации партии и народа, ибо исходит из предпосылки, будто различия между этими двумя фазами несущественны и с ними можно не считаться. Держаться подобной точки зрения — значит грубо упрощать задачи перехода к коммунизму, нанося вред как теории, так и практике коммунистического строительства.

* * *

Великой исторической заслугой марксизма является научное обоснование закономерного развития общества в направлении к коммунизму. Подвергая резкой критике утопические, метафизические представления о коммунизме как некоем изобретении разума и неизменном, хотя и совершенном общественном строе, Маркс всегда рассматривал коммунизм как естественно-исторический, закономерный результат всего предшествовавшего общественно-го развития и в то же время как коренной переворот в развитии общества, начало новой эры в истории человечества. Именно в том смысле, что коммунизм не может быть сменен другой общественной организацией производства, Маркс и Энгельс

считали коммунистическую формацию «последней формой организации человеческого рода»¹. Этим Маркс и Энгельс противопоставляли коммунизм всем прошлым антагонистическим формам общества.

Основоположники марксизма не ограничились таким противопоставлением. Они развили в своих трудах и ту мысль, что коммунизм откроет перед человечеством невиданные ранее перспективы бурного подъема и развития всех областей экономической и культурной жизни. При этом целью производства при коммунизме Маркс считал самого человека, всестороннее развитие его способностей, удовлетворение его потребностей.

Отмечая тот факт, что путь к социализму и коммунизму еще не был пройден ни одним народом, что советский народ впервые в мировой истории встал на этот путь, Ленин говорил, что мы не знаем и знать не можем, какими этапами, путем каких практических мероприятий пойдет человечество к коммунизму. И он указывал далее, что важно уяснить, сколь бесконечно лживо буржуазное представление о социализме как застывшем, раз навсегда данном строе, тогда как на самом деле только с социализма начинается быстрое, по-настоящему действительно массовое, происходящее при участии большинства населения, а затем и всего населения движение вперед во всех областях общественной и личной жизни.

Теперь Советской страной накоплен всемирно-исторического значения опыт победоносного строительства социализма, и благодаря теоретическому обобщению этого опыта в трудах товарища Сталина, в решениях КПСС советский народ, все прогрессивное человечество знают, какими путями, этапами, посредством каких практических мероприятий пойдет человечество к высшей цели — к коммунизму.

Этот великий опыт СССР, обобщенный в трудах И. В. Сталина, лег

в основу и одного из самых выдающихся научных открытий нашего времени — открытия основного экономического закона развития социалистического общества.

Основной экономический закон социализма складывался и развертывал свое действие в ходе социалистического строительства в СССР, в процессе создания социалистического способа производства. На протяжении всего этого исторического периода товарищ Сталин давал научное обоснование отдельным сторонам и положениям этого закона. Так, в отчетном докладе на XVII съезде партии товарищ Сталин критиковал людей, которые не понимали объективных законов строительства социалистического общества, не видели коренной цели организации социалистического производства. Товарищ Сталин подчеркнул тогда, что социализм означает уничтожение нищеты и лишений людей труда, организацию зажиточной и культурной жизни для всех членов общества. Товарищ Сталин отмечал, что социализм может быть построен лишь на базе бурного роста производительных сил общества, на базе обилия продуктов и товаров, на базе зажиточной жизни трудящихся, роста их культурности, ибо марксистский социализм означает не сокращение материальных потребностей, а всемерный их расцвет и расширение, не отказ от удовлетворения этих потребностей, а всестороннее и полное удовлетворение всех потребностей культурно развитых людей.

Целостное, всестороннее раскрытие основного экономического закона социализма дано в новом труде товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». В этом труде товарищ Сталин пишет: «Существенные черты и требования основного экономического закона социализма можно было бы сформулировать примерно таким образом: обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 585. 1931.

базе высшей техники»¹. Товарищ Сталин противопоставляет этот объективный экономический закон развития общества, присущий социализму и возникший на базе новых экономических условий, закономерностям развития современного капитализма. Он указывает, что в то время как современное капиталистическое производство подчинено обеспечению максимальных прибылей, социалистическое производство подчинено обеспечению максимального удовлетворения материальных и культурных потребностей общества.

Не случайно в отчетах правительств главных капиталистических стран: правительства США — Конгрессу, правительства Англии — Палате общин, правительств Франции, Италии — их парламентам — главным показателем состояния дел в промышленности служит количество прибылей, полученных монополиями. Это и понятно, ибо основную массу национального дохода загибают в этих странах финансовые тузы и промышленные воротилы.

Товарищ Маленков привел в своем глубоком и ярком докладе на XIX съезде Коммунистической партии характерные цифры: даже по преуменьшенным официальным данным, прибыли капиталистических монополий США с 1938 по 1951 год увеличились в 13 раз и составили в 1951 году 42,9 миллиарда долларов. За годы второй мировой войны американские миллиардеры и миллионеры получили 115 миллиардов долларов чистой прибыли; за 7 послевоенных лет они получили прибыли почти 220 миллиардов долларов. И это происходит наряду с быстрым ростом нищеты масс, при увеличении налогов, замораживании заработной платы, росте цен на продовольственные и промышленные товары. В СССР же национальный доход с 1940 по 1951 год вырос на 83%. Три четверти национального дохода получают у нас трудящиеся на удовлетворение своих личных матери-

альных и культурных потребностей. За пятую пятилетку национальный доход СССР вырастет не менее чем на 60%. Рост реальной заработной платы рабочих и служащих СССР — яркий показатель действия основного экономического закона социализма. В пятой пятилетке заработная плата рабочих и служащих с учетом снижения розничных цен возрастет не менее чем на 35%, а доходы колхозников — не менее чем на 40% (в денежном выражении).

Развертывая и углубляя дальше научный анализ современного капитализма, товарищ Сталин показывает, что капиталистическому производству присущ переход от подъема к кризису и от кризиса к подъему, при этом развитие капиталистической промышленности, как это вскрыл товарищ Сталин, включает периоды депрессии особого рода, периоды застоя. Товарищ Сталин отмечает, что рост производства в капиталистических странах происходит теперь и будет происходить в дальнейшем на суженной базе, объем производства в этих странах, следовательно, будет сокращаться. В этом факте ярко сказывается действие объективного закона обязательного соответствия производственных отношений уровню развития, характеру производительных сил на современной стадии капитализма, когда буржуазные производственные отношения являются колоссальным тормозом дальнейшего развития производительных сил.

Из-за периодически повторяющихся кризисов капиталистического хозяйства, а также общего кризиса капиталистической системы промышленность капиталистических стран, несмотря на раздутое военное производство, либо топчется на месте либо развивается крайне медленно, и то главным образом в отраслях, производящих вооружение. Показателем индекса промышленного производства в США: в первом квартале 1952 года он был равен индексу первого квартала 1951 года, а во втором квартале 1952 года составлял лишь 94% по сравнению с данными второго квартала 1951 года. С 1929 по 1951 год

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 40.

промышленная продукция США выросла всего в 2 раза, в Англии в полтора раза, а во Франции осталась на одном и том же уровне. Для социалистического общества характерен непрерывный рост производства. Социалистическое производство не знает заминок, остановок, перерывов в развитии. За это же время продукция промышленности СССР возросла в 13 раз. Успешное осуществление четвертой пятилетки и первых двух лет пятой — яркое свидетельство непрерывного роста общественного производства в СССР.

Периодические застои в развитии техники в капиталистических странах, сопровождающиеся разрушением производительных сил общества, указывает товарищ Сталин, заменяются при социализме непрерывным совершенствованием производства на базе новой техники, что в конечном счете обеспечивает неуклонное развитие всего социалистического способа производства.

Таким образом, советское социалистическое общество достигло той ступени в своем развитии, когда в полную силу развернулся и действует основной экономический закон социализма, сформулированный товарищем Сталиным, когда этот закон с успехом используется партией и народом в строительстве высшей фазы коммунизма. Этот основной экономический закон выражает цель советского общественного производства и средства осуществления этой цели, определяет, какой задаче Коммунистическая партия, советский народ подчиняют общественное производство при социализме.

Вопрос о цели общественного производства в СССР тем более требовалось подчеркнуть со всей силой, что у нас появились доморощенные «экономисты», которые начали рассуждать вкривь и вкось о том, что имеет «примат» в советском обществе — производство или потребление. Товарищ Сталин высмеял и опрокинул подобные схоластические упражнения, указав, что если бы мы рассуждали на манер людей, кото-

рые считают, что трудящиеся производят при социализме не ради удовлетворения своих потребностей, а ради производства, мы не видели бы коренного различия между капиталистическим производством, в котором человек не принимается в расчет, и производством социалистическим, где цель и смысл производства — удовлетворение материальных и культурных потребностей народа. Выдвинув тезис о так называемом «примате» производства перед потреблением, лжеэкономист Л. Ярошенко порвал с марксизмом, ибо приписал социализму черты, присущие капитализму, и оказался целиком в плену буржуазной идеологии.

Особенностью научных, марксистских обобщений и открытий товарища Сталина является гениальное проникновение в самые глубинные процессы, совершающиеся в настоящем. Вместе с тем в трудах И. В. Сталина раскрывается будущее социалистического общества в его закономерном течении. Замечательным примером глубокого проникновения в будущее является указание товарища Сталина о том, что при коммунизме количество труда, затраченного на производство продуктов, будет измеряться не окольным путем, не через стоимость и ее формы, а прямо и непосредственно количеством часов, израсходованных на производство продуктов. Товарищ Сталин отмечает также, что распределение труда между отраслями производства будет регулироваться ростом потребностей общества в продуктах. «Это будет общество, — учит товарищ Сталин, — где производство будет регулироваться потребностями общества, а учет потребностей общества приобретет первостепенное значение для планирующих органов»¹.

В коммунистической формации общественное производство во все периоды и на всех ступенях ее развития имеет одну главную задачу: удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потреб-

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 23.

ностей всего общества. Эта цель связывает воедино все общественное производство при социализме и коммунизме, подчиняет его одной общей задаче.

Это значит, что открытый и научно обоснованный товарищем Сталиным основной экономической закон социализма создает объективные условия для осуществления основного принципа коммунизма.

Открытый товарищем Сталиным основной экономической закон социализма определяет все главные стороны и процессы развития социалистического общества. Он определяет, например, действие такого важного экономического закона, открытого товарищем Сталиным, как закон планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства СССР.

Этот закон возник в противовес специфическому для капитализма экономическому закону конкуренции и анархии производства. В СССР, где в результате социалистической революции были обобществлены средства производства, закон конкуренции и анархии производства потерял свою силу. Новые объективные условия развития общества вызвали к жизни другой закон — закон планомерного развития народного хозяйства. Тем самым в советском обществе сложилась объективная возможность правильно планировать общественное производство. «Но возможность,—учит товарищ Сталин,—нельзя смешивать с действительностью. Это—две разные вещи. Чтобы эту возможность превратить в действительность, нужно изучить этот экономический закон, нужно овладеть им, нужно научиться применять его с полным знанием дела, нужно составлять такие планы, которые полностью отражают требования этого закона»¹.

Раскрывая действие объективных экономических законов социализма, используя эти законы, Коммунистическая партия и Советское государство уверенно ведут советский народ к коммунизму.

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 8—9.

Построить коммунизм — значит прежде всего развить коммунистический способ производства от его первой фазы — социализма — до его высшей фазы — коммунизма. Способ производства характеризуется двумя неразрывно связанными сторонами. Производительные силы, как учит товарищ Сталин, выражают отношение общества к природным силам, в борьбе с которыми общество добывает необходимые материальные блага. Производственные отношения — другая сторона общественного производства — выражают отношение людей друг к другу в процессе производства. Обе эти различные стороны общественного производства взаимосвязаны. Их нельзя ни отрывать друг от друга, ни отождествлять друг с другом. То и другое лишает возможности понять действие важнейшего закона развития общества, открытого Марксом и всесторонне обоснованного и конкретизированного И. В. Сталиным,— закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил общества. Товарищ Сталин указывает: «И именно потому, что они являются различными сторонами общественного производства, они могут воздействовать друг на друга. Утверждать, что одна из этих сторон может быть поглощена другой и превращена в ее составную часть,— значит серьезнейшим образом согрешить против марксизма»².

Наличие указанных двух сторон общественного производства имеет всеобщий характер, оно присуще любому общественному производству, будь то рабовладельческое, феодальное, капиталистическое или коммунистическое. Люди, классы, социальные группы не могут вступать в отношения с природными силами, использовать их, не вступая в определенные отношения друг к другу, в производственные отношения. Только через посредство производственных отношений имеет место отношение людей к природе.

Переход от одной, менее высокой

² Там же, стр. 63.

и развитой ступени развития общества к другой, более высокой и развитой, имеет своим источником развитие производительных сил. Товарищ Сталин конкретизирует это общее положение марксизма применительно к советскому социалистическому обществу и на стадии его перехода к коммунизму. Для подготовки перехода к коммунизму надо поднять на более высокую ступень все общественное производство и прежде всего производительные силы советского общества. В основу своего глубочайшего анализа основных предварительных условий перехода к коммунизму товарищ Сталин положил это требование марксистской науки об обществе. Товарищ Сталин характеризует первое основное предварительное условие перехода к коммунизму следующим образом: «Необходимо, во-первых, прочно обеспечить не мифическую «рациональную организацию» производительных сил, а непрерывный рост всего общественного производства с преимущественным ростом производства средств производства». Товарищ Сталин говорит далее, что «преимущественный рост производства средств производства необходим не только потому, что оно должно обеспечить оборудованием как свои собственные предприятия, так и предприятия всех остальных отраслей народного хозяйства, но и потому, что без него вообще невозможно осуществить расширенное воспроизводство»¹.

Гениальная формула товарища Сталина о первом основном предварительном условии перехода к коммунизму зиждется на глубочайшем проникновении в объективный закономерный процесс общественного развития при социализме. Свой вывод товарищ Сталин строит, опираясь на известное положение Маркса о расширенном воспроизводстве. Товарищ Сталин развил основные положения марксовой теории

воспроизводства: положения о разделении общественного производства на производство средств производства и производство предметов потребления, о преимущественном росте производства средств производства при расширенном воспроизводстве, о соотношении между первым и вторым подразделениями производства, об образовании и назначении общественных фондов, о накоплении как единственном источнике расширенного воспроизводства. Эти положения конкретизированы товарищем Сталиным и применены к условиям социалистического воспроизводства.

1951 год — первый год пятого пятилетнего плана. Опубликованные за этот год данные о развитии социалистической промышленности красноречиво говорят об огромных успехах нашей страны на пути выполнения первого сталинского основного предварительного условия перехода к коммунизму. Эти данные говорят о том, что промышленность, производящая средства производства, превзошла в 1951 году довоенный уровень в 2,4 раза, а в 1952 году этот уровень будет превзойден в 2,7 раза. В 1952 году в СССР будет произведено 25 миллионов тонн чугуна, то есть на 70% больше, чем в 1940 году. Это такой рост производства, которого не знала и не знает ни одна страна в мире. В 1952 году будет произведено 35 миллионов тонн стали — на 90% больше, чем было произведено в 1940 году. В том же 1952 году будет добыто 300 миллионов тонн угля — на 80% больше того, что было добыто в 1940 году. Будет добыто также 47 миллионов тонн нефти — на 50% больше, чем в 1940 году. Машин и оборудования будет произведено в 3 с лишним раза больше, чем в 1940 году. За пятилетие произойдет увеличение общей мощности электростанций втрое.

Успехи всех отраслей социалистического народного хозяйства и есть процесс живого, реального воплощения в жизнь первого предварительного условия перехода к коммунизму. Выполнение пятого пятилетнего плана, как это сказано в директивах XIX съезда партии, будет означать

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 66—67. (Разрядка моя. — Г. А.)

крупный шаг на пути осуществления постепенного перехода от социализма к коммунизму. В пятой пятилетке запланирован средний ежегодный рост производства средств производства на 13% и предметов потребления на 11% при среднем валовом росте всей ежегодной продукции в 12%. Фактическое же выполнение народнохозяйственного плана 1952 года превзошло показатели, запланированные на этот год. В 1951 и 1952 годах ежегодный прирост валовой продукции составил 14% вместо 12% по плану, при этом ежегодный прирост производства средств производства составил 15% вместо 13% по плану. Проявлением и воплощением того же процесса реализации сталинской программы является развертывание великих строек коммунизма.

За 35 лет советской власти наша страна увеличила свое промышленное производство в 39 раз. Товарищ Берия отметил в своем выступлении на XIX съезде партии, что для увеличения промышленного производства в 39 раз Великобритании, например, потребовалось 162 года (с 1790 по 1951), Франция за 90 лет увеличила свое промышленное производство только в 5,5 раза, США за последние 35 лет увеличили производство промышленной продукции лишь в 2,6 раза.

Одновременно с быстрым и преимущественным развитием производства средств производства в стране социализма быстрыми темпами растет производство предметов потребления. В 1952 году рост производства предметов потребления составит свыше 13% против 11% по плану. За всю историю нашей страны никогда не производилось столько продукции, сколько было произведено в истекшем 1952 году. Впервые в стране было собрано 8 миллиардов пудов зерна. В предыдущие годы самая большая цифра составляла свыше 7 миллиардов пудов. За 1951—1955 годы валовой урожай зерна будет увеличен на 40—50%, в том числе пшеницы на 55—65%.

Так, в полном соответствии с по-

ложениями исторического материализма и политической экономии, с положением товарища Сталина о первом предварительном условии перехода к коммунизму обеспечивается в стране социализма непрерывный рост общественного производства с преимущественным ростом производства средств производства. Успехи советской промышленности столь грандиозны, что даже реакционная буржуазная печать, хотя и со страхом и скрежетом зубным, все же вынуждена их признавать и высоко оценивать. Недавно буржуазная голландская газета «Тайд» писала: «Нужно признать, что новый пятилетний план Советского Союза является гигантским по своим масштабам производством. Осуществление этого плана приведет к таким достижениям, которых не знал свет. Новый пятилетний план еще больше укрепит Советский Союз и повысит жизненный уровень советского человека. Со всем этим надо считаться».

* * *

Закономерный переход от социализма к коммунизму предполагает не только всемерное развитие производительных сил, но и соответствующее развитие производственных отношений — второй необходимой стороны общественного производства.

Товарищ Сталин подверг резкой критике таких вульгаризаторов политической экономии и антимакистов, которые утверждали, что дальнейшее развитие нашего общества возможно без развития производственных отношений и даже вообще без них, без экономического базиса, который-де может быть поглощен производительными силами. Не трудно понять, что подобные экономисты отвергали, таким образом, базис социалистического общества, то есть то, что составляет самое существо и величайшее превосходство социализма над капитализмом. Такие лжеэкономисты порывают с основами марксизма, допуская, будто возможно общество без своего экономического базиса. Товарищ Сталин учит, что «каждая общественная формация, в

том числе и социалистическое общество, имеет свой экономический базис, состоящий из совокупности производственных отношений людей»¹.

Коренные положения марксизма о базисе, его роли в развитии общества, о законах развития производственных отношений блестяще разработаны товарищем Сталиным в его новом труде «Экономические проблемы социализма в СССР», обосновывающем программу строительства коммунизма в нашей стране.

Марксисты не могут представлять себе дело таким образом, будто в процессе перехода к коммунизму отношение людей к природе (производительные силы) будет совершенствоваться, подниматься на новую ступень, а базис общества (отношения людей друг к другу в процессе производства) застрянет на одной точке. Базис общества, его производственные отношения, также будет развиваться и совершенствоваться при переходе к коммунизму. Если бы дело обстояло иначе, если бы наша партия не заботилась о постоянном приведении производственных отношений в соответствие с ростом производительных сил, то производственные отношения при социализме настолько отстали бы от развития производительных сил, что пришли бы в конфликт с ними, а это подорвало бы существование самого социалистического строя.

Враги советского народа, воюя против социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, ставили ставку на то, чтобы задержать развитие производительных сил и социалистических производственных отношений и тем самым подорвать силу и могущество советского общественного и государственного строя. Но, как известно, Коммунистическая партия наголову разбила и ликвидировала этих лютых врагов советского народа и приняла меры к тому, чтобы в стране прочно и навсегда победили социалистические производственные отношения, чтобы базис социализма развивался, совершенствовался и давал полный

простор развитию производительных сил нашей страны как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

Коммунистическая партия, Советское государство во-время принимают меры для дальнейшего развития социалистических производственных отношений и тем самым ликвидируют противоречия, возникающие между производительными силами и производственными отношениями в эпоху социализма.

Глубочайшим научным анализом объективных законов общественного развития товарищ Сталин обогащает марксистскую теорию базиса общества и дает самое полное и глубокое, классическое определение производственных отношений. К производственным отношениям, учит товарищ Сталин, относятся: «а) формы собственности на средства производства; б) вытекающие из этого положение различных социальных групп в производстве и их взаимоотношение, или, как говорит Маркс: «взаимный обмен своей деятельностью»; в) всецело зависящие от них формы распределения продуктов»².

Сталинский научный анализ производственных отношений имеет громадное значение для научного понимания развития базиса любого общества. Он углубляет марксистские знания об экономических отношениях людей и вооружает кадры партии и государства научным методом изучения содержания данного экономического базиса, законов его развития.

Для построения социализма, то есть первой фазы коммунистического общества, требовалось ликвидировать многоукладность советского хозяйства, ликвидировать капиталистические производственные отношения, перевести на социалистический путь развития мелкотоварное и патриархальное хозяйство и установить во всей стране социалистические производственные отношения. Для подготовки перехода к коммунизму требуется, чтобы хозяйство было не только однотипным по характеру производственных отноше-

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 64.

² Там же, стр. 73.

ний, базиса общества, но чтобы эти производственные отношения имели одинаково высокий уровень социалистической зрелости, чтобы общество перешло от двух форм социалистической собственности к единой, общенародной форме собственности.

Характеризуя второе основное предварительное условие перехода к коммунизму, товарищ Сталин учит: «Необходимо, во-вторых, путем постепенных переходов, осуществляемых с выгодой для колхозов и, следовательно, для всего общества, поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности, а товарное обращение тоже путем постепенных переходов заменить системой продуктообмена, чтобы центральная власть или другой какой-либо общественно-экономический центр мог охватить всю продукцию общественного производства в интересах общества»¹.

Разработанные И. В. Сталиным первое и второе основные предварительные условия перехода к коммунизму, взятые в их единстве, обеспечивают развитие всего общественно-го производства.

Второе основное предварительное условие перехода к коммунизму охватывает все стороны производственных отношений: и формы собственности на средства производства, и вытекающие из этого отношения между различными социальными группами в производстве, и формы распределения продуктов.

В своем труде «Экономические проблемы социализма в СССР» товарищ Сталин подчеркивает, что в настоящее время у нас существуют две основные формы социалистической собственности: государственная, общенародная, и групповая, колхозная, которую нельзя назвать общенародной. Государственная общенародная собственность основана

на том, что в государственных предприятиях как средства производства, так и вся продукция производства составляют собственность общенародную, государственную. В колхозном же производстве государству принадлежат два решающих элемента общественного производства: земля и машины. Что же касается результатов производства, т. е. продукции, получаемой колхозами, то она принадлежит только колхозу. Продукция производства принадлежит колхозу потому, что труд и семена в колхозах свои собственные. Это означает, что государство может целиком распоряжаться продукцией, произведенной на государственных, общенародных предприятиях, и целиком планировать ее распределение, но государство не может распоряжаться, как своей собственностью, продукцией, произведенной в колхозах, а следовательно, и полностью охватывать ее своим планированием. Этой продукцией распоряжается колхоз. Поскольку же в современных условиях колхозы принимают связь с городом только через обмен своих товаров на городские изделия, через куплю-продажу, постольку «товарное производство и товарооборот являются у нас в настоящее время такой же необходимостью, какой они были, скажем, лет тридцать тому назад, когда Ленин провозгласил необходимость всемерного разворота товарооборота»².

На современном этапе развития советского общества наличие двух форм социалистической собственности дает полный простор развитию производства. Однако подъем производительных сил в ходе постепенного перехода к коммунизму не может не приводить и действительно приводит к возникновению противоречия между ними и производственными отношениями, обусловленного наличием двух форм социалистической собственности.

Некоторые наши экономисты и философы считали, что поскольку социалистические производственные отношения дают полный простор развитию производительных сил и

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 67. (Разрядка моя. — Г. А.)

² Там же, стр. 16—17.

находятся в полном соответствии с ними, значит, они не могут войти с ними в противоречие и оказаться тормозом для развития производительных сил. Разъясняя ошибочность подобного взгляда, товарищ Сталин указывает, что в настоящее время групповая, колхозная, собственность и связанное с ней товарное обращение «с успехом используются нами для развития социалистического хозяйства и они приносят нашему обществу несомненную пользу. Несомненно, что они будут приносить пользу и в ближайшем будущем. Но было бы непростительной слепотой не видеть, что эти явления вместе с тем уже теперь начинают тормозить мощное развитие наших производительных сил, поскольку они создают препятствия для полного охвата всего народного хозяйства, особенно сельского хозяйства, государственным планированием. Не может быть сомнения, что чем дальше, тем больше будут тормозить эти явления дальнейший рост производительных сил нашей страны. Следовательно, задача состоит в том, чтобы ликвидировать эти противоречия путем постепенного превращения колхозной собственности в общенародную собственность и введения продуктообмена — тоже в порядке постепенности — вместо товарного обращения»¹.

Одной из важнейших предпосылок, обеспечивающих успех в деле повышения колхозной собственности до уровня общенародной, является морально - политическое единство советского общества. Коренные интересы рабочих и колхозников полностью совпадают. Рабочие и колхозники являются активными строителями коммунистического общества, они объединены вокруг одних и тех же исторических задач, борются под одним знаменем, под знаменем Коммунистической партии. В СССР уничтожена противоположность между городом и деревней. Отмечая важность этого факта, товарищ Сталин указывает, что в нашей стране была оказана огромная помощь крестьянству со сторо-

ны социалистического города, со стороны рабочего класса в деле ликвидации помещиков и кулачества, что «систематическое снабжение крестьянства и его колхозов первоклассными тракторами и другими машинами превратило союз рабочего класса и крестьянства в дружбу между ними»².

Все это является важным условием для постепенного подъема колхозной собственности до уровня общенародной. Чтобы решить эту задачу, необходимо дальнейшее грандиозное развертывание производства городских изделий, последовательное развертывание прямого продуктообмена между городом и деревней. Сталинский труд «Экономические проблемы социализма в СССР» указывает пути решения этой исторической задачи.

Товарищ Сталин отмечает в этой работе, что отдельные экономисты предлагают вместо продвижения вперед колхозного производства решить дело, как им кажется, более простым путем, а именно: национализировать колхозную собственность, объявив ее общенародной по примеру того, как это было сделано некогда с капиталистической собственностью. Товарищ Сталин предупреждает партию о неприемлемости подобных неправильных предложений. Колхозная собственность есть социалистическая собственность. Мы не можем, говорит товарищ Сталин, обращаться с этой собственностью, как с капиталистической.

В связи с этим товарищ Сталин рассматривает вопрос о социалистической собственности в эпоху победы социализма в мировом масштабе. Марксизм учит, что социализм победит в конце концов во всех странах. Уже теперь одна треть населения земного шара вырвана из империалистической неволи. Одни из народов, вставших на путь создания свободной и счастливой жизни, как, например, китайский народ, создают условия для строительства социализма, другие, как, например, в европейских странах народной демокра-

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 68.

² Там же, стр. 26.

тии, строят социализм, а великий советский народ, прокладывая путь в будущее для всех стран и народов, успешно строит коммунизм. Победа социализма в других странах приведет к тому, что потребность в государстве в конце концов, со временем, исчезнет. Государство отомрет, но общество останется. Общественная собственность потому и называется общественной, что это марксистское понятие выражает не только ту ступень развития коммунистического общества, когда сохраняется государство и собственность является государственной, но и ту ступень, когда государства уже не будет, а собственность останется и будет принадлежать всему обществу.

Не меньший вред, чем предложение о национализации колхозной собственности, имеет предложение экономистов тт. Саниной и Венжера продать колхозам машинно-тракторные станции, чтобы государство сняло эту, как пишут авторы, обузу со своих плеч и передало всю заботу о развитии современной техники самим колхозам. Товарищ Сталин наголову разбил эту неправильную и вредную точку зрения. Продажа колхозам МТС не только поставила бы колхозы в особое, исключительное положение, какого нет ни у одной группы населения, но и подорвала бы развитие колхозов.

Товарищ Сталин показал, что проведение в жизнь подобных предложений разорило бы колхозы, приостановило бы развитие сельскохозяйственной техники и нанесло бы громадный урон нашему делу.

Товарищ Сталин указывает пути постепенного осуществления замены товарооборота продуктообменом, характерным для высшей ступени коммунистического общества. Необходимо постепенно выключать излишки колхозного производства из системы товарного обращения и включать их в систему продуктообмена между государственной промышленностью и колхозами. Излишки колхозного производства выбрасываются в настоящее время на рынок и включаются в систему товарного обращения. Это обстоятельство мешает в современных условиях под-

нять колхозную собственность до уровня общественной, а потому именно с этого конца и нужно развернуть работу по поднятию колхозной собственности до уровня общественной.

Товарищ Сталин, как великий теоретик марксизма, научно определил дальнейший путь развития социалистических производственных отношений в деревне, гениально подметив и полностью оценив все то громадное значение, которое должен иметь продуктообмен между городом и деревней.

Своим гениальным анализом пути развития колхозной собственности до уровня общественной товарищ Сталин дает новый замечательный образец применения марксистской диалектики к явлениям общественной жизни и научного предвидения на этой основе. Как известно, у нас в стране еще нет развитого продуктообмена между городом и деревней, а есть развернутое товарное обращение через куплю-продажу. Но в стране уже есть зародыш продуктообмена, который известен как отоваривание городом сельскохозяйственной продукции. Однако слово «отоваривание», говорит товарищ Сталин,— неудачное слово, его надо заменить другим — «продуктообмен».

Товарищ Сталин предвидит, как пойдет здесь, в этой области, дальнейшее развитие. То, что сейчас имеется в зачаточном состоянии, постепенно развернется и станет основным в экономических отношениях между городом и деревней. «Задача состоит в том,— пишет товарищ Сталин,— чтобы эти зачатки продуктообмена организовать во всех отраслях сельского хозяйства и развить их в широкую систему продуктообмена с тем, чтобы колхозы получали за свою продукцию не только деньги, а главным образом необходимые изделия»¹.

Товарищ Сталин предупреждает, что выполнение этой задачи потребует громадного увеличения городской продукции, ввиду чего систему

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 94.

продуктообмена придется вводить без торопливости, по мере накопления городских изделий. «Но вводить ее нужно неуклонно,—учит товарищ Сталин,—без колебаний, шаг за шагом сокращая сферу действия товарного обращения и расширяя сферу действия продуктообмена». Это и явится подготовкой условий для перехода к коммунизму, «облегчит переход от социализма к коммунизму» и «даст возможность включить основную собственность колхозов, продукцию колхозного производства в общую систему общенародного планирования. Это и будет реальным и решающим средством для повышения колхозной собственности до уровня общенародной собственности при наших современных условиях»¹.

Сталинский план повышения колхозной собственности до уровня общенародной собственности имеет решающее значение для преодоления существенного различия между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством. Устранение этого существенного различия между городом и деревней будет означать, как это показал товарищ Сталин, повышение колхозной собственности до уровня общенародной. Большое значение в этом процессе имеет развитие старых и появление новых городов, как центров наибольшего роста культуры, индустрии, «переработки сельскохозяйственных продуктов и мощного развития всех отраслей пищевой промышленности. Это обстоятельство облегчит культурный расцвет страны и приведет к выравниванию условий быта в городе и деревне»².

Развивая марксистские положения о путях развития города и деревни при социализме, товарищ Сталин показал, что уничтожение существенного различия между промышленностью и сельским хозяйством не ведет к исчезновению всякого различия между ними. И при коммунизме останутся несущественные различия между городом и деревней, так как

условия работы в промышленности и в сельском хозяйстве различны.

Таков гениальный сталинский план дальнейшего совершенствования социалистической собственности, план уничтожения существенного различия между городом и деревней, основанный на глубочайшем знании и активном, всемерном использовании объективных экономических законов развития социализма.

* * *

Развитие СССР к коммунизму предполагает не только дальнейший рост производительных сил и повышение экономической зрелости базиса социалистического общества. Марксизм учит: каков способ производства у общества, таково и само общество — его идеи, теории, политические взгляды и учреждения, его культура.

Трудящиеся, руководимые КПСС, знают, что переход к коммунизму требует высокого уровня культуры всего общества, широчайшего распространения научных знаний, овладения многомиллионными массами трудящихся марксистско-ленинским мировоззрением.

Третье основное предварительное условие перехода к коммунизму, выдвинутое и научно обоснованное в труде И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», дает развернутую характеристику положения труда и, следовательно, развития производительных сил и производственных отношений в эпоху постепенного перехода от социализма к коммунизму, является замечательной конкретизацией и развитием марксистской теории о путях развития социалистической культуры в этот исторический период.

Товарищ Сталин пишет: «Необходимо, в-третьих, добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей, чтобы члены общества имели возможность получить образование, достаточное

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 94.

² Там же, стр. 26.

для того, чтобы стать активными деятелями общественного развития, чтобы они имели возможность свободно выбирать профессию, а не быть прикованными на всю жизнь, в силу существующего разделения труда, к одной какой-либо профессии»¹.

Решающее значение придает И. В. Сталин серьезным изменениям, которые необходимо произвести в нынешнем положении труда. Здесь мы имеем великий пример всестороннего творческого развития гениальных замечаний Маркса о положении труда при коммунизме.

Критика Марксом Готской программы немецких социалистов, его замечания на книгу Бакунина «Государственность и анархия», «Неопубликованные рукописи К. Маркса», обнародованные в № 11—12 журнала «Большевик» за 1939 год, и другие его труды показывают, что Маркс глубоко разрабатывал вопрос о том, что произойдет в положении труда после ликвидации капитализма и победы социалистического строя. Однако никто из нас, пропагандистов марксизма, не сумел проанализировать гениальные положения и наброски Маркса применительно к условиям социалистического общества в СССР. Своим блестящим и всесторонним творческим развитием марксистского учения об изменении в положении труда при переходе к коммунизму, о коммунистической культуре, ее строительстве и развитии товарищ Сталин дал наглядный и великий образец того, как коммунисты должны творчески овладевать марксистско-ленинской наукой, как они должны руководствоваться этой наукой при решении вопросов теории и практики.

Напомним читателю высказывание Маркса о решающем изменении в положении труда при коммунизме. Вскрыв коренное противоречие буржуазного способа производства, вы-

раженное в общественном характере производства и частном характере присвоения, и характеризуя положение труда в социалистическом обществе, Маркс пишет: «...Рабочая масса должна сама присвоить себе свой прибавочный труд. Как только она это сделает — и *свободное время* тем самым перестанет существовать в *антагонистической* форме, — с одной стороны окажется, что необходимое рабочее время будет измеряться потребностями общественного индивида, а с другой стороны, что развитие производительных сил пойдет с такой быстротой вперед, что, хотя теперь производство будет рассчитано на богатство всех, тем не менее *свободное время* всех возрастет»².

Товарищ Сталин, развивая идеи Маркса, учит, что именно бурное развитие производительных сил ради удовлетворения потребностей трудящихся служит основой для изменения в положении труда.

«...Действительное богатство, — продолжает Маркс свой анализ коммунизма, — это — развитая производительная сила всех индивидов. Тогда мерилom богатства будет уже не рабочее время, а *свободное время*»³.

Несмотря на сведение труда к минимуму, колоссально возросшие производительные силы и производительность труда не только сохранят присущие социализму темпы развития общественного производства, но намного увеличат их. Поскольку же целью общественного производства и при коммунизме, как и при социализме, выступает сам человек, удовлетворение его постоянно растущих потребностей, постольку высвобождение все большего времени от обязательного труда для всестороннего развития личности составляет необходимую черту коммунистического строя.

Товарищ Сталин разработал целостную программу культурного роста общества, в основе которой лежат серьезные изменения в ны-

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 68—69. (Разрядка моя. — Г. А.)

² Журнал «Большевик» № 11—12 за 1939 год, стр. 63—64.

³ Там же. (Разрядка моя. — Г. А.)

нешнем положении труда. Для осуществления этой задачи, учит товарищ Сталин, нужно прежде всего сократить рабочий день по крайней мере до 6, а потом и до 5 часов. В результате осуществления этого члены общества будут иметь достаточно свободного времени, необходимого для получения всестороннего образования.

Товарищ Сталин развивает указания В. И. Ленина о развитии политехнического образования как важного условия изменения в положении труда при коммунизме. Ленин требовал выработать практически доступную программу перехода к политехническому образованию. Основой такого образования Ленин считал обязательное для всех детей обоего пола до 16 лет ознакомление в теории и на практике с главными отраслями производства. Ленин отмечал, что, например, к электрификации неграмотные люди не подойдут, и при том одной грамотности здесь мало. «Здесь недостаточно понимать, что такое электричество: надо знать, как технически приложить его и к промышленности, и к земледелию, и к отдельным отраслям промышленности и земледелия. Надо научиться этому самим, надо научить этому все подрастающее трудящееся поколение»¹.

Ленин считал, что политехническое образование не означает обучения детей всему, оно требует обучения основам современной индустрии.

Чтобы члены общества имели возможность свободно выбирать профессию и не быть прикованными на всю жизнь к одной какой-либо профессии, товарищ Сталин намечает введение общеобязательного политехнического образования.

Громадную роль в культурном росте общества сыграет коренное улучшение жилищных условий, поднятие реальной заработной платы рабочих и служащих минимум вдвое, если не больше. И. В. Сталин указывает и единственно правильный путь для дальнейшего подъема реальной заработной платы. Это путь как прямого повышения денежной

зарплаты, так и особенно дальнейшего систематического снижения цен на предметы массового потребления.

При социализме все развитие общества, все планы подъема хозяйства и культуры подчинены интересам и нуждам общества, народных масс и успешно проводятся в жизнь. Вот некоторые характерные данные о росте материального благосостояния и культуры советского общества. В 1952 году национальный доход СССР увеличится по сравнению с 1950 годом на 25%. Розничный товарооборот, показывающий увеличение товаров, поступающих населению через государственную и кооперативную торговлю, повысится за этот же период на 27%. В пятой пятилетке производство продукции легкой и пищевой промышленности увеличится не менее чем на 70%. В стране разворачивается грандиозное жилищное строительство. За пятилетие (1951—1955) будет введено в действие около ста пяти миллионов квадратных метров новой жилой площади. В стране осуществляется всеобщее семилетнее образование, а к концу пятой пятилетки будет осуществлен переход к всеобщему десятилетнему образованию в столицах республик, городах республиканского подчинения, в областных, краевых и крупных промышленных центрах. Уже в следующей пятилетке всеобщее среднее образование охватит все остальные города, а также сельскую местность. В стране улучшается работа по здравоохранению, неуклонно повышается реальная заработная плата рабочих и служащих, растут доходы колхозников.

В пятой пятилетке будет осуществлен крупный шаг по пути подъема и роста культуры всего советского общества. То, что Коммунистической партией, марксистской теорией всегда выдвигалось в качестве великой цели мирового рабочего революционного движения, товарищем Сталиным разработано в качестве практически уже осуществляемой программы строительства коммунизма. Члены коммунистического общества, совершив громадный подъем в культурном отношении, должны стать активными деятелями обще-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 264.

ственного развития. Уровень их коммунистической сознательности повысится в этих условиях в невиданной мере. Это отразится на всех сторонах производственной, общественной и личной жизни тружеников коммунистического общества. Труд станет первейшей жизненной потребностью, а выполнение обязанностей перед обществом будет доставлять полное удовлетворение.

Высший уровень культурности и коммунистической сознательности будет означать также ясное понимание всеми тружениками не только своей роли в общественном производстве и культурной жизни общества, но и тех результатов, к которым ведет деятельность каждого трудящегося в отдельности и общества в целом. Именно сознательное и многообразное участие в жизни общества, основанное не просто на активности, но и на больших познаниях в области разнообразных отраслей труда и науки, делает строителя коммунистического общества активным деятелем общественного процесса.

Эти качества членов будущего общества базируются на коммунистическом отношении к общественной собственности. Уже в период социализма общественная собственность как экономическая основа общества является священной и неприкосновенной. Все большая часть членов социалистического общества понимает, что общественная собственность служит коренным устоем социализма, общественного благосостояния, основой прочности советского строя, и поэтому проявляет заботу о ней, охраняет общественную собственность как зеницу ока. Но на первой фазе коммунизма — при социализме — самое положение труда иное, чем при коммунизме, и далеко еще не все члены общества прониклись высоким коммунистическим сознанием. В период социализма в обществе еще немало людей со старыми привычками и взглядами, а потому немало посягательств на общественную собственность. Отсюда и вытекает одна из важнейших задач Советского государства при социализме: стоять на страже обществен-

ной социалистической собственности, охранять эту собственность от любых посягательств — от лодырей и ту-неядцев, воров, жуликов и всяких иных расхитителей общественного добра. Изменение же в положении труда при коммунизме, дальнейший бурный рост культуры и коммунистической сознательности всех трудящихся сделают излишней охрану общественной собственности со стороны государства. При коммунизме все члены общества будут рассматривать общественную собственность как незыблемую и неприкосновенную основу существования общества. Это и будет высшим выражением высокой коммунистической сознательности людей в эту великую историческую эпоху.

Уничтожение существенного различия между умственным и физическим трудом в ходе строительства коммунизма составляет одну из важнейших сторон гениального сталинского плана дальнейшего развития социалистического общества. Опираясь на опыт Советской страны, товарищ Сталин ставит великую задачу: поднять культурно-технический уровень всех рабочих до уровня инженерно-технического персонала. Результатом осуществления этой всемирно-исторической задачи будет поднятие нашей промышленности на высоту, недостижимую для промышленности других стран.

Но исчезновение существенного различия между трудом умственным и физическим — разрыва в культурно-техническом уровне рабочих и инженерно-технического состава советских кадров — не означает полного исчезновения также и несущественных различий между умственным и физическим трудом, указывает товарищ Сталин. «...Какое-то различие, хотя и несущественное, все же сохранится, хотя бы потому, что условия работы руководящего состава предприятий не одинаковы с условиями работы рабочих»¹.

Разработка товарищем Сталиным вопроса о путях преодоления существенного различия между умствен-

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 29.

ным и физическим трудом имеет громадное теоретическое и политическое значение и является выдающимся вкладом в марксистскую науку о строительстве коммунизма.

Товарищ Сталин учит, что все три основные условия подготовки перехода к коммунизму необходимо рассматривать в их единстве.

«Только после выполнения *всех* этих предварительных условий, взятых вместе, можно будет надеяться, что труд будет превращен в глазах членов общества из обузы «в первую жизненную потребность» (Маркс), что «труд из тяжелого бремени превратится в наслаждение» (Энгельс), что общественная собственность будет расцениваться всеми членами общества как незыблемая и неприкосновенная основа существования общества.

Только после выполнения *всех* этих предварительных условий, взятых вместе, можно будет перейти от социалистической формулы — «от каждого по способностям, каждому по труду» к коммунистической формуле — «от каждого по способностям, каждому по потребностям»¹.

Таковы основные черты гениальной сталинской программы подготовки перехода советского социалистического общества к коммунизму.

Из этого необходимо следует вывод о коренных экономических преимуществах социализма перед капитализмом. Из этого следует также, что социалистическая экономика построена в интересах мира и дружбы между народами, что она не нуждается во внешних завоеваниях, всю развертывая свое могущество, максимально удовлетворяя непрерывно растущие потребности трудящихся масс. Это начинают понимать даже некоторые буржуазные деятели, которые еще не совсем ослеплены лживой демагогией и клеветой, идущей из США. Так, швейцарская газета «Газетт де Лозанн» писала после опубликования в СССР директив по пятилетнему плану в статье «На кого работает время?»: Советская Россия «действительно, как это

указывает ее пятилетний план, может увеличивать свое основное производство на 13% ежегодно. Она извлечет из этого такую производственную мощность и такие богатства, которые ей не сможет принести никакое завоевание... Значит, время работает на СССР. Если эта страна повысит за пятилетие уровень своего промышленного производства на 70% и сохранит тот же темп, если он возможен, то это удешевит ее продукцию за пятнадцать лет! Следовательно, время работает на Россию»

4

Труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» вызвал громадный интерес и самое широкое обсуждение во всех странах мира.

Две коренные черты гениального сталинского труда привлекли к себе пристальнейшее внимание передовых сил, несущих народам радость освобождения от гнета и неволи, расширение демократии, установление национального равноправия и государственного суверенитета.

Речь идет о мастерском сталинском анализе, с одной стороны, объективных законов развития современного капитализма, порождающих дальнейшее разложение империалистического лагеря, обострение всеобщего кризиса капитализма, и объективных законов развития коммунистической формации — с другой.

Научные выводы вождя народов И. В. Сталина о современном состоянии системы мирового капитализма, подтверждающие неотвратимость ее краха, как и выводы о закономерном поступательном, восходящем развитии социализма, усилили страх и неуверенность в лагере поджигателей войны, в лагере империалистических заправил, и прежде всего в США, Великобритании, Франции. Вместе с тем эти выводы воодушевили передовые силы всех стран на дальнейшую решительную борьбу за интересы народов, за мир, демократию и социализм.

Уже через несколько дней после выхода в свет труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социа-

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 69.

лизма в СССР» миру стали известны новые факты, говорящие о нарастании глубочайших противоречий и неизбежного взрыва в лагере империалистических зверей. Вновь дали о себе знать противоречия внутри агрессивного сесеро-атлантического блока. Даже среди некоторых буржуазных кругов Великобритании и Франции все резче и смелее раздаются голоса против порабощения их стран американскими монополистами, против восстановления агрессивного немецко-фашистского вермахта. Мощные демонстрации и выступления трудящихся в Японии, в Западной Германии против реакционной политики США и их сателлитов красноречиво показали всему миру, сколь непрочен оккупационный режим, установленный в этих странах американской военщиной. Усиливающееся брожение в колониальных и зависимых от США, Англии и Франции странах все сильнее колеблет почву под империалистическими мировыми союзами, направленными против трудящихся масс, на разжигание новой мировой войны. Подтверждается вывод И. В. Сталина о том, что капиталистические страны — Западная Германия, Англия, Франция, Италия, Япония, — попавшие в лапы США, не будут послушно выполнять веления американских монополистов, «попытаются вырваться из американской неволи и стать на путь самостоятельного развития»¹.

Буржуазная печать пестрит заявлениями об обреченности авантюристической политики своих правительств, все чаще слышатся признания вроде того, что «нация, переживающая эру хронического страха, слышит поступь своей приближающейся смерти», или заявления о том, что, «думая о коммунизме, мы думаем о том, что мы можем потерять. Когда о коммунизме думают народы... они думают о том, что могут приобрести».

Яркое и глубокое обоснование товарищем Сталиным объективного характера законов социализма и за-

конов коммунизма имеет крупнейшее международное значение.

Доказательство того факта, что законы развития социалистического общества имеют такое же объективное значение, как и законы любого другого общества, подтверждение вывода марксизма о коммунистической формации как закономерной и высшей фазе в истории человечества наносят сокрушающий удар по всем домыслам идеологов и политиков империалистической буржуазии о пролетарской революции и социализме как якобы «отклонении» от основного направления развития общества, их болтовне о «русском эксперименте», о «неприемлемости» нашего пути для других стран и т. п. Обоснование объективного и общего для всех стран и народов характера экономических законов социализма подтверждает тот выдающийся факт, что движение общества к коммунизму является исторической необходимостью, что законы развития социализма не выдуманы и не созданы по прихоти людей, а полностью определены новыми материальными условиями жизни общества.

Коммунистическая формация является такой же всеобщей, обязательной в историческом развитии всех народов, как и любая из предшествовавших ей общественно-экономических формаций; эта формация возникает и развивается по объективным законам. Из этого положения, установленного марксизмом, и вытекает вывод, ныне полностью и неопровержимо подтвержденный историей: к коммунизму придут все народы мира. Это объективная и всеобщая историческая закономерность, которую нельзя преобразовать, изменить или ликвидировать. Она выражает такую же объективную истину, как и положение о закономерной смене общества первобытно-общинного рабовладельческим, рабовладельческим феодальным, феодальным капиталистическим.

Именно потому, что законы развития социалистического общества в СССР объективны и всеобщы для коммунистического способа про-

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 33.

изводства, они присущи любому социалистическому обществу в любой стране, общи им всем так же, как являются общими для всех буржуазных стран объективные законы развития капитализма. Из объективности и всеобщего характера этих законов вытекает возможность и обязательность использования великого опыта СССР по строительству социализма всеми народами, порывающими с капитализмом и вступающими на социалистический путь развития.

В своей исторической речи на XIX съезде Коммунистической партии товарищ Сталин дал яркое и глубокое марксистско-ленинское обоснование международного значения великого опыта КПСС и советского народа в строительстве коммунизма. Он показал, что интересы нашей партии сливаются с интересами миролюбивых народов, а интересы Советского Союза вообще неотделимы от дела мира во всем мире. КПСС борется за светлое будущее всех народов. Эта роль КПСС ярко выражена в том, что «представители братских партий, восхищаясь отвагой и успехами нашей партии, присвоили ей звание «Ударной бригады» мирового революционного и рабочего движения»¹.

Труд товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» содержит в себе в обобщенном виде исторический опыт свержения господства капитала, победоносного строительства социализма и развертывания борьбы за постепенный переход к коммунизму. Этим опытом с успехом руководствуются и будут руководствоваться передовые силы всех стран мира, на каких бы ступенях общественного развития эти страны ни находились.

¹ И. В. Сталин. Речь на XIX съезде партии, стр. 8. Госполитиздат. 1952.

Великие идеи товарища Сталина еще крепче сплачивают лагерь мира, демократии и социализма, прогрессивных людей всех стран для борьбы за их правое дело. Передовая печать многих стран отмечает, что каждое произведение, каждая речь, каждая статья и высказывание товарища Сталина находят самый живой отклик во всех уголках земного шара. Труды товарища Сталина освещают путь прогрессивным силам всего миролюбивого человечества к миру и лучшему будущему, поднимают у самых широких народных масс невиданную энергию и укрепляют их волю к борьбе, их веру в победу над заклятыми врагами мира и дружбы между народами.

В новом труде товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» дан классический марксистский анализ опыта и перспектив развития социалистического и современного капиталистического мира. Как Маркс дал в «Капитале» научный всесторонний анализ развития промышленного капитализма и идейно подготовил рабочий класс для решительной борьбы против своего заклятого врага — буржуазии, — как Ленин вскрыл законы развития капитализма в империалистическую его стадию и развития советского общества в переходный период от капитализма к социализму, так товарищ Сталин дал в своем новом труде полное научное решение сложнейших вопросов развития общества в эпоху перехода от социализма к коммунизму и развития современного капитализма. Труд товарища Сталина стоит в ряду великих творений марксистской мысли, является образцом творческого марксизма и демонстрирует невиданные доселе победы и успехи марксистско-ленинской теории.

О материалистическом понимании законов природы

Б. М. КЕДРОВ

Диалектико - материалистическое понимание законов природы обосновано и разработано в произведениях классиков марксизма-ленинизма. Дальнейшее развитие оно получило в новой работе И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

Философское понимание характера законов природы неразрывно связано с решением основного вопроса всякой философии. В соответствии с этим материалистическое понимание законов природы означает, во-первых, признание их объективности, их первичности по отношению к нашим понятиям и представлениям и, во-вторых, признание их познаваемости и возможности их использования человеком в его практических интересах. И. В. Сталин в своей новой работе развивает обе отмеченные стороны материалистического понимания законов природы. Вместе с тем И. В. Сталин разрабатывает и другие существенные стороны данного вопроса, в частности, выясняет, в чем едины и в чем различны законы природы и законы общества. Творчески разрабатывая важнейшие вопросы, выдвигаемые развитием нашей страны, развитием современной передовой науки, И. В. Сталин понимает диалектический материализм на новую, еще более высокую ступень.

В данной статье рассматривается вклад, внесенный новой работой И. В. Сталина в сокровищницу марксистско-ленинской философии в части диалектико-материалистической трактовки законов природы. В связи с этим в статье разбираются

вопросы об объективном характере законов природы, о познаваемости законов природы, о возможности их практического использования в качестве основы целенаправленной деятельности человека. Вопросу о сходстве и различии между законами природы и законами общества посвящается особая статья.

1. Объективный характер законов природы

Прежде всего необходимо выяснить, как понимает марксистско-ленинская философия, что такое закон природы, закономерность природы и что такое закон науки, закон естествознания. В классической работе И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме» сказано: «В противоположность метафизике диалектика рассматривает природу не как случайное скопление предметов, явлений, оторванных друг от друга, изолированных друг от друга и не зависящих друг от друга, — а как связанное, единое целое, где предметы, явления органически связаны друг с другом, зависят друг от друга и обуславливают друг друга»¹.

Органическая, то есть внутренне необходимая, связь между всеми предметами, явлениями природы и есть их всеобщая закономерная связь, и есть присущая им закономерность. Явления, предметы, мысленно вырванные из их взаимной связи, тем самым рассматриваются как нечто незакономерное, как случайное скопление вещей и процессов.

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 536. 11-е изд.

Законы природы являются конкретным проявлением всеобщей закономерности, всеобщей необходимой связи всех вещей, всех явлений природы. Познать явления природы или, как иногда говорят, объяснить их — значит понять эти явления в их внутренней закономерной связи между собой, другими словами, истолковать их на основе присущей им закономерности, присущих им законов. Объяснить явления — значит установить их причину, найти их закон, раскрыть их сущность. Понятия «сущность явлений» и «закон явлений» очень близки друг к другу. Они отражают собою то, как человек переходит от еще не понятных ему, никем не объяснимых явлений ко все более глубокому их пониманию, все более полному их объяснению, к их познанию. «...Закон и сущность понятия однородные (однопорядковые) или вернее, одностепенные, выражающие углубление познания человеком явлений, мира etc.»¹.

И. В. Сталин учит, что «ни одно явление в природе не может быть понято, если взять его в изолированном виде, вне связи с окружающими явлениями... и, наоборот, любое явление может быть понято и обосновано, если оно рассматривается в его неразрывной связи с окружающими явлениями, в его обусловленности от окружающих его явлений»².

Когда человек хочет действительно познать какое-либо явление природы или общества, то перед ним неизбежно встает задача — понять изучаемое явление, объяснить его с точки зрения присущих ему законов, присущей ему закономерности. Такую именно задачу ставит перед собой и решает наука. В своих научных понятиях она отражает законы природы и общества. И. В. Сталин в своем новом труде «Экономические проблемы социализма в СССР» характеризует законы науки как отражение объективных процессов, происходящих в природе и обществе

независимо от воли людей, как отражение присущих этим процессам закономерностей.

Итак, существуют объективные законы природы и общества и законы науки, отражающие эти законы объективного мира, а потому имеющие также объективный характер.

В решении вопроса о характере законов природы, о характере законов естествознания ясно проступают две прямо противоположные философские линии — линия материализма и линия идеализма.

Подобно тому как между материализмом и идеализмом идет ожесточенная борьба по основному вопросу всякой философии, что считать первичным — материю или дух, так эта же самая борьба идет между ними и по вопросу о понимании характера закономерности и необходимости природы.

Идеалисты всех оттенков толкуют законы природы как нечто производное от духа, как нечто зависимое от субъекта, как нечто порожденное нашим сознанием или же богом. «Разум диктует законы природе», — говорил Кант, а за ним это повторяют кантианцы и неокантианцы. «Причинность есть привычка мыслить в определенной последовательности», — говорил Юм, а за ним это твердят юмисты и неюмисты. «Физической причинности нет, есть только логическая причинность», — говорили Мах и махисты. Следовательно, идеалистический взгляд на законы природы означает отрицание объективной закономерности, причинности, необходимости в природе, то есть означает протаскивание субъективистской линии в этом вопросе.

В. И. Ленин учит: «...Субъективистская линия в вопросе о причинности, выведение порядка и необходимости природы не из внешнего объективного мира, а из сознания, из разума, из логики и т. п. не только отрывает человеческий разум от природы, не только противопоставляет первый второй, но делает природу частью разума, вместо того, чтобы разум считать частичкой природы. Субъективистская линия в вопросе о причинности есть философский идеализм (к разновидностям которо-

¹ «Философские тетради» В. И. Ленина, стр. 127. 1947.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 536.

го относятся теории причинности и Юма и Канта), т. е. более или менее ослабленный, разжиженный фидеизм»¹.

Напротив, линия материализма состоит в признании объективной закономерности в природе, отражаемой лишь приблизительно верно человеческими представлениями о законах природы. Это признание находится в неразрывной связи с признанием объективной реальности внешнего мира, предметов, тел, вещей, отражаемых нашим сознанием. «Признание объективной закономерности природы и приблизительно верного отражения этой закономерности в голове человека есть материализм»².

Развивая дальше эти ленинские положения, И. В. Сталин в работе «О диалектическом и историческом материализме» дает классическую формулировку первой основной черты марксистского философского материализма, которая включает в себя также и решение данного вопроса. И. В. Сталин показывает, что в вопросе об объективной закономерности природы, как и во всем остальном, позиция марксистского философского материализма прямо противоположна позиции идеализма и находится с нею в непримиримом противоречии. И. В. Сталин учит, что «мир по природе своей *материален*, что многообразные явления в мире представляют различные виды движущейся материи, что взаимная связь и взаимная обусловленность явлений... представляют закономерности развития движущейся материи, что мир развивается по законам движения материи и не нуждается ни в каком «мировом духе»³.

Из материалистического положения о первичности материи по отношению к сознанию вытекает, в частности, признание несотворимости и неразрушимости материи. Такое признание составляет один из краеугольных камней философского материализма. Нельзя создавать или уничтожать материю, ибо материя есть объективная реальность, существующая вне

и независимо от нашего сознания и лишь отражаемая нашим сознанием.

То же самое относится и к законам объективного мира — к законам природы и общества, то есть законам движущейся материи. Как нельзя создать или уничтожить материю, так нельзя создать, сформировать новые законы или уничтожить, отменить существующие законы, по которым совершается движение материи. Допустить возможность формирования по нашему желанию новых законов природы или отмены по нашей воле существующих законов — значит признать, что законы движения материи есть нечто зависящее от субъекта и создаваемое субъектом. А это значит перейти с позиций материализма на позиции субъективизма и идеализма.

Речь идет не только о невозможности отмены действующих законов природы или общества, но и о невозможности их «преобразования». Например, мы не можем по нашему желанию ни отменить закон всемирного тяготения, ни преобразовать его так, чтобы тело падало на землю в данных условиях быстрее или медленнее, чем это следует по закону падения тел Галилея. Утверждать обратное — значит признавать божественное чудо и спиритические суеверия. Это же касается и законов развития общества. Однако если нельзя «преобразовать» законы природы и общества, то природу и общество, опираясь на объективные, познанные человеком законы, не только можно преобразовать, но они уже преобразуются в нашей стране. Этот факт и послужил, очевидно, поводом к тому, чтобы из него сделать ошибочный вывод, что раз можно преобразовать самые природу и общество, то тем более можно «преобразовать» их законы. Но это совершенно не так. Нельзя смешивать действительное преобразование природы и общества, которое осуществляется на основе их объективных законов, отражаемых в сознании человека, с мифическим, мнимым «преобразованием» этих законов человеком. Сознание человека лишь *отражает* законы мира, позволяя человеку использовать их в его практи-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 142.

² Там же.

³ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 541.

ческой деятельности, но не творит их и не преобразует их.

Таким образом, материалистическое признание объективности законов природы и общества неразрывно связано с положением о невозможности создания (формирования), уничтожения (отмены) и видоизменения (преобразования) каких-либо законов движущейся материи — природы и общества. Такова линия последовательного материализма в этом вопросе.

Напротив, прямым логическим следствием из субъективистского, идеалистического взгляда на законы природы является допущение возможности создавать (формировать), уничтожать (отменять) и как угодно видоизменять (преобразовывать) законы природы, ибо идеализм рассматривает эти законы не как существующие вне и независимо от нашего сознания, а как созданные им, внесенные им в природу. А раз признано, что законы внесены в природу человеком, то отсюда непосредственно следует, что целиком от воли и желания человека зависит, вносить ли их в природу или не вносить, а если вносить, то в каком виде. Таков взгляд идеалистов.

В новой сталинской работе «Экономические проблемы социализма в СССР» показано, какие выводы вытекают из последовательно проведенного материалистического взгляда на законы природы и общества.

И. В. Сталин разоблачает субъективистское, идеалистическое содержание утверждений о том, будто законы можно «создавать», «отменять» или «преобразовывать». Такие глубоко ошибочные взгляды проникли и в нашу советскую литературу. Подвергая уничтожающей критике эти антимарксистские взгляды, И. В. Сталин пишет по адресу некоторых наших товарищей, отрицающих объективный характер законов науки: «Эти товарищи глубоко ошибаются. Они, как видно, смешивают законы науки, отражающие объективные процессы в природе или обществе, происходящие независимо от воли людей, с теми законами, которые издаются правительствами, создаются по воле людей и имеют

лишь юридическую силу. Но их смешивать никак нельзя.

Марксизм понимает законы науки, — все равно идет ли речь о законах естествознания или о законах политической экономии, — как отражение объективных процессов, происходящих независимо от воли людей. Люди могут открыть эти законы, познать их, изучить их, учитывать их в своих действиях, использовать их в интересах общества, но они не могут изменить или отменить их. Тем более они не могут сформировать или создавать новые законы науки»¹.

Раскрывая это положение марксистской философии, И. В. Сталин показывает, что нельзя «преобразовывать» законы, да еще «коренным образом». Если можно их преобразовывать, то, значит, можно их и уничтожить, заменив другими законами.

И. В. Сталин подвергает сокрушительной критике отступление от материализма в данном вопросе тт. А. В. Саниной и В. Г. Венжера, показывая, что эти товарищи становятся на точку зрения неправильной теории, утверждающей, будто законы экономического развития при социализме «создаются», «преобразуются» руководящими органами общества. Иначе говоря, они рвут с марксизмом и становятся на путь субъективного идеализма.

Вся история науки, вся история естествознания есть история открытия новых законов природы и объяснения на основе этих законов изучаемых явлений природы. «...Наука не может жить и развиваться без признания объективных закономерностей, без изучения этих закономерностей»², — учит И. В. Сталин.

Рассмотрим несколько примеров из истории естественных наук, иллюстрирующих глубокую правильность приведенных выше сталинских положений.

Механика превратилась в науку с того момента, когда были открыты законы механического движения (перемещения) земных и небесных

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 3—4. 1952.

² Там же, стр. 85.

тел — закон инерции, закон падения тел (открыты Галилеем), законы обращения планет вокруг солнца (открыты Кеплером), закон всемирного тяготения (открыт Ньютоном).

Говоря о формировании механики земных и небесных тел, Энгельс писал, что благодаря вышеуказанным открытиям главные законы механики твердых тел были выяснены раз навсегда. Энгельс в «Диалектике природы» указывал, что в астрономии солнечной системы Кеплер открыл законы движения планет, а Ньютон сформулировал их под углом зрения общих законов движения материи.

В физике и химии важнейшим законом явился прежде всего закон сохранения материи и движения, открытый в 1748 году М. В. Ломоносовым в качестве общего закона природы (закон Ломоносова). Задолго до Ломоносова философы-материалисты учили, что ничего из ничего не происходит и ничто в ничто не превращается. Но это положение было чисто философским. Ломоносов впервые сформулировал и обосновал его не только как философское, но и как естественно-научное положение. Другими словами, Ломоносов впервые применил это материалистическое положение к объяснению конкретных физических и химических фактов и тем самым положил его в основу физики и химии. При этом Ломоносову было ясно, что речь идет не о каком-то придуманном ради удобства правиле, а именно о законе, существующем объективно, в самой природе. Сохранение материи и движения Ломоносов трактовал поэтому как «всеобщий закон природы», которому подчиняются «все встречающиеся в природе изменения»¹.

Замечательно, что Ломоносов сформулировал не два разных закона сохранения — один для материи, другой для движения, — а один всеобщий закон сохранения и материи и движения. Тем самым Ломоносов фактически приближался к признанию неразрывности материи и движения.

Позднее закон сохранения материи и движения был развит в виде двух отдельных конкретных законов, которые выступили как закон сохранения веса, или массы, химически взаимодействующих веществ и как закон сохранения и превращения энергии (движения). Оба эти закона, будучи дальнейшим развитием и конкретизацией различных сторон общего закона сохранения материи и движения, явились вместе с тем более глубоким естественно-научным подтверждением философского материализма, исходящего из признания объективности законов природы. Они служили естественно-научным доказательством несотворимости и неуничтожимости материи и движения; тем самым эти законы подкрепляли самые основы философского материализма, не оставляя в физике и химии места для религии с ее ссылками на божественные акты творения. Ведь еще Ньютон пытался опираться на законы религии, признавая пресловутый «первоначальный толчок», то есть признавая возможность сотворения движения богом. Подобного рода религиозно-идеалистические концепции были разбиты благодаря открытию законов физики и химии, прежде всего закона Ломоносова и позднейших, связанных с ним законов сохранения массы и сохранения и превращения энергии.

Однако идеализм упорно не сдавал своих позиций в естествознании, пытаясь отрицать всеобщность закона сохранения материи и энергии. Особенно резким нападкам подвергся закон сохранения и превращения энергии. Против признания этого закона в середине XIX века выступили физики, склонявшиеся к идеализму (Пфафф и другие) и отстаивавшие реакционные положения, будто силы в природе могут твориться из ничего. Виталисты отрицали применимость этого закона к живым существам и провозглашали вредное идеалистическое «учение» о сверхъестественной «жизненной силе». Физики-механисты (Гельмгольц и другие) отрицали качественную специфику высших форм движения материи, пытаясь свести их к одному механическому движению. Клаузиус,

¹ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 2, стр. 185, 183. 1951.

который истолковывал метафизически второй закон термодинамики, пришел к идеалистическому выводу о качественной уничтожаемости движения и о неизбежности «тепловой смерти» вселенной.

Таким образом, естествоиспытатели-идеалисты еще в XIX веке делали попытки «отменить», — конечно, они это могли сделать только на словах — закон сохранения и превращения энергии и «сформировать» вместо него другие «законы», которые были не чем иным, как плохо замаскированными законами религии. Физики-механисты, в свою очередь, пытались «преобразовать» этот закон в духе механицизма так, чтобы выхолостить из него его диалектическое содержание (указание на качественную превращаемость форм движения) и превратить его в принцип «сохранения механического движения».

Дальнейшее развитие естествознания не оставило камня на камне от попыток «отмены» и «преобразования» великого закона природы, от попыток заменить его каким-либо идеалистически «сформированным», то есть вымышленным, «законом».

В 1885 году Энгельс писал по поводу закона сохранения и превращения энергии, открытие которого составило одно из трех великих открытий естествознания середины XIX века: «Если еще десять лет тому назад новооткрытый великий основной закон движения понимался лишь как простой закон *сохранения* энергии, как простое выражение того, что движение не может быть уничтожено или создано, т. е. понимался только с количественной стороны, то это узкое, отрицательное выражение все более вытесняется положительным выражением в виде закона *превращения* энергии, где впервые вступает в свои права качественное содержание процесса и стирается последнее воспоминание о внемировом творце»¹.

Но вскоре после этого рассматриваемый закон природы вновь стал объектом ожесточеннейшей борьбы между материализмом и идеализмом

в связи с начавшейся на рубеже XIX и XX веков «новейшей революцией в естествознании» и кризисом современной физики.

Идеалистически трактуя открытие радиоактивности, махисты (Пуанкаре и другие) делали попытку «отменить» закон сохранения энергии и протащить идею о сотворимости энергии из ничего. Более того, махисты объявляли, что все вообще законы природы, в том числе и закон сохранения энергии, не существуют объективно, а устанавливаются человеком, который исходит из своих чисто субъективных побуждений. В. И. Ленин подвергает критике кантианца Филиппа Франка (ныне американского махиста), который, захлебываясь от восторга, пропагандирует махистское положение, что многие наиболее общие принципы теоретического естествознания (закон инерции, закон сохранения энергии и т. п.) являются якобы чисто условными посылками, зависящими от человеческого усмотрения.

Одновременно с этим выступила на сцену идеалистическая энергетика (Оствальд и его последователи), которая пыталась оторвать движение от материи, дав тем самым идеалистическое истолкование энергии. Налицо были старые, лишь немного подновленные попытки «отменить» и «преобразовать» закон сохранения и превращения энергии так, чтобы с его помощью протащить в физику законы идеализма и религии.

Разоблачая реакционный, субъективно-идеалистический взгляд махистов на законы природы, Ленин решительно отстаивал материалистический взгляд на закон сохранения и превращения энергии. Ленин показал всю вздорность попыток считать этот закон «установлением основных положений *энергетики*», подчеркивая, что диалектический материалист Энгельс считал этот закон «установлением основных положений *материализма*»².

В 1899—1900 годах выдающийся русский физик П. Н. Лебедев экспериментально открыл и измерил давление света. Из этого открытия выте-

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 13. 1950.

² В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 318. Примечание.

кало, что свет, который до тех пор считался лишь определенным видом энергии, а именно лучистой энергией, обладает также и массой и что между массой и энергией света объективно существует неразрывная связь. Вскоре после этого был сформулирован общий закон взаимосвязи массы и энергии, выражающий тот факт, что в природе нет массы без энергии и нет энергии без массы и что поэтому оба закона сохранения — массы и энергии — оказываются лишь частными выражениями более общего закона природы — закона сохранения и энергии и массы в их неразрывной связи.

Открытие закона взаимосвязи массы и энергии нанесло сокрушительный удар по энергетике Оствальда, ибо этот закон ясно указывал, что чистой энергии, чистого нематериального движения не существует, что энергия неразрывно связана с массой, как ее материальным носителем. Тем самым рухнули попытки «преобразовать» в духе идеализма и энергетике великий закон природы. Но идеалисты предприняли новые попытки протащить свою насквозь прогнившую философию. На этот раз они попытались «преобразовать» самый закон взаимосвязи и неразрывности массы и энергии в идеалистический «закон» мнимого превращения массы в энергию и даже материи в энергию. Английский астрофизик и «физический» идеалист Джинс еще в 1904 году «доказывал», будто энергия звезд рождается за счет уничтожения материи, за счет превращения материи в энергию. Позднее, особенно после открытия способов практического использования атомной (внутриядерной) энергии, современные энергетика и вообще «физические» идеалисты на все лады начали «преобразовывать» закон взаимосвязи массы и энергии в «закон» мнимого превращения массы в энергию, в «закон» мнимого уничтожения материи и перехода ее в энергию, в «закон» мнимой эквивалентности массы и энергии.

Однако все подобного рода попытки были разбиты материалистами; закон взаимосвязи массы и энергии был защищен как объективный за-

кон природы, который нельзя ни «отменить», ни «преобразовать», как бы этого ни добивались современные энергетика и их философские адвокаты.

В связи с тем, что в XX веке физика проникла далеко в область микропроцессов, были сделаны попытки со стороны идеалистов «отменить» закон сохранения энергии если не целиком, то хотя бы в применении к микропроцессам, к так называемым элементарным процессам. «Физические» идеалисты (Н. Бор и другие) неоднократно пытались доказывать, будто в отдельном элементарном акте (поглощения или излучения фотона атомом, вылета электрона из атомного ядра при бета-радиоактивном распаде) энергия может исчезать бесследно или же твориться из ничего. Только-де в среднем, когда таких элементарных актов «творения» и «исчезновения» энергии происходит громадное множество, создается, мол, кажущееся впечатление, что энергия сохраняется, ибо число актов ее творения примерно равно тогда числу актов ее уничтожения. Таким образом, Бор и его единомышленники пытались «преобразовать» закон сохранения энергии из абсолютного закона природы, каковым считал его Энгельс, в статистический закон, верный лишь в среднем, и «отменить» его вовсе для микропроцессов.

Но и эти потуги «физических» идеалистов с треском провалились. Было экспериментально и теоретически доказано, что все их «доводы», направленные против закона сохранения энергии, не выдерживают никакой критики.

Закон сохранения материи и движения подвергся нападкам также и в области астрономии. Современные буржуазные ученые-идеалисты пытаются вообще «отменить» этот закон и построить все «учение» о происхождении звезд на основе ими же самими «сформированного», а потому чисто фиктивного «закона» постоянного и повсеместного рождения материи из ничего. Такую нелепую, идеалистическую «теорию» защищают, например, английский астроном Бонди, немецкий фашиствующий

физик Иордан и другие. Иордан попытался «разрешить» одним махом сложнейшую проблему происхождения звезд, создав целую «теорию», согласно которой звезды рождаются буквально из ничего и без какой-либо причины. Поскольку «отмена», — конечно, чисто словесная — закона сохранения массы и энергии оказывается в противоречии с известным в современной физике общим законом тяготения, английский астроном Хойл спешит произвольно «видоизменить» этот закон так, чтобы согласовать его с допущением, что массы создаются из ничего.

Итак, вся двухсотлетняя история химии и физики со времен Ломоносова подтверждает глубокую справедливость материалистического понимания законов природы, развиваемого в новой работе И. В. Сталина, показывая вместе с тем, как тщетны были попытки идеалистов и энергетиков «отменить» или «преобразовать» законы природы в угоду идеализму и поповщине.

Излюбленный прием махистов и вообще «физических» идеалистов в их борьбе против материализма состоит в подмене гносеологического вопроса о том, что законы природы существуют объективно, вопросом о математическом выражении этих законов, об их физической формулировке. В этом отношении махисты прибегают к тому же трюку, какой они проделывают с понятием материи, подменяя гносеологический вопрос об источнике наших ощущений физическим вопросом о том или ином строении материи.

В. И. Ленин разоблачил этот трюк махистов. Он писал, что русские махисты с поразительной наивностью подменяют вопрос о материалистическом или идеалистическом направлении всех рассуждений о законе причинности вопросом о той или иной формулировке этого закона. Они поверили немецким профессорам-эмпириокритикам, что если сказать «функциональное соотношение», то это составит открытие «новейшего позитивизма», избавит от таких выражений, как «необходимость», «закон» и т. п. Ленин показывает, что все это чистейшие пустяки. Отмечая,

что понятия «порядок», «закономерность» и т. п. могут быть выражены при известных условиях математически определенным функциональным соотношением, Ленин пишет: «Действительно важный теоретико-познавательный вопрос, разделяющий философские направления, состоит не в том, какой степени точности достигли наши описания причинных связей и могут ли эти описания быть выражены в точной математической формуле, — а в том, является ли источником нашего познания этих связей объективная закономерность природы, или свойства нашего ума, присущая ему способность познавать известные априорные истины и т. п.»¹.

Приемы махистов начала XX века повторяют современные «физические» идеалисты. С этой целью они пытаются фальсифицировать квантовую механику, изучающую законы микропроцессов. Безусловно, что закономерности микропроцессов столь же объективны, как и закономерности макропроцессов; вместе с тем они носят качественно особый, специфический характер, отличный от характера закономерностей механического движения обычных макротел. Механическое перемещение макротел, например, вращение планеты вокруг солнца, с достаточно хорошим приближением объясняется с помощью понятий о механической причинности. Зная положение и скорость движения планет в какой-либо момент времени и зная общий закон механического взаимодействия тел, можно вычислить на основании законов обычной механики, т. е. пользуясь понятием механической причинности, прошлые и будущие механические состояния солнечной системы. При этом сами космические тела (солнце и планеты) рассматриваются как дискретные образования материи.

До начала второй четверти XX века микрочастицы (электрон, протон и другие) рассматривались как миниатюрные шарики, движение которых в принципе подчиняется законам той же механики, что и движение макротел.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 146—147.

Однако оказалось, что микрочастицы (например, электроны) нельзя уподоблять простым шарикам, так как они обладают не только корпускулярной (дискретной), но и волновой природой. Следовательно, электроны и другие микрочастицы представляют собою особые, качественно отличные от обычных макротел материальные образования, являя в своих свойствах диалектическую связь прерывистости и непрерывности. В силу своей особой объективной природы электрон и другие микрочастицы материи подчиняются уже не механике обычных макротел, а квантовой механике, отражающей объективные закономерности движения микрочастиц материи. Вследствие этого обычное понятие механической закономерности, применимое к движению макротел, оказывается неприменимым к движению электрона и других микрочастиц. Создание квантовой механики потребовало пересмотра и уточнения прежнего ограниченного и уже устаревшего понятия механической закономерности с тем, чтобы новое понятие могло охватить и отобразить более сложные закономерные связи и отношения, существующие в области микропроцессов.

Другими словами, речь идет о том, чтобы уточнить формулировку понятий закономерности и причинности в их применении к микропроцессам в соответствии с достигнутым более точным способом описания причинных, закономерных связей между микрообъектами.

Но современные махисты воспользовались этим для того, чтобы снова протащить старую, насквозь прогнившую и давно уже скомпрометированную идею об отсутствии объективной закономерности в области микропроцессов, о полной беспричинности, об индетерминизме микропроцессов. В этом именно смысле махисты истолковали так называемое соотношение неточностей, открытое в 1927 году и свидетельствующее о неприменимости прежнего понятия механического детерминизма к микропроцессам. Вместо того, чтобы показать, что микрочастицы, не под-

чиняющиеся в полной мере закону механической причинности, полностью подчиняются закону более глубокой причинной обусловленности микропроцессов, махисты заявили: раз электрон и другие частицы не подчиняются полностью закону механической причинности, значит, они вообще не подчиняются никаким законам, то есть ведут себя произвольно, абсолютно случайно, индетерминированно, причем ведут себя так в той мере, в какой к ним оказывается неприложимо старое, упрощенное понятие механической закономерности.

Таким образом, необходимость признать наличие в области микропроцессов более сложной по своему характеру закономерной связи явлений природы была использована махистами для того, чтобы отрицать наличие всякой объективной закономерности, всякой причинности вообще в области микропроцессов. На этом основании «физический» идеалист Шредингер вообще лишает понятие причинности объективного значения и трактует его в духе юмовского скептицизма лишь как привычку мыслить причинно.

Но если в области микропроцессов, по словам махистов, отсутствует объективная закономерность, причинность, если микропроцессы совершаются индетерминированно, то отсюда неизбежно следует вывод о том, что электроны и другие частицы сами выбирают для себя путь, то есть обладают «свободой воли». К такому дикому выводу пришли некоторые современные «физические» идеалисты — датчанин Бор, американец Комптон, немец Иордан, англичанин Дирак и другие. Например, Бор еще в 1930 году писал, что в новой физике мы так далеко отошли от причинного описания, что должны приписывать атому, находящемуся в стационарном состоянии, в общем свободный выбор между различными возможными путями перехода в другие стационарные состояния.

Говоря о соотношении неточностей, установленном в квантовой механике, покойный П. Ланжевен, выдающийся французский физик-материа-

лист, писал: «Этот результат явился отправной точкой для провозглашения крушения детерминизма и утверждения, что частицы не имеют детерминированного движения, так как невозможно экспериментально установить положение и скорость или количество движения какой бы то ни было частицы. Во имя этого стали предаваться самым разнообразным видам интеллектуального разврата, провозглашая «свободу воли» частиц, свободный выбор природы и т. д.; утверждалось, что: «...теория квант выявила индетерминизм законов природы. Подчиняясь некоторым статистическим законам, налагаемым волнами, индивидуальный электрон, так же как и фотон, протон, атом или молекула, обладает известным простором действия, известной свободой, изменяемой и ограничиваемой постоянной Планка». В 1927 г. в Брюсселе Дирак сказал: «Есть известные моменты, когда природа делает выбор».

Некоторые ученые шли еще дальше. Так, например, Эддингтон в своей книге «Природа физического мира» пишет: «Можно, пожалуй, сказать в качестве вывода из современной науки, что, начиная с 1927 г., религия стала приемлемой для здравого научного ума. Если оправдается наше предположение, что в 1927 г. Гейзенбергу, Бору, Борну и др. удалось окончательно устранить строгую причинность, то этот год явится, несомненно, одной из самых значительных эпох в развитии научной мысли»¹.

Приведенные Ланжевенем слова Эддингтона, Дирака и других раскрывают все карты современного «физического» идеализма, все его прислужничество фидеизму. Эти неприкрытые поповские рассуждения служат прямым доказательством глубокой правоты ленинского указания о том, что «изгнание законов из науки есть на деле лишь *протаскивание законов религии*»².

В порядке самокритики я должен со всей ответственностью признать,

что в бытность свою главным редактором данного журнала я допустил серьезную ошибку: взял под защиту и содействовал опубликованию в № 2 журнала за 1947 год в порядке обсуждения статьи проф. М. А. Маркова «О природе физического знания». В этой статье проводился неправильный, по сути дела, субъективно-идеалистический взгляд так называемой «копенгагенской школы» на физическую реальность, на микромир и на квантовую механику, изучающую его закономерности.

Можно привести также в качестве примера тщетные попытки алхимиков, вопреки объективным законам химии, получить золото якобы с помощью чудодейственного «философского камня» или тщетные попытки отыскать «эликсир жизни», будто бы дающий, вопреки объективным законам биологии и физиологии, бессмертие и вечную юность. В производстве химии достигли уже давно замечательных успехов именно потому, что они фактически опирались на объективный закон химической превращаемости вещества. Признание объективных законов химии являлось тем барьером, который отделял химию как науку от алхимической фантастики и от религиозного мировоззрения. Отрицание объективных законов химии, допущение мысли о существовании «сверхъестественного камня», способного творить чудеса, было той основой, на которой алхимия объединялась с религией, ибо изгнать законы из науки — значит открыть двери законам поповщины. Еще Энгельс писал, что существует очень тесная связь между алхимией и религией и что «философский камень» обладает многими богоподобными свойствами.

К. Маркс указывает, что идеализм так или иначе отрицает законы объективного мира, подменяя их действием сверхъестественных сил и чудес. «Все идеалисты, — писал Маркс, — как философские, так и религиозные, как старые, так и новые, верят в наития, откровения, спасителей, чудотворцев, и только от степени их образования зависит, принимает ли эта вера грубую, ре-

¹ П. Ланжевен. Избранные произведения, стр. 359. М. 1949.

² В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 182.

лигиозную форму или же просвещенную, философскую...»¹. Следовательно, также и в понимании законов мира идеализм выступает как рафинированная, утонченная поповщина.

Отрицание объективного характера законов живой природы, произвольная подмена этих законов несуществующими «законами», вроде пресловутых «гороховых законов» Менделя, характеризуют реакционное существо вейсманизма-морганизма в биологии. Идее объективной закономерности развития живой природы вейсманисты противопоставляют идеалистическую идею чистой случайности, как чего-то незакономерного, произвольного, ничем не обусловленного. Громя эти реакционные воззрения, мичуринцы указывают, что вейсманизм-морганизм не только не вскрывает реальных закономерностей живой природы, но, будучи насквозь идеалистическим учением, создает совершенно ложное представление о природных закономерностях.

«Все так называемые законы менделизма-морганизма *построены исключительно на идее случайности...* — говорит Т. Д. Лысенко. — *В общем, живая природа представляется морганистам хаосом случайных, разорванных явлений, вне необходимых связей и закономерностей.* Кругом господствует случайность»².

Этим антинаучным взглядам мичуринцы противопоставляют ясное материалистическое положение, согласно которому живая природа развивалась и развивается на основе строжайших, присущих ей закономерностей. Организмы и виды развиваются на основе присущих им объективных законов.

Итак, материализм означает признание объективности законов природы и, следовательно, невозможности их создания, уничтожения и преобразования человеком по своему усмотрению. Напротив, идеализм означает отрицание объективности

законов природы, объявление их продуктами человеческого разума; отсюда следует допущение возможности их «отмены», «формирования» и «видоизменения» человеком по своему усмотрению, в соответствии со своими субъективными целями и партийными интересами, в духе идеализма и поповщины.

2. Познаваемость законов природы и возможность их практического использования

Одним лишь признанием объективного характера законов природы еще не исчерпывается материалистическое понимание законов природы, хотя это признание имеет исключительно важное, можно сказать, решающее значение для определения позиции философского материализма по данному вопросу. Линия материализма характеризуется также признанием познаваемости законов природы, возможности их использования человеком в своей практической (производственной, технической) деятельности. Это связано с вопросом о соотношении свободы и необходимости. Признавая необходимость, закономерность природы первичной, а ее отражение в человеческом сознании (то есть ее познание) вторичным, классики марксизма-ленинизма тем самым решают последовательно материалистически вопрос о свободе и необходимости.

Напротив, линия идеализма—агностицизма и субъективизма — состоит в данном случае в отказе признать объективную закономерность, необходимость в природе, в отказе признать ее познаваемость, в провозглашении «свободы» как полной независимости поступков и действий субъекта от какой-либо детерминированности и закономерной обусловленности. Это приводит к волюнтаризму, к нежеланию считаться с объективными законами природы и общества, к авантюризму на практике.

Из того факта, что человек может овладеть и овладевает на практике законами природы, что он строит свою преобразующую природу производственную, техническую деятель-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 532.

² Т. Д. Лысенко. О положении в биологической науке, стр. 54—55. 1948.

ность на основе познания законов природы, идеалисты делают гносеологический вывод о мнимой зависимости законов природы от воли человека, который-де может их «изменять», «отменять» или «создавать» по своему усмотрению. На новый лад протаскивается то же самое идеалистическое положение о том, что субъект диктует законы природе, вносит законы в природу и т. д.

Классики диалектического материализма разоблачили этот неуклюжий трюк идеалистов и доказали, что свобода действий человека (например, в промышленности, в сельском хозяйстве, в медицине) означает не игнорирование законов природы, не мнимую независимость человека от законов природы, а как раз наоборот, умение поступать в соответствии с законами природы, с полученными знаниями об этих законах.

Энгельс писал: «Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей... Свобода воли означает, следовательно, не что иное, как способность принимать решения со знанием дела. Таким образом, чем *свободнее* суждение человека по отношению к определенному вопросу, с тем *большей необходимостью* будет определяться содержание этого суждения... Свобода, следовательно, состоит в основанном на познании *необходимостей* природы (Naturnotwendigkeiten) господстве над нами самими и над внешней природой...»¹.

Приведя это рассуждение Энгельса, Ленин разбирает, на каких гносеологических посылках оно основано. Во-первых, Энгельс признает с самого начала законы природы, необходимость природы, выражая в этом основное отличие материалистической теории познания от агностицизма и идеализма.

Во-вторых, как указывает Ленин,

Энгельс берет познание и волю человека, с одной стороны, необходимость природы, с другой, и говорит, что «необходимость природы есть первичное, а воля и сознание человека — вторичное. Последние должны, неизбежно и необходимо должны, приспособляться к первой»².

В-третьих, Ленин отмечает полнейшее тождество рассуждений Энгельса о познаваемости объективной природы вещей и о превращении «вещи в себе» в «вещь для нас», с одной стороны, и его рассуждений о слепой, непознанной необходимости и о ее превращении в познанную необходимость — с другой. «Гносеологически нет решительно никакой разницы между тем и другим превращением, ибо основная точка зрения тут и там одна — именно: материалистическая, признание объективной реальности внешнего мира и законов внешней природы, причем и этот мир и эти законы вполне познаваемы для человека... Мы не знаем необходимости природы в явлениях погоды и постольку мы неизбежно — рабы погоды. Но, *не зная* этой необходимости, *мы знаем*, что она существует»³.

В-четвертых, у Энгельса, как отмечает Ленин, вся живая человеческая практика дает объективный критерий истины. Ленин пишет: «Потому что мы не знаем закона природы, он, существуя и действуя помимо, вне нашего познания, делает нас рабами «слепой необходимости». Раз мы узнали этот закон, действующий (как тысячи раз повторял Маркс) *независимо* от нашей воли и от нашего сознания, — мы господа природы. Господство над природой, проявляющее себя в практике человечества, есть результат объективно-верного отражения в голове человека явлений и процессов природы...»⁴.

С этих же позиций Ленин рассматривает вопрос о взаимоотношении техники и законов природы: именно потому, что законы природы существуют объективно, вне и независи-

² В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 176.

³ Там же, стр. 177.

⁴ Там же.

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 107.

мо от сознания и воли человека, они могут быть познаны человеком и использованы им в своей практической деятельности, в технике. Исходя из этого, Ленин пишет: «Законы внешнего мира, природы... суть основы *целесообразной* деятельности человека».

Человек в своей практической деятельности имеет перед собой объективный мир, зависит от него, им определяет свою деятельность... Техника механическая и химическая потому и служит целям человека, что ее характер (суть) состоит в определении ее внешними условиями (законами природы)»¹.

Положение диалектического материализма о познаваемости законов природы и о возможности их практического использования И. В. Сталин развивает дальше. И. В. Сталин учит, что «наши знания о законах природы, проверенные опытом, практикой, являются достоверными знаниями, имеющими значение объективных истин, что нет в мире непознаваемых вещей, а есть только вещи, еще не познанные, которые будут раскрыты и познаны силами науки и практики»².

В своем новом труде И. В. Сталин отвергает ложные мнения о том, что из признания объективности законов природы, то есть их независимости от воли человека, якобы следует вывод о бессилии человека перед стихиями природы. Фаталистическое отношение к законам природы, обрекающее человека на пассивное выжидание, на смирение перед неумолимым роком, не имеет ничего общего с материализмом, а есть лишь иное выражение идеи божественной предопределенности событий. Напротив, диалектический материализм доказывает не только возможность активной созидательной деятельности человека, но указывает конкретные пути для наиболее успешного развертывания такой деятельности. В соответствии с этим И. В. Сталин пока-

зывает, что признание объективности законов природы отнюдь не означает того, что люди являются пленниками законов природы. Наоборот, оно означает возможность овладеть законами природы, учитывать их в своей деятельности в целях обуздания сил природы и направления их в интересах человека.

Категорически отвергая идеалистическое положение о возможности изменять, отменять и создавать законы природы, И. В. Сталин разъясняет:

«Значит ли это, что, например, результаты действий законов природы, результаты действий сил природы вообще неотвратимы, что разрушительные действия сил природы везде и всегда происходят со стихийно-неумолимой силой, не поддающейся воздействию людей? Нет, не значит. Если исключить астрономические, геологические и некоторые другие аналогичные процессы, где люди, если они даже познали законы их развития, действительно бессильны воздействовать на них, то во многих других случаях люди далеко не бессильны в смысле возможности их воздействия на процессы природы. Во всех таких случаях люди, познав законы природы, учитывая их и опираясь на них, умело применяя и используя их, могут ограничить сферу их действия, дать разрушительным силам природы другое направление, обратить разрушительные силы природы на пользу общества»³.

В этом состоит одно из основных положений марксистской философии.

Еще Маркс писал: «Законы природы вообще не могут быть уничтожены. Измениться, в зависимости от различных исторических условий, может лишь *форма*, в которой эти законы проявляются»⁴.

Здесь исключительно важно указание Маркса на то, что законы природы не уничтожаются, а лишь меняют форму своего проявления, а значит, и сферу своего действия в зависимо-

¹ «Философские тетради» В. И. Ленина, стр. 161—162.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 543.

³ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 4.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 208. 1947.

сти от условий. Это замечательное положение развивает дальше И. В. Сталин в своей новой работе.

Приводя пример того, как люди научились отвращать от общества такие стихийные бедствия, как наводнения, казавшиеся раньше неотвратимыми, и обуздывать разрушительные силы природы, И. В. Сталин поясняет, что этот факт ни в коем случае нельзя истолковать в духе идеалистического положения о возможности отмены и создания законов природы.

И. В. Сталин указывает, например, что вся «процедура предотвращения действий разрушительных сил воды и использования их в интересах общества проходит без какого бы то ни было нарушения, изменения или уничтожения законов науки, без создания новых законов науки. Наоборот, вся эта процедура осуществляется на точном основании законов природы, законов науки, ибо какое-либо нарушение законов природы, малейшее их нарушение привело бы лишь к расстройству дела, к срыву процедуры»¹.

Сокрушительная сталинская критика реакционных положений о неотвратимости слепого разрушительного действия законов и сил природы имеет огромное принципиальное значение. Эта критика прямо направлена против агностицизма и фатализма с их тлетворной проповедью мнимого бессилия человека познавать законы природы и определять ими свои действия.

Значит, признание объективности законов природы отнюдь не обрекает человека на бездействие и отнюдь не влечет автоматического вывода о том, будто человек должен пасовать перед слепыми силами природы. Напротив, такое признание указывает человеку на существование прочной, строго объективной опоры для его практической деятельности и направляет его силы и внимание на то, чтобы отыскивать эту опору и тем самым обрести полную свободу и твердую уверенность в успехе своей практической деятельности.

Можно привести следующий пример. И до и после открытия закона сохранения и превращения энергии многочисленные изобретатели пытались создать «вечный двигатель», который производил бы работу из ничего. Такой «двигатель», по мысли его изобретателей, мог бы работать без затраты энергии, а потому был бы самым выгодным из всех мыслимых двигателей. В поисках «вечного двигателя» затрачивалось громадное количество сил и средств, но все результаты были отрицательными. Причина неуспеха всех подобного рода попыток заключалась в том, что создание такого «двигателя» предполагало, что его изобретатель должен «отменить» закон природы — закон несотворимости и неуничтожаемости движения — и «создать» новый «закон» — «закон» сотворимости движения. Но это невозможно, так как закон сохранения и превращения энергии есть закон объективный, не зависящий от воли и сознания человека. Поэтому все попытки создать «вечный двигатель» неизменно кончались неудачей. Изобретатели «вечного двигателя» на первый взгляд свободно выбирали для себя цель, но на деле они оказывались несвободными в своих действиях, ибо, не зная законов природы или не считаясь с ними, они ставили перед собой фантастические, невыполнимые задачи, а потому не могли достичь намеченной цели.

Напротив, те изобретатели, которые учитывали данный закон природы, именно по этой причине оказывались свободными в достижении намеченных целей в смысле создания задуманных ими двигателей, поскольку эти двигатели основывались на применении законов природы.

Признание объективности и познаваемости законов природы имеет громадное принципиальное значение в деле овладения этими законами в целях управления процессами природы, практического преобразования природы, в целях осуществления необходимого в практической деятельности человека научного предвидения и изгнания ставки на случайности.

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 5.

В основе целенаправленной, производственной деятельности человека, в основе любого технического приема использования тех или иных веществ или сил природы всегда лежит определенный закон природы, независимо от того, сформулирован ли уже этот закон в ясном виде или же он применяется только фактически, на деле. Когда первобытный человек на охоте бросал камень в зверя, то он **знал**, что камень упадет вниз, то есть он фактически уже опирался на закон тяготения и падения тел, хотя и не мог еще выразить этого закона в точных научных понятиях. Или когда тот же первобытный человек получал огонь путем трения, то он **знал**, что трение вызывает тепло, то есть он фактически уже опирался на закон сохранения и превращения энергии, хотя и не мог еще выразить этого закона в научных определениях и формулировках. Не понимая, что в основе этих действий лежит определенный закон природы, первобытный человек не мог использовать этого закона в полной мере, и это ограничивало свободу его практических действий.

Для более полного использования закона природы его надо открыть и сформулировать с тем, чтобы иметь возможность рассмотреть всесторонне его проявления и действия и вывести все необходимо вытекающие из него следствия. Если техника развивалась по мере того, как человек научался на практике, фактически использовать и применять законы природы, то естествознание, побуждаемое потребностями техники, двигалось вперед соответственно с тем, как оно открывало законы природы и формулировало их, то есть выражало их в научных понятиях, давая тем самым возможность технике шире и полнее использовать эти законы на практике.

Силы природы действуют слепо, насильственно, разрушительно лишь до тех пор, пока мы не познали их и не считаемся с ними. Но раз мы познали их, изучили их действие, то от нас самих зависит, подчиняя их нашей воле, с помощью их достигать наших целей. В качестве примера Энгельс в «Анти-Дюринге» сопостав-

ляет разрушительную силу электричества в молниях грозы с укрощенным электричеством в телеграфном аппарате и дуговой лампе, пожар с огнем, действующим на пользу человеку.

Рассмотрим подробнее приведенный Энгельсом пример с «укрощением» молнии. Здесь последовательность в развитии естествознания и техники была такова, что сначала люди научились предотвращать разрушительное действие молнии, а затем научились использовать электричество для своих нужд. Еще в XVIII веке русские ученые Ломоносов и Рихман (погибший при опытах улавливания молнии), а также американский ученый Франклин изучили одну из закономерностей электричества, проявляющуюся в грозовом разряде, и на этой основе создали громоотвод, отводящий молнию в землю. Но этим дело не ограничилось. Уже простое наблюдение над молнией и ее действием во время грозы обнаруживало, по крайней мере, три ее особенности: 1) чрезвычайную быстроту движения, 2) небывалую яркость освещения и 3) громадную энергию, с какой молния расщепляет и сжигает деревья и другие предметы, в которые она попадает. По мере того, как у общества возникала техническая потребность в использовании той или иной особенности молнии, ученые-физики всесторонне изучали с этой стороны электрические явления, открывали их законы и тем самым давали возможность использовать электричество на практике для соответствующих целей.

Указывая в известном письме к Штаркенбургу, что наука зависит от состояния и потребностей техники, Энгельс ссылается, в частности, на электричество, о котором мы узнали кое-что разумное только с тех пор, как была открыта его техническая применимость.

Ранее всего возникла потребность в нахождении способов быстрой передачи сообщений на большие расстояния. Потребность эта вытекала из развития экономической и политической жизни общества, в этом были кровно заинтересованы все от-

расли быстро развивавшейся крупной промышленности, не говоря уже о военном деле. Способность электричества быстро двигаться подсказывала, что оно может служить хорошим средством связи. В соответствии с этим в начале XIX века открываются и изучаются законы движения электрического тока по проводнику (законы электродинамики), а в 1832 году в России создается первый в мире электрический телеграф.

С ростом промышленных и культурных центров обнаружилась недостаточность освещения с помощью свечей, керосиновых ламп и газовых фонарей. В связи с этим возникла потребность использовать для этих целей способность электричества давать яркий свет. Решению этой задачи способствовало открытие русским физиком В. В. Петровым электрической дуги еще в начале XIX века. В 70-х годах XIX века русский изобретатель П. Н. Яблочков создал электрическую лампу, основанную на применении электрической дуги. Почти одновременно с этим другой русский изобретатель, А. Н. Лодыгин, придумал электрическую лампу, основанную на другом принципе (лампу накаливания). В Западную Европу электрический свет пришел из России, он так и назывался «русским светом».

Наконец, в поисках новых энергетических источников, более мощных и удобных, чем водяной пар, мысль изобретателей обратилась к тому же электричеству и пришла к изобретению электродинамомашины.

Так было «укрощено» и «оседла-но» электричество, так оно было превращено из слепо действующей стихийной силы природы в виде грозовой молнии в послушное орудие, действующее на пользу человека согласно его воле. Но человек только тогда смог по своей воле и в полной мере, как ему было нужно, распоряжаться электричеством, когда он открыл законы электрических явлений и тщательно изучил действия этих законов в различных условиях.

Свобода воли и действий человека

здесь, как и везде, ограничена строгим соблюдением познанных законов. Свобода человека тем больше, чем полнее человек познал соответствующие законы природы и чем строже он их выполняет. На соблюдении этих законов основана и вся техника безопасности. Если какой-нибудь электромонтер, увлекшись пагубной философией субъективного идеализма, вздумает не считаться с объективными законами электрического тока, попробует их «отменить», то он немедленно жестоко поплатится за свое философское увлечение. Не потому ли махисты так тщательно отделяют свою теорию познания от человеческой практики, что хорошо знают следующее: как бы они ни утверждали на словах, будто законы внесены в природу человеком, но стоит только им на деле попытаться «отменить» или хотя бы «нарушить» какой-либо закон природы, как он немедленно обнаружит себя, обрушившись им на голову. Так, например, закон инерции немедленно даст себя знать тому, кто спрыгивает с подножки вагона в обратную сторону по отношению к движению; за свою попытку «нарушить» закон инерции, то есть не посчитаться с этим законом, такой человек расплачивается ушибом.

Говоря о невозможности нарушить объективные законы экономического развития, Маркс указывал, что они действуют «подобно закону тяготения, когда на голову обрушивается дом»¹.

Направлять действие сил природы в желательную для человека сторону на основе соответствующих законов природы — значит у п р а в л я т ь данным процессом. Зная соответствующий закон природы, изучив различные условия, в которых он проявляется и действует, человек может сознательно выбирать такие конкретные условия, при которых действие данного закона будет ограничено в одних, нежелательных для человека направлениях, а в других, нужных человеку направлениях его действию будет предоставлен максимальный простор. Управление есте-

¹ К. М а р к с. Капитал. Т. I, стр. 81. 1949.

ственным процессом и есть такое именно использование природы на основе знания ее объективных законов и соблюдения условий, необходимых для того, чтобы эти законы действовали в нужном для человека направлении.

С момента открытия на рубеже XIX и XX веков явления радиоактивности и закона взаимосвязи массы и энергии стало ясно, что внутри атомов заключена громадная атомная (точнее, внутриядерная) энергия. Однако по первоначально выделение этой энергии из атомов совершалось только в результате самопроизвольного распада радиоактивных атомов. Никакими, даже самыми мощными средствами физического воздействия нельзя было на первых порах не только вызвать или прекратить по нашему желанию этот стихийный процесс, но даже повлиять на него каким-либо образом. Объяснялось это тем, что не были еще открыты законы образования и строения атомных ядер, заключающих в себе атомную энергию, и не были изучены различные условия, при которых она может выделяться из атомов. Постепенно, шаг за шагом, ученые открывали законы ядерной физики, изучали условия, при которых происходит распад ядер в природе, находили пути и средства искусственного воздействия на атомные ядра с тем, чтобы вызывать их распад. В итоге всех этих исследований, опираясь на периодический закон элементов Д. И. Менделеева и другие законы природы, физики раскрыли тайну атомной энергии, научились высвобождать эту энергию по своему желанию, то есть научились управлять ею.

Не менее яркие примеры того, как человек научается управлять естественными процессами, дает живая природа. Еще К. А. Тимирязев говорил, что истинный испытатель природы должен «вступать в борьбу с природой и силой своего ума, своей логики вымогать, выпытывать у нее ответы на свои вопросы, для того чтобы завладеть ею и, подчинив ее себе, быть в состоянии по своему произволу вызывать или прекращать, видо-

изменять или направлять жизненные явления»¹.

Идея управления живой природой ярко выражена в известном девизе И. В. Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача». Как же решается задача управления природой живого организма, природой растения, поставленная великими преобразователями природы? Она решается на основе познания закономерности наследственности, законов жизни организмов, законов биологии, составляющих научный фундамент для управления природой организмов, на основе изучения условий жизнедеятельности организма. Говоря о решении в нашей стране этой задачи, Т. Д. Лысенко пишет: «Мичурин показал, что путем подбора условий воспитания, путем соответствующего питания растительных организмов на определенных этапах их развития можно получать направленные изменения наследственности, усиливать полезные свойства в организме или изживать в наследственности нежелательные свойства»².

Идеи, основывающиеся на материалистическом понимании законов природы, высказывал и В. Р. Вильямс. Он писал: «Знание объективных закономерностей в природе, в частности, понимание почвообразовательного процесса, позволяет с должной активностью вмешиваться в развитие почвы как естественно-исторического тела, регулировать ее свойства применительно к условиям конкретного сельскохозяйственного производства»³.

Идея управления процессами природы на основании познанных законов природы нашла свое наиболее полное выражение в сталинском плане преобразования природы нашей страны. Еще в 1924 году И. В. Сталин указывал на необходимость проведения решительных мер по мелиорации, по улучшению культуры земледелия и других мер «для

¹ К. А. Тимирязев. Соч. Т. IV, стр. 35.

² Т. Д. Лысенко. О путях управления растительными организмами, стр. 6. 1941.

³ Журнал «Советская агрономия» № 4 за 1947 год, стр. 4.

того, чтобы застраховать себя в *будущем* от случайностей засухи... для того, чтобы поднять сельское хозяйство на высшую ступень и застраховать нашу страну от случайностей погоды навсегда»¹. В этих прозорливых, мудрых словах нашего вождя намечались основные контуры того гениального плана, который осуществляется в настоящее время.

Великий сталинский план преобразования природы нашей страны является ярчайшим примером того, как на основе знания законов природы советский народ изменяет климат, растительность, почвенные условия, рельеф,— словом, всю природу своей Родины.

С вопросом об управлении процессами природы неразрывно связан вопрос о научном предвидении. Знание объективных законов природы составляет необходимую предпосылку и теоретическую основу научного предвидения в области естествознания и техники. Познав законы природы, изучив различные условия их проявления и сообразуясь с их действием, человек может совершенно точно предвидеть направление естественных процессов, подчиняющихся этим законам. Без такого предвидения было бы невозможно управление этими процессами. Вместе с тем человек получает возможность, исходя из познанного закона, как объективного закона природы, предвидеть новые явления и вещи, охватываемые данным законом, но еще не известные, не открытые наукой. Более того, человек может теоретически предвидеть свойства не существующих в самой природе вещей, а затем, основываясь на познанном законе, которому эти не существующие еще в природе вещи должны подчиняться, создавать эти вещи искусственно, вызывать их к жизни, синтезировать их в соответствии с тем, как они были научно предвидены заранее.

Так, например, на основе законов ядерной физики и общего закона строения и развития вещества в «неживой» природе — периодического закона Менделеева — было сначала

предвидено, а затем получено искусственно более 10 химических элементов, не существующих в самой природе (что составляет $\frac{1}{10}$ часть всех известных элементов).

Особенно многочисленные примеры такого искусственного создания веществ, отсутствующих в самой природе, дает органическая химия. Опираясь на законы химического строения органических соединений, легших в основу теории А. М. Бутлерова, химики-органики могут синтезировать любое вещество, строение которого ими открыто и изучено. А зная закономерную связь между строением и свойствами вещества, выраженную в теории Бутлерова, химики-органики могут синтезировать такие вещества, в отношении которых уже заранее выяснено, что они должны обладать определенными желаемыми свойствами. Так, например, в СССР был получен химическим путем синтетический каучук, в котором наша страна была очень заинтересована. В 1931 году И. В. Сталин сказал: «У нас имеется в стране все, кроме разве каучука. Но через год — два и каучук мы будем иметь в своем распоряжении»². Действительно, в 1934 году по способу советского ученого С. В. Лебедева были получены первые партии промышленного синтетического каучука.

История науки знает яркие примеры того, как на основе познанных законов природы делались смелые предвидения о существовании в природе неизвестных вещей и явлений, которые затем действительно открывались. Тем самым на практике доказывалась не только правильность сделанного научного предвидения, но и правильность познания того объективного закона, на основании которого было высказано данное предвидение.

В течение многих лет планета Уран (тогда самая крайняя из известных планет солнечной системы) упорно отклонялась от теоретически вычисленного ее пути вокруг солнца. В 1846 году французский математик Леверье, опираясь на закон всемир-

¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 6, стр. 275.

² И. В. Сталин. Соч. Т. 13, стр. 32.

ного тяготения, высказал предположение, что эти отклонения вызваны тем, что на Уран действует какая-то еще неизвестная нам планета. Пользуясь тем же законом, Леверье вычислил, где в данный момент на небе должна находиться эта неизвестная планета. И действительно, в этом именно месте она и была вскоре найдена (названа Нептуном). Это смелое предвидение, блестяще оправдавшееся на опыте, было бы невозможным без твердой уверенности Леверье в объективности ньютоновского закона и в его познаваемости.

Еще более смелое предвидение было сделано спустя четверть века великим русским химиком Д. И. Менделеевым. Пользуясь открытым им периодическим законом, Менделеев предсказал существование неизвестных еще элементов, чьи места пустовали в периодической системе элементов, в основе которой лежит периодический закон. Зная только то, в каком отношении к периодическому закону должны находиться ожидаемые элементы, Менделеев очень точно предсказал многочисленные физические и химические свойства не только самих этих элементов, но также их соединений. Более того, исходя из предположения, что соединения одного из этих элементов (условно названного экаалюминием) должны быть летучими, Менделеев предсказал, что этот элемент будет открыт при помощи спектроскопа. Спустя пять лет это удивительное по своей смелости и точности научное предвидение блестяще подтвердилось. Именно с помощью спектроскопа был открыт новый элемент (названный галлием), свойства которого полностью совпали со свойствами экаалюминия, предсказанными Менделеевым. Столь же блестяще подтвердились на практике и другие предвидения великого химика.

Менделеев своим предвидением показал, что, опираясь на закон природы, можно заранее предсказать не только то, каков неизвестный еще объект природы, но даже то, каким путем он будет познан человеком. Открыв периодический закон, в котором конкретизировался общий закон диалектики о переходе коли-

чественных изменений в качественные, Менделеев, по словам Энгельса, совершил научный подвиг, который смело можно поставить рядом с открытием Леверье, вычислившего орбиту еще неизвестной планеты — Нептуна¹.

Для того, чтобы совершить такой смелый научный подвиг, нужны были большая сила и решимость, и эту силу и решимость дала Менделееву уверенность в объективности открытого им закона природы и в правильности его познания. Менделеев считал периодический закон строгим законом природы, могущим охватывать еще доселе необобщенные факты.

Вот что он писал по этому поводу: «Законы природы исключений не терпят и этим явно отличаются от правил и правильностей, подобных... людским изобретениям, приемам и отношениям. Утверждение закона возможно только при помощи вывода из него следствий, без него невозможных и неожиданных, и оправдания тех следствий в опытной проверке. ...Без такого способа испытания не может утвердиться ни один закон природы»².

Приведем еще один пример. Пока люди не знали законов залегания геологических слоев и отложений, они могли открывать полезные ископаемые только случайно. Геология на основе своих законов указывает

¹ Иногда в нашей литературе вместо слова «открытие» употребляется ошибочное выражение «создание» периодического закона. Так, например, в предисловии от Комиссии по истории химии при отделении химических наук АН СССР к книге «Д. И. Менделеев. Новые материалы по истории открытия периодического закона» (1950 г.) сказано: «Публикуемые в этой книге материалы относятся к истории величайшего открытия в химии — к созданию нашим гениальным соотечественником Д. И. Менделеевым периодического закона» (стр. 3). Здесь слова «открытие» и «создание» закона употреблены как синонимы. Ответственность за эту ошибку ложится в первую очередь на меня. Такие же ошибки допущены в статье В. М. Татевского и М. И. Шапаронова («Вопросы философии» № 3 за 1949 год, стр. 186), где называются «работы Менделеева, приведшие к созданию периодического закона», а также в книге А. Ф. Капустинского «Очерки по истории неорганической и физической химии в России» (1949 г.) и других.

² Д. И. Менделеев. Избранные сочинения. Т. II, стр. 509—510.

научные пути в решении этой важной практической задачи. В этом ей помогают физико-химия и геохимия. Так, для нашей страны большое народнохозяйственное значение имело открытие месторождения калийных солей. Академик Н. С. Курнаков на основании открытых им законов физико-химического анализа всесторонне исследовал процесс осаждения калийных солей из водных растворов, содержащих также и другие соли. Затем с этой точки зрения Курнаков теоретически рассмотрел последовательность осаждения солей из рассола, который мог образоваться при высыхании моря, некогда покрывавшего часть поверхности нашей страны. В итоге он пришел к заключению, что калийные соли, осаждавшиеся из этого рассола, должны были образовать залежи на севере, в районе бывшего Пермского моря. Вскоре это замечательное предвидение, сделанное на основе законов физико-химического анализа, как объективных законов природы, полностью оправдалось.

Возможность научного предвидения составляет существенную сторону руководства развитием общественно-экономической жизни людей. Отрицание же объективного характера законов науки неизбежно приводит к отрицанию, по сути дела, самой науки, ибо наука имеет своей главной целью познание объективных законов природы и общества. А без науки невозможно никакое научное предвидение, а значит, невозможно вообще правильное руководство общественной жизнью и деятельностью людей.

«Отрицание объективного характера экономических законов,— говорит Г. М. Маленков,— является идейной основой авантюризма в хозяйственной политике, полного произвола в практике руководства хозяйством»¹.

Сталинская трактовка законов науки, как объективных законов, отражающих объективную закономерность природы и общества, приводит

к противопоставлению науки «случайностям», понимаемым как нечто совершенно произвольное, незакономерное. Отсюда противопоставление научного подхода к познанию и преобразованию мира антинаучному подходу, исходящему из ставки на чистые «случайности». Такое противопоставление выражено в известном положении марксистско-ленинской философии, гласящем: «Наука — враг случайностей».

Подлинная, передовая наука исходит из признания объективности законов природы и общества и их познаваемости; своей главной задачей она ставит познание этих законов и овладение ими. Реакционная, отсталая наука и всякого рода лженаучные и религиозные воззрения исходят из отрицания объективной закономерности и ее познаваемости. Отказываясь от признания законов науки, сторонники этих антинаучных взглядов всюду видят абсолютную случайность, которая будто бы определяет собою течение всех процессов мира. Отсюда ставка на случайности, на пассивное поджидание благоприятного стечения обстоятельств вместо активного преобразования природы в интересах человека на основе присущей ей объективной закономерности.

Показывая, что наука, раскрывающая объективные закономерности природы и общества, в корне враждебна точке зрения, отрицающей эти закономерности и видящей всюду одни «случайности», И. В. Сталин вскрывает прямую связь между отрицанием объективного характера законов науки и вытекающим из этого отрицания следствием — подчинением случайностям. И. В. Сталин показывает, что отрицание объективных закономерностей привело бы нас к тому, что мы попали бы в царство хаоса и случайностей, очутились бы в рабской зависимости от случайностей, лишили бы себя возможности не то что понять, а просто разобратся в этом хаосе случайностей.

Это привело бы к ликвидации науки, ибо наука не может жить и развиваться без признания объективных закономерностей, без изучения этих закономерностей.

¹ Г. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), стр. 103—104. 1952.

* * *

Таким образом, материализм выступает как признание объективной закономерности мира, открывая тем самым широкие перспективы для науки, которая изучает эти закономерности. Напротив, идеализм выступает как отрицание объективной закономерности мира, как провозглашение чистых «случайностей», тем самым препятствуя развитию науки.

Материализм на практике опровер-

гает выдумки идеалистов относительно непознаваемости законов природы и невозможности научного предвидения, невозможности сознательного и планомерного преобразования природы на основе знания ее законов и овладения ими. Вместе с тем материализм наносит удар по фатализму, который провозглашает абсолютную «предопределенность» событий и полнейшую «неотвратимость рока», обрекая человека на рабское ожидание «предначертаний судьбы».

Социалистические производственные отношения — главный двигатель производительных сил в СССР

А. А. МАКАРОВСКИЙ

Гениальный труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» с исключительной глубиной раскрывает законы развития социалистической экономики. В нем ярко показаны два мира — мир гибнущего капитализма и мир уверенно растущего социализма.

Современный капитализм, указывает И. В. Сталин, характеризуется резким обострением конфликта между выросшими производительными силами и устаревшими производственными отношениями. Современные капиталистические производственные отношения находятся в непримиримом противоречии с развитием производительных сил, препятствуют их росту. Закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил еще не пробил себе дорогу в капиталистических странах вследствие сильнейшего сопротивления отживающих сил общества.

Как указывает Г. М. Маленков в отчетном докладе ЦК ВКП(б) XIX съезду партии, в странах капитала производительные силы топчутся на месте, экономика бьется в тисках все более углубляющегося общего кризиса капитализма и повторяющихся экономических кризисов, растет милитаризация экономики, происходит одностороннее развитие отраслей военного производства. В империалистическом лагере обостряется конкурентная борьба между странами, причем одни страны порабащаются другими. Это объясняется тем, что капиталистическая экономика развивается не в интере-

сах общества, а в интересах эксплуататорского меньшинства, в интересах обеспечения максимальной капиталистической прибыли.

И. В. Сталин открыл основной экономический закон современного капитализма. Этим законом является «обеспечение максимальной капиталистической прибыли путем эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путем закабаления и систематического ограбления народов других стран, особенно отсталых стран, наконец, путем войн и милитаризации народного хозяйства, используемых для обеспечения наивысших прибылей»¹. И. В. Сталин указывает, что закон этот определяет все важнейшие явления в области развития капиталистического способа производства, его подъемы и кризисы, победы и поражения, достоинства и недостатки — весь процесс его противоречивого развития.

В результате действия основного экономического закона современного капитализма в эпоху империализма учащаются войны, которые несут с собой колоссальное разрушение производительных сил, причиняют тяжкие страдания народам. Погоня за максимальной прибылью, осуществляемая путем усиления эксплуатации трудящихся, их разорения и ограбления, ведет к неизбежному сокращению платежеспособного спроса населения, к сужению рынков сбыта. Результатом этого процесса является учащение экономических кризисов перепроизводства, ко-

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 38.

торые приобретают небывало затяжной характер и вызывают прямое разрушение производительных сил. За кризисным спадом производства уже не следует процветание, как это бывало раньше. Это порождает такие характерные для периода общего кризиса капитализма явления, как хроническая недогрузка предприятий и образование миллионных армий безработных, превратившихся из резервных в постоянные.

Обрекая огромные массы рабочего населения в связи с хронической безработицей на вынужденное бездействие, современный капитализм в то же время изнуряет занятых рабочих бешеными темпами работы, непрерывным повышением интенсивности труда. Капитализм хищнически растрчивает рабочую силу трудящихся, представляющих собой важнейший элемент производительных сил.

То, что капиталистические производственные отношения превратились в тормоз для развития производительных сил, находит свое выражение в резком замедлении темпов роста капиталистического производства в период общего кризиса капитализма. Анализируя перспективы движения производства в странах капитала на втором этапе общего кризиса после второй мировой войны, товарищ Сталин указывает, что ныне, когда единый мировой рынок раскололся и сфера приложения сил главных капиталистических стран к мировым ресурсам стала сокращаться, «рост производства в этих странах будет происходить на суженной базе, ибо объем производства в этих странах будет сокращаться»¹.

Маркс указывал, что исторической задачей и оправданием капитала является развитие производительных сил общественного труда. Современный капитализм препятствует развитию производительных сил; в условиях нынешнего этапа капитализма производительные силы обречены на грядущее. Это значит, что суще-

ствованию капитализма нет оправдания.

* * *

Обреченному на гибель миру капитализма противостоит неудержимо растущий, полный жизненных сил мир социализма.

Производственные отношения, указывает товарищ Сталин, не могут слишком долго отставать от роста производительных сил и находиться с ними в противоречии; рано или поздно они обязательно должны придти в соответствие — и действительно приходят в соответствие — с уровнем развития производительных сил, с их характером. В противном случае мы имели бы коренное нарушение единства производительных сил и производственных отношений, разрыв производства в целом, кризис производства, разрушение производительных сил. В этих положениях И. В. Сталиным сформулирован объективный закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

Опираясь на этот закон, рабочий класс нашей страны в союзе с трудовым крестьянством сломил сопротивление буржуазии и помещиков, отстаивавших строй капиталистической собственности на средства производства, и создал социалистический строй, строй общественной собственности на средства производства.

Как учит И. В. Сталин, закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил получил в нашей стране полный простор для своего действия. Соответственно его требованиям в СССР было установлено полное соответствие между производственными отношениями и характером производительных сил: общественный характер процесса производства получил подкрепление в общественной собственности на средства производства.

И. В. Сталин учит, что в производственные, экономические отношения людей входят: «а) формы собственности на средства производства; б) вытекающие из этого положение

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 56.

различных социальных групп в производстве и их взаимоотношение, или, как говорит Маркс: «взаимный обмен своей деятельностью»; в) всецело зависимые от них формы распределения продуктов»¹.

Экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на средства производства, существующая в двух формах: в форме государственной, всенародной собственности и в форме кооперативно-колхозной, групповой, собственности. В государственных предприятиях средства производства и продукция производства составляют всенародную собственность. В колхозах основные средства производства — земля и машины — принадлежат государству, причем земля, являющаяся собственностью государства, передана колхозам в вечное пользование. Так как семена, рабочий скот, мелкий инвентарь, общественные постройки принадлежат колхозам и труд колхозники затрачивают свой собственный, то продукция производства составляет собственность отдельных колхозов. Продукция колхозного производства является их основной собственностью, как указывает И. В. Сталин.

Формы собственности определяют взаимоотношения между рабочим классом и колхозным крестьянством. Социалистический город, рабочий класс, систематически снабжает колхозную деревню первоклассными машинами, оказывает деревне руководящую производственную помощь. Колхозы сдают часть своей продукции государству в порядке поставок и контрактации, другую часть продукции скупают на рынке. В обмен колхозы получают нужные им товары, производимые социалистическим городом. Это объясняет наличие в нашей экономике товарного производства, товарооборота и денежного хозяйства.

Производственные отношения, опирающиеся на социалистическую собственность в обеих ее формах, являются отношениями товарище-

ского сотрудничества и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации работников.

Отношения социалистического города и социалистической деревни не знают противоположности интересов, давно ликвидирована в нашей стране свойственная капитализму эксплуатация деревни городом. «Конечно, — указывает И. В. Сталин, — рабочие и колхозное крестьянство составляют все же два класса, отличающиеся друг от друга по своему положению. Но это различие ни в какой мере не ослабляет их дружбу. Наоборот, их интересы лежат на одной общей линии, на линии укрепления социалистического строя и победы коммунизма»².

Создание новых, социалистических производственных отношений, осуществленное Советским государством, определило необычайно быстрый рост производительных сил в нашей стране.

«...Новые производственные отношения, — учит товарищ Сталин, — являются той *главной* и решающей силой, которая собственно и определяет дальнейшее, притом мощное развитие производительных сил и без которых производительные силы обречены на прозябание, как это имеет место в настоящее время в капиталистических странах»³. Только благодаря замене капиталистических производственных отношений социалистическими стало возможным колоссальное развитие производительных сил в советской промышленности и сельском хозяйстве.

Эти высказывания И. В. Сталина имеют исключительно важное теоретическое и практическое значение. Они углубляют марксистско-ленинское понимание закономерностей общественного развития, закономерностей развития социализма и определяют решающее преимущество социализма перед капитализмом.

Маркс рассматривал историю общества как «*саморазвивающееся* общественное состояние»⁴ людей. Как

² Там же, стр. 26.

³ Там же, стр. 61.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I, стр. 309. (Курсив мой. — А. М.).

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 73.

известно, Плеханов не понял этой важной стороны исторической теории Маркса и, отыскивая внешние причины развития общества, впал в «географизм».

В. И. Ленин, критикуя вульгарное, метафизическое понимание развития, подчеркнул, что диалектический подход к развитию в материальном мире требует понимания его как самодвижения материи. Применяя это положение к изучению капиталистического общества, Ленин неоднократно указывал, что в характере капиталистических производственных отношений, в их отношении к производительным силам лежит объяснение закономерностей движения капиталистического производства, что замена капиталистических производственных отношений социалистическими даст толчок к гигантскому подъему производительных сил.

И. В. Сталин развил марксистско-ленинскую теорию в этом весьма важном вопросе, с предельной ясностью показав, что неправильно, ошибочно искать внешние определяющие причины роста производства, что силы, определяющие его рост, находятся внутри общества.

В труде «Экономические проблемы социализма в СССР» товарищ Сталин конкретизирует и обогащает марксистско-ленинскую теорию по этим вопросам. В новых производственных отношениях, соответствующих производительным силам,— причина того, что производительные силы развиваются ускоренными темпами. В старых производственных отношениях, не соответствующих более выросшим производительным силам,— причина замедления в росте производительных сил. В конфликте между устаревшими капиталистическими производственными отношениями и выросшими производительными силами кроется объяснение того прозябания производительных сил, которое характерно для современного капитализма. Сменой устаревших, капиталистических производственных отношений новыми, социалистическими производственными отношениями, соответствующими характеру производительных сил,

объясняется мощное развитие производительных сил социалистического общества.

Мощное воздействие социалистических производственных отношений на рост производительных сил отчетливо видно из сравнения темпов роста промышленной продукции в СССР и в капиталистических странах. Так, объем промышленной продукции в СССР в 1951 году составил по отношению к 1929 году 1266%, в США — 200%, в Англии — 160%, во Франции — 104%. Таким образом, социалистический строй обеспечил темп роста промышленности во много раз более высокий, чем темп ее роста в капиталистических странах.

Директивы XIX съезда партии по пятому сталинскому пятилетнему плану предусматривают дальнейший подъем социалистического производства. В 1955 году уровень промышленного производства поднимется на 70% по сравнению с 1950 годом. Значительность этого прироста станет ясной, если учесть, что он равен, а по некоторым видам продукции даже превосходит прирост продукции за три предвоенные пятилетки. Рост производства за предвоенные 13 лет И. В. Сталин определил как скачок в экономическом развитии нашей Родины. Теперь такой же прирост будет осуществлен за 5 лет.

Не учитывать выдающейся роли социалистических производственных отношений в развитии производительных сил социализма, указывает товарищ Сталин, значит отступать от самых основ марксистского понимания исторического процесса.

В своих работах И. В. Сталин всесторонне и глубоко раскрыл сущность и характер воздействия социалистических производственных отношений на рост производительных сил, показал его «механизм».

В освещении вопроса о влиянии социалистических производственных отношений на рост производительных сил исключительно важное значение имеет открытие И. В. Сталиным основного экономического закона социализма. Его существенными чертами и требованиями

ми является «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники»¹.

Сформулировав основной экономический закон социализма, И. В. Сталин раскрыл глубинные процессы экономической жизни нового общества, проник в сущность совершающихся в нем процессов.

«Открытие товарищем Сталиным основного экономического закона современного капитализма и основного экономического закона социализма,— сказал Г. М. Маленков в отчетном докладе на XIX съезде партии,— наносит сокрушающий удар всем апологетам капитализма. Эти основные экономические законы свидетельствуют о том, что если в капиталистическом обществе человек подчинен безжалостному закону извлечения максимальной прибыли, во имя чего люди обрекаются на тяжкие страдания, нищету, безработицу и кровопролитные войны, то в социалистическом обществе все производство подчинено человеку с его непрерывно растущими потребностями. В этом состоит решающее преимущество нового, более высокого, чем капитализм, общественного строя — коммунизма»².

Основной экономический закон социализма есть порождение строя социалистической собственности на средства производства. В нем находит свое выражение сущность социалистического способа производства как особого способа соединения работников со средствами производства, при котором члены общества осуществляют производство при помощи средств производства, являющихся общественной собственностью. В обществе, где объединенные социалистические производители являются собственниками всех средств производства, про-

изводство, естественно, должно служить и служит удовлетворению потребностей трудящихся, потребностей общества. В этих целях социалистическое государство, представляющее интересы всего общества, планирует непрерывный рост производства на базе высшей техники и своей организаторской работой обеспечивает претворение выработанных планов в жизнь. В своей хозяйственно-организаторской деятельности государство опирается на основной экономический закон социализма и подчиненный ему закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства.

Закон планомерного, пропорционального развития социалистического народного хозяйства, возникший на базе обобществления средств производства, пришел на смену потерявшему силу капиталистическому закону конкуренции и анархии производства. «Он вступил в действие,— указывает И. В. Сталин,— потому, что социалистическое народное хозяйство можно вести лишь на основе экономического закона планомерного развития народного хозяйства»³.

Плановое регулирование народного хозяйства, осуществляемое Советским государством, означает замену стихийности экономического развития, характерной для капитализма, сознательным руководством этим развитием. Планирование социалистической экономики на основе закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства СССР обуславливает то, что наша страна не знает периодических кризисов перепроизводства и связанного с ними разрушения производительных сил.

Таким образом, основной экономический закон социализма, которому подчинен закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, определяет замечательное достоинство социалистического производства: в то время как при капитализме производство движется циклически, с перерывами от подъема к кризису и от кризиса к

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 40.

² Г. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), стр. 105.

³ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 8.

подъему, при социализме происходит непрерывный и притом небывало быстрый рост производства, производительных сил.

Этот рост является результатом воздействия социалистических производственных отношений. Как указывает И. В. Сталин, «наши нынешние производственные отношения переживают тот период, когда они, вполне соответствуя росту производительных сил, двигают их вперед семимильными шагами»¹. Они активно воздействуют на развитие обоих элементов производительных сил — орудий производства и самих работников.

* * *

Особенность производства, указывает товарищ Сталин в своем труде «О диалектическом и историческом материализме», состоит в том, что его изменение и развитие начинаются всегда с изменений и развития производительных сил, прежде всего орудий производства. Это общий закон, имеющий силу и для социалистического способа производства.

При социализме, согласно его основному экономическому закону, непрерывный рост производства осуществляется на базе постоянного совершенствования техники. Социализм свободен от тех ограничений, которые ставят развитию техники частнокапиталистическая собственность и интересы капиталистических монополий, он не знает присущих капитализму периодических перерывов в развитии техники, сопровождающихся разрушением производительных сил. Социалистическое общество кровно заинтересовано в безграничном развитии техники, ибо это развитие, обеспечивая высокие темпы роста производительности труда, ускоряет подъем народного хозяйства, способствует более широкому использованию богатств и сил природы, сберегает труд обществу и облегчает труд рабочих и крестьян, является одним из основных средств умножения материального богатства общества и повышения уровня жизни его членов.

Всестороннее развитие техники необходимо для создания материально-технической базы коммунизма, оно является одним из основных условий преодоления сохранившихся еще существенных различий между городом и деревней, между трудом физическим и трудом умственным.

Товарищ Сталин ярко показал замечательные возможности, создаваемые общенародной собственностью, в развитии производительных сил на примере из области сельского хозяйства. Чтобы обеспечить рост сельскохозяйственного производства, указывает товарищ Сталин, необходимо постоянно совершенствовать технику, заменять старую технику новой. Но для замены, например, колесных тракторов гусеничными, устаревших комбайнов новыми, для создания различных новых машин необходимы миллиардные расходы. «Могут ли поднять эти расходы наши колхозы, если даже они являются миллионерами? Нет, не могут,— указывает И. В. Сталин,— так как они не в состоянии принять на себя миллиардные расходы, которые могут окупиться лишь через 6—8 лет. Эти расходы может взять на себя только государство, ибо оно и только оно в состоянии принять на себя убытки от вывода из строя старых машин и замены их новыми, ибо оно и только оно в состоянии терпеть эти убытки в течение 6—8 лет с тем, чтобы по истечении этого срока возместить произведенные расходы»².

В итоге выполнения сталинских предвоенных пятилеток наша страна опередила все капиталистические страны по технике производства, по насыщенности промышленности и земледелия новой техникой. После войны осуществлялось дальнейшее усовершенствование техники и внедрение ее в народное хозяйство.

Директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану предусматривают интенсивный технический рост нашего народного хозяйства. Директивы указывают на необходимость в пятой пятилетке добиться

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 67.

² Там же, стр. 90—91.

высоких темпов развития машиностроения как основы нового мощного прогресса во всех отраслях народного хозяйства СССР. В пятой пятилетке завершается в основном механизация тяжелых и трудоемких работ в промышленности и строительстве. В сельском хозяйстве директивы намечают завершить механизацию основных полевых работ в колхозах и широко развернуть механизацию трудоемких работ в животноводстве, овощеводстве, садоводстве, по орошению, осушению заболоченных угодий и освоению новых земель и др.

* * *

Производительные силы — это *«орудия производства, при помощи которых производятся материальные блага, люди, приводящие в движение орудия производства и осуществляющие производство материальных благ благодаря известному производственному опыту и навыкам к труду»*¹. Социалистические производственные отношения, весь строй социализма обеспечивают быстрое и всестороннее развитие трудящихся нашей страны — важнейшего элемента производительных сил нашего общества.

Строй социалистических производственных отношений обуславливает прежде всего несравненно более эффективное в сравнении с капитализмом использование трудовых ресурсов общества.

В социалистическом обществе все трудятся. В нем нет паразитических классов эксплуататоров. Социализм кладет конец безработице.

Социалистическое общество осуществляет, далее, рациональное распределение своих трудовых ресурсов.

Для капитализма характерно систематическое уменьшение доли населения, занятого в материальном производстве. В этом — одно из ярких проявлений паразитизма загнивающего капиталистического строя. Так, по данным Ю. Кучинского, в США процент самодостаточного населения, занятого в материальном производстве, в 1870 году равнялся

69, в 1910—63,5, в 1920—59,7, в 1930—52,8. За счет уменьшения доли населения, занятого в сфере материального производства, растет численность населения, занятого в непроизводственной сфере. Огромное количество людей отвлекается для обслуживания паразитического класса — буржуазии, — миллионы людей заняты в непомерно разбухших банковском и торговом аппаратах, в таких носящих паразитический характер отраслях деятельности, как реклама, биржа и т. д.

Социализм, свободный от этой бессмысленной растраты общественного труда, дает резкое повышение доли труда, прилагаемого в сфере материального производства. В СССР в отраслях материального производства занято свыше 75% трудящегося населения.

Таким образом, социалистическое общество направляет гораздо большую долю населения для работы в материальном производстве, чем общество капиталистическое. В этом одна из причин высоких темпов роста производительных сил при социализме.

В то же время социалистическое общество имеет возможность выделять крупные массы труда и для деятельности в непроизводственной сфере — в области культуры, науки, в государственном управлении и т. д.

Как указывал К. Маркс, переход к социализму означает создание *«...той экономической формации, которая обеспечивает, вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда, наиболее полное развитие человека»*².

Производственные отношения социализма означают новое положение работников в обществе и на производстве. Средства и орудия производства при социализме принадлежат самим трудящимся; они не противостоят работникам как средства их эксплуатации, а служат им, обеспечивают рост богатства всего общества, рост материального благосостояния и культурного уровня всех трудящихся. Поэтому в СССР интен-

¹ И. Сталин. О диалектическом и историческом материализме, стр. 19. 1940.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 315. 1947.

сивный рост производства сопровождается непрерывным ростом технического и культурного уровня рабочего класса и всех трудящихся, систематическим повышением квалификации работников, ростом их творческой активности и производственной инициативы, что, в свою очередь, способствует росту производства.

Советское государство в огромном масштабе проводит работу по подъему технического и культурного уровня трудящихся как в городе, так и в деревне. Число обучающихся в СССР, включая все виды обучения, достигло в настоящее время гигантской цифры 57 миллионов человек. В послевоенные годы через систему трудовых резервов, систему подготовки и повышения квалификации рабочих на предприятиях ежегодно проходили 6—7 миллионов человек.

Коммунистическая партия и Советское государство, планируя дальнейший интенсивный рост социалистического сельского хозяйства, одновременно проводят крупнейшие мероприятия по организации массового обучения колхозных кадров, работников МТС и совхозов. В 1950 году по всему СССР начали свою работу трехлетние агро-зоотехнические курсы, охватившие в первый же год своего существования более двух с половиной миллионов колхозников и колхозниц. Сейчас число обучающихся во всей системе сельскохозяйственного образования превышает 3 миллиона 600 тысяч человек.

Это осуществляемое в масштабах всего нашего государства систематическое повышение культурно-технического уровня работников сельского хозяйства имеет исключительное значение не только потому, что оно самым благотворным образом сказывается сейчас и еще сильнее скажется в дальнейшем на росте социалистического сельского хозяйства, но и потому, что оно помогает ликвидации сохранившегося еще существенного различия между городом и деревней. Советская страна показывает всему миру, что только социалистический строй в состоянии покончить с вековой отсталостью крестьянства.

Директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану предусматривают дальнейшее развертывание работы по поднятию культурного уровня трудящихся, по распространению технических знаний среди населения, по подготовке квалифицированных кадров. Очень важную роль в росте технического и культурного уровня трудящихся сыграют мероприятия в области политехнического обучения.

Социалистические производственные отношения породили социалистическое соревнование трудящихся города и деревни — могучую двигательную силу социалистического производства. Социалистическое соревнование — одно из ярчайших проявлений активной роли производственных отношений социализма в росте его производительных сил. В СССР в социалистическом соревновании участвует 90% трудящихся города и деревни. В ряде отраслей промышленности стахановцы составляют более 60% всех рабочих.

«На всех участках социалистического строительства, — говорит Г. М. Маленков, — мы имеем множество примеров творческой инициативы трудящихся, направленной на обеспечение непрерывного роста и совершенствование социалистического производства. Наш народ издавна славится своей творческой инициативой, сметкой, изобретательностью.

Враги социализма и всякого рода их подпевалы изображают социализм как систему подавления индивидуальности. Нет ничего примитивнее и вульгарнее такого рода представления. Доказано, что социалистическая система обеспечилакрепление личности, расцвет индивидуального и коллективного творчества, создала условия для всестороннего развития талантов и дарований, таящихся в глубинах народных масс»¹.

Как показал И. В. Сталин в своей работе «О диалектическом и историческом материализме», прогрессивное содержание смены общественных формаций в историческом развитии

¹ Г. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), стр. 67.

человечества заключается в том, что каждая новая формация означает новую, высшую ступень как в развитии орудий производства, так и в развитии самих трудящихся, в развитии их производственного опыта, их навыков к труду, их умения пользоваться орудиями производства.

Совершенствующиеся орудия производства требуют и более культурных работников, способных привести в движение новые орудия производства, дать более высокую производительность труда.

Эту потребность производства социалистическое общество удовлетворяет с исключительной эффективностью, не имеющей примера в истории. Неопровержимые факты свидетельствуют о том, что социализм осуществляет чрезвычайно быстрый, систематический и непрерывный подъем культурно-технического уровня всей массы работников.

Это осуществляемое социализмом развитие работников — важнейшего элемента производительных сил — неизмеримо превосходит достигнутое в этой области при капитализме, когда он находился на восходящей линии своего развития. Что касается современного загнивающего, умирающего капитализма, то для него характерно достигшее чудовищных размеров преступно-хищническое расточение рабочей силы.

Огромное значение имеет, как подчеркнул И. В. Сталин в своей работе «Экономические проблемы социализма в СССР», происходящий в нашем обществе рост работников, рост их знаний, опыта, творческой инициативы. Товарищ Сталин указывает, что если бы не отдельные группы рабочих, а большинство рабочих подняло свой культурно-технический уровень до уровня инженерно-технического персонала, то наша промышленность была бы поднята на высоту, недостижимую для промышленности других стран.

* * *

Мощное воздействие на развитие производительных сил социализма оказывает взаимоотношение социальных групп социалистического общества, вытекающее из социалисти-

ческих форм собственности. Рабочие, крестьяне и интеллигенция, составляющие советское общество, живут и работают на началах дружественного сотрудничества и социалистической взаимопомощи, что проявляется в области производства как серьезнейшая сила, способствующая успешному решению производственных задач. Совместная, направляемая партией и государством к единой цели трудовая деятельность всех слоев нашего общества представляет огромное преимущество социализма, великое завоевание политики коммунистической партии.

«...Преимущества, которые дает коммунистическое устройство посредством использования *расшищаемых рабочих сил, еще не самые значительные*, — писал Энгельс, противопоставляя коммунизм капитализму. — Самое большое сбережение рабочей силы заключается в *соединении отдельных сил* в социальную коллективную силу и в устройстве, основанном на этой концентрации до сих пор противопологавшихся друг другу сил»¹.

Это соединение отдельных сил нашего общества в коллективную силу, организуемую и направляемую Коммунистической партией, является одной из основ интенсивного роста нашего народного хозяйства, наших производительных сил.

Товарищ Сталин в докладе на XVII съезде партии, характеризуя гигантский подъем в области народного хозяйства СССР, говорил: «Понятно, что этот гигантский подъем мог развернуться лишь на базе успешного строительства социализма, на базе общественного труда десятков миллионов людей, на базе преимуществ социалистической системы хозяйства перед системой капиталистической и единолично-крестьянской»².

Общественный, социалистический труд десятков миллионов советских людей преобразовал облик нашей Родины. Сила этого социалистически объединенного коллективного труда советских людей, направляе-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. III, стр. 280.

² И. В. Сталин. Соч. Т. 13, стр. 308.

мого Коммунистической партией, гарантирует новые победы в строительстве коммунизма в нашей стране.

* * *

В производственные отношения входят также и отношения распределения, вытекающие из форм собственности на средства производства. Распределительные отношения, указывал Маркс, существенно тождественны с производственными отношениями и представляют оборотную сторону последних. Каждая из исторически возникавших форм распределения была связана с определенной формой производства, в которой она ксренилась и которой она соответствовала.

Характер производственных отношений определяет характер и формы распределения. Классово-антагонистическая сущность капитализма проявляется в свойственном капитализму способе распределения. Им воспроизводится богатство и роскошь среди буржуазии, нищета и голод — среди трудящихся. Капиталистическое распределение тормозит рост производительных сил.

Распределительные отношения при социализме в корне отличны от капиталистических распределительных отношений как по своему характеру, так и по воздействию на развитие производительных сил. Социалистические распределительные отношения, являясь стороной производственных отношений социализма, свободны от антагонизмов; они способствуют интенсивному росту производительных сил социалистического общества, обеспечивают его поступательное движение к коммунизму.

В соответствии с основным экономическим законом социализма распределение народного дохода происходит у нас не в интересах обогащения эксплуататорских классов и их паразитической челяди, как это свойственно капитализму, а в интересах систематического повышения материального положения рабочих и крестьян и расширения социалистического производства в городе и деревне.

Максимальное удовлетворение по-

стоянно растущих материальных и культурных потребностей общества, о чем говорит основной экономический закон социализма, нельзя отождествлять с удовлетворением одних только личных потребностей членов общества. Маркс в «Критике Готской программы» показал, каким должно быть распределение совокупного общественного продукта в социалистическом обществе. Оно должно обеспечить возмещение потребленных средств производства (амортизацию), расширение производства, создание резервного или страхового фонда. Далее, из совокупного общественного продукта должна быть выделена доля на покрытие издержек управления, на содержание культурных учреждений, учреждений здравоохранения и т. д., на содержание нетрудоспособных. Остающаяся часть передается в индивидуальное распоряжение членов общества для удовлетворения их потребностей. При этом Маркс указывает, что «все удерживаемое с производителя как частного лица прямо или косвенно идет на пользу ему же как члену общества»¹.

В Советском Союзе народный доход растет исключительно быстро, неизмеримо быстрее, чем в странах капитализма. Это является следствием быстрого роста производительных сил в СССР. В то время как среднегодовые темпы роста народного (национального) дохода в США в XX веке составляли всего 0,5—1,5%, в СССР среднегодовой темп прироста народного дохода в первой пятилетке равнялся 16,2%, во второй—17,1%. Национальный доход нашей страны в 1913 году составлял 21 миллиард рублей (в ценах 1926/27 года); в 1932 году он поднялся до 45,5 миллиарда, в 1940 году — до 128,3 миллиарда. В 1950 году национальный доход СССР увеличился по сравнению с 1940 годом на 64%, то есть превысил 200 миллиардов рублей (в сопоставимых ценах). Директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану предусматривают увеличение националь-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II, стр. 13.

ного дохода СССР за пятилетие не менее чем на 60%.

В СССР весь народный доход принадлежит трудящимся и распределяется в интересах трудящихся. Систематический и весьма быстрый по темпам рост народного дохода в СССР создает возможность одновременно увеличивать фонд социалистического накопления и фонд потребления трудящихся.

Классики марксизма-ленинизма неоднократно указывали, что накопление является условием общественного развития. «Избыток продукта труда, — писал Энгельс, — над издержками поддержания труда и, затем, образование и накопление из этого избытка общественного производственного и резервного фонда — все это было и остается основой всякого общественного, политического и умственного прогресса»¹. Поэтому Энгельс называл накопление важнейшей прогрессивной функцией общества.

Советский социалистический строй осуществляет эту важнейшую прогрессивную функцию общества с исключительной эффективностью. Социалистический строй обеспечивает чрезвычайно высокую, недостижимую для капитализма норму накопления. В то время как в США накопление в период 1930—1937 годов составляло лишь 1,4% национального дохода, в Советском Союзе в годы предвоенных сталинских пятилеток норма накопления составляла 25—27% национального дохода. В 1950 году на расширение социалистического производства и другие общегосударственные и общественные нужды было выделено 26% национального дохода. При этом следует иметь в виду, что с ростом нашего хозяйства каждый процент национального дохода означает все большие массы материальных ценностей — средств производства и потребления.

Одной из решающих причин высоких темпов накопления в СССР является мирный характер социалистической экономики; в подавляющей части накопление в нашей стране

идет на цели мирного строительства, в то время как империалисты огромную долю национального дохода тратят на подготовку и ведение разбойничьих войн. «...Советский Союз, — указывает товарищ Сталин, — не сокращает, а, наоборот, расширяет гражданскую промышленность, не свертывает, а, наоборот, развертывает строительство новых грандиозных гидростанций и оросительных систем, не прекращает, а, наоборот, продолжает политику снижения цен...»².

При социализме систематически увеличивается фонд потребления, то есть та часть народного дохода, которая идет на удовлетворение растущих материальных потребностей и культурных запросов трудящихся. «Цель социалистического производства, — указывает И. В. Сталин, — не прибыль, а человек с его потребностями, то есть удовлетворение его материальных и культурных потребностей»³.

Коммунистическая партия и Советское государство, опираясь на рост народного дохода, проводят политику повышения реальной заработной платы рабочих и служащих и доходов колхозников. Ярким свидетельством этого является пятикратное снижение цен в послевоенный период на товары массового потребления, давшее населению выигрыш в размере около 330 миллиардов рублей. Кроме того крупные средства тратятся государством на различные пособия и льготы для населения, на обучение трудящихся, медицинскую помощь и т. д. Только за последние три года, с 1949 по 1951, эти расходы составили свыше 355 миллиардов рублей.

Осуществляемое в нашей стране систематическое повышение материального благосостояния трудящихся способствует быстрому росту производительных сил нашего общества. В советской системе хозяйства, указывает товарищ Сталин, «систематическое улучшение материального положения трудящихся и непрерыв-

² И. Сталин. Беседа с корреспондентом «Правды», стр. 5—6.

³ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 77.

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 182. 1950.

ный рост их потребностей (покупательной способности), будучи постоянно растущим источником расширения производства, гарантирует трудящихся от кризисов перепроизводства, роста безработицы и нищеты»¹. В СССР рост потребления (покупательной способности) масс, являющийся ярким выражением преимущества социалистического строя, служит постоянным двигателем производства.

Социалистическое распределение двигает вперед производство еще и потому, что оно, обеспечивая систематический подъем материального положения масс, тем самым способствует росту работников, что оказывает самое благотворное влияние на расширение производства. Как отметил Энгельс, «развитие... производства больше всего стимулируется таким способом распределения, который позволяет *всем* членам общества как можно более всесторонне развиваться, поддерживать и проявлять свои способности»².

Та часть народного дохода, которая поступает в личное распоряжение трудящихся для удовлетворения их потребностей, распределяется между ними на основе социалистического принципа «от каждого по его способностям, каждому по его труду».

Этот принцип правильно сочетает личные интересы работника с интересами всего общества. Оплата по труду стимулирует трудовые усилия работников, толкает их к повышению производительности труда, заинтересовывает в повышении своей квалификации, в совершенствовании трудового мастерства, способствует росту производственной инициативы трудящихся. Из этого видно, что социалистический принцип распределения по труду представляет собой мощный рычаг развития социалистического производства.

Таким образом, социалистические отношения распределения, порожденные строем социалистического производства, в свою очередь, активно влияют на производство, способ-

ствуя росту производительных сил — росту работников и расширению технического аппарата общества.

* * *

Все сказанное показывает огромное значение социалистических производственных отношений, то есть базиса, в развитии производительных сил.

И. В. Сталин в своей гениальной работе «Марксизм и вопросы языкознания» указал, в чем заключаются особенности базиса. «Специфические особенности базиса,— пишет товарищ Сталин,— состоят в том, что он обслуживает общество экономически»³.

Это указание И. В. Сталина с новой, весьма важной стороны освещает существо исторического процесса смены общественно-экономических формаций, дает еще один убедительный довод в пользу неизбежности победы социализма над капитализмом.

Поскольку базис обслуживает общество экономически, то победа нового базиса над старым базисом объясняется тем, что каждый новый базис, выдвигаемый развитием производительных сил, обслуживает общество лучше, эффективнее, чем предшествующий базис, превратившийся в тормоз для роста производительных сил, открывает новые возможности для роста производства, способствует этому росту.

Социалистический базис, то есть совокупность социалистических производственных отношений, несравненно лучше обслуживает общество, чем базис капиталистический. Это неопровержимо доказано всей историей советского общества.

Капиталистический базис уже давно не соответствует характеру производительных сил, он тормозит их развитие. Социалистический базис полностью соответствует характеру производительных сил, мощно способствует их развитию, ускоряет его.

В то время как базис капитализма подчиняет общество стихийному действию объективных законов, обрушивающему на общество бед-

¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 12, стр. 321.

² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 188.

³ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 35—36.

ствия кризисов, потрясений, конфликтов, кровопролитных войн, социалистический базис исключает анархию производства и кризисы, кладет конец стихийному действию общественных законов, впервые в истории обеспечивает власть общества над законами природы и законами своего развития, создает условия для всестороннего и полного удовлетворения потребностей всех членов общества и роста их способностей.

Социалистический базис определяет принципиальное изменение в характере прогрессивного развития общества.

Это изменение заключается, во-первых, в том, что прогрессивное развитие общества осуществляется без перерывов и небывало высокими темпами. Во-вторых, общественный прогресс освобождается от стихийности и осуществляется при сознательном руководстве им со стороны общества, опирающегося на знание объективных законов своего развития.

Социалистический базис и связанный с ним основной экономический закон социализма определяют замечательную особенность социализма: в нашем обществе плоды прогрессивного развития — богатство и культура — принадлежат всему обществу, всей массе трудящихся.

Такой характер общественного прогресса самым благотворным образом сказывается на всех сторонах жизни социалистического общества, способствуя интенсивному развитию всех факторов производительной способности общества.

* * *

И. В. Сталин, показав роль и значение социалистических производственных отношений для роста производительных сил социалистического общества, раскрыл диалектику в развитии производственных отношений при социализме.

Производительные силы, являясь наиболее подвижным и революционным элементом производства, идут впереди производственных отношений и при социализме. Производ-

ственные отношения спустя лишь некоторое время преобразуются применительно к характеру выросших производительных сил.

Поскольку и при социализме существует отставание производственных отношений от уходящих вперед производительных сил, постольку существуют и противоречия между выросшими производительными силами и отставшими от них производственными отношениями. Такие противоречия, указывает И. В. Сталин, безусловно, есть и будут, ибо развитие производственных отношений отстает и будет отставать от развития производительных сил.

В настоящее время социалистические производственные отношения, вполне соответствуя росту производительных сил, двигают их вперед семимильными шагами. Но уже и теперь намечается противоречие между нашими производительными силами и производственными отношениями. Это касается прежде всего таких экономических явлений, как групповая, колхозная собственность и товарное обращение.

Сейчас эти явления, учит И. В. Сталин, с успехом используются нами для развития социалистического хозяйства и приносят нашему обществу несомненную пользу. Понятно, что они будут приносить пользу и в ближайшем будущем. Но вместе с тем нельзя не видеть, что эти явления уже теперь начинают тормозить мощное развитие наших производительных сил, поскольку они создают препятствия для полного охвата всего народного хозяйства, особенно сельского хозяйства, государственным планированием. Не может быть сомнения, что чем дальше, тем больше будут тормозить эти явления дальнейший рост производительных сил нашей страны.

Поэтому, указывает И. В. Сталин, перед руководящими органами нашего общества стоит задача ликвидировать это противоречие путем постепенного поднятия колхозной собственности до уровня общенародной собственности и введения продуктообмена вместо товарного обращения тоже в порядке постепенности.

Товарищ Сталин указывает пути поднятия колхозной собственности до уровня общенародной собственности. Для этого нужно исключить излишки колхозного производства из системы товарного обращения и включить их в систему продуктообмена между государственной промышленностью и колхозами.

Таким путем основная собственность колхозов — продукция колхозного производства — будет включена в общую систему общенародного планирования. Этим будет сделан решающий шаг к созданию в нашей стране вместо двух производственных секторов одного всеобъемлющего производственного сектора с правом распределения всей потребительской продукции в порядке продуктообмена.

Замена товарооборота продуктообменом, сокращая сферу действия товарного обращения, облегчит переход от социализма к коммунизму. Чтобы осуществить эту замену, необходимо громадное увеличение продукции, отпускаемой городом деревне; нужно также увеличение продукции сельского хозяйства, так как многие отрасли промышленности работают на сырье, поставляемом колхозами. Необходимо, следовательно, весьма значительный рост производительных сил.

Как показал И. В. Сталин, переход от товарного обращения к продуктообмену представляет большую выгоду для всего общества и для колхозов, ибо колхозное крестьянство при продуктообмене будет получать от государства гораздо больше продуктов и по более низким ценам, чем при товарном обращении. Так как переход к продуктообмену выгоден для колхозников, то это обеспечивает поддержку колхозным крестьянством данной меры, поддержку, следовательно, связанных с нею изменений в производственных отношениях. Здесь реализуется другое, более общее положение, выдвинутое И. В. Сталиным, — о том, что при социализме изменения в производственных отношениях происходят без классовой борьбы, без конфликтов между классами.

Сталинские указания о путях под-

нятия колхозной собственности до уровня общенародной собственности строятся на основе учета действия основного экономического закона социализма и закона обязательного ответственности производственных отношений характеру производительных сил.

Основной экономический закон социализма требует непрерывного поднятия производства для максимального удовлетворения растущих потребностей общества. Товарищ Сталин показывает, что необходимость максимального удовлетворения потребностей общества и его членов, необходимость в связи с этим непрерывного роста производства ставит задачу постепенной замены товарного обращения продуктообменом, т. е. развития производственных отношений, поднятия колхозной собственности до уровня общенародной собственности, что является важнейшим шагом на пути к коммунизму.

Следовательно, основной экономический закон социализма есть закон движения социалистического способа производства. Он определяет рост производительных сил и развитие производственных отношений социалистического общества.

Раскрывая закономерности развития нашего общества от социализма к коммунизму, И. В. Сталин с исключительной глубиной и силой охарактеризовал действие общих законов общественного развития в условиях социалистического строя.

И. В. Сталин показал, что положение марксизма о диалектике в развитии производственных отношений сохраняет свое значение и для социалистического общества. И в социалистическом обществе производственные отношения развиваются от роли двигателя производительных сил к роли их тормоза и от роли тормоза в развитии производительных сил к роли их двигателя.

В то же время товарищ Сталин всесторонне раскрыл, как конкретно осуществляется эта диалектика при социализме, показал особенности ее проявления в условиях социалистического строя. Эти особенности заключаются в том, что противоречия между отстающими производствен-

ными отношениями и растущими производительными силами в социалистическом обществе не могут при условии правильной политики руководящих органов дойти до конфликта. Социалистическое общество имеет возможность своевременно преодолевать противоречия между производственными отношениями и производительными силами, приспособляя производственные отношения к росту производительных сил; оно имеет тем самым возможность своевременно устранять тормозящее действие отстающих производственных отношений. Социалистическое общество может это сделать потому, что в нем нет отживающих классов, которые были бы заинтересованы в сохранении устаревших производственных отношений и сопротивлялись бы их изменению.

Раскрыв всеобщий характер диалектики в развитии производственных отношений, И. В. Сталин показал также всеобщее значение закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

Как известно, многие советские философы и экономисты абсолютизировали полное соответствие производственных отношений характеру производительных сил, установившееся в нашей стране с победой социализма. Такую же ошибку допускал и автор настоящей статьи. Метафизическое понимание полного соответствия между производительными силами и производственными отношениями вело, по сути дела, к отрицанию действия закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил при социализме. Таким образом, получалось, что закону обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил «нечего делать» в социалистическом обществе, так как здесь на все времена гарантирована-де полная согласованность между производственными отношениями и производительными силами.

Товарищ Сталин показал, что закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил действует и в социалистическом обществе. И при социализме имеет место объективная необходимость приспособления производственных отношений к требованиям растущих производительных сил, чтобы путем изменения производственных отношений обеспечить дальнейшее развитие производительных сил.

Говоря о противоречиях между производственными отношениями и производительными силами при социализме, Г. М. Маленков указал: «Мы обязаны своевременно подмечать эти противоречия и проведением правильной политики во-время их преодолевать с тем, чтобы производственные отношения выполняли свою роль той главной и решающей силы, которая определяет мощное развитие производительных сил»¹.

История строительства социализма в нашей стране является подтверждением того, что партия, руководимая великим Сталиным, в своей политике умело применяла и применяет закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, обеспечивая этим быстрый рост производительных сил нашего общества.

В условиях социалистического общества изменения в производственных отношениях, вызываемые ростом производительных сил, будут выражаться в развитии и совершенствовании общественной собственности как экономической основы нового общества; они будут означать укрепление, развитие и совершенствование социалистических производственных отношений как отношений товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации людей. Это — изменения, ведущие от социализма к коммунизму.

¹ Г. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), стр. 106.

О сущности реалистического художественного образа

В. А. РАЗУМНЫЙ

Марксистско-ленинская эстетика учит, что важнейшей специфической особенностью искусства является отражение действительности в форме художественных образов. В свете гениального положения товарища Сталина о необходимости изучения специфических особенностей общественных явлений перед советскими философами и искусствоведами выдвигается первоочередная задача всестороннего исследования проблематики художественного образа. В данной статье автор стремился рассмотреть лишь некоторые стороны этой важнейшей проблемы, именно вопрос о сущности реалистического художественного образа.

Прежде чем рассмотреть основные закономерности правдивого отражения жизни в форме художественных образов, необходимо отметить, что постановка вопроса о реалистическом познании жизни средствами искусства характерна лишь для материалистической эстетики. Для идеализма нет и не может быть проблемы отражения действительности в форме художественных образов. Идеализм, всегда выступающий как теоретическая основа безидейности и аполитичности в искусстве, отрицает объективную реальность предмета искусства, утверждая в качестве содержания его образов или мистическую абсолютную идею или продукт «чистой самодеятельности» нашего «Я».

Одним из приемов идеалистической эстетики в отрицании возможности правдивого художественного познания жизни является метафизическое противопоставление искус-

ства науке, как мышления предметного мышлению логическому. Это противопоставление выражается в абсолютизировании формальных особенностей художественного образа, в рассмотрении их в отрыве от сложного процесса отражения действительности в искусстве.

Так, например, идеалистическая эстетика абсолютизирует наиболее очевидную особенность художественного образа — его конкретную чувственность, отличающую образ искусства от понятий в науке.

В самом деле, в отличие от понятия художественный образ — будь то образ поэтический или сценический, музыкальный или архитектурный, хореографический или живописно-изобразительный — всегда чувственно конкретен. Он всегда рассчитан на чувственное восприятие человеком, на живое созерцание, через которое он опосредованно действует на процесс абстрактного мышления. Чувственная конкретность художественных образов, как особых познавательных форм, достигается воплощением их в материал данного вида искусства посредством тех формальных способов и приемов, которые исторически выработаны определенным видом искусства в процессе его развития.

Однако признание конкретной чувственности образов в искусстве еще не означает раскрытия их сущности. Идеалистическая эстетика, усматривающая сущность художественного образа в объективации мира идей или же мира субъективных переживаний человека, отнюдь не отрицает

конкретной чувственности художественных образов.

Разоблачая формализм идеалистической эстетики, великие русские революционные демократы Белинский, Чернышевский, Добролюбов, страстные борцы за передовую идейность искусства, за его высокое общественное назначение, утверждали, что существенной разницы между наукой и искусством нет и не может быть. Они учили, что искусство, воспроизводя интересные для человека явления действительности, дает им тем самым объяснение, более того, выносит им приговор. Они высказали гениальную догадку о том, что художественное и научное познание жизни, несмотря на специфические особенности, имеет общую гносеологическую основу.

Впервые в истории эстетических учений научное решение проблемы сущности реалистического художественного образа дала марксистско-ленинская эстетика, раскрывшая закономерности реалистического художественного обобщения с позиций диалектического и исторического материализма. Она впервые научно обосновала предметную истинность художественного познания и его диалектический характер. Она доказала, что в искусстве реализм и передовая идейность неразрывны.

Марксистско-ленинская эстетика учит, что художественное обобщение человеком действительности подчиняется общим закономерностям познания, впервые раскрытым марксизмом.

«Сознание человека, наука («понятие»), — указывает В. И. Ленин, — отражает сущность, субстанцию природы»¹, то есть дает нам объективную истину. Но оно отражает все многообразие конкретного не непосредственно, целиком, а опосредованно, через отход, отвлечение от несущественных признаков, даваемых в восприятии, и через обобщение в познавательных формах наиболее существенных признаков, свойств, сторон предметов. Результаты этого обобщения, говоря сло-

вами Энгельса, суть сокращения, в которых человек охватывает, соотносит их общим свойствам, множество различных чувственно воспринимаемых вещей.

В процессе обобщения отвлеченных (абстрагированных) от действительности свойств и сторон предметов познание, если оно правильное, не отходит от истины, а, наоборот, приближается к ней. В абстракциях мышление отражает объективную реальность глубже, вернее, полнее, чем непосредственное живое созерцание, ибо они в бытии открывают сущность.

Художественный образ, как и понятие, представляет собой результат определенного отвлечения от действительности взаимосвязанных ее элементов, общих черт предметов, явлений, результат их специфического обобщения. Но в отличие от ученого художник обобщает определенные стороны действительности, не абстрагируясь от жизненной полноты, конкретной индивидуальности самих явлений, а передавая их в форме образа индивидуального явления.

Самый факт отбора художником для обобщения лишь некоторых сторон жизни определяется закономерностями создания художественного образа в конкретных видах искусства. Например, в так называемых пространственных искусствах художник, в силу их специфики, ограничен одним моментом в развитии изображаемого. Скульптор, живописец в портретах или сложных композициях отвлекаются от всей предыдущей и последующей истории развития события или биографии изображаемого человека, выбирая лишь один момент в его жизнедеятельности, и в этом моменте опять-таки отвлекаются от ряда свойств, особенностей предмета, не передаваемых в наглядном изображении.

Кино, литература, театр, музыка не ограничены одним моментом в развитии изображаемого: они дают образ в движении, в действии. Однако и раскрытие образа через действие во времени не исключает, а, наоборот, предполагает отвлечение художника как от предыдущих, так

¹ «Философские тетради» В. И. Ленина, стр. 162.

и от последующих этапов отражаемой жизни. Любая драматическая ситуация, любой сюжет, представляющий собой путь развития образа, имеет предисторию своего развития и определенные его последствия, которые остаются вне книги, экрана, сцены и т. д.

Марксистская теория познания учит, что не всегда абстрагирование от действительности соответствует правдивому ее познанию, не всегда обобщенное отвлечение истинно. В силу определенных гносеологических и социальных причин познание в процессе отвлечения может дать и ложное обобщение. В искусстве также не всегда и не при всех условиях отвлечение от ряда признаков, свойств, сторон действительности означает правдивое художественное познание. Это обстоятельство крайне важно для понимания отличия реалистического художественного образа от антиреалистических, ложных обобщений.

Антиреалистический характер формалистических отвлечений от действительности выражается в гипергрофировании отдельных, случайных элементов в ущерб общему, существенному, в ущерб органической взаимосвязи этих элементов в действительности. Художник-формалист, игнорируя тот факт, что действительность многообразна и многостороння, что все ее внешние проявления органически взаимосвязаны друг с другом и выражают во взаимосвязи элементов ее существенное содержание, выхватывает, абстрагирует от действительности эти элементы и фиксирует их безотносительно к содержанию. Его интересует только ритм, только композиция, только цвет, только объем, только жест сами по себе, в отрыве от проявляющегося в этих формальных признаках существенного содержания жизни.

Художник-импрессионист, например, создавая образ, совершенно отвлекается от подлинной сущности тех явлений, которые он избирает в качестве предмета изображения. Располагаясь с мольбертом перед величественным пейзажем, он далек от мысли дать художественно-обоб-

щенный образ родной страны и интересуется лишь световыми пятнами, красочными эффектами, мимолетными и случайными впечатлениями. Изображая же человека, он «отвлекается» от главного и существенного, что его характеризует: от его борьбы и идейных устремлений, от его подлинной социальной сущности. Для художника-импрессиониста человек важен лишь как предлог для формалистических исканий. «...Танцовщицы послужили мне,— писал Эдгар Дега, отвергая присвоенный ему эпитет «живописца танцовщиц»,— предлогом писать красивые ткани и передавать движения»¹.

Для формалиста Сезанна человек — лишь комплекс объемов, передаваемых цветом. «Трактуйте природу посредством цилиндра, шара, конуса...»², — вещает он. Форма предметов, будь то человек или лежащая на столе брюква,— по его мнению, единственный достойный объект творчества, доступный художнику.

Теоретической основой формалистических «отвлечений» от действительности является идеализм. Перепевая на все лады кантианский тезис о непреодолимой противоположности сущности и существования, теоретики формализма утверждают фатальную невозможность познания художником сущности явлений, находящихся вне его «Я», то есть невозможность реалистического, правдивого художественного изображения действительности.

«В живописи каждый подлинный предмет должен быть заменен порожденными им признаками, совокупность которых ни в чем не должна совпадать с самим предметом», — провозглашает буржуазный французский художественный журнал «L'art». Этот журнал и сотни подобных проводников буржуазной идеологии всячески стремятся «теоретически» обосновать формализм как единственно возможный творческий метод. Они пытаются подвести «научный» фундамент под формалистические выкрутасы в ис-

¹ Мастера искусства об искусстве. Т. 3, стр. 124. Изд-во «Искусство». 1929.

² Там же, стр. 222.

кусстве, чтобы оправдать уход художника от действительности, от социальной проблематики, подменить передовое искусство больших социальных обобщений и прогрессивных идей бессодержательной фантазмагорией красок, звуков, кадров, конструкций.

С формализмом, по существу, смыкается натурализм, характеризующийся поверхностным изображением жизни и ведущий к разрушению образа, ибо натуралистическое изображение не раскрывает сущности, связей и закономерностей жизненных явлений. Натурализм, базируясь на субъективно-идеалистической философии позитивизма, утверждает невозможность выхода художника за рамки частных явлений действительности, воспринимаемых им в процессе непосредственного наблюдения, то есть невозможность обобщения, типизации фактов. Зеркально-мертвое копирование любых, случайных фактов действительности натурализм выдает за истинную объективность художественных образов. Подлинно достоверное познание, по мнению натуралистов, заключается не в обобщении, а в простом суммировании фактов, в бесстрастной их фиксации и систематизации. Тем самым художник превращается ими в бездумного протоколиста, не позволяющего себе судить или произносить приговор над явлениями жизни.

«Факт — еще не вся правда, он — только сырье, из которого следует выплавить, извлечь настоящую правду искусства... нужно уметь извлекать из факта смысл»¹, — писал М. Горький. Остановившись же на стадии непосредственных восприятий и скрупулезной, неосмысленной их фиксации, художник в лучшем случае достигнет правдоподобности образов, но отнюдь не правдивости, не соответствия их подлинной правде жизни.

Не случайно натурализм стал одним из господствующих направлений в современном буржуазном искусстве. Ныне буржуазия требует от своих идеологов активного одурманивания сознания широких масс тру-

дящихся и затушевывания истинного смысла процессов и явлений современности.

Исказить любой ценой правду жизни, убедить трудящихся в ненужности общественного прогресса, насаждать средствами искусства индивидуализм и интеллектуальную анархию — вот истинный политический смысл натурализма и формализма, неразрывно связанных с буржуазным мировоззрением. Вот почему наша партия в борьбе за расцвет реалистического искусства, искусства больших социальных обобщений и жизненной правды, неоднократно предупреждала советских художников о политической вредности любых рецидивов натурализма и формализма.

Марксистская теория познания учит, что правдивым обобщением является лишь обобщение существенных свойств и сторон в каждом явлении. Применительно к искусству это означает, что лишь отвлечение от несущественных, нетипичных сторон жизни и обобщение в образе существенных, типичных сторон и свойств определенного социально-исторического явления составляет специфику реалистического художественного образа.

Реалистический художественный образ, как и всякое правильное обобщение, не исчерпывает отражаемого в нем предмета. В явлениях многообразной жизни, выступающей в качестве объекта художественного познания, художник-реалист вычленяет лишь существенные связи и взаимоотношения, подлежащие художественной обработке. Поэтому художественный образ в реалистическом искусстве представляет собой не зеркально-мертвое воспроизведение действительности, а результат сложного, диалектического ее познания. Отбирая для обобщения наиболее важное и значительное в объекте отражения, художник-реалист не отходит от жизненной правды, а приближается к ней. Именно благодаря сознательному отбору материала действительности художник-реалист достигает жизненной правды, недоступной ползучему эмпиризму натурализма.

¹ М. Горький. О литературе, стр. 109. 1937.

Художник-натуралист в стремлении к правдоподобности, как правило, акцентирует внимание на второстепенном. Он может абсолютно точно копировать действительность, но в созданном им образе не будет и той доли той жизненной правды, которая дышит в рисунках Рембрандта или Серова, достигающих в своей обобщенности несколькими смелыми штрихами неизмеримо большего сходства, ибо в них раскрывается главное — духовный облик изображаемого лица, не постигаемый в единичном восприятии.

Гипсовая маска в состоянии точно передать формы лица — и только! А резец скульптора-реалиста, отбирающий существенные особенности изображаемого человека, раскроет нам его духовный облик. По этому поводу Бальзак писал: «Задача искусства не в том, чтобы копировать природу, но — чтобы ее выражать... Иначе скульптор исполнил бы свою работу, сняв гипсовую форму с женщины. Что же! попробуй, сними гипсовую форму с руки своей возлюбленной и положи ее перед собой, — ты увидишь ужасный труп без малейшего сходства, и тебе придется искать резец и художника, которые, не давая точной копии, передадут движение жизни. Нам должно схватывать ум, смысл, облик вещей и существ»¹.

Создавая образ человека в театре или кино, авторы в целях достижения жизненной правды отбирают для обобщения лишь наиболее важное, характерное, типичное в его деятельности. Вспомним, например, работу творческого коллектива фильма «Мусоргский». Изучая биографию Мусоргского, авторы фильма отбирали то главное, что выявляет подлинный облик гениального русского композитора, и отбрасывали то, что могло бы снизить социальную значимость образа. Например, авторы опустили в фильме тот период жизни композитора, когда он трагически гибнет, затравленный царскими чиновниками, и это, без сомнения, — правильное творческое решение. Гибель Мусоргского в финале фильма

прозвучала бы фальшиво и нарушила бы жизненную правду. Образ композитора, создавшего гениальные произведения русского музыкального искусства, поистине бессмертен! Замечательным примером реалистического обобщения является и фильм «Композитор Глинка», в центре внимания которого авторы поставили не мелкие эпизоды личной жизни композитора, а его творческие дерзания, его великий подвиг — создание русской национальной музыки, русской народной оперы.

По принципиально иному пути идут буржуазные художники-натуралисты, в фильмах которых о великих художниках — Бетховене, Верди и других — второстепенные бытовые подробности, семейные дразги и личные неурядицы заслоняют образы гениальных творцов, извращают передовую идейную направленность их творчества.

Обобщение художником в образах существенных сторон действительности, то есть типизация, — важнейший специфический признак реалистического искусства. В этой связи основополагающее значение для развития марксистско-ленинской эстетики имеют положения доклада Г. М. Маленкова на XIX съезде нашей партии, посвященные раскрытию проблемы типического. Разоблачая примитивную, упрощенную трактовку типичного как только наиболее распространенного, часто повторяющегося, Г. М. Маленков отметил, что «типично не только то, что наиболее часто встречается, но то, что с наибольшей полнотой и заостренностью выражает сущность данной социальной силы. В марксистско-ленинском понимании типическое отнюдь не означает какое-то статистическое среднее. Типичность соответствует сущности данного социально-исторического явления, а не просто является наиболее распространенным, часто повторяющимся, обыденным... Типическое есть основная сфера проявления партийности в реалистическом искусстве. Проблема типичности есть всегда проблема политическая».

В этом важнейшем положении получили свое выражение указания

¹ «Бальзак об искусстве», стр. 164. Изд-во «Искусство». 1941.

товарища Сталина по вопросам искусства. Оно является теоретическим обобщением опыта реалистического искусства и прежде всего искусства социалистического реализма — искусства больших социальных обобщений, отражающего наиболее существенные, типичные стороны жизни. В этом положении дается глубочайший анализ сущности реалистического художественного обобщения жизни, подчеркивается значение типизации в искусстве.

«Художник, — говорил М. Горький, — должен обладать способностью обобщения — типизации повторных явлений действительно»¹. Именно такой способностью обладали замечательные представители русского реалистического искусства XIX века, в произведениях которых обобщены наиболее существенные, типичные стороны русской жизни того времени. Так, например, главным вопросом, вокруг которого шла общественная борьба в России во второй половине XIX века, был вопрос об уничтожении революционным путем самодержавия и крепостничества. Ненависть народных масс к эксплуататорам выражалась в невиданном росте крестьянских волнений. Передовые русские художники, воспитанные на прогрессивных идеях великих русских революционных демократов, как подлинные реалисты отразили в художественных образах сущность тех социальных сил, борьба которых составляла основное содержание общественной жизни дореволюционной России.

Как страстные патриоты, они в своих произведениях в первую очередь беспощадно выявляли и разоблачали типичные черты той социальной среды, которую отрицали, против которой направляли весь пафос своего обличения. Они произносили беспощадный приговор гнусной крепостнической действительности, царству Держиморд и Тит Титычей.

Обращаясь же к народу, они с глубоким сочувствием к его страданиям обобщали типичные стороны его жизни, раскрывали его негибаемую волю к борьбе за свободу.

Величие Льва Толстого, отмечал

Ленин, заключается в том, что он, как гениальный художник, сумел передать с замечательной силой настроения широких народных масс, сумел обрисовать их положение, выразить их стихийный протест против самодержавно-крепостнического строя. Ленинская характеристика великого писателя относится в полной мере и к другим гениальным представителям русского критического реализма, отразившим в ярких художественных образах стихийное возмущение многомиллионных масс крестьянства, поднимавшегося на революционную борьбу.

Вспомним, например, репинское полотно «Мужичок из робких». Художник с непревзойденной силой создает типичный образ ограбленного реформой 1861 года русского крестьянина, во взгляде которого таится неугасимая ненависть к угнетателям, к миру помещичьего произвола. Набрасывая многочисленные этюды бурлаков, Репин с позиций революционного демократизма выявлял типичные черты могучего характера русского человека, его духовного облика, в результате чего картина «Бурлаки на Волге» явилась патетическим обобщенным образом типичных черт угнетенного, но исполненного неистребимых сил русского народа.

Прогрессивные общественно-политические взгляды и реалистический метод творчества помогали русским художникам правдиво вскрывать сущность тех или иных социальных явлений, а не ограничиваться регистрацией наиболее массовых, распространенных фактов и событий. Именно поэтому они сумели создать ряд образов положительных героев, сумели показать положительный идеал своей эпохи.

Так, русские писатели и художники XIX века смогли разглядеть в сравнительно немногочисленных профессиональных революционерах типичные черты передового человека эпохи и обобщить их в качестве идеала прекрасного. Вспомним образ Рахметова, чей благородный пример вдохновлял на борьбу многие поколения революционеров. Рахметов — явление исключительное и в то же

¹ М. Горький. О литературе, стр. 299.

время с наибольшей полнотой и заостренностью выражающее сущность революционера-демократа. В этом пламенном образе необыкновенного человека Чернышевский с исключительной силой художественной правды передал типичные черты русской революционной демократии.

Качественно новой ступенью развития реалистического искусства является социалистический реализм, воспринимающий и развивающий на новой основе непреходящие достижения реалистического искусства прошлого. Метод социалистического реализма требует от художника правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. Это значит, что советские художники должны на основе внимательного и глубокого изучения жизни советского общества выявлять и отбирать для обобщения наиболее существенные, типичные ее стороны.

Типичным для развития нашего общества является массовый боевой и трудовой героизм советских людей, их новый моральный облик как советских патриотов. Партия учит советских художников раскрывать лучшие качества простого советского человека, показывать, что эти качества являются массовыми, что они свойственны не отдельным избранным людям, а многим миллионам советских людей. Создавая положительные образы советских людей, наши художники обобщают это массовое, как типичное, ибо в нем с наибольшей полнотой выражается сущность нашей социалистической действительности.

Именно на этом пути советскими художниками созданы такие классические образы, как Чапаев и Олег Кошевой, Батманов и Воропаев, Павел Корчагин и Мересьев, воплощающие лучшие типичные черты миллионов и миллионов простых советских людей.

Но типично не только то, что наиболее часто встречается в жизни. Типично то, что с наибольшей полнотой выражает сущность данной социальной силы. Это научное положение имеет основополагающее значение для дальнейшего развития совет-

ского искусства. Оно указывает путь советским художникам в их борьбе с рецидивами «теории» бесконфликтности.

Известно, что художественное обобщение предполагает изображение типичных характеров в типичных обстоятельствах, определяющих становление, развитие и действие этих характеров. Задача художника заключается в том, чтобы изобразить человека в органическом, неразрывном единстве со средой, в жизненно правдивых конфликтах и ситуациях, в которых проявляют себя человеческие характеры, показать борьбу нового со старым в обществе в ее конкретных формах и проявлениях. Эта задача может быть успешно решена лишь при глубоком знании художником действительности, ее реальных противоречий и конфликтов.

В этой связи большое значение для нового подъема советского искусства имеет редакционная статья газеты «Правда» от 7 апреля 1952 года «Преодолеть отставание драматургии». В ней вскрывается серьезный вред для развития нашей драматургии, а также советского искусства в целом «теории» бесконфликтности искусства, проповедовавшейся некоторыми литературными критиками и искусствоведами. Забыв о важнейшем положении эстетики социалистического реализма — изображать жизнь правдиво в ее революционном развитии, — они требовали от художников создания лишь идеальных типов, что приводило к искаженному, одностороннему отражению жизни.

«Художник, — отмечала «Правда», — по-настоящему знающий жизнь, вдумчиво наблюдающий за всем происходящим вокруг, не может не видеть, что на пути строителей коммунизма встречаются препятствия и трудности, столкновения, серьезные жизненные противоречия, преодоление которых требует больших усилий, высокого сознания своего патриотического долга. Борьба нового со старым вызывает самые разнообразные жизненные конфликты, без которых нет жизни, а стало быть, и нет искусства».

Советский художник призван утверждать положительный идеал, а для этого он должен быть силен не только в изображении нового, передового, прогрессивного, ежечасно порождаемого развитием нашего общества, но и в разоблачении старого, тормозящего развитие нового, нарождающегося. Он должен уметь смело и прямо смотреть в лицо правде, видеть ведущие тенденции развития жизни, понимать сущность жизненных конфликтов, пользоваться оружием критики как действенным средством воспитания. «Сила и значение реалистического искусства,— говорит Г. М. Маленков,— состоит в том, что оно может и должно выявлять и раскрывать высокие душевные качества и типичные положительные черты характера рядового человека, создавать его яркий художественный образ, достойный быть примером и предметом подражания для людей». Эта ответственная задача по самой своей сути предполагает гражданский пафос художника в разоблачении отрицательных типов, фальшивых людей, мешающих нашему движению вперед, к коммунизму.

Разумеется, при статистическом подходе к типизации художник не сможет решить этой важной задачи. В самом деле, жулик, бюрократ, подхалим, лицемер и т. п. — явления, не имеющие массового распространения в условиях нашей жизни. Но значит ли это, что художник не должен создавать типичного образа подобного фальшивого человека для его публичного осмеяния, развенчания? Безусловно, нет. Создавая образы отрицательных людей, советские писатели и художники обязаны подчеркивать их типичность для определенной социально-политической среды, той среды, которая порождает людей и явления, глубоко враждебные всему строю нашей жизни.

Смело выявляя жизненные конфликты и противоречия, советский художник призван не только обобщать сущность нового, передового, прогрессивного в нашей жизни, но и страстно, беспощадно развенчивать в художественных образах сущность старого, отмирающего, мешающего

поступательному развитию нашего общества. Нам Гоголи и Шедрины нужны; нам нужен боевой сатирический жанр в искусстве!

«Сознательное преувеличение, заострение образа не исключает типичности, а полнее раскрывает и подчеркивает ее»,— говорит Г. М. Маленков. Заострение художественного образа означает усиление характеристики, преувеличение в идейно-художественных целях обобщенных в образе существенных сторон явления.

Сатирическое разоблачение всего косного, реакционного, отживающего в жизни неизбежно предполагает сознательное заострение образа для наибольшей полноты выявления сущности разоблачаемого художником социального явления. Вспомним бессмертный сатирический образ Иудушки Головлева, в котором Салтыков-Щедрин гениально обобщил те явления феодально-крепостнической России, которые он страстно ненавидел. Ханжа и лицемер, лишенный всяких нравственных устоев, вокруг которого царит «густая атмосфера невежественности, предрассудков и кропотливого переливания из пустого в порожнее», стяжатель и хищник, погубивший своих детей, убийца родного брата и разоритель матери, пустослов, «язва смердящая, которая непрестанно точила из себя гной»,— таким предстает перед читателем этот классический образ.

Наивно было бы думать, что Иудушки Головлевы в «чистом виде» встречались даже в современной великому сатирику обстановке. Не случайно либеральная критика в свое время упрекала Салтыкова-Щедрина в неоправданном «преувеличении» и сгущении красок. А между тем именно в этом преувеличенном, заостренном образе писатель достигает вершин жизненной правды, срывая маски с «добропорядочных», лошенных крепостников-иудушек, выявляя типичные, существенные черты их характера.

Создание героико-романтических образов, обобщающих наиболее прекрасные и возвышенные типичные черты человека, по сути дела, также невозможно без сознательного за-

острения их. Вспомним образ пламенного Данко или образ Девушки из замечательной сказки Горького «Девушка и Смерть». Эти образы — не просто воспроизведение обыденного, часто встречающегося, а заостренное, преувеличенное изображение типичных духовных черт прекрасного Человека.

Не следует забывать, однако, что манера заостренности образов, манера Гоголя и Салтыкова-Щедрина — отнюдь не единственно возможный способ выявления, обобщения типичного. Существует еще манера Чехова, Горького, Маяковского. Все они по-разному обобщали жизненные явления во всей их сложности и многосторонности. Советские художники призваны настойчиво совершенствовать свое мастерство, овладевать различными способами типизации для создания произведений большого социального звучания.

Художественные образы тем жизненнее и правдивее, чем шире захватывает художник жизнь в своем обобщении, чем глубже он проникает в сущность явлений и событий, чем яснее и отчетливее осознает закономерности, управляющие ими. Проникнуть же в сущность явлений, отобразить типичное в изображаемой среде помогает художнику правильное мировоззрение. Не случайно поэтому идеалистическая эстетика, выступая против реалистического метода художественного познания действительности, всегда стремится выбросить мысль, идею, за борт творческого процесса. Какими бы софизмами и ухищрениями ни прикрывала она свой антиинтеллектуализм, в основе его лежит стремление принизить роль идей и разума в искусстве.

Марксистско-ленинская эстетика учит, что художественное познание и логическое мышление неразрывны. В процессе творчества логическое мышление помогает художнику сопоставить такие существенные взаимоотношения жизни, которые не познаются в непосредственном восприятии.

Сознательный отбор художником фактов действительности для художественного обобщения, осмысление их соответствия идейно-художественной задаче в конечном счете опреде-

ляются всем мировоззрением художника. В образах, создаваемых художником, всегда выражается его взгляд на действительность. Он стремится выразить в них свои мысли и чувства, мысли и чувства данной общественной среды.

Художник является представителем определенного класса, определенной эпохи и определенных социальных сил, поэтому он неизбежно выражает в художественном обобщении то, что считается прекрасным и наиболее важным с точки зрения данного класса.

Практика художника всегда является общественной практикой. Она определяет отношение художника к действительности. Поэтому художник обращается для художественного обобщения лишь к тем сторонам действительности, которые способствуют постановке волнующих общество этических, политических, эстетических и других вопросов. В этом проявляется партийность художника. Вот почему исключительно важное значение имеет замечательное положение Г. М. Маленкова о типическом, как основной сфере проявления партийности в реалистическом искусстве.

В необычайно широком диапазоне охвата жизни реалистическим искусством, не доступном никакому антиреалистическому искусству, заключается секрет его огромного познавательного значения. Логика действительной жизни находит соответствующее отражение в логике реалистических художественных образов. Их отношения отражают существенные отношения объективного мира. Познание же существенных отношений действительности, учит марксизм, и есть познание объективной истины, познание законов, управляющих явлениями. К этому познанию подводит человека реалистический художественный образ, раскрывая перед ним существенные отношения действительности в конкретно-индивидуализированной образной форме.

Искусство обогащает человека идеями и чувствами, знанием жизни в различных ее проявлениях. Оно воспитывает в нем определенное отношение к действительности. Именно

поэтому искусство всегда служит политическим интересам различных социальных сил, а проблема обобщения, типизации есть всегда проблема политическая.

Коммунистическая партия, советский народ высоко ценят общественно-преобразующую роль советского искусства как мощного средства коммунистического воспитания. Они рассматривают художника как инженера человеческих душ, как пропагандиста средствами искусства самых передовых идей современности — идей коммунизма.

Советский художник обязан понимать, что проблема типичности есть проблема политическая, и поэтому всегда в своем творчестве руководствоваться тем, что составляет жизненную основу советского строя, — политикой коммунистической партии. Научность этой политики обуславливает правильный отбор советским художником для обобщения наиболее типичных, существенных сторон жизни.

Итак, первым существенным признаком реалистического художественного образа является его типичность. Но типичное в действительности, в силу специфики искусства, не может быть художественно отражено вне индивидуального, ибо как в действительности, так и в правдивом ее художественном отражении типичное вне индивидуального не существует. Поэтому следующим важнейшим требованием реалистического искусства является индивидуализирование того типичного, общего, которое составляет содержание произведений.

Не может быть правдивым художественное отражение действительности при неконкретном обобщении, неизбежно ведущем к превращению живого, целостного художественного образа в схему. Без индивидуализации образов искусство теряет свою специфику, превращается в сухую абстракцию, лишенную художественности. Индивидуальность — существенный признак прекрасного, утверждал Чернышевский. В подлинно прекрасных художественных образах, правдиво отражающих

жизнь, индивидуальные подробности в их целостной, органической взаимосвязи служат средством передачи, выражения типичных черт действительности. Индивидуальное всегда должно вести к всестороннему и глубокому раскрытию типичного.

На необходимость индивидуализации типичного, как на важнейший признак реалистического искусства, указывал еще Энгельс, считавший, что в искусстве каждое изображаемое лицо должно быть типом, но вместе с тем и вполне определенной личностью. Однако индивидуализация признаков вне той их связи, которая ведет к выявлению и раскрытию типичного, не характеризует еще сама по себе реалистичности образа. «...Реализм, — писал Энгельс, — предполагает, помимо правдивости деталей, правдивость в воспроизведении типичных характеров в типичных обстоятельствах»¹.

Что бы ни отражал в своих творениях художник-реалист — дела и чувства конкретной личности или пейзаж родины, смысл событий своей эпохи или героическое прошлое своего народа, — он прежде всего старается найти правдивый, органический синтез типичного и индивидуального, раскрывает перед нами ту внутренне закономерную взаимосвязь единичных признаков действительности, которая ведет к типичному и через которую типичное наиболее полно выражается.

Вспомним, например, неповторимые образцы портретного жанра, созданные великими русскими реалистами XIX века. В портретах, написанных Перовым, Репиным, Крамским, Серовым и другими мастерами русской живописи, перед нами проходит галерея образов людей прошлого столетия, на основании которых мы не только можем представить себе их действительные черты, но и познать характерные особенности той общественной среды и эпохи, представителями и наиболее яркими выразителями которой они являлись. Непревзойденные по глубине психологических характеристик портреты

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 405. 1947.

Л. Толстого, Сеченова, Мусоргского и других раскрывают нам через индивидуальное своеобразие этих замечательных сынов русского народа типичные черты духовного облика русского человека.

Зачастую бывает и так, что портрет, совершенно утративший значение исторического документа, остается жить в веках как художественный образ, синтезировавший в себе типичные черты современной художнику эпохи. Нас не интересуют ныне многие прототипы того или иного портрета, созданного Веласкесом или Рембрандтом. Вечная жизненность их творений предопределена высокохудожественной передачей в образе отдельного лица общих, типичных черт определенной социальной группы, эпохи, народа.

В самом деле, кого, кроме искусствоведов, может интересовать тот факт, что знаменитая «Девушка с персиками» В. А. Серова — портрет В. С. Мамонтовой или что один из лучших образцов портретного жанра в мировом искусстве — «Протодиакон» И. Е. Репина — есть не что иное, как портрет чугуевского диакона Ивана Уланова?

Подлинный художник-реалист подходит к натуре не пассивно и бездумно, а осмысленно, творчески, выискивая и отбирая в ней прежде всего типичное. Вот как свидетельствует сам Репин о выборе натурщика для «Протодиакона»: «А тип интересный! Это экстракт наших дьяконов, этих львов духовенства, у которых ни на одну иоту не попадает ничего духовного — весь он плоть и кровь, лупоглазие, зев и рев, рев бессмысленный, но торжественный и сильный, как сам обряд в большинстве случаев... И это мне всегда виделось в моем любезном дьяконе, как самом типичном, самом страшном из всех дьяконов».

Выявляя типичное, И. Е. Репин добивался в процессе работы максимального сходства портрета с натурой. «Весь город Чугуев, — писал он, — может засвидетельствовать полнейшее сходство с оригиналом, столь потешавшее благонамеренных горожан. И манера, и жест руки, и гла-

за, словом — весь тут, говорили они...»¹.

При создании художественного образа, не являющегося портретом отдельного человека, художник-реалист также стремится к полноценному синтезу в образе типичного и индивидуального. Русские писатели-классики оставили нам целую галерею замечательных художественных образов. В этих образах отражены типичные стороны русской жизни в эпоху крепостничества. Величие и непреходящая прелесть художественных образов, созданных классиками, заключаются не только в широте охвата ими типичных сторон действительности, но и в жизненности, в высокохудожественной индивидуализации каждого из них.

Очень хорошо выразил эту закономерность реалистического творчества М. Горький: «Описав одного знакомого ему лавочника, чиновника, рабочего, литератор сделает более или менее удачную фотографию именно одного человека, но это будет лишь фотография, лишенная социально-воспитательного значения, и она почти ничего не даст для расширения, углубления нашего познания о человеке, о жизни. Но если писатель сумеет отвлечь от каждого из 20—50, из сотни лавочников, чиновников, рабочих наиболее характерные классовые черты, привычки, вкусы, жесты, верования, ход речи и т. д., — отвлечь и объединить их в одном лавочнике, чиновнике, рабочем, этим приемом писатель создаст «тип», — это будет искусство»².

Диалектическое единство типичного и индивидуального в равной мере присуще и более общим художественным образам, выражающим средствами музыки, архитектуры, поэзии типичные стороны эпохи в жизни народа, величие его дел и чувств.

Бесспорно, например, что замечательные памятники архитектуры отражают эти наиболее общие стороны действительности. Однако подлинно великие архитектурные образы в то же время неповторимы в своей индивидуальности. Станции москов-

¹ Письмо Репина Крамскому от 13 января 1878 года.

² М. Горький. О литературе, стр. 201.

ского метро и высотные здания столицы воплощают величие породившего их народа, его материальную и духовную мощь, идейное содержание эпохи построения коммунизма. Одновременно каждое из этих архитектурных сооружений в отдельности отличается своим особым индивидуальным обликом, обуславливающим его эстетическую прелесть.

Требование глубокой индивидуализации образов — одно из основных требований эстетики социалистического искусства. Передача в художественных образах типичных сторон социалистической действительности предполагает яркую индивидуализацию образов, ибо наша действительность сформировала новый тип человека, необычайно многогранного по своему характеру, многостороннего по богатству своего духовного облика. Разоблаченная партией ошибочная и вредная «теория» бесконфликтности, неизбежно приводящая к отходу художника от познания типичных сторон нашей жизни, губительна для подлинного искусства. Известно, что без художественного воплощения жизненных конфликтов нельзя глубоко и всесторонне показать характер человека. Свидетельство тому — схематичные образы новаторов производства в ряде пьес советских драматургов, трактуемых вопреки жизненной правде в виде односторонних людей, которым не хватает широты мышления, богатства кругозора, все интересы которых ограничены только кругом их производственно-технической деятельности.

Полноценная реалистическая индивидуализация образов требует от художника глубокого и всестороннего знания жизни, бережного и любовного отношения к изображению прекрасного в своей многогранности советского человека — строителя величественного здания коммунизма. Она предполагает чуткое отношение художника к жизненной правде, мастерское владение всеми средствами индивидуализации, характерными для данного конкретного вида искусства, умение воплощать типичное в форме высокохудожественного индивидуализированного образа.

Итак, сущность реалистического художественного образа состоит в обобщении типичных, существенных сторон жизни в форме образа индивидуального явления.

Представление о реалистическом образе было бы неполным без учета еще одной важнейшей закономерности реалистического искусства — отражения действительности в единстве содержания и формы.

Известно, что «теоретической» основой формалистических теорий «чистого искусства» является утверждение самоценности художественной формы безотносительно к ее содержанию. Это утверждение является, в частности, одним из краеугольных камней кантианской эстетики, которая вот уже более полутора веков снабжает псевдонаучными аргументами всевозможные разновидности формализма. Согласно Канту, прекрасно лишь то, что необходимо и у всех своей формой вызывает незаинтересованное наслаждение: «Только форма, без познания цели, нравится при художественной оценке и сама собой»¹.

Разоблачая формализм идеалистической эстетики, русские революционные демократы выдвинули замечательное положение о том, что эстетическое наслаждение отлично от материального интереса или практического взгляда на предмет, но не противоположно ему. Именно поэтому в единстве содержания и формы в искусстве определяющим и главным они считали содержание произведений, их идейный смысл. Бесполезное, говорил Чернышевский, не имеет права на уважение.

Марксистско-ленинская эстетика, требующая от искусства больших идей и широких социальных обобщений, учит, что в искусстве нет и не может быть прекрасной формы без общественно-значимого содержания. В содержании образов советского реалистического искусства должны отражаться важнейшие стороны жизни народа, ставиться самые острые социальные вопросы современности, воплощаться великие идеи

¹ Иммануил Кант. Критика способности суждения, стр. 83. 1898.

коммунизма, исторический смысл событий и деятельности людей сталинской эпохи.

Всемирно-историческое значение советского искусства, знаменующего собой качественно новый шаг в художественном развитии человечества, определяется его содержанием, в котором правдиво отражена жизнь советского общества.

Подчеркивая определяющее значение содержания художественных образов, марксистско-ленинская эстетика вместе с тем указывает на весьма важное значение их формы. Как бы ни было значительно само по себе содержание, но если художник не сумеет дать ему соответствующего конкретно-чувственного воплощения, созданный им образ не будет обладать художественностью, не будет иметь эстетической ценности. В этой связи историческое значение имеют указания партии по вопросам художественного мастерства и, в частности, положение о том, что успех художественного произведения решает и глубина идейного замысла и высокое качество художественной формы.

Коммунистическая партия учит, что правильный выбор художником общественно-значимого содержания сам по себе еще не определяет его творческого успеха. Если художник не сумеет переплавить избранное им содержание в жизненные, правдивые образы и придать им высокохудожественную форму, он тем самым невольно дискредитирует содержание своего произведения.

«Некоторые авторы, — писала «Правда», — наивно полагают, что современная тема сможет искупить художественную неполноценность произведений. Разве не ясно, что чем значительнее и ответственнее тема пьесы, тем выше должны быть ее художественные достоинства». Это положение в полной мере относится ко всем видам советского искусства. Достаточно вспомнить неудачную оперу композитора Жуковского «От всего сердца», в которой общественно-значимая тема оказалась извращенной нехудожественным сценическим и музыкальным ее решением.

Авторы оперы, избрав ее темой жизнь наших колхозников в послевоенные годы, должны были правдиво показать средствами оперного искусства современную колхозную деревню, ее замечательных людей. Но, как указывала «Правда», взявшись за большую и важную тему, они не смогли правдиво раскрыть ее в живых художественных образах, в яркой реалистической музыке.

Авторы либретто, лишив его драматического развития и последовательности, построили сюжет из разрозненных, органически не связанных друг с другом эпизодов. Подобное нарушение драматического единства сюжета привело к обеднению образов героев, ибо сюжет есть путь развития образа, через который образ и раскрывается во всей своей многогранности и полноте.

Герои оперы оказались лишенными живых человеческих чувств, чему немало способствовал крайне бедный, примитивный язык оперы, идущий от самых дурных оперных и салонно-романсовых штампов. Язык героев, их лексика оказались бессильными передать мысли и чувства советских людей, служить средством ярких индивидуальных характеристик.

Слабая, бесцветная музыка лишь усугубила пороки либретто. Герои оперы оказались музыкально обезличенными, лишенными индивидуальной окраски. Крайняя убогость декораций, оперная условность колхозников в массовых сценах, примитивное и неуклюжее изображение «трудовых процессов» и т. п. в еще большей мере подчеркнули серость, тусклость и антихудожественность формы этой неудачной оперы. В результате большой идейный замысел оказался извращенным художественной неполноценностью формы его воплощения.

В реалистическом искусстве прекрасная художественная форма образа всегда должна быть не самоцелью эстетического созерцания, а средством художественной передачи, выявления содержания, основной мысли, идеи автора. В искусстве читателя, зрителя, слушателя привле-

кают прежде всего не формальные средства создания художественного образа, не композиция, ритм, объем, цвет и т. д. сами по себе, а содержание, выявляющееся через форму.

Единство формы и содержания образа достигается тогда, когда содержание образа не существует вне его формы, равно как не существует ни одного элемента формы художественного образа, не ведущего к раскрытию, к выявлению его содержания. В прекрасном художественном образе все до мельчайших компонентов его формы, оттенков, штрихов должно служить выражению художественного содержания, основной идеи произведения искусства.

Во внешнем оформлении художественных образов важная роль принадлежит компонентам «языка» искусства, то есть тем формальным приемам, способам закрепления образов, которые исторически вырабатывались определенным видом искусства в процессе его развития и совершенствования.

Художественный язык отдельных видов искусства создавался поколениями художников, вносящих свой вклад в сокровищницу мирового искусства. По мере развития общества он становился все более гибким и совершенным в образной передаче мыслей и чувств человека. «Язык» искусства способствует созданию полноценной формы художественного образа, наиболее точному выражению его идейного содержания.

Вот почему наша партия в борьбе за коммунистическую идейность и народность искусства обращала и обращает внимание советских художников на недопустимость нигилистического, пролеткультовского отношения к «языку» искусства. Конечно, в «языке» искусства имеются субъективные моменты, которые определяются творческой индивидуальностью мастера, его манерой и не могут быть подвергнуты какой-либо нивелировке, декретированию. Однако наряду с этими весьма значительными субъективными моментами, характеризующими творческое лицо того или иного мастера, объективно существуют общие закономерности

«языка» искусства, игнорирование которых недопустимо.

Партия сурово осудила формалистическое направление в музыке, как антинародное и ведущее на деле к ликвидации музыки. Нарочитое усложнение музыкального языка, проповедовавшееся композиторами-формалистами как новый шаг в развитии музыкального мастерства, превратилось для них в самоцель и означало на поверку обеднение музыкального языка, разрушение его специфики. «Под маской чисто внешнего усложнения приемов композиционного творчества, — говорил А. А. Жданов на совещании деятелей советской музыки, — скрывается тенденция к обеднению музыки. Музыкальный язык становится невыразительным. В музыку привносится столько грубого, вульгарного, столько фальшивого, что музыка перестает отвечать своему назначению — доставлять наслаждение».

Уродование музыкального языка, складывавшегося веками, разрушение гармонического единства всех его элементов неизбежно приводят к тому, что музыка перестает выражать большое общественное содержание, перестает вдохновлять людей, ибо она перестает быть доступной для широких масс народа, понятной и любимой ими.

В какой тупик заводит формализм искусство, как нельзя лучше свидетельствует современная американская музыка, построенная на «принципах» атональности, диссонанса и дисгармонии. Основной задачей подобной музыки является оглушение слушателя какофонией немusикальских звуков и оглушение его. Абсолютизация ритма в ущерб остальным элементам музыкальной выразительности превращает рояль в руках американского пианиста в ударный инструмент, на котором предписывается игра ладонями и даже локтями, пение — в истошный крик, оркестр — в подобие зверинца.

Указания партии о недопустимости игнорирования специфики «языка» искусства имеют самое непосредственное отношение к творческой деятельности художников различных видов искусства. Изживая на

основе действенной критики и самокритики формалистические извращения в своей практике, советские художники решительно борются за расцвет советского искусства, социалистического по содержанию и национального по форме.

Итак, поскольку содержание образа в искусстве не существует вне его формы, мастерское владение всеми ее элементами, всестороннее их использование для полнейшей адекватности формы образа его идее — необходимое условие художественности образа.

Мастерство художника, выражающееся в создании прекрасных художественных образов, в равной мере характеризуется как созданием общественно-значимого содержания образа, его идеи, так и нахождением художественной формы, соответствующей этому содержанию. Следовательно, мастерство художника

проявляется на всех этапах создания художественного образа — от изучения действительности и оформления первоначального замысла до окончательной его реализации.

Таким образом, сущность реалистического художественного образа состоит в специфическом обобщении типичных, существенных сторон действительности, в форме образа индивидуального явления, имеющего эстетическое значение вследствие органического единства общественно-значимого содержания образа и соответствующей ему художественной формы.

Это положение марксистско-ленинской эстетики теоретически вооружает советских художников в их борьбе за создание прекрасных художественных произведений, достойных великих дел советского народа.

О единстве организма и среды

И. И. НОВИНСКИЙ

Научное познание взаимоотношений организма и среды — центральная проблема мичуринско-павловской биологии. Рассмотрение этой проблемы помогает установлению глубокого единства учений Мичурина и Павлова в понимании закономерностей развития органической природы.

Руководящей основой для исследования вопроса о соотношении организма и среды является марксистско-ленинская диалектическая концепция развития. Она представляет собой единственно научное объяснение процесса развития и обеспечивает верное направление в изучении диалектики органической природы.

* * *

Установив изменчивость организмов и преемственность между ними, Ч. Дарвин нанес жестокий удар идеализму и метафизике и ввел в биологию метод исторического исследования.

Следует, однако, сказать, что хотя Дарвин и называл условия существования высшим законом природы¹, это являлось, по существу, лишь предположением его творческой мысли; оно не нашло последовательно научного отражения в его эволюционной теории. Положение Дарвина не могло получить силы научного закона, пока не была раскрыта сущность связей организма с условиями среды, пока не было установлено единство организма и условий существования и его общетеоретическое значение для понимания развития органической при-

роды. Известно, что Дарвин из-за исторической ограниченности науки того времени был вынужден отказаться от установления причин, вызывающих индивидуальные изменения организмов. «Дарвин,—отмечает Энгельс,—отвлекается от причин, вызвавших изменения в отдельных особях... Дарвин прежде всего интересуется не столько этими причинами,—которые до сих пор отчасти совсем неизвестны, отчасти указываются лишь в самых общих чертах,—сколько рациональной формой, в которой закрепляются действия, приобретая длительное значение... Но опять-таки,—заключает Энгельс,—не кто иной, как Дарвин, дал толчок исследованию вопроса, откуда собственно берутся эти превращения и различия»².

Обобщая достижения естествознания своего времени и отмечая положительные стороны в учении Дарвина, Энгельс одновременно указал и на ряд ошибочных положений последнего. Так, он указывал на переоценку Дарвином борьбы за существование и недооценку им роли условий жизни. Энгельс утверждал, что постепенное преобразование организмов растений и животных и их приспособление к изменяющейся среде вполне может быть объяснено без дарвиновского принципа перенаселения.

Воздействие изменяющихся условий жизни сказывается, например, указывал Энгельс, «при переселении растений и животных в новые места, где новые климатические, почвенные

¹ См. Ч. Дарвин. Соч. Т. III, стр. 424.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 70.

и прочие условия вызывают изменение... То же самое при постепенном изменении географических, климатических и прочих условий в какой-нибудь данной местности (высыхание Центральной Азии, например). При этом безразлично, давит ли здесь друг на друга или не давит животное или растительное население: вызванный изменением географических и прочих условий процесс развития организмов происходит и в том и в другом случае»¹.

Основоположники марксизма отвергли мальтузианские ошибки Дарвина, а также весьма критически отнеслись к выдвинутому Дарвином принципу естественного отбора как якобы основной закономерности развития органической природы. Фиксируя внимание на непосредственной роли условий жизни, Энгельс пришел к выводу, что естественный отбор, как и борьба за существование, не может быть признан достаточно удовлетворительным объяснением законов развития органической природы.

В одном из своих писем, относящихся к 1875 году, Ф. Энгельс указывал: «В учении Дарвина я согласен с теорией развития, дарвиновский же способ доказательства (борьба за существование, естественный отбор) считаю всего лишь первым, временным, несовершенным выражением только что открытого факта»².

Указание Ф. Энгельса о необходимости учета непосредственных воздействий среды, обуславливающих изменения организмов, имеет программное значение для развития биологической науки.

Именно учет влияния условий жизни привел к научному выводу о возможности направленного воздействия на организм для получения желательных результатов в интересах практики, к выводу, ставшему центральной задачей мичуринско-павловской биологии и являющемуся решающим ее идейно-теоретическим содержанием. В этом смысле

большой интерес представляет замечание Маркса. «Нет, конечно, никакой возможности,— пишет Маркс,— доставить на рынок пятилетнее животное раньше, чем ему исполнится пять лет. Но в известных пределах возможно, изменяя способы ухода за животными, подготовить их в более короткий срок к их назначению»³.

Огромное историческое значение в развитии вопроса о единстве организма и условий жизни как закономерности органической природы имеет творчество И. М. Сеченова. Выдающийся деятель передового естествознания, названный И. П. Павловым «отцом русской физиологии», И. М. Сеченов блестяще применил идею рефлекса к деятельности головного мозга животных и человека.

И. М. Сеченов поставил перед собой сложнейшую задачу — доказать, во-первых, что внешняя деятельность человека «дробится на рефлексы, которые начинаются чувственным возбуждением, продолжаются определенным психическим актом и кончаются мышечным движением», и, во-вторых, что «для данных внешних и внутренних условий акта, т. е. среды действия и физиологического состояния человека, одно и то же чувственное возбуждение роковым образом вызывает остальные два момента цельного явления, всегда в одном и том же направлении»⁴.

Раскрывая, таким образом, в рефлекторном акте взаимодействие организма и среды, И. М. Сеченов установил, что этот акт нервной системы носит закономерный характер и для высших нервных процессов.

Исходя из признания неотделимости, единства организма и среды, И. М. Сеченов трактовал на этой основе рефлекторный акт как процесс воздействия на организм условий его существования и как необходимое условие сохранения существования самого организма, как процесс приспособления организма к

¹ Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 248. 1949.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 305. 1948.

³ К. Маркс. Капитал. Т. II, стр. 234. 1949.

⁴ И. М. Сеченов. Избранные труды, стр. 193. 1935.

среде. «Все отраженные движения, — указывал И. М. Сеченов, — целесообразны с точки зрения сохранения целостности существования»¹.

Дальнейшей творческой разработкой этого вопроса явилось учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности животных и человека, которое раскрыло диалектико-материалистический характер этой деятельности.

Ценнейший вклад в развитие биологии той эпохи, когда она вплотную подошла к этапу Мичурина и Павлова, наряду с открытиями И. М. Сеченова внес К. А. Тимирязев. Особенно важным в его творчестве в разрезе рассматриваемого нами вопроса надо признать экспериментально разработанные исследования по усвоению света растением.

Обращаясь к исследованию роли света в жизни органических форм, К. А. Тимирязев продолжил и развил научные изыскания своего учителя — выдающегося эволюциониста А. Н. Бекетова.

К. А. Тимирязев впервые экспериментально показал, как растения с помощью улавливаемого хлорофиллом солнечного света (главным образом красных лучей спектра) разлагают поглощаемый ими углекислый газ, используют углерод, образуют сложные органические вещества — углеводы (крахмал, сахар) — и накапливают остающуюся неиспользованной при реакциях фотосинтеза лучистую энергию солнечного света.

Если, говорил К. А. Тимирязев, «мы обратимся к микроспектру и увидим, как хлорофилловые зерна, сохраняя свой обычный цвет и прозрачность в желтых и зеленых частях спектра, становятся черными, как угольки, при перемещении их в красную или синюю часть спектра, то можем быть уверены, после всего, что было ранее сказано, что мы действительно присутствуем здесь при таинственном процессе «превращения света в тела», благодаря которому этот ничтожный черный комочек вещества является истинным звеном, соединяющим величественный взрыв

энергии в нашем центральном светиле со всеми многообразными проявлениями жизни на обитаемой нами планете»².

Путем блестящих экспериментальных исследований в области фотосинтеза К. А. Тимирязеву удалось не только экспериментально показать наличие глубокой, внутренней связи между организмом и средой, но и установить биологическую значимость этой связи. Это было достигнуто К. А. Тимирязевым в результате определения космической роли растения как аккумулятора питания и энергии для животных организмов. Тем самым открытия К. А. Тимирязева касались и вопроса изменения среды обитания в результате жизнедеятельности органических форм. Они явились важнейшей вехой на пути научного исследования определяющих связей в природе.

Работы К. А. Тимирязева по фотосинтезу, осуществляемому растениями, имеют исключительное значение в развитии вопроса о соотношении организма и условий его жизни.

Открытия И. М. Сеченова и К. А. Тимирязева ярко свидетельствуют о творческом развитии дарвинизма, характерном для передового русского естествознания.

Творцы мичуринской биологии (Мичурин, Вильямс, Лысенко) еще глубже раскрыли законы развития органического мира. Достижения мичуринского учения являются результатом последовательной защиты основного принципа материалистической биологии — единства организма и условий жизни — и всестороннего творческого развития этого положения как закона органической природы.

И. П. Павлов в своем учении о высшей нервной деятельности развивает вопрос о единстве организма и среды как основной закономерности органической природы применительно к организму высших животных и человека. И. П. Павлов правильно усматривает влияние общественной среды, когда он обращается к чело-

¹ И. М. Сеченов. Избранные труды, стр. 192.

² К. А. Тимирязев. Соч. Т. I, стр. 444. 1937.

веку, к его высшей нервной деятельности, и определяет при этом значение труда, воспитания, обучения, слова для понимания закономерностей психической деятельности человека.

Открытие И. П. Павловым второй сигнальной системы в ее взаимодействии с первой и выдвинутые им материалистические основы научного понимания типов нервной системы (темпераментов) людей, его учение о характере составили высшую ступень павловских исследований.

В вопросе о единстве организма и условий жизни вейсманисты-морганисты отстаивают взгляды, прямо противоположные мичуринско-павловской биологии. Они отправляются от старых, идеалистических представлений о действующей в организме «жизненной силе», обновив лишь (в который уже раз!) ее наименование. Теперь «жизненная сила», это мистическое начало, — обычный для идеализма псевдоисточник всех перемен, совершающихся в органической природе, стала называться геном — неизменным и непостижимым, изначально данным и бессмертным «веществом наследственности». Своей хромосомной «теорией» вейсманисты-морганисты воскрешают лишь старые побасенки витализма и метафизики о том, что жизненные процессы не зависят будто бы от условий существования организмов. Они пропагандируют также своеобразные «акты творения» — читай: «мутации».

Сторонники «физиологического» идеализма, так же как и морганисты, отказываются признавать единство организма и среды, выступая тем самым против достижений современного, передового естествознания.

Известно, что «физиологический» идеализм второй половины XIX века отстаивал антинаучное представление о независимости деятельности органов чувств от воздействий внешней среды и проводил идеалистическую линию отрицания материального мира как объективной реальности.

Разоблачая идеалистическую основу попыток представить мышление, сознание оторванным от объективного мира, В. И. Ленин писал: «...Ото-

рвать движение от материи равносильно тому, чтобы оторвать мышление от объективной реальности, оторвать мои ощущения от внешнего мира, т. е. перейти на сторону идеализма»¹.

Ныне сторонники «обновленного» идеализма в физиологии и психологии продолжают отрицать, что нервная система осуществляет связь организма с внешней средой. Они утверждают, что деятельность мозга происходит якобы самопроизвольно, спонтанно. Противопоставляя психическую деятельность нервной, они выдвигают антинаучное положение о непознаваемости психических процессов и отвергают тем самым возможность научного, объективного ее исследования. С точки зрения «физиологического» идеализма психические процессы носят характер таких субъективных переживаний, которые не подчиняются воздействиям извне, оторваны от внешней среды. Эти антинаучные утверждения облачают субъективно-идеалистический характер «физиологического идеализма» и субъективистской психологии.

Философская линия «физиологического» идеализма была разоблачена и разгромлена в трудах В. И. Ленина и И. В. Сталина. Гениальные произведения великих корифеев науки — классиков марксизма-ленинизма — служат неоценимым руководством в наступательной борьбе материалистов естествоиспытателей и философов против антинаучной линии «физиологического» идеализма, против всяких проявлений идеализма, метафизики, индетерминизма, агностицизма в естествознании.

* * *

Победа мичуринского учения и павловской физиологии над антинаучными течениями в биологии свидетельствует о значимости и жизненности установления в науке закона единства организма и среды, о неотразимой наступательной силе материалистического естествознания.

В мичуринском учении и в творчестве И. П. Павлова вопрос о един-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 254.

стве организма и условий жизни получил всестороннее развитие.

В трудах академика Т. Д. Лысенко мы находим по этому вопросу следующие исходные положения:

1) «Организм и необходимые для его жизни условия представляют единство»¹.

2) «Организм представляет собой целое как систему только в единстве с необходимыми ему условиями жизни»².

3) «...Если живой организм изолировать от условий внешней среды, ему необходимых, то он перестает быть организмом, живое перестает быть живым»³.

В этих положениях, к установлению которых была направлена предшествующая передовая научная мысль, выражается основная закономерность, неотъемлемо присущая всему живому, — составлять единство с условиями жизни, определяющими в процессе исторического развития особенности, природу организма.

Весьма важно указать, что, говоря о единстве организма со средой, следует иметь в виду не только индивид, единичное, но и единство вида со средой. В свете мичуринского учения иначе и быть не может, ибо основные особенности индивида — его наследственность, характер избирательного отношения к условиям жизни, тип обмена веществ и т. п. — определяют его видовую принадлежность, составляют его, индивида, видовое отличие. Получить новую наследственность можно, лишь устраняя старую. Но образование новой наследственности у индивида и есть образование нового вида.

Положение о единстве организма и условий жизни, как носящее характер всеобщности и необходимости, выражает закон развития органической природы. При всем многообразии ее представителей, всем им — от простейших белковых молекул, обладающих свойствами жизни, до высших животных и человека — присуща общая закономерность: суще-

ствовать и развиваться в неразрывном единстве с условиями жизни.

Законы науки выражают объективные законы самой природы. «Марксизм понимает законы науки, — учит И. В. Сталин, — все равно идет ли речь о законах естествознания или о законах политической экономии, — как отражение объективных процессов, происходящих независимо от воли людей»⁴. Естественно, что положение о единстве организма и среды, характеризующее развитие всего живого, и составило незыблемо прочную основу современной биологической науки.

Признание связи между организмом и средой необходимой, объективно осуществляющейся в жизнедеятельности организма и всего живого, т. е. закономерной, в корне противоположно идеалистическому и метафизическому утверждению о независимости организма от условий жизни. Метафизическое представление об организме как якобы изолированном, не зависимом от среды противоречит действительности, всем фактам, которые мы наблюдаем в явлениях природы.

Вскрывая органическую связь между организмами и средой, устанавливая существенные отношения между ними, биологическая наука отстаивает линию материализма и следует диалектическому методу, ибо диалектика отличается прежде всего тем, что в противоположность метафизике она «рассматривает природу не как случайное скопление предметов, явлений, оторванных друг от друга, изолированных друг от друга и не зависящих друг от друга, — а как связанное, единое целое, где предметы, явления органически связаны друг с другом, зависят друг от друга и обуславливают друг друга»⁵.

Отрицание вейсманизмом-морганизмом связи организма со средой как закономерности ведет к признанию господства случайностей, не дает возможности правильно понять

¹ Т. Д. Лысенко. Агробиология, стр. 629. 1948.

² Там же, стр. 569.

³ Там же, стр. 378.

⁴ И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 4. Госполитиздат. 1952.

⁵ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 101.

явления природы. «...Живая природа представляется морганистам хаосом случайных, разорванных явлений, вне необходимых связей и закономерностей. Кругом господствует случайность»¹.

В учении И. П. Павлова теория рефлекторной деятельности нервной системы, теория сигнальных систем, построена на признании взаимосвязи организма и среды и правильно отражает факты объективной действительности.

Временные, приобретаемые условно-рефлекторные связи являются, согласно учению И. П. Павлова, обязательным, закономерным процессом во взаимосвязи организма животного и человека со средой. Этот процесс образования временных связей носит характер жизненной необходимости для организмов. Соответственно этому И. П. Павлов определяет нервную систему как «невыразимо сложный и тончайший инструмент сношений, связи многочисленных частей организма между собой и организма как сложнейшей системы с бесконечным числом внешних влияний»².

И. П. Павлов устанавливает также, что безусловные рефлексы выражают постоянную связь «внешнего агента с ответной на него деятельностью организма». Вполне соответствует мичуринскому учению следующий обобщающий вывод И. П. Павлова: «...Вся жизнь от простейших до сложнейших организмов, включая, конечно, и человека, есть длинный ряд все усложняющихся до высочайшей степени уравниваний внешней среды»³.

Отсюда следует, что И. П. Павлов (и это необходимо особо подчеркнуть) рассматривает единство организма и среды как процесс исторический.

Разработка вопроса о единстве организма и среды в плане обобщения истории развития природы полностью соответствует также требованию марксистской диалектики —

рассматривать явления в их движении, развитии и обновлении.

Историческое понимание закона единства организма и среды привело к выдающимся научным выводам. На этом пути была, например, раскрыта основная закономерность формирования наследственности как эффекта «концентрирования воздействий условий внешней среды, ассимилированных организмами в ряде предшествующих поколений»⁴. В результате исторического подхода получил научное разрешение и сложный вопрос о происхождении жизни и об источнике, составляющем содержание любой формы живого. Вот единственно научный вывод: «Живое не только зависит от условий внешней среды, от условий жизни, но живое первоначально в каких-то условиях произошло из неживого»⁵. И еще: «Нужно помнить, что мертвая природа есть первоисточник живого»⁶.

В мичуринском учении и в учении И. П. Павлова о высшей нервной деятельности впервые в науке благодаря историческому характеру исследования поставлена на научную основу также проблема соотношения индивидуального и исторического развития организмов (онтогенез и филогенез).

Необходимо при этом учитывать диалектику этого соотношения. С одной стороны, поскольку организм в своем индивидуальном развитии воспроизводит исторически сложившиеся наследственные особенности своих предков, он выступает как результат развития предшествовавших органических форм. С другой стороны, в силу того, что организм в зависимости от конкретных условий развития изменяет свою наследственность и это закрепляется в потомстве, развитие организма оказывает влияние на ход органической эволюции и выступает тем самым как активное звено в цепи исторического процесса развития органической природы.

¹ Т. Д. Лысенко. Агробиология, стр. 652.

² И. П. Павлов. Избранные произведения, стр. 226—227. Госполитиздат. 1949.

³ Там же, стр. 195.

⁴ Т. Д. Лысенко. Агробиология, стр. 635.

⁵ Там же, стр. 569.

⁶ Там же, стр. 522.

Мичуринско-павловская биология как диалектико-материалистическая наука отличается конкретным, глубоко обоснованным, научно-доказательным содержанием. Она опирается на эксперимент, проверяется практикой. Она рассматривает единство организма и условий жизни как процесс изменчивый, как процесс развития. В ней преодолен разрыв между принципом единства организма и условий жизни и принципом развития, что и составляет важнейшую особенность советской биологии как качественно нового этапа в развитии науки о жизни. «...Всеобщий принцип развития,— указывает В. И. Ленин,— надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом *единства мира*, природы, движения, материи etc.»¹.

Выдающимся достижением биологической науки ленинско-сталинской эпохи, открывшим для этой науки простор безграничного развития, является установление диалектической взаимосвязи развития организмов и их единства с условиями жизни. В этом заключается решающая особенность трактовки закона единства организма и условий жизни в современной материалистической биологии.

Условиям жизни следует придавать определяющее значение в развитии организмов. «Каждый орган,— писал И. В. Мичурин,— каждое свойство, каждый член, все внутренние и наружные части всякого организма обусловлены внешней обстановкой его существования»². Признавая определяющую роль условий жизни в развитии организмов, мичуринское учение и учение И. П. Павлова подчеркивают также активное отношение организма к воздействиям условий жизни.

Конечно, каждое изменение среды, в той или иной мере воспринимаемое организмом, оказывает на него свое влияние. Но вместе с тем необходимо подчеркнуть, что каждый организм реагирует на воздействия внешней среды своеобразно, соответ-

ственно своим особенностям, своей природе. Каждый организм, как указывает Т. Д. Лысенко, строит себя на свой лад. Поэтому в оценке источников развития организмов необходимо обращаться к их внутренним процессам, вскрывать своеобразие внутренних противоречий, выражающихся в обмене веществ, в «борьбе» наследственности и ее изменчивости и т. д.

Для современной материалистической биологии неприемлемы как недооценка роли условий жизни в развитии организмов, так и игнорирование значения своеобразий, собственных самим организмам при ассимилировании ими условий жизни.

Антидиалектическому и в конечном счете идеалистическому характеру подобных воззрений мичуринско-павловская биология противопоставляет диалектико-материалистическое понимание взаимообусловленности организма и среды, диалектику взаимосвязи внешнего и внутреннего в процессе развития органической природы.

Необходимость учета определяющей роли условий жизни и активности организмов (активность, т. е. своеобразие реакций организма на воздействие среды, специфичность процессов организма, а не пассивное восприятие условий жизни) находит свое выражение в определении коренных биологических понятий.

В качестве примера может быть приведено определение понятия наследственности в мичуринской биологии, где двусторонний характер понимания наследственности выступает чрезвычайно наглядно. С одной стороны, наследственность, по определению мичуринской биологии, есть результат концентрирования условий внешней среды, ассимилированных в процессе исторического развития организмов, а с другой,— наследственность определяется как «*свойство живого тела требовать определенных условий для своей жизни, своего развития и определенно реагировать на те или иные условия*»³.

Развитие есть всегда, как учит

¹ «Философские тетради» В. И. Ленина, стр. 239.

² И. В. Мичурин. Соч. Т. I, стр. 590. 1948.

³ Т. Д. Лысенко. Агробиология, стр. 629.

И. В. Сталин, процесс обновления, процесс борьбы нового со старым. Поэтому и единство организма и условий жизни нужно понимать как процесс противоречивый, ведущий к обновлению, к поступательному движению в развитии органического мира. Поступательное развитие организмов характеризуется изменением особенностей единства организма и условий жизни, различными формами взаимодействия организма и среды.

В учении И. П. Павлова дано естественно-научное обоснование процесса усложнения форм связей организма со средой. Это явствует, например, из учения об анализаторах, из анализа сочетания первой сигнальной системы со второй при формировании человека, а также из установления своеобразия в применении первой сигнальной системы к животным и человеку, хотя она и является общей как для животных, так и для человека. Подобным же путем, т. е. в результате научного понимания единства и противоречий организма и среды, достигается верная трактовка и таких капитальных проблем биологии, как наследственность и ее изменчивость, разнокачественность в смысле наследственности частей, тканей, клеток организма, наследование в потомстве приобретаемых изменений структур и функций, образование типов нервной системы, как вопросы о видообразовании, стадийности в развитии организмов, об особенностях и источниках жизненности, об избирательности организма к условиям жизни и др.

Из этого можно заключить, что во всех коренных вопросах биологии верное их решение достигается, исходя из единой общей основы, из признания единства организма и условий жизни как объективного закона природы. Закон единства организма и условий жизни определяет не какую-либо отдельную сторону или какие-либо отдельные процессы развития органической природы, а все главные стороны и все главные процессы этого развития. Законы, имеющие подобного рода значение, носят, как этому учит труд

И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», характер основных законов.

Следовательно, закон единства организма и условий жизни должен быть признан основным законом органической природы, а его отражение в мичуринско-павловской биологии должно быть оценено, как имеющее огромное теоретическое и практическое значение.

Этот основной закон мичуринско-павловской биологии, вскрывая диалектико-материалистический характер закономерностей органического мира, следует полностью ленинско-сталинской концепции развития в ее применении к органической природе.

Мичуринско-павловская биология со всей ясностью свидетельствует о том, что только марксистская философия, только ее теория развития может дать верное направление биологической науке, обеспечить ее процветание.

Глубокое проникновение в закономерности развития органической природы, всесторонняя разработка вопроса о единстве организма и условий жизни имеют огромное практическое значение. «Законы внешнего мира... суть основы *целесообразной* деятельности человека»¹, — писал Ленин.

В гениальном труде И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» подчеркивается, что люди могут открыть законы развития, «познать их, изучить их, учитывать их в своих действиях, использовать их в интересах общества, но они не могут изменить или отменить их. Тем более они не могут сформировать или создавать новые законы науки»². Однако люди могут во многих случаях воздействовать на процессы природы.

Познание объективных закономерностей органической природы дает возможность использовать стихийные процессы ее развития в интересах общества. На основе знания этих объективных процессов достигается

¹ «Философские тетради» В. И. Ленина, стр. 161.

² И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 4.

сознательное воздействие на органические формы.

Энгельс указывал, что «вместе с быстро растущим познанием законов природы росли и средства обратного воздействия на природу»¹. Энгельс подчеркивал при этом коренную противоположность использования природы в эпоху социализма сравнительно с эпохой досоциалистических формаций. Во всех эксплуататорских формациях, писал Энгельс, не только не могут быть устранены непредвиденные последствия, неконтролируемые силы, но, наоборот, они оказываются более могущественными, чем силы, приводимые в движение планомерно.

Современная действительность подтвердила полностью могучую силу планового социалистического производства, направляемого политикой нашей партии, являющейся жизненной основой советского строя.

Сталинский план преобразования природы, великие сталинские стройки коммунизма ставят перед наукой все новые задачи, которые она может решать, лишь постоянно творчески развиваясь, активно осуществляя указание И. В. Сталина о необходимости свободы критики, борьбы мнений для преуспевания науки.

* * *

Разработанный мичуринско-павловской биологией закон единства организма и условий жизни имеет огромное значение для разоблачения антинаучных течений в биологии, физиологии, психологии.

Материалистическое объяснение психических процессов, оказавшееся возможным на основе учения И. П. Павлова о высшей нервной деятельности, главным биологическим принципом которого является закон единства организма и среды, вызвало ожесточенную реакцию со стороны противников материализма.

Враги науки очень скоро почувствовали, что учение И. П. Павлова означает победоносное наступление материализма и диалектики на идеализм и метафизику не только в обла-

сти физиологии, но и психологии и медицины. Реакционеры от науки сколачивают общий фронт борьбы против последовательно материалистических павловских воззрений. В этот антинаучный блок входят такие проповедники мистики, иррационализма, идеализма и метафизики в области физиологии, психологии, психиатрии и пр., как Фултон, Лиддел, Лёшли, Шеррингтон, П. Жанэ, Ясперс, Уоттс, Мёллер, Клейст, Пётцль и им подобные. Псевдонаучные измышления этих мракобесов об общности психики, организма в целом от окружающей среды, о непознаваемости психического в силу его «специфичности» служат лишь доказательством того, что дело «сочинителей новых гносеологических «измов», — как указывал В. И. Ленин, — проиграно навсегда и безнадежно»².

Стремясь отстаивать это безнадежное дело, сторонники «объективной психологии» — бихевиористы — начинают «дополнять» так называемое объективное изучение поведения субъективистскими представлениями об особом, непостижимом внутреннем мире человека. Во взглядах сторонников холизма и гештальт-психологии используется надуманная, спекулятивная концепция «целостности» психического восприятия, отвергающая познаваемость явлений сознания. Всемерно поддерживаются махистские измышления о психических «элементах» и психической «энергии». Чрезвычайно усиливается пропаганда фрейдизма, который объявляется «динамической психологией», а движущими силами этой фрейдистской «динамики» провозглашается подсознательное, бессознательное — инстинкты, сексуальные влечения и т. д.

Антинаучные течения в психологии выступают также под названиями «динамической физиологии», «функциональной психологии» и т. д. и т. п.

Мутный поток антиматериалистических концепций, всякого рода течений и течений оказывал свое отрицательное влияние и на некоторых советских психологов.

¹ Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 14.

² В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 336.

Суть этого влияния выражается в следующих недостатках, препятствующих до сих пор развитию научной психологии.

Это прежде всего игнорирование линии развития русской научной психологии, данной в творчестве Сеченова — Павлова. Игнорирование достижений Сеченова — Павлова многие годы тормозило развитие психологии и облегчало воздействие на советских ученых враждебных науке концепций буржуазной психологии.

Вторым и вместе с тем основным недостатком в развитии научной психологии является неудовлетворительное применение психологами марксизма-ленинизма.

В борьбе с влиянием буржуазных лжеучений следует всегда помнить, что многообразные и тенденциозные, крикливые вывески, которыми стремятся прикрыть антинаучное содержание псевродинамических концепций в психологии, являются на деле лишь различными способами рекламирования одной и той же гнилой продукции махистско-кантианского толка.

Если, например, академик И. С. Бериташвили предлагал признавать, что психические явления порождаются «спонтанной» деятельностью мозга, то это в такой же мере выражало влияние на его воззрения махистской схемы отрыва организма от среды, как это имело место у тех, кто доверял махистам десятки лет назад. И. С. Бериташвили повторял махистов сегодня так же, как, скажем, в 1904 году их повторял солидаризировавшийся тогда с махистами А. В. Луначарский. «Когда мозгу, — писал он, — не представляется внешнею средою никакой работы, а запас энергии в нем существует, мозг играет, он, свободно повинаясь лишь своей организации, функционирует, он играет образами, комбинируя их, или *творит*, он играет понятиями, комбинирует их, — *мыслит*»¹.

Отрицание единства организма и среды в психологии ведет не только к мистике о «спонтанной» деятельности мозга, но и к субъективистскому про-

тивопоставлению личности коллективу, условиям общественной жизни людей.

Воинствующие мракобесы, идеологи империалистической реакции всемерно стремятся к антинаучному истолкованию вопросов биологии с тем, чтобы использовать лживые «аргументы» от биологии при рассмотрении проблем социологического характера.

Они ставят биологию, физиологию, психологию на службу прежде всего задаче отрицания объективных законов развития общества и укрепления антинаучной идеи о «свободе воли».

Буржуазная лженаука всячески заинтересована в том, чтобы представить личность человека как мир, оторванный от всего общества, субъективно конструируемый, произвольно действующий, мистически неопределенный. Идеологи империализма превозносят поэтому буржуазный индивидуализм и воскрешают давно обанкротившиеся махистские представления о замкнутой и изолированной личности, якобы конструирующей мир по произволу своего «спонтанно» действующего сознания.

Для современной реакционной социологии характерно обращение к психологии и использование ее субъективистских «аргументов», подобных, например, давно разоблаченным утверждениям немецкого психолога Гефдинга, который в «Очерках психологии» в 1892 году писал, что «индивидуум — это существо, которое так обособлено от среды и так независимо от нее, что он может в свою очередь с некоторой своеобразностью действовать на среду. Вполне выраженную индивидуальность мы находим только в области жизни сознания, где есть внутренние центры страдания и действия. Значит, мировой закон индивидуализации приобретает самое ясное выражение в духовной области»².

Проповедь буржуазного индивидуализма призвана «обосновать» важнейшую задачу империалистической реакции — оказать противодействие сплочению рабочего класса и всех

¹ Сборник «Очерки реалистического мировоззрения», стр. 126. 1905. 2-е изд.

² Г. Гефдинг. Очерки психологии, стр. 97. 1892.

прогрессивных сил мира для борьбы против капиталистического гнета, за мир во всем мире.

В области физиологии и психологии в интересах идеологической реакции империализма пропагандируются также вульгарные, антинаучные взгляды о локализации умственных способностей человека в отдельных участках мозга. Этим воскрешаются лженаучные «теории» далекого прошлого, подобные, например, представлениям Ф. Галля. Умственные способности и социальные мотивы поведения человека обуславливаются, по Галлю, особенностями строения черепа. Эти псевдонаучные утверждения, несмотря на свою более чем вековую давность, оказались чрезвычайно живучими в реакционной буржуазной лженауке.

Враги материализма «связывают» психические явления непосредственно со структурой мозга, с его морфологией. Этим они стремятся создать видимость учета ими материального субстрата. Однако, игнорируя процессы высшей нервной деятельности, они хотят избавиться от внедрения научной физиологии в область психологии, психиатрии и обойти вопрос о детерминированности психических процессов явлениями внешнего мира и воздействиями со стороны внутренней среды, обуславливающими работу головного мозга. Такова очередная «мода» буржуазной лженауки. Морфологизм в истолковании психических функций является своеобразным идеалистическим течением в психологии, которое по праву может быть названо «морфологическим» идеализмом.

Сюда относится выдвинутая в 20—30-х годах текущего столетия «теория» так называемой мозговой патологии. Основным ее стержнем является стремление, как образно определил суть этой «теории» А. Г. Иванов-Смоленский, не прибегая к исследованиям высших нервных процессов, «во что бы то ни стало уложить психологический и психопатологический узор на морфологическую канву мозга»¹.

¹ Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения акад. И. П. Павлова, стр. 49. Изд-во АН СССР. 1950.

«Теория» мозговой патологии оказала влияние на некоторых советских психиатров (Л. Г. Шмарьян, М. О. Гуревич, Р. Я. Голант, Г. Е. Сухарева и др.).

Сторонники «морфологического» идеализма, отвергая физиологию как науку, необходимую для понимания психических явлений, провозглашают тем самым, что психическое и физиологическое вовсе не связаны между собой, что они якобы стригают друг друга. Отвергая физиологические процессы мозга как основу психической деятельности, защитники «морфологического» идеализма, явно не сводя концов с концами, претендуют все же на то, чтобы связывать мозг, взятый только морфологически, т. е. недеятельный, статичный, с психической функцией, т. е. с процессом.

Суть дела, конечно, не в том, чтобы отказываться вообще от сопоставления локальных анатомо-морфологических данных с функциональными, физиологическими нарушениями, а в том, чтобы не абсолютизировать значение первых и извлекать из исследования лишь то рациональное зерно, какое может дать учет соответствия между поражением структуры мозга и нарушением его функции. Но это-то и требует знания физиологических — высших нервных — процессов, осуществляющих связь организма с условиями существования.

Может возникнуть вопрос: разве самая структура мозга, как и организма вообще, статична, разве она сама не изменяется? Конечно, изменяется, обязательно изменяется. Но морфологические изменения могут быть осуществимы лишь в результате тех или иных процессов жизнедеятельности.

Мозг, взятый лишь морфологически, с исключением его процессов, его жизнедеятельности, его физиологии, — это статика. Представляемый так «морфологическими» идеалистами, мозг равнокачествен законсервированной и изолированной от целостного организма любой части тела. Взгляды, исключаяющие жизнедеятельность мозга, вполне соответствуют вейсманистско-морганистско-

му утверждению об отсутствии связи между организмом и средой, ибо с этой точки зрения можно вообще говорить только о мертвом, а не о живом.

С логической неизбежностью «морфологический» идеализм психологов обнаруживает свое «единство» с вейсманизмом-морганизмом. Отрицание «морфологическими» идеалистами роли физиологии адекватно также моргановской хромосомной «теории» наследственности, которая чисто умозрительно выводит явления жизнедеятельности организма из структурных элементов надуманного «вещества наследственности». К представлениям «морфологического» идеализма должны быть также отнесены попытки объяснения своеобразий характера человека на основе особенностей строения его организма (конституция организма и характер человека). Считать, что психический процесс формируется мозгом, значит признавать мозг действующим, а не статичным. Буржуазные лжеученые доходят до абсурда, полагая, что статика может объяснять динамичность явлений. Против этого направлено указание И. В. Сталина: «Мыслимо ли, чтобы то, что не изменяется, определяло собой то, что все время изменяется?»¹.

«Морфологический» идеализм, отвергая процессы высшей нервной деятельности, исключает научное объяснение психических функций и тем самым предоставляет полный простор для самых произвольных спекулятивных измышлений. Тут могут быть примыслены и спонтанность, и творческий порыв, и интроспекция, и интуиция, и мотивация, и т. д., и т. п., лишь бы в итоге истинные закономерности психических процессов оставались вне пределов науки. При отрицании физиологии мозга исключается какая бы то ни было возможность научного объяснения психических явлений.

Стремление изгнать из науки необходимость исследования закономерностей высшей нервной деятельности во имя защиты идеализма и метафизики полностью подтверждает спра-

ведливость следующего высказывания В. И. Ленина: «Изгнание законов из науки есть на деле лишь *протаскивание законов религии*»².

Реакционная буржуазная лженаука узаконивает требование сочетать психические функции лишь с анатомией мозга еще и потому, что с помощью этого требования поборники «морфологического» идеализма стремятся не только оказать яростное сопротивление воздействию учения И. П. Павлова на передовых зарубежных ученых. Имея более дальний прицел, они борются с историческим материализмом, противопоставляя научному пониманию сознания человека как специфического явления общественной жизни антинаучное представление о независимости сознания от общественного бытия людей.

«История показывает, — учит И. В. Сталин, — что если в разные времена люди проникались различными мыслями и желаниями, то причина этого в том, что в разные времена люди по-разному боролись с природой для удовлетворения своих потребностей, и, в соответствии с этим, по-разному складывались их экономические отношения»³.

Сторонники «морфологического» идеализма стараются всячески, как мы указывали, внушить, что организм оторван от среды. «Устраняя» при этом учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности, они отвергают в качестве задачи науки необходимость исследовать «превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания»⁴. Они, собственно, предлагают принимать психическое за движение, за процесс, но... без материи. Самое признание анатомии мозга оказывается лишь привеском к субъективистскому истолкованию психики. Идеалистические философы вновь, как видно, возымели надежду на то, что «можно надуть философски необразованных людей соблазнительно-«экономным» предложением: *давайте мыслить движение без материи*»⁵.

² В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 182.

³ И. В. Сталин. Соч. Т. 1, стр. 314.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 39.

⁵ Там же, стр. 270.

¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 1, стр. 326.

Поэтому они яростно выступают против последовательно материалистического учения И. П. Павлова, стремясь устранить его из психологии, из психиатрии.

В предмете своих исследований — в мозге — И. П. Павлов видел замечательное совершенство. Он относился к нему с исключительной бережностью. Самый его метод рассчитан на то, чтобы сохранить мозг жизненным, нормально действующим, динамичным.

И. П. Павлов и мысли не допускал о том, что можно видеть в каком-либо элементе сложнейшей конструкции мозга нечто лишнее динамического значения. «...Разве все эти многочисленные вариации в устройстве отдельных участков коры — без определенного динамического значения?»¹ — спрашивал И. П. Павлов. Отвечая на этот вопрос, он категорически утверждал: «...Все открываемые подробности конструкции рано или поздно должны будут найти свое динамическое значение»².

И. П. Павлов отстаивал и последовательно проводил закон единства организма и условий жизни как основной закон биологии. Исходя из него в исследовании высшей нервной деятельности человека, он дал верное естественно-научное обоснование психологии и медицинской науки.

* * *

Взаимосвязь организма со средой имеет всеобщее значение для органической природы. При этом, конечно, вовсе не отвергается наличие своеобразия указанной взаимосвязи у различных органических форм. В силу этого следует вновь подчеркнуть принципиальное значение уче-

ния И. П. Павлова. Благодаря этому учению раскрывается ведущая роль нервной системы в установлении единства организма животных со средой.

Говоря о единстве организма со средой, надо также иметь в виду многообразие форм жизни. В состав последних должны быть включены и доклеточные образования вплоть до жизненно активных белковых молекул. Поэтому единство со средой характерно для всего живого, это закон жизни вообще, а не только той стадии ее развития, когда уже образуются организмы.

Единство организма со средой есть единство противоречивое. Противоречие между организмом и условиями жизни есть основное противоречие, разрешение которого обуславливает поступательное развитие организмов. «...Процесс развития от низшего к высшему протекает не в порядке гармонического развертывания явлений, — учит И. В. Сталин, — а в порядке раскрытия противоречий, собственных предметам, явлениям, в порядке «борьбы» противоположных тенденций, действующих на основе этих противоречий»³.

Единство общепаразитических основ мичуринского учения и учения И. П. Павлова сочетается со специализацией этих учений. Первое обращено к вопросам сельского хозяйства и составляет агробиологическую науку. Второе — учение И. П. Павлова — разрешает вопросы физиологии, психологии, медицины. Но биологическая основа этих учений единая, ядром ее является диалектико-материалистическая разработка единства организма и среды. Как видно, мичуринско-павловская биологическая основа в корне противоположна антинаучной «основе» противников современной материалистической биологии.

¹ И. П. Павлов. Избранные произведения, стр. 367.

² Там же, стр. 371.

³ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 104.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Отец-иезуит в роли критика диалектического материализма

(О книге Г. Веттера «Диалектический материализм. Его история и его система в Советском Союзе». Вена. 1952)

Американские империалисты, одержимые бредовой идеей установления своего господства над миром, хотят снова толкнуть народы в пропасть мировой войны. Но народы мира, поработанные империализмом, как указывает товарищ Сталин, «не желая больше жить по-старому, берут судьбу своих государств в свои руки, устанавливают демократические порядки и ведут активную борьбу против сил реакции, против поджигателей новой войны»¹. В результате второй мировой войны от капиталистической системы отпали Китай и другие народно-демократические страны, образовавшие вместе с Советским Союзом единый и мощный социалистический лагерь, противостоящий лагерю капитализма. Важнейшим экономическим результатом второй мировой войны и ее хозяйственных последствий является распад единого всеохватывающего мирового рынка². Это обусловило дальнейшее углубление общего кризиса мировой капиталистической системы. Почва горит под ногами империалистов.

Не удивительно поэтому, что акции иезуитов — давних агентов мракобесия, проверенных мировой реакцией, — ныне особенно высоко оцениваются на идеологической бирже империалистов. Об этом свидетельствует горячий прием, оказанный книге Густава Веттера «Диалектиче-

ский материализм. Его история и его система в Советском Союзе»³ буржуазной прессой США, Англии, Италии и других стран.

Веттер, уроженец Австрии, — иезуит, профессор папского Восточного института в Риме. Итальянский марксистский журнал «Сочиета» сообщает, что этот институт имеет сугубо специальное назначение: в нем «подготавливаются лица, предназначенные для тайной службы на территориях Советского Союза и Восточной Европы». Нетрудно представить себе, какие «профессора» подвизаются в этом «институте» и какие «науки» внедряют они в сознание своих слушателей. Повидимому, их лекции не подлежат огласке. Что же сделало знаменитым «труд» дипломированного иезуита Веттера? Оказывается, преподобный отец читает лекции по истории русской и, в особенности, советской философии. В 1948 году эти соответствующим образом обработанные лекции были опубликованы в виде отдельной книги на итальянском языке. В 1952 году расширенное и дополненное издание этой книги вышло в свет на немецком языке.

В предисловии к немецкому изданию отец-иезуит призывает к «оборонительной войне» против «советского диалектического материализма». Он горько сетует на то, что после окончания второй мировой войны «большевистское влияние на культурную жизнь Запада чувствительно

¹ Журнал «Большевик» № 9 за 1946 год, стр. 1—2.

² См. И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 30.

³ G. A. Wetter. Der dialektische Materialismus. Seine Geschichte und sein System in der Sowjetunion. Wien. 1952.

усилилось» (стр. V). Факт этот отец-иезуит объясняет обманчивой «видимостью глубины», якобы присущей диалектическому материализму. Отсюда и проистекают, по его утверждению, всевозможные соблазны и грехопадение многих лиц, увлекшихся марксистской философией, которая, как говорит иезуитский проповедник, является порождением сатаны.

Отец-иезуит осеняет себя крестом. Он уверяет, что его, Веттера, не проведешь: он знает русский язык, читает советские журналы и, в частности, журнал «Вопросы философии». Он обильно цитирует советские учебные пособия, сообщает опубликованные советской печатью сведения о подготавливаемых к изданию книгах, о происходивших научных дискуссиях, конференциях и т. д. Кто же после этого смеет сомневаться в «осведомленности» Веттера, в «основательности» его специальной подготовки?

Реакционная пресса воскуряет фимиам благочестивому патеру: «Осерваторе Романо», официальный орган Ватикана, аттестует книгу Веттера как «веский труд», а сарагатовская «Уманита» рекомендует ее как «один из лучших трудов о советском диалектическом материализме». Это не книга, а «величайшее благодеяние», пишет английский реакционный журнал «Философи», настоятельно требуя перевода ее на английский язык. Больше всего удивляет реакционную прессу иезуитская манера изложения Веттера, состоящая в том, что основные положения марксизма излагаются им в духе клеветнических измышлений врагов ленинизма из троцкистско-бухаринской своры. Этот бесстыдный прием оценивается рецензентами как образец научного «объективизма».

Отвечая на вопрос, что такое ленинизм, отец-иезуит предлагает вниманию читателей высказывания таких врагов марксизма, как Рязанов, Булгаков, Струве и Бердяев. Преподобный «профессор» рекомендует этих «теоретиков» как представителей «критического направления в марксизме» (стр. 94). Богостроители в его изображении — марксисты,

считающие мистицизм необходимым дополнением научного марксизма (стр. 101). Таким образом, в качестве теоретиков и пропагандистов марксизма неискушенному читателю подсовываются злейшие враги марксизма. А реакционная пресса на все лады превозносит «объективность» и «беспристрастность» отца-иезуита. Американский журнал «Джорнел оф философи» восхищен «прекрасным образцом иезуитского стиля». Смешение в одну кучу марксистов и злейших врагов марксизма преподносится им «как самое полное и документированное изложение», а приписывание марксизму утверждений всякого рода ревизионистов и прочих буржуазных фальсификаторов — как «острота анализа», выполненного с «величайшим искусством».

Шумиха, поднятая реакционными философствующими борзописцами вокруг этого изделия ватиканской идеологической кухни, вынуждает нас подробнее остановиться на его содержании.

Книга Г. Веттера состоит из двух частей. Часть первая претендует на изложение истории диалектического материализма. Во второй части речь идет о «системе» диалектического материализма.

Говоря о возникновении марксизма, о его предшественниках, Веттер бегло касается философии Гегеля и Фейербаха и подробно останавливается на характеристике позитивизма, который и объявляется им главным философским источником диалектического материализма. Австрийский иезуит не оригинален: он лишь повторяет домыслы чешского позитивиста Масарика, который еще в 20-х годах выступил с этим «открытием» философской родословной марксизма.

Как известно, Маркс и Энгельс совершили революционный переворот в философии, создав подлинно научную философию, не совместимую ни с какой поповщиной, ни с каким угнетением человека человеком. Этот революционный переворот, совершенный марксизмом, «ученый» иезуит изображает как позитивистское, нигилистическое отрицание философии вообще. Позитивисты утверждали

что наука не нуждается в мировоззрении, что основные вопросы философии неразрешимы и надо попросту отбросить их. Марксизм, как известно, вскрыл величайшее значение научно-философского мировоззрения для науки и практики и решил «неразрешимые» философские проблемы. Но обо всем этом Г. Веттер молчит. Молчит он и о том, как в действительности относились Маркс и Энгельс к позитивизму и его основоположнику О. Конту. Между тем известно, что Маркс и Энгельс резко критиковали позитивизм. «Я в качестве партийного человека,— писал Маркс,— занимаю решительно враждебную позицию по отношению к контизму, а как человек науки очень невысокого мнения о нем...»¹. Энгельс разоблачал позитивизм как «узкое филистерское мировоззрение»². Все это пытается скрыть от читателя ученый иезуит.

Итальянский марксистский журнал «Ринашита» отмечает, что «позитивистское происхождение марксизма, утверждаемое Веттером, является чистым изобретением». Мы можем только добавить, что такого рода изобретения называются попросту мошенничеством. Яркой иллюстрацией этой мошеннической изобретательности Г. Веттера является отождествление им марксистско-ленинской критики метафизического способа мышления с позитивистским отрицанием так называемой метафизики, под которой позитивисты подразумевают материализм. Основное положение материализма — признание существования внешнего, независимого от сознания мира — трактуется позитивистами как утверждение существования чего-то «сверхчувственного», «потустороннего» и т. д.

Разоблачая подобного рода клевету на материализм, В. И. Ленин более сорока лет тому назад писал в работе «Материализм и эмпириокритицизм»: «Метафизиками, надо сказать, обзывают материалистов многие идеалисты и все агностики (кантианцы и юмисты в том числе), потому что им кажется, будто при-

знание существования внешнего мира, независимого от сознания человека, есть выход за пределы опыта»³.

Итак, позитивисты отрицают правомерность существования философии, они третируют материализм с позиций субъективного идеализма и агностицизма. Отец-иезуит выдает позитивистскую эклектическую крошку за философский источник марксизма. Воистину прекрасный образец иезуитского стиля исследования и изложения!

В своей «истории» диалектического материализма отец Густав, в соответствии с названием своего опуса, уделяет главное внимание ленинизму. Следуя по стопам К. Реннера и других вожakov правых социалистов, Веттер изображает ленинизм как чисто русскую, национальную разновидность марксизма, якобы неприменимую к Западной Европе. Эту давно обанкротившуюся, безмерно лживую (ибо международное значение ленинизма — всемирно-исторический факт) идейку ватиканский псевдоученый пытается подкрепить новыми «аргументами». Следуя основному тактическому принципу иезуитов — цель оправдывает средства,— Веттер утверждает, что своеобразие ленинизма основано на том, что он унаследовал идеи русских «нигилистов» и славянофилов.

Преподобный отец великолепно знает, что ленинизм есть дальнейшее творческое развитие марксизма в эпоху империализма и пролетарских революций.

В. И. Ленин и И. В. Сталин подняли марксизм на новую, высшую ступень. Влияние марксизма-ленинизма растет во всем мире. Но именно эти неопровержимые факты и задумал опровергнуть ученый иезуит. Не будь этих упрямых фактов, незачем было бы воинствующему мракобесу писать свою книжку. Вот почему под прикрытием елейных рассуждений о «бескорыстной и благоговейной любви к истине» отец-иезуит тщится убедить своих читателей в том, что ленинизм связан с «мистической душой» русского человека и является пересадкой марксизма на русскую

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 266. 1948.

² Там же, стр. 479.

³ В. И. Ленин: Соч. Т. 14, стр. 51.

национальную почву и обработкой его в духе «нигилистов» и славянофилов.

«Нигилистами» сей псевдоученый именует великих русских революционеров-демократов, занимавших резко отрицательную позицию по отношению к идеализму и религии. Боевой атеизм Н. Г. Чернышевского, правильное понимание им классовой природы идеалистического мракобесия преподносятся читателю как... вульгарный материализм. Чернышевский, утверждает нагло Г. Веттер,— «главный представитель русских вульгарных материалистов» (стр. 67).

Впрочем, для Веттера, считающего, что философия не должна идти дальше евангельских легенд, всякий материализм есть вульгарная теория. Как типичный прислужник эксплуататорских «верхов», мнящих себя аристократами духа, Веттер третирует материализм как якобы нефилософский взгляд на мир, свойственный подавляющей массе простых людей. Но эти «простые», не искушенные в философии люди, несомненно, правильно решают вопрос об отношении сознания к бытию, чем дипломированные лакеи поповщины. Этим «простым» людям и в голову не приходит утверждать, что их ощущения, представления являются единственной реальностью. В. И. Ленин говорил по этому поводу: «Наивный реализм» всякого здорового человека, не побывавшего в сумасшедшем доме или в науке у философов идеалистов, состоит в том, что вещи, среда, мир существуют *независимо* от нашего ощущения, от нашего сознания, от нашего Я и от человека вообще»¹. Это «наивное», подтвержденное тысячелетиями истории убеждение человечества, которое в своей ненависти к истине пытается опровергнуть Г. Веттер, является исходным пунктом научной теории познания.

Оклеветав русских материалистов — революционных демократов, а заодно и материализм вообще, ученый иезуит начинает разглагольствовать о славянофильских традициях марксизма в России. Пользуясь не-

осведомленностью западноевропейского читателя относительно славянофильства, Веттер пытается объявить эту реакционную, крепостническую теорию одним из источников «русского марксизма», который якобы и есть не что иное, как учение об особом пути развития России.

Зачем Веттеру понадобились эти псевдоисторические подтасовки, нелепые аналогии? Все это шарлатанство необходимо ему и его империалистическим хозяевам для того, чтобы опорочить благородную борьбу марксизма-ленинизма против космополитической идеологии американского империализма. Именно поэтому маститый иезуит в угоду Уолл-стриту изображает борьбу советских людей против презренного космополитизма как возрождение славянофильских традиций. С этих же позиций охаивает он законное стремление советских людей отстоять приоритет открытий, сделанных великими русскими учеными. Профессор ватиканского института никак не может примириться с тем, что именно наш великий соотечественник Попов, а не итальянец Маркони является создателем радио. Понимая, что борьба советских людей против низкопоклонства перед Западом наносит сокрушительный удар пережиткам буржуазной идеологии в СССР, полный злобы и ненависти ко всему советскому, русскому, отец-иезуит не останавливается и перед наглой ложью, как, например, приписывание советским людям утверждения, будто М. В. Ломоносов «за два века (!) до Лавуазье открыл закон сохранения массы» (стр. 292).

Эта подтасовка нужна Веттеру также для того, чтобы изобразить диалектический материализм в виде особой теологической системы взглядов. Со стороны это может показаться неуклюжей шуткой. Диалектический материализм, являющийся воинствующим атеизмом, и теология — что может быть более несовместимым? Но какое дело иезуиту до фактов! Для него атеизм — тоже религия, но, конечно, не истинная. Он объявляет диалектический материализм «еретическим» и, следовательно, религиозным учением, характери-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 57.

зую марксистскую диалектику как «типично теологический метод». Он предаёт анафеме марксистско-ленинскую философию, называя её «псевдотеологией», опирающейся якобы на религиозно-философское учение Соловьёва, Хомякова и других идеалистов.

Философствующий иезуит пытается убедить читателя в том, что все общественные вопросы, в сущности, сводятся к вопросам религиозным, а классовые битвы — к борьбе единой всеспасающей религии против всевозможных ересей. Борьба между пролетариатом и буржуазией, борьба между социализмом и капитализмом — все это одна только видимость, утверждает иезуит. В действительности же сущность истории составляет борьба между истинной, т. е. католической, религией и псевдорелигией, разновидностью которой и является учение социализма. Научный социализм изображается иезуитом как сатанинское мировоззрение, которое «противопоставляет себя богу и стремится занять его место» (стр. 581). Это мировоззрение, говорит с ужасом отец-иезуит, освобождает человека от смирения, внушает ему гордость и веру лишь в свои собственные силы. Библейский змий, соблазнивший Еву, является, по его мнению, провозвестником материалистического миропонимания.

Мы видим, что отец-иезуит требует примирения с капиталистическими порядками. Борьба против капиталистического рабства, вера трудящихся в реальную возможность своего освобождения третируются иезуитом как дьявольское наваждение. Психология раба, покорно гнущего спину перед эксплуататором, превозносится этим холопом как высшая добродетель.

Диалектический материализм является философским обоснованием революционного коммунистического преобразования мира. Марксистско-ленинская философия в корне противоположна религиозной проповеди рабского смирения; это философия борьбы против сил и традиций старого, мировоззрение, глубоко проникнутое жизнеутверждающей верой в человека. «Только философский материализм. Маркса,— подчерки-

вает В. И. Ленин, — указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали донныне все угнетенные классы»¹. Эта-то мобилизующая, организующая и преобразующая сила марксистско-ленинского мировоззрения и ужасает верного прислужника империалистов Густава Веттера.

Во второй части своего объемистого опуса отец-иезуит занимается фальсификацией основных черт марксистского диалектического метода и марксистского философского материализма.

Мы не станем рассматривать все его псевдоглубокомысленные, схоластические разглагольствования, смысл которых сводится к одному: без бога философия лишена всякого содержания. Остановимся лишь на главном аргументе отца-иезуита, направленном против материалистической диалектики. Аргумент этот не нов, им пользовался еще Э. Бернштейн. Суть его сводится к утверждению, что диалектика и материализм несовместимы, или, иначе говоря, материалистической диалектики не существует. Веттеру, как и его предшественникам из социал-демократического лагеря, нет никакого дела до реальной истории диалектики. Он обходит молчанием тот факт, что первоначальная, наивная диалектика была связана со столь же наивным материализмом рабовладельческой демократии. Для него не существует и того бесспорного факта, что в домарксовской философии свое высшее развитие диалектика получила в материалистической теории русских революционных демократов. Веттер не хочет признавать того, что марксистская диалектика в корне противоположна идеалистической гегелевской диалектике. Наконец, он не хочет понять, что марксистский философский материализм есть материализм диалектический. Подобно анархистам, давно уже разоблаченным товарищем Сталиным, Г. Веттер утверждает, что «диалектика неотделима от мистицизма, что она есть метафизика» (в смысле учения о сверхчувственном). Диалектика, по словам отца-иезуита, подтверждает

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 8.

иррационализм, она-де приучает «видеть в действительности нечто скрытое, таинственное» (стр. 395 итальянского издания). Диалектическое движение якобы возможно лишь в сфере сверхматериального. Если реальность понимается как деятельная, имманентно развивающаяся, противоречивая, то она-де не может быть названа материей. Как можно, возмущается дипломированный агент Ватикана, «называть именем материи реальность, одаренную спонтанным сознанием, творческой силой» (стр. 398 итальянского издания). Это значит приписывать материи «божественные prerogative» (стр. 569).

Нетрудно понять сокровенный смысл этого иезуитского кунштюка: подсовывая идеалистическое понимание материи, Веттер требует, чтобы мы признали, соответственно этому пониманию, неспособность материи к движению, развитию на основе внутренне присущих ей противоречий. Во все времена идеалисты считали, что материя есть нечто косное, мертвое, лишенное самостоятельного движения, чуждое творческой силы и нуждающееся в толчке, «двигателе», «энтелехии», «монадах» и т. д. Такого рода толкование материи (как «материала» для творческой деятельности сверхприродного духа) имеет вполне определенную цель, блестяще разоблаченную В. И. Лениным в его труде «Материализм и эмпириокритицизм». Ленин писал: «...попытка *мыслить* движение без материи протаскивает *мысль*, оторванную от материи, а это и есть философский идеализм»¹.

Так обнаруживается, что новоявленный «ниспровергатель» материализма оказывается неспособным привести буквально ни одного нового довода против материализма. Старые, давно опровергнутые естествознанием и материалистической философией идеалистические утверждения насчет косности материи окончательно дискредитировали себя. А новых аргументов нет, ибо все данные науки лишь подтверждают диалектический материализм, его учение о диалектике материального мира.

Марксизм-ленинизм доказал, что научная диалектика есть диалектика материалистическая, непримиримая ни с идеализмом Гегеля, ни с иррационализмом неогегельянства. Научная диалектика в полном согласии с материалистическим воззрением рассматривает мир именно таким, каков он существует сам по себе, без посторонних, сверхприродных, мистических добавлений. «Диалектический метод говорит, — учит нас товарищ Сталин, — что жизнь нужно рассматривать именно такой, какова она в действительности. Мы видели, что жизнь находится в непрестанном движении, следовательно, мы должны рассматривать жизнь в ее движении и ставить вопрос: куда идет жизнь? Мы видели, что жизнь представляет картину постоянного разрушения и созидания, следовательно, наша обязанность — рассматривать жизнь в ее разрушении и созидании и ставить вопрос: что разрушается и что создается в жизни?»².

Все эти основные положения диалектического материализма сознательно извращает, мистифицирует Веттер. Рассмотрим, далее, его аргументы против марксистского философского материализма.

Прежде всего ватиканский проповедник обвиняет марксистско-ленинскую философскую науку в смешении материализма и... реализма. При этом обнаруживается, что Веттер, не желая считаться с действительным содержанием материалистической философии и стремясь облегчить выполнение своей «критической» задачи, приписывает материализму отождествление всего существующего с материей, веществом. Материалисты, вещает отец-иезуит, не признают ничего нематериального, идеального. Нетрудно увидеть, что Веттер попросту клеветает на материализм вообще и на диалектический материализм в особенности. Энгельс в «Людвиге Фейербахе» разоблачил подобного рода клевету на материализм со стороны прислужников буржуазии, объявивших, что материалистическая теория является оправданием корыстолюбия, чревоугодия и прочих по-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 255.

² И. В. Сталин. Соч. Т. 1, стр. 298.

роков (как известно, присущих самим буржуа), в то время как идеализм представляет собой философию добродетельного образа жизни. Ныне, когда буржуазные философы-идеалисты изошряются в проповеди человеконенавистничества, восхваляя «американский образ жизни», клеветнический характер этих наглых обвинений против материализма становится вполне очевидным.

Материалисты считают материю первичной, а сознание вторичным, производным. Из этого явствует, что материалисты признают существование сознания, но, выводя сознание из материи, не отождествляют одного с другим. Диалектический материализм, правильно решая вопрос об отношении материи и сознания, неустанно борется с вульгарным материализмом, отождествляющим сознание с материей. Известно, что Маркс и Энгельс неоднократно подвергали критике воззрения Бюхнера, Фогта и других представителей вульгарного материализма. В. И. Ленин, выступая против всяческих уступок вульгарному материализму, указал на ошибочность утверждения Дицгена о том, что все существующее является материей. «Назвать мысль материальной, — писал он, — значит сделать ошибочный шаг к смешению материализма с идеализмом»¹. И. В. Сталин в своем труде «Анархизм или социализм?» глубоко обосновал марксистское понимание материи и сознания, доказав, что «...в мире существуют идеальные и материальные явления, но это вовсе не означает того, будто они отрицают друг друга. Наоборот, идеальная и материальная стороны суть две различные формы одной и той же природы или общества...»². Таким образом, диалектический материализм не только не отрицает сознания, а, напротив, вскрывает его основу, происхождение, содержание, рассматривает его развитие и т. д. Отсюда ясно, что все то, что Г. Веттер облыжно приписывает материализму, является буржуазной клеветой

на материализм, идеалистическим отождествлением материализма с материализмом вульгарным, извращением самого понятия материализм в духе буржуазного аморализма.

Известно, что в домарксистской философии термин «реализм» имел весьма неопределенное содержание. Так, например, реалистами называли себя сторонники крайнего средневекового идеализма. Термин «реализм» зачастую употреблялся и для обозначения материализма. Пользуясь этим, буржуазные философы-идеалисты пытаются замаскировать свои реакционные теории, называя их «критическим реализмом», «неореализмом» и т. д. Г. Веттер идет по проторенной дорожке: он называет «реализмом» отождествление объективной реальности с чувственными восприятиями, ощущениями, т. е. субъективный идеализм.

Теперь понятно, к чему сводится высосанное Г. Веттером из пальца обвинение диалектического материализма в смешении материализма с «реализмом». Отец-иезуит пытается доказать, что марксисты, с одной стороны, утверждают, что все есть материя, а с другой стороны, что реальность совпадает с чувственным восприятием. Для подтверждения этого ложного тезиса, призванного доказать эклектический характер диалектического материализма, Г. Веттер ссылается на марксистско-ленинское понимание единства мира и отношения сознания к материи. Диалектический материализм учит, что мир по природе своей материален. Само собой разумеется, что это положение не отрицает существования сознания, а, наоборот, вскрывает его основу. Далее, диалектический материализм учит, что «материя есть то, что, действуя на наши органы чувств, производит ощущение; материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении»³. Это положение марксистского философского материализма нисколько не противоречит положению о материальном единстве мира. Тем более нелепо рассматривать положение марксизма о том, что

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 231.

² И. В. Сталин. Соч. Т. 1, стр. 312.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 133.

«материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении» как отождествление материи с «чувственно-данным», к чему, собственно, и сводится фокус Г. Веттера.

Ленин, исходя из определения отношения материи и сознания, данного Энгельсом, и обобщая достижения новейшего естествознания, дал развернутое философское определение материи как объективной реальности, существующей вне и независимо от сознания и отражаемой в наших ощущениях, представлениях, понятиях. Только злостные фальсификаторы материализма могут отрицать неразрывное единство между теми определениями, которые были даны Энгельсом и Лениным. Как известно, товарищ Сталин, характеризуя марксистский философский материализм, показывает, что марксизм в противоположность идеализму исходит из того, что мир по своей природе материален, что материя первична, а сознание вторично, вследствие чего сознание является отображением материи — объективной реальности, существующей вне сознания. Отцу-иезуиту хорошо известны эти классические положения сталинского труда «О диалектическом и историческом материализме». Но все дело в том, что ему чужда элементарная добросовестность, хоть он и клянется в «бескорыстной и благоговейной любви к истине». Поэтому-то он софистически утверждает, что определение материи как существующей независимо от сознания является якобы определением соотносительным сознанию, т. е. субъективистским. Какое дело отцу-иезуиту до того, что философия марксизма рассматривает материю как существующую вне и независимо от сознания, т. е. независимо от того, существует или не существует сознание! Веттер предпочитает софистические аргументы; они кажутся ему самыми убедительными, поскольку цель его — опровержение истины.

В противовес диалектико-материалистическому учению о движении как форме бытия материи, неотделимой от нее, отец-иезуит, ничтоже сумняшеся, заявляет, что это-де не

согласуется с современным естествознанием, признающим лишь относительность движения (стр. 325). Современное естествознание Веттер приплет, по видимому, лишь для того, чтобы пустить пыль в глаза и продемонстрировать «соответствие» своих взглядов последнему слову науки. Но известно, что еще Галилео Галилей учил, что всякое движение относительно, т. е. происходит по отношению к другому телу, также находящемуся в движении. Отсюда следует (и это знал уже Галилей), что нет неподвижных тел, что покой относителен, т. е. он представляет собой определенную форму движения материи. Но разве из принципа относительности движения, известного еще классической механике, не следует, что движение вечно, неуничтожимо и в этом смысле абсолютно?

Диалектический материализм признает и относительный и абсолютный характер движения в противоположность идеализму, отделяющему материю от движения. Чего стоят после этого хитроумные аргументы отца-иезуита против положения диалектического материализма об абсолютном характере движения? Сущность этих аргументов давно уже разоблачил В. И. Ленин: «Идеалист и не подумает отрицать того, что мир есть движение, именно: движение моих мыслей, представлений, ощущений»¹. Связь движения с материей — вот что, вопреки естествознанию и повседневному человеческому опыту, отвергает идеалист.

Отец-иезуит протестует против марксистского понимания движения, ибо оно исключает пресловутый «перводвигатель». Отрицание этого идеалистического «первоначала» Веттер, нимало не смущаясь, объявляет характерным признаком механицизма, хотя общеизвестно, что механистический материализм сплошь и рядом приходил к деистическому признанию первотолчка. Таким образом, коренную противоположность марксистского материализма идеалистическому пониманию природы он называет «ограниченностью», а ма-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 254.

териалистическое понимание природы — чуть ли не пережитком механистической концепции мироздания. Веттер всячески тшится доказать, что тот, кто признает существование движения лишь во времени и пространстве, неизбежно оказывается в плену механистического понимания движения как перемещения. Для того, чтобы признать немеханические формы движения материи, твердит он, надо отказаться от признания пространства и времени абсолютными формами всех явлений. Другими словами, Веттер требует, кроме признания существования трехмерного единственно реального мира, признания существования потустороннего, загробного царства. Отец-иезуит буквально вопит об «основном и непреодолимом противоречии», якобы свойственном диалектико-материалистическому пониманию материи, движения, пространства и времени. Между тем все дело сводится к тому, что он подменяет диалектический материализм механистическим, метафизическим пониманием материи, движения, пространства и времени, объявляя их единственно возможными в рамках материалистической философии. Но если подобные возражения, основанные на сознательном спутывании марксистского философского материализма с материализмом метафизическим, именуются полемикой, то что же в таком случае называется шарлатанством?

Мы видим, что отец-иезуит действует согласно итальянской пословице: «Просунь хвост, если голова не лезет». Так, Веттер лицемерно разглагольствует о том, что в известном смысле марксистские понятия пространства и времени вполне приемлемы и для схоластики: «В своей основе понятие пространства и времени диалектического материализма совпадает с понятием схоластики, для которой время и пространство являются абстракциями с вещественным содержанием» (стр. 338). Расточая иудины поцелуи, Веттер заявляет даже, что в ряде вопросов диалектический материализм «делает положительную попытку проникнуть в глубину реальности» (стр. 392 итальянского издания). Отец-иезуит не со-

гласен «лишь» с утверждением диалектического материализма о невозможности существования чего бы то ни было вне времени и вне пространства, ибо это положение предполагает, что мир по природе своей материален, и отвергает мистические утверждения относительно потустороннего мира. Г. Веттер пытается уверить читателя, будто пространство и время ограничены узкой сферой материального, посюстороннего, чувственно воспринимаемого бытия. Иезуит снова ссылается на современное естествознание, якобы позволяющее сделать заключение, что «мировой процесс имел начало и стремится к концу» (стр. 330). Важнейшим аргументом «современного» естествознания в пользу этого нелепого утверждения оказывается давно опровергнутая Ф. Энгельсом, а также всем последующим развитием естествознания теория тепловой смерти вселенной. Опираясь на эту теорию и на высказывания некоторых современных буржуазных физиков-идеалистов, ватиканский пропагандист «подсчитал», что вселенная была создана господом богом пять — десять миллиардов лет тому назад. Во всяком случае, заявляет отец-иезуит, науке неизвестны какие бы то ни было явления природы, возраст которых превышал бы пять — десять миллиардов лет. Преподобному отцу, очевидно, не приходит в голову, что в природе все явления подчинены абсолютному закону движения, изменения, возникновения и уничтожения. И совсем не обязательно, чтобы все то, что существовало пятнадцать миллиардов лет назад, продолжало существовать и в настоящее время.

«Диалектика говорит, — учит нас товарищ Сталин, — что в мире нет ничего вечного, в мире все преходящее и изменчиво, изменяется природа, изменяется общество, меняются нравы и обычаи, меняются понятия о справедливости, меняется сама истина, — поэтому-то диалектика и смотрит на все критически...»¹.

В книге Веттера имеется специальная глава «Диалектический материализм и современное естествознание».

¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 1, стр. 304,

В этой главе ретивый иезуит, опираясь на идеалистические высказывания Джинса, Эддингтона, Иордана, Шредингера, а также на папские энциклики, «доказывает», что диалектический материализм несовместим с новейшими данными естествознания. Эти утверждения основаны на совершенно сознательном идеалистическом истолковании новейших открытий физики. Но с таким же правом можно было бы ставить знак равенства между открытиями Ньютона и теми комментариями к Апокалипсису, которыми он занимался на досуге. Кеплер, как известно, составлял гороскопы. Но можно ли на этом основании утверждать, что его астрономические открытия обосновывали астрологию? Смешивая реакционные философские воззрения некоторых буржуазных естествоиспытателей с объективным содержанием их научных исследований, отец-иезуит наглядно демонстрирует враждебность поповщины науке.

Современная поповщина, возглавляемая Ватиканом, требует, чтобы естествознание занималось евангелическими проповедями. И если некоторые буржуазные физики, скатившиеся в болото идеализма, доказывают, что атомная энергия является божественной эманацией, а атомная бомбежка — исполнением евангельских предначертаний, то это говорит лишь о разлагающем воздействии современного капитализма на науку.

Новейшие достижения в области естествознания многосторонне подтверждают диалектический материализм. Физика внутриатомных процессов доказала несостоятельность механистического сведения всякого движения к перемещению и покончила с метафизическим представлением не только об атоме, но и об электроны, разрушила противоречащее идее развития представление о неизменности массы и т. д. Открытие внутриатомной энергии явилось нагляднейшим подтверждением положения материалистической диалектики о движении как внутреннем состоянии материи, о самодвижении материи и т. д. Современная наука

доказывает правильность известных ленинских слов: «...Как ни «странно» отсутствие у электрона всякой иной массы, кроме электромагнитной, как ни необычно ограничение механических законов движения одной только областью явлений природы и подчинение их более глубоким законам электромагнитных явлений и т. д., — все это только лишнее *подтверждение* диалектического материализма»¹. Оттого-то отец-иезуит, не брезгуя ничем, тщится доказать обратное. Этот философствующий прислужник империалистических варваров всеми средствами пытается уверить своих читателей, что не научные, а «психологические» основания вынуждают нас, советских людей, следовать диалектическому материализму. Мы якобы боимся идеализма и потому избрали материализм. Страх перед идеализмом и, больше того, «страх перед богом» вынуждает нас «бросаться в объятия идола», т. е. материализма. Мы, дескать, страшимся возмездия и потому отрицаем бытие бога. Абсурдны эти рассуждения поповского профессора, преподающего своим ученикам — будущим шпионам — уроки идеологической диверсионной деятельности. Советские люди, построившие под руководством Коммунистической партии Советского Союза социализм, одержавшие всемирно-историческую победу в Великой Отечественной войне, уверенно смотрят в будущее, которое принадлежит коммунизму.

Товарищ Сталин в своем историческом выступлении на XIX съезде КПСС сказал: «Раньше буржуазия позволяла себе либеральничать, отстаивала буржуазно-демократические свободы и тем создавала себе популярность в народе. Теперь от либерализма не осталось и следа. Нет больше так называемой «свободы личности», — права личности признаются теперь только за теми, у которых есть капитал, а все прочие граждане считаются сырым человеческим материалом, пригодным лишь для эксплуатации. Растоптан принцип равноправия людей и наций, он

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 248.

заменен принципом полноправия эксплуататорского меньшинства и бесправия эксплуатируемого большинства граждан. Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт»¹. Эта характеристика современной империалистической буржуазии может быть отнесена, в частности, и к современной буржуазной философии. Давно прошли те времена, когда буржуазная философия выступала в защиту разума, логики, прогресса. Ныне эта философия пропагандирует интуитивизм, алогизм, регресс, восхваляет религиозное мракобесие и средневековую инквизицию, преемником которой является фашизм. Современная буржуазия с помощью философии пытается принизить мышление, затемнить сознание народа гнусной проповедью непротивления империалистическим порядкам. Философию такого рода и пропагандирует Веттер, целиком

продавшийся империалистической реакции. О людях, подобных святейшему отцу, великий русский сатирик Салтыков-Щедрин писал: «Смотрите, как твердо он ступает по негодяйской стезе и какими неизреченно-бесстыжими глазами взирает на все живущее!» Негодяй, подчеркивал великий русский сатирик, «утверждает, что дело человеческой мысли проиграно навсегда», он мечтает «утопить в позоре не только себя лично, но и все живущее, не только настоящее, но и будущее». И, обращаясь к идеологическому прислужнику реакционных классов, Салтыков-Щедрин спрашивает: «Ужели вы искренне думаете, что можно воспитать общество в ненависти к жизни, к развитию, к движению?»

Нет, нет и еще раз нет! — отвечает он.

Пусть помнят об этом отцы-иезуиты и их хозяева — империалисты всех стран!

МАТЕРИАЛИСТ

¹ И. В. Сталин. Речь на XIX съезде партии, стр. 11—12. 1952.

Лакей американских монополистов

М. П. БАСКИН

Одним из столпов современной буржуазной псевдонауки об обществе является американский социолог Л. Бернارد, уже много лет выступающий с книгами, статьями, учебниками и лекциями в защиту империализма, в защиту Уолл-стрита.

Среди реакционных социологов США существуют две разновидности: одна открыто и цинично выступает в защиту разбойничьего американского империализма, открыто афиширует свои связи с банкирами и промышленниками (кстати сказать, все американские социологические общества существуют на средства генерального штаба или «благотворительные» подачки Моргана, Рокфеллера, Люса и прочих магнатов капитала); другая щеголяет традиционными фразами о своей беспартийности и аполитичности, хотя аккуратно получает «субсидии» от одной из двух правящих буржуазных партий США — демократической или республиканской. Л. Бернارد принадлежит ко второй категории. Его писания, хотя они и замаскированы фразами об аполитичности, объективности, являются фальсификацией действительности. Назвать черное белым, а белое черным, объявить американских бизнесменов людьми, пекущимися о благе американского народа, — такова прямая задача и основной «методологический» прием мистера Бернарда.

Американские реакционные социологи «теоретически обосновывают» испытанный принцип американских правящих кругов — прикрывать разбойничью, агрессивную политику американского империализма миролюбивыми

фразами. Ведя бесчеловечную бактериологическую войну против свободолюбивого корейского народа, истребляя стариков, женщин и детей Кореи, американские агрессоры кричат о своем человеколюбии. Современные буржуазные социологи пользуются тем же методом: они лгут и утверждают, что говорят правду.

В своих пухлых исследованиях, вроде «Истоки американской социологии», «Война и ее причины», «Социальный контроль» и других, Бернارد уверяет, что он сторонник социальной справедливости. Однако стоит только внимательно вчитаться в эти «труды», как станет очевидным, что под социальной справедливостью Бернارد понимает так называемый американский образ жизни, то есть господство монополистического капитала со всеми бедствиями, которые он несет трудящимся массам Америки и других стран капиталистического лагеря.

В отличие от некоторых буржуазных социологов Бернارد любит употреблять слово «прогресс». Однако прогресс он понимает, как развитие «принципа частной собственности», как усовершенствование искусства выжимать пот у рабочих, что вполне соответствует его общей «методологии», построенной на фальсификации.

В то время как современные американские «нищееанцы» афишируют свой аморализм и антигуманизм, Бернارد, наоборот, любит пускаться в область «гуманистических» разглагольствований. Однако, как защитник империализма, антигумани-

стического по своей природе, Бернард в трудящемся человеке видит лишь объект эксплуатации.

Основной смысл социологии Бернарда сводится к отрицанию объективных закономерностей общественного развития. В своей книге «Социальный контроль» Бернард развивает мысль о том, что социология не ставит, не может и не должна ставить своей задачей познание социальной действительности. Он превращает социологию в произвольную схему, систематизирующую хаос субъективных человеческих впечатлений. Задачей науки об обществе Бернард считает не объяснение явлений, а их описание. Будучи лидером так называемой психологической социологии, трактующей все общественные явления как хаос различных психических состояний, Бернард видит конечную задачу социологии в систематизации психических наблюдений.

Исходя из субъективно-идеалистических позиций, Бернард отрицает существование объективных закономерностей и возможность их изучения. Он является врагом науки, ее ликвидатором. Бернард «не замечает» различия между наукой и теологией. Как и все американские мракобесы от науки, он является сторонником примата веры над знанием.

В своей книге «Истоки американской социологии» (объем этой книги — около 900 страниц убористого текста) Бернард еще более решительно заявляет, что исследование объективных процессов действительности не является задачей социологии. Он доходит до нелепого, субъективно-идеалистического утверждения, ведущего к прямому солипсизму, будто главное в науке — это «рассуждения» об обществе «свободно мыслящих субъектов». В конечном счете из книги Бернарда вытекает, что американский миллиардер Карнеги или автомобильный король Генри Форд, известные своими бредовыми рассуждениями об обществе, представляют собой «истинных социологов». Бернард почтительно величает акул Уолл-стрита учеными мужами. В своей книге «Война и ее причины» — произве-

дении, пропитанном духом агрессии, — Бернард утверждает, что войны независимы от политики, от экономических и классовых отношений, от государственного строя. Он понимает войну волюнтаристски, как результат произвольной деятельности полководцев и государственных руководителей, как результат абстрактного насилия, и вопреки свидетельствам истории делает вывод, что различия между справедливыми и несправедливыми войнами не существует, что общественный строй «неповинен в военных столкновениях».

Представители школы Бернарда уверяют, что «агрессивность — свойство человеческой души», оно существует вечно, переходя от отцов к детям. Бернард пытается замаскировать тот факт, что войны, используемые для обеспечения наивысших прибылей, являются существенной особенностью современного капитализма.

Отрицая объективные социальные закономерности, вызывающие войны, Бернард пытается убедить народы в «тщетности» и «ненужности» борьбы против поджигателей войны. Он уверяет, что борьба за сохранение и упрочение мира не имеет никакого смысла. Перечисляя отдельные неудачные попытки предотвращения войн, Бернард пытается доказать бесполезность борьбы за мир и предлагает метод пассивного сопротивления, выдвинутый Мак Суини в Ирландии и Ганди в Индии. Согласно этому методу следует обращаться к «разуму» и «душе» агрессора и «почтительно» упрашивать агрессора отказаться от своей агрессивности. Таким путем, по мнению Бернарда, можно добиться грандиозных успехов, если «агрессор обладает высоко развитой цивилизацией и совестью»¹.

Трудно представить себе более раболепное выступление в защиту агрессоров!

Гандистские рецепты Бернарда, его советы полагаться на совесть агрессоров вряд ли могут убедить даже самых простодушных людей. В связи с нарастающей угрозой войны разворачивается могучее всенарод-

¹ L. Bernard. War and its Causes, p. 443.

ное движение в защиту мира, создается антивоенная коалиция различных классов и социальных слоев, заинтересованных в прекращении международного напряжения и в предотвращении новой мировой войны.

Тот факт, что под Стокгольмским воззванием подписалось 500 миллионов человек, а под воззванием с требованием подписания Пакта Мира между пятью великими державами — свыше 600 миллионов человек, является лучшим свидетельством того, что народы мира берут дело сохранения мира в свои руки и намереваются отстаивать его до конца.

Под редакцией Бернарда в Нью-Йорке вышел большой сборник под заглавием «Области и методы социологии». Этот сборник посвящен прославлению «американского образа жизни», доказательству того, что погоня за максимальной прибылью — самое нормальное общественное явление.

Используя аргументы из области биологии, Бернард утверждает, что главная задача социологии состоит в помощи личности приспособливаться к окружающей среде. Говоря иначе, социология превращается Бернардом в теорию капиталистического стяжательства, в науку о том, как разбогатеть, как уничтожить своих конкурентов. Для Бернарда общественная среда — это прежде всего рынок, поэтому задачу социологии он видит в том, чтобы помочь предпринимателю уничтожить своих конкурентов на рынке.

В своих последних статьях и книгах Бернард и его соратники с ужасом говорят о распаде единого мирового рынка. Они видят на практике, что уменьшается сбыт товаров, а недогрузка предприятий увеличивается. Финансовый капитал США потерял такие рынки, как СССР, Китай и страны Восточной Европы. И американские социологи спешат на помощь монополистам, приспособляя свою псевдонауку к практической цели — изысканию новых рынков для сбыта залежалых американских товаров.

В свете основного экономического закона современного капитализма,

открытого товарищем Сталиным, становится до конца ясной позорная роль современных буржуазных социологов, роль апологетов эксплуатации, разорения и обнищания народов в интересах обеспечения максимальной капиталистической прибыли. Реакционные социологи США, Англии и других капиталистических стран — защитники империалистических войн, сторонники дальнейшей фашизации политических режимов и отказа от элементарных буржуазно-демократических свобод, завоеванных еще в XVII и XVIII столетиях. Современная буржуазная социология выступает как социология бизнесменов, не довольствующихся средней прибылью и даже сверхприбылью, а стремящихся к наивысшим прибылям.

Марксизм-ленинизм учит, что буржуазная социология является органической частью капиталистической надстройки, которая активно служит своему базису, то есть загнивающему капитализму, вступившему в непримиримые, антагонистические противоречия с интересами прогрессивного развития общества.

Было время, когда буржуазная социология, хотя и с неверных, идеалистических позиций, все же ставила широкие исторические проблемы; ее наиболее крупные представители интересовались такими проблемами, как смена общественных формаций, возникновение и развитие наций и т. д. В наши дни, когда буржуазия превратилась в реакционную силу, враждебную общественному прогрессу, демократическим свободам и национальной независимости, буржуазная социология стала изобретать антинаучные, демагогические псевдотеории, направленные на защиту империализма.

Из всех буржуазных социологов прошлого Бернард признает в первую очередь Конта и Спенсера, которых он ценит за пресловутую теорию равновесия, за осуждение классовой борьбы и революций, за стремление увековечить капиталистический порядок. Опираясь на механистическую теорию равновесия, Бернард пытается отыскать способ стабилизации капиталистических рынков. В этом

вопросе он непосредственно солидаризируется с прагматизмом и инструментализмом Дьюи. Практический интерес капиталистов он объявляет критерием социологической истины и с особенной охотой публикует в своих сборниках статьи Беккера, провозгласившего буржуазного предпринимателя мерой всех вещей.

По утверждению Беккера, не только исторические законы, но и исторические факты создаются социологами искусственно, исходя из «прагматической целесообразности». Следуя солипсистам, Беккер утверждает, что в зависимости от выгоды, от интересов личности, от «индивидуальной конструкции» может быть искусственно создана любая картина действительности. И Беккер и Бернард рекомендуют американским социологам создавать такую картину, которая укрепляла бы существующий порядок вещей. Пусть картина эта будет обманом. С точки зрения Бернарда, выгодный обман важнее объективной истины. Таким образом, современные американские социологи занимаются «теоретическим» обоснованием и идеализацией двух пресловутых принципов капиталистического торгашества: «Деньги не пахнут», «Не обманешь — не продашь». Фальсификация, заведомая ложь, введение в заблуждение общественного мнения — все эти испытанные методы американской атомной дипломатии превращаются Бернардом и его сторонниками в главное теоретическое «обоснование» социологии.

В своей книге «Социальный контроль» Бернард уже в первой главе, озаглавленной «Наука социального контроля», рассматривает такие «проблемы» социологии, как устрашение, обман и т. д. Кстати сказать, характерно, что Бернард отождествляет два понятия — «обман» и «пропаганда». Он даже не находит нужным скрывать истинный смысл американской пропаганды, основанной на обмане и шантаже.

В Соединенных Штатах Америки в последние годы усиленно развивает свою деятельность иезуитский орден. Американские буржуазные социологи типа Бернарда, установившие на практике союз с отцами-

иезуитами, осуществляют этот союз и в области теории. Исходя из субъективно-идеалистических, солипсистских установок, они всячески доказывают, что не существует границ между правдой и ложью, между объективной истиной и бредом паранойка. Какое дело Бернарду до фактов, если факты для него — фикция? Зачем нужна простая, элементарная честность и добросовестность ученым, пропагандирующим воинствующий аморализм?

Однако правящие классы США прекрасно понимают, что на одной социальной демагогии, на одной фашистской пропаганде, лжи и клевете далеко не уедешь. Как отмечает товарищ Сталин, простого человека Америки и других капиталистических стран, наученного тяжелым опытом второй мировой войны и послевоенного периода, становится все труднее обманывать. Взоры простых людей мира обращены к СССР — ударной бригаде мирового революционного и рабочего движения. Поэтому американская буржуазия прибегает к террористическим методам борьбы с «опасными мыслями», попирает демократические свободы, не оставляя и следа от бывшего либерализма. Она пытается утопить в крови борьбу масс за мир и демократию.

Фашистские методы запугивания рассматриваются буржуазными социологами как органическое «дополнение» к их лживой пропаганде. В книге «Социальный контроль» Бернард занимается «теоретическим обоснованием» этих фашистских методов, «исследованием» шантажа и грубого насилия, доказывая, что это нормальные и вполне допустимые приемы как во внутренней, так и в международной политике.

Развиваемая Бернардом «наука» социального контроля ставит своей целью обосновать ликвидацию в США и других капиталистических странах элементарных прав трудящихся. Бернард прямо пишет о необходимости со стороны буржуазного государства контролировать поступки не только «умственно неполноценных», но и вообще всех без исключения американских граждан.

Характеризуя политический строй

современных капиталистических государств, товарищ Сталин сказал на XIX съезде партии: «Нет больше так называемой «свободы личности», — права личности признаются теперь только за теми, у которых есть капитал, а все прочие граждане считаются сырым человеческим материалом, пригодным лишь для эксплуатации. Растоптан принцип равноправия людей и наций, он заменен принципом полноправия эксплуататорского меньшинства и бесправия эксплуатируемого большинства граждан. Зная буржуазно-демократических свобод выброшено за борт»¹.

Истинная цель писаний Бернарда и его последователей состоит в том, чтобы помочь уничтожению буржуазно-демократических свобод, опираясь якобы на авторитет науки, с которой эти измышления никогда не имели ничего общего. В «трудах» реакционных американских социологов, посвященных политическому устройству, государству и демократии, усиленно развиваются и доказываются две идеи: идея тождества демократии и частнособственнических отношений и идея, утверждающая, что «демократия» есть господство меньшинства над большинством.

Так, с легкой руки Бернарда американские социологи Вильямс и Голцорд в учебном пособии под названием «Современная американская демократия» заявляют, что главная задача демократического режима состоит в обеспечении господства частной собственности на средства и орудия производства, в охране ее от всякого рода посягательств. Для того чтобы осуществить эту задачу, необходимо решительно бороться с рабочим движением, с профсоюзами, с другими прогрессивными, демократическими организациями, отстаивающими права трудящихся. Под «истинно демократическим строем» реакционные американские социологи понимают такой строй, при котором всячески гарантируются права меньшинства, господствующего над большинством, власть единиц над

массой, власть банкиров и промышленников над рабочими и крестьянами.

Американские реакционеры от социологии единодушно высказываются против режима народной демократии потому, что этот режим означает «ущемление интересов» монополистов. Но они нисколько не протестуют против американской долларовой демократии, ущемляющей интересы миллионов народных масс. Бернард отождествляет понятие демократии с так называемым американским образом жизни, при котором миллиардеры Рокфеллер и Морган являются владыками миллионов наемных рабов.

Социологическая доктрина Бернарда, защищающая современный капитализм, опирается на воинствующую метафизическую методологию. Бернард — непримиримый враг движения, развития, изменения. Подобно Дюрингу, он превращает социологию во «всеобщую схематику». Общество, по его мнению, всегда выступает «в одинаковом виде». Бернард, как и все представители психологической школы в социологии, пытается установить в жизни людей неизменные «психические процессы», которые якобы и определяют неизменяемость социальных отношений.

Объявив так называемый американский образ жизни самым рациональным образом жизни, соответствующим человеческой психике, Бернард рассматривает историю общества при помощи метода плоских, чисто внешних аналогий. Все, что напоминает «американский образ жизни», он объявляет «полноценным» и «плодотворным», все, что противоречит ему, он рассматривает как «патологию».

Бернард решительно отрицает качественное своеобразие общественных явлений. Он выступает сторонником абстрактно-математического метода и провозглашает в духе Кетле «среднеарифметическое» главной сутью истории. Исходя из этой основы, Бернард и его соратники объявляют основной задачей социологии анализ «количественных измерений» общества. Фальсифицированная офи-

¹ И. В. Сталин. Речь на XIX съезде партии, стр. 11—12.

циальная статистика должна быть, по их утверждению, единственным источником для анализа экономики, политики и даже идеологии, господствующей в США.

Как известно, американские бизнесмены, когда они желают оценить достоинства того или иного буржуазного деятеля, обычно говорят: «Мистер X стоит 10 тысяч долларов», «Мистер Z не стоит и 100 долларов» и т. д. Количественный метод Бернарда поразительно напоминает эти рассуждения американских бизнесменов.

Отрицая качественные особенности и специфические черты современного капитализма, отличающие его от капитализма доимпериалистического периода, Бернард пытается скрыть факт углубления общего кризиса мировой капиталистической системы. Однако закрыть глаза на действительность — это еще не значит уйти от действительности. Как ни пытается Бернард при помощи своей псевдосоциологии приукрасить капитализм, ему не удастся выдержать в своих «трудах» оптимистический тон. Глубоким пессимизмом веет от социологических книг и трактатов мистера Бернарда.

Бернард открыто отказывается от возможности научного предвидения. Он считает, что социология не в состоянии ни понять прошлое, ни оценить настоящее, ни проникнуть в будущее. Бернард ставит категорию необходимости в зависимость от случайности, придает огромное значение форме, а не содержанию и решительно выступает против признания объективной противоречивости явлений. Подобно Дьюи, Бернард объявляет противоречие чисто логической категорией, не имеющей никакого основания в объективном мире. Более того, с точки зрения Бернарда и возглавляемой им психологической школы, противоречия не свойственны психике нормального человека. Бернард в духе семантиков объявляет противоречия результатом «лингвистического недоразумения».

Нетрудно понять, в чем классовый смысл похода бернардовцев против противоречий. Они хотят доказать,

что в США не существует противоречий между трудом и капиталом, а капиталистические кризисы перепроизводства являются результатом «индивидуальных ошибок» отдельных руководителей.

Они пытаются доказать, что не существует противоречий между отдельными странами капиталистического лагеря. Как известно, факты показывают обратное. Антагонистические противоречия, свойственные современному капитализму, достигли неслыханной остроты и ведут капиталистический строй к неминуемой гибели. В частности, в США происходит процесс дальнейшего углубления диспропорции между производственными возможностями и сокращающимся платежеспособным спросом населения, что ведет к возрастающему сокращению емкости капиталистического рынка. Классовые противоречия между империалистической буржуазией и рабочим классом и всеми трудящимися резко обостряются. Происходит распад колониальной системы империализма. Все это подрывает капиталистическую экономику.

Открытый товарищем Сталиным основной экономической закон современного капитализма объясняет все эти вопиющие противоречия капитализма и показывает, что они непреодолимы в рамках капиталистического общества. «Действие этого закона ведет к углублению общего кризиса капитализма, к неизбежному нарастанию и взрыву всех противоречий капиталистического общества»¹.

Цель социологии Бернарда — помочь правящим классам США сохранить империалистический порядок в своей стране, идеологически оправдать роль мирового жандарма, которую американский империализм играет в современном обществе.

Убогая псевдонаучная социология Бернарда — еще одно свидетельство маразма современной буржуазной социологии.

¹ Г. Маленков, Отчетный доклад XIX съезду партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 104.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

К истории создания классического труда Ф. Энгельса «Анти-Дюринг»

Г. С. УЛЬМАН (Калининград)

I

75 лет назад, в январе 1877 года, на страницах центрального органа социал-демократической партии Германии газеты «Форвертс» начали печататься статьи Ф. Энгельса против Дюринга. В 1878 году эти статьи были изданы отдельной книгой, получившей название «Анти-Дюринг». Книга Энгельса наряду с «Манифестом Коммунистической партии» и «Капиталом» принадлежит к числу гениальных творений марксизма, вооруживших пролетариат революционной теорией.

В. И. Ленин высоко оценил бессмертный труд Энгельса, считая его одним из главных философских произведений марксизма¹, в котором «разобраны величайшие вопросы из области философии, естествознания и общественных наук»². «Анти-Дюринг», говорил Ленин, должен быть «настоятельной книгой всякого сознательного рабочего»³.

Созданная, как и многие другие произведения Маркса и Энгельса, в жестокой борьбе с врагами революционного марксизма, книга Энгельса свидетельствует о том, что учение марксизма «должно было с боя брать каждый свой шаг на жизненном пути»⁴.

В этой работе Энгельса отражена та острая и непримиримая борьба, которую приходилось вести Марксу и Энгельсу с врагами марксизма. Враждебное марксизму лассальянство пустило глубокие корни в немецком рабочем движении. Возникшая в 1869 году Социал-демократическая рабочая партия (эйзенахская) во главе с А. Бебелем и В. Либкнехтом теоретически была еще незрелой и не могла преодолеть полностью лассальянских ошибок.

Маркс и Энгельс предостерегали руководство социал-демократической партии от

объединения с лассальянцами на компромиссных условиях, указывая, что объединение этих двух партий возможно лишь на основе отказа от неверных и вредных теоретических положений лассальянства, на основе непримиримой борьбы против оппортунизма, при условии завоевания лассальянских низов.

Однако, несмотря на решительный протест основоположников марксизма, на съезде, состоявшемся в Готе в мае 1875 года, эйзенахцы объединились с лассальянцами. На этом съезде была принята явно компромиссная программа, содержащая ряд положений, выдвинутых лассальянцами. Этот компромисс не мог не отразиться на дальнейшем развитии германской социалистической рабочей партии; он привел в дальнейшем к соглашениям с другими половинчатыми и чуждыми марксизму элементами. Партию все более засоряли хлынувшие в нее мелкобуржуазные попутчики.

В связи с численным ростом партии возросла и партийная печать⁵, но идейный уровень ее значительно снизился. Теоретически слабым был и руководящий орган партии — газета «Форвертс».

Основанные в октябре 1877 года журналы «Нойе гезельшафт» и «Цукунфт» (последний был признан научным органом партии) лишь усилили теоретическую неразбериху и идейные шатания в рядах партии. Редактором «Цукунфта» был приверженец Дюринга, правый оппортунист Карл Гехберг, которого Маркс по заслугам охарактеризовал как представителя мещанства в социализме и убогого контрреволюционного болтуна⁶.

⁵ В 1876 году партия насчитывала 23 газеты, а в 1877 году число газет возросло до 41, кроме центрального органа партии газеты «Форвертс».

⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 65.

¹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 59.

² В. И. Ленин. Соч. Т. 2, стр. 11.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 4.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 17.

Пристально следя за развитием рабочего и социалистического движения, Маркс и Энгельс видели, что после объединения с лассальянцами идейный уровень германской социал-демократии резко снизился и в ее рядах, особенно среди некоторых вождей, усилилось стремление к компромиссу с оппортунистическими и, в частности, с дюрингианскими элементами.

В письме к Зорге от 19 октября 1877 года Маркс писал о положении, сложившемся в германской социалистической рабочей партии: «В Германии в нашей партии не столько среди масс, сколько среди вождей (выходцев из высших классов и «рабочих») пахнет гнилью. Компромисс с лассальянцами привел к компромиссу и с другими половинчатыми элементами, в Берлине (например, Мост) с Дюрингом и его «поклонниками» и, кроме того, с целой бандой незрелых студентов и преумнейших докторов, желающих дать социализму «более высокое, идеальное» направление, т. е. заменить его материалистическую основу (требующую, если хотят ею пользоваться, серьезного объективного изучения) современной мифологией с ее богинями справедливости, свободы, равенства и братства»¹.

Теоретические шатания в партии и склонность ее к компромиссам с оппортунистическими элементами явились благоприятной почвой для проникновения и распространения в ее среде идей мелкобуржуазного социалиста Евгения Дюринга — злейшего врага научного социализма и революционного пролетариата.

В своих «сочинениях» Дюринг пытался создать «всеобъемлющую систему взглядов», которая, по его хвастливому заявлению, должна была произвести переворот как в философии, так и в политической экономии и социализме.

Дюринг противопоставил строго научному учению Маркса и Энгельса свою собственную систему, представляющую собой соединение вульгарного материализма, идеализма и лжесоциализма.

Эту беспринципную мешанину он выдавал за «последнее слово науки», за «конечную истину в последней инстанции». Превознося свою «систему», Дюринг бесцеремонно оплеывал научные достижения выдающихся представителей домарксовской философии, естествознания и социализма. Так, например, философию Гегеля он называл «горячечным бредом» и видел в ней лишь «неудобоваримые идеи». Он с бранью обрушивался на Дарвина, на утопистов-социалистов — Сен-Симона, Фурье, Оуэна.

В середине 70-х годов Дюринг крикливо возвестил обществу о своей приверженности к социализму, заявив, что его «социалистическая теория» и «практический план преобразования общества» являются величайшими открытиями в науке.

Мелкобуржуазные идеи Дюринга приобрели в конце 70-х годов довольно широкое распространение в рядах германской социалистической рабочей партии. Усилившийся после Готского съезда теоретический разброд в ее рядах способствовал тому, что некоторые вожди партии стали увлекаться дюрингианством. Особенно восторженными поклонниками Дюринга явились Иоганн Мост, Вальтейх и некоторые другие члены партии, игравшие тогда значительную роль в рабочем движении.

Даже Август Бебель, один из наиболее близких к Марксу и Энгельсу деятелей рабочего движения, не сразу разобрался в дюрингианстве и некоторое время разделял идеи Дюринга. Говоря об увлечении в то время дюрингианством, Энгельс в предисловии к «Анти-Дюрингу» (1878 год) отмечал, что «часть партийной прессы непрочь... принять на веру и дюринговскую доктрину. Нашлись даже люди, которые уже готовились распространять эту доктрину в популярной форме среди рабочих»².

В. И. Ленин, характеризуя этот период в истории германской социал-демократии, писал: «Другим шатанием было тогда увлечение Дюрингом, в конце 70-х годов прошлого века. Недолгое время Бебель тоже разделял это увлечение. Сторонники Дюринга, наиболее выдающимся из которых был Мост, играя в «левизну», быстро катились к анархизму»³.

То обстоятельство, что Дюрингу удалось на некоторое время завоевать популярность среди германских социалистов, объясняется прежде всего теоретической незрелостью и идейными колебаниями внутри партии и отчасти умением Дюринга прикрывать свои реакционные взгляды радикальными фразами.

Пользуясь своим влиянием на некоторых деятелей германской социал-демократии, Дюринг пытался сколотить секту (Мост, Фриче, Бернштейн и др.), что грозило внести раскол в только что образовавшуюся единую партию.

«Социалистическая партия в Германии быстро становилась силой, — писал Энгельс. — Но для того, чтобы сделать ее силой, прежде всего необходимо было не подвергать опасности только что завоеванное единство. Между тем д-р Дюринг от-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 484.

² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 5. 1950.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 267.

крыто начал создавать вокруг себя секту, ядро будущей самостоятельной партии»¹.

На дюрингианцев и анархистов возлагал надежды Бисмарк, полагая, что они расшатывают сплоченные ряды германской социал-демократии, а путч, к которому призывали анархисты, послужит поводом для разгрома рабочего движения².

Маркс и Энгельс, понимая, какую опасность для партии и всего рабочего движения представляет сектантский раскол, не могли допустить дальнейшего распространения вредных для рабочего движения дюрингианских идей.

Еще в 1868 году Маркс в письме к Кугельману охарактеризовал Дюринга, как пренесносного, нахального субъекта, корчащего из себя революционера³.

Но, поскольку в то время Дюринг не имел никакого влияния на рабочее движение, Маркс и Энгельс не придавали значения его нападкам на марксизм. Когда же партия встала перед лицом опасности раскола, Маркс и Энгельс открыли решительную борьбу с дюрингианством.

Разоблачение антинаучных и вредных взглядов Дюринга Маркс поручил Энгельсу. В письме к Энгельсу от 25 мая 1876 года Маркс писал:

«Мнение мое таково, что «нашу позицию по отношению к этим господам» (сторонникам Дюринга.— Г. У.) нужно вы-явить только в виде решительной критики Дюринга»⁴. Энгельс принял поручение Маркса и в середине 1876 года приступил к сбору материалов для критики «учения» Дюринга.

В письме к Марксу от 25 июля 1876 года Энгельс писал: «...Утешаюсь здесь философией Дюринга — такой дрянной чепухи никто еще никогда не писал. Ничего, кроме высокопарных пошлостей, пересыпанных чистейшей ерундой, но все это довольно ловко препарировано для прекрасно известной автору публики, которая с помощью нищенской похлебки и без большого труда хочет быстро научиться говорить обо всем»⁵.

О том, с какой тщательностью Энгельс собирал материал для своей работы, свидетельствуют его письма к Кугельману. В одном из писем он просит Кугельмана помочь разыскать рецензию Дюринга на «Капитал» Маркса. При этом он преду-

жеждает Кугельмана, чтобы последний ни в коем случае не обращался за рецензией к самому Дюрингу, ибо «малейшая, хотя бы косвенная связь с этим человеком, а тем более малейшая услуга с его стороны, — пишет Энгельс, — лишила бы меня свободы критики в таком деле, где она мне необходима в самой неограниченной мере»⁶.

Первый раздел «Анти-Дюринга», составляющий его философскую часть, был закончен Энгельсом к началу 1877 года.

«Прилагаю окончание философской части, — читаем мы в письме к В. Либкнехту. — Немедленно же перехожу к экономии и социализму»⁷.

Резко полемический тон статей Энгельса пришелся не по вкусу поборникам Дюринга. В том же письме к В. Либкнехту Энгельс писал:

«Если... они жалуются на мой тон, то, надеюсь, ты не забудешь в ответ указать им на *тон* г. Дюринга по отношению к Марксу и его предшественникам, а главное — подчеркнуть, что я *доказываю*, и при том обстоятельно, тогда как Дюринг просто извращает и поносит своих предшественников. Они этого хотели и — даю слово — получают по заслугам»⁸.

С 3 января 1877 года статьи Энгельса начали печататься на страницах газеты «Форвертс». Характерно, что статьям Энгельса редакция отводила на страницах газеты лишь второстепенное место и печатала их коротенькими отрывками.

К. Маркс писал об этом в письме к В. Бракке: «Энгельс очень недоволен тем, как «Vorwärts» печатает его работу против Дюринга. Сначала его принудили принять известные условия, а потом то и дело нарушают их. Во время избирательной кампании, когда вообще никто ничего не читал, его статьи служили только для заполнения пустого места; теперь их печатают мелкими разрозненными частями: один отрывок на этой неделе, другой две — три недели спустя, так что для читателя (особенно рабочего) связь совершенно пропадает. Энгельс написал Либкнехту письмо с предупреждением. Он думает, что это делается умышленно, что редакция запугана горсточкой сторонников г. Дюринга»⁹.

О своем недовольстве тем, как печаталась его работа на страницах «Форвертс», Энгельс писал в одном из писем к тому же В. Бракке:

«Подозревать дюринговское влияние мне совершенно не пришло бы в голову,

¹ Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке, стр. 7. 1947.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 19.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXV, стр. 515—516.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 451.

⁵ Там же, стр. 457—458.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 430.

⁷ Там же, стр. 446.

⁸ Там же.

⁹ Там же, стр. 458—459.

если бы Либкнехт попросту объяснил мне все в двух словах и обещал бы исправить дело. Между нами был точный уговор о том, что каждую неделю появляется по статье. Когда я пожаловался на нарушение этого условия, Либкнехт заставил меня ждать больше десяти дней, в течение которых, несмотря на его присутствие в Лейпциге, не обнаружилось ни малейшего улучшения... Так как я совершенно не знаю, какое влияние оказывают теперь третьи лица на редакцию, то мне не оставалось ничего другого, как сделать именно это предположение и ультимативно предложить Либкнехту выполнять свои обещания... Здесь (в Лондоне. — Г. У.) меня буквально засыпают упреками за то, что я позволяю печатать свои статьи в качестве затычек; никто не может уследить за внутренней связью»¹.

Однако, несмотря на ультимативное требование Энгельса, редакция «Форвертс» продолжала печатать статьи Энгельса мелкими отрывками. С 29 апреля до 11 мая 1877 года статьи Энгельса вовсе не печатались. А с 13 мая печатание статей Энгельса было прервано до 27 июля. Лишь 27 июля публикация статей Энгельса было возобновлено согласно решению Готского партсъезда.

Если редакция «Форвертс» недооценивала величайшего значения работы Ф. Энгельса, то сторонники Дюринга — Мост, Вальтейх и другие — решительно выступили против печатания статей Энгельса на страницах центрального органа партии.

Очередной съезд социал-демократической партии, состоявшийся 27—29 мая 1877 года в городе Готе, дюрингианцы использовали как трибуну для нападков на Ф. Энгельса. На этом съезде Мост и его сторонники внесли предложение прекратить печатание в официальном органе партии статей Энгельса против Дюринга, как якобы не только не представляющих интереса для читателей «Форвертс», но даже в высшей степени возмущающих читателей². Вальтейх, взяв под защиту Дюринга, заявил с трибуны съезда, что статьи Энгельса приносят партии не пользу, а вред³. Даже А. Бебель не выступил против наглых требований Моста и его сторонников, предложив резолюцию явно компромиссного характера⁴.

Выступление Либкнехта явилось чуть ли не единственным голосом в защиту статей Ф. Энгельса⁵. Предложение Моста и других сторонников осудить Энгельса за его статьи против Дюринга было отклонено партсъездом. Но принятие компромиссной резолюции А. Бебеля свидетельствовало о том, что съезд не понял огромного значения статей Ф. Энгельса.

Энгельс не согласился с решениями Готского партсъезда относительно печатания его работы и, считая в силе решение предыдущего партсъезда, продолжал посылать В. Либкнехту свои статьи. В письме к В. Бракке от 25 июня 1877 года Энгельс писал: «Сегодня я посылаю в Лейпциг начало экономической части «Дюринга». Либкнехт утверждает, что решение съезда совершенно не касается моих статей. Я того же мнения, потому что съезд ведь не правомочен решать без меня вопрос о моих статьях или аннулировать без моего согласия обязательство, принятое Либкнехтом по отношению ко мне в силу решения прошлогоднего съезда»⁶.

Понимая, как важно для партии и всего рабочего движения разоблачение и решительный разгром Дюринга и его сторонников, Энгельс настойчиво требовал как можно скорее публиковать его статьи. Однако редакция газеты растянула печа-

Энгельса против Дюринга в основном издании газеты «Форвертс» прекратить и печатать последние либо в «Ревю» (предполагавшееся научное приложение к газете «Форвертс». — Г. У.), либо отдельной брошюрой. Точно так же воздержаться от дальнейшего обсуждения на страницах основного издания «Форвертс» этого спорного вопроса. Протокол социалистического конгресса в Готе от 27—29 мая 1877 года, стр. 70—71.

⁵ В. Либкнехт заявил: «Энгельс имеет огромные заслуги в рабочем движении; он является одним из основоположников научного социализма и после Маркса самым выдающимся из современных социалистов. Энгельс был соавтором «Коммунистического Манифеста», который еще сегодня служит руководящей нитью для всех социалистов. Своими статьями, направленными против Дюринга, Энгельс поставил задачу отразить по всей линии нападки Дюринга, принятые им в его пухлых томах, и опровергнуть всю его «систему» философски, естественно-научно и экономически. Со времени появления «Капитала» Маркса статьи Энгельса являются выдающимся научным трудом, который вышел из недр партии. И этот труд необходим был в интересах партии, так как он защитил научные основы, на которых стоит наша партия. Это сделал Энгельс, и за это мы должны быть ему благодарны». Там же, стр. 71—72.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 468.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 463—464.

² См. протокол социалистического конгресса в Готе от 27—29 мая 1877 года, стр. 70. Гамбург. 1877.

³ См. там же, стр. 71.

⁴ Предложение А. Бебеля, поддержанное съездом, гласило: «Опубликование статей

тание работы Энгельса на 37 номеров и закончила его лишь в июле 1878 года.

В августе 1878 года статьи Ф. Энгельса были изданы отдельной книгой. Предварительно она была прочитана Марксом. Маркс написал для «Анти-Дюринга» 10-ю главу отдела политической экономии.

II

Книга Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» сыграла исключительно важную роль в развитии и пропаганде коммунистического мировоззрения во всем мире. Работа Энгельса была написана в тот период истории международного рабочего движения, когда во всех главнейших странах стали складываться рабочие партии и со всей остротой встал вопрос о создании последовательно пролетарской программы, о революционной тактике пролетарских партий и подготовке кадров борцов за социализм.

В этой обстановке воспитание рабочих масс в духе коммунистического мировоззрения и самая решительная борьба с искажениями марксистского учения стали задачами первоочередной важности.

Обобщая богатейший опыт освободительной борьбы пролетариата и новые достижения во всех областях науки, Маркс и Энгельс создают в это время ряд крупнейших произведений, сыгравших огромную роль в деле формирования революционного мировоззрения пролетариата и развития международного пролетарского движения, вооружив это движение революционной теорией.

Среди этих произведений выдающееся значение приобрела работа Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», где впервые было дано развернутое изложение диалектического и исторического материализма.

Особое внимание Энгельса к вопросам марксистской диалектики объяснялось не только необходимостью разгрома эклектических взглядов Дюринга, но и интересами практического движения пролетариата и его партий, блуждавших в поисках правильной стратегии и тактики.

В обстановке, сложившейся в Германии в период после выхода в свет «Анти-Дюринга», идеи этого гениального труда сыграли огромную роль в практической деятельности германской социал-демократии.

Введенный в октябре 1878 года исключительный закон против социалистов со всей тяжестью обрушился на рабочий класс Германии и его партию. Члены германской социал-демократической партии и рабочих организаций, находившихся под ее руководством, подверглись жесточайшим репрессиям со стороны правитель-

ства. Рабочий класс Германии ответил на эти репрессии решительным сопротивлением. Сложившаяся политическая обстановка толкала рабочих и их партию на поиски новых форм борьбы, новой тактики.

Руководство германской социал-демократической партии не сразу нашло правильные тактические формы борьбы с реакцией и на первых порах проявило оппортунистические колебания. Но благодаря указаниям Маркса и Энгельса и растущей революционной активности пролетарских масс германская социал-демократическая партия сумела быстро перестроиться, восстановить свои поколебленные ряды и перейти к новой, революционной тактике, сочетая легальные и нелегальные формы борьбы.

В этой перестройке партии огромную роль сыграла книга Энгельса «Анти-Дюринг», которая, несмотря на запрещение ее Бисмарком, быстро распространялась среди передовых рабочих.

Книга Ф. Энгельса помогла многим руководителям германской социал-демократии изжить лассальянские и дюрингианские ошибки и встать на путь более решительной борьбы с оппортунизмом. Под влиянием этого гениального труда выкристаллизовалось марксистское мировоззрение у выдающегося деятеля германской социал-демократии, «маститого вождя германских рабочих»¹ Августа Бебеля. Именно под воздействием работы Энгельса Август Бебель преодолел увлечение дюрингианством.

В статье «Август Бебель» В. И. Ленин писал: «Бебель проявил себя настоящим вождем партии. Он во-время увидел опасность, понял правильность критики Маркса и Энгельса, сумел направить партию на путь непримиримой борьбы»². Огромное значение работы Энгельса оценил и другой руководитель германской социал-демократической партии — Вильгельм Либкнехт.

Из основных положений диалектического материализма, изложенных Энгельсом в «Анти-Дюринге», германские социал-демократы сумели сделать необходимые выводы для своей практической деятельности. Осудив и отбросив реформистские установки Гехберга, Шрамма и Бернштейна и анархистскую тактику Моста, они возглавили революционную борьбу масс, умело сочетая нелегальные и легальные формы борьбы. В 1879 году социал-демократическая партия начала издавать нелегальную газету «Социал-Де-

¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 201.

² В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 267.

мократ», успешно распространявшуюся среди рабочих.

Германская социал-демократия из критики Энгельсом дюрингианской теории насилия сделала революционный вывод о том, что насилие играет в истории не только реакционную, но и революционную роль; насилие является тем орудием, посредством которого пролетариат пролагает себе дорогу и ломает окаменевшие, омертвевшие политические формы¹.

Критика Марксом и Энгельсом оппортунистов и ультимативное требование вести с ними беспощадную борьбу вплоть до исключения из партии дали положительные результаты. Оппортунисты получили решительный отпор.

На первом же нелегальном съезде германской социал-демократической партии, состоявшемся в Видене в августе 1880 года, были пересмотрены тактические установки Готской программы.

Под воздействием критики Марксом и Энгельсом оппортунистов всех мастей Виденский партсъезд принял решение изъять из Готской программы пункт, гласивший, что партия добивается своих целей всеми законными средствами, заменив его пунктом, гласившим, что партия стремится к своим целям всеми, а не только законными средствами².

Это принципиальное изменение формулировки программы было результатом признания германской социал-демократической партией тактических установок о сочетании легальных и нелегальных форм борьбы, данных ей Марксом и Энгельсом.

На Виденском партсъезде из рядов партии были исключены активный дюрингианец Мост и его соратник Гассельман, наносившие вред рабочему движению своими заговорщическими и путчистскими планами.

Состоявшийся в Копенгагене с 29 марта по 2 апреля 1883 года съезд германской социал-демократической партии подтвердил решения Виденского партсъезда и наметил правильную избирательную тактику, отвергавшую блоки с буржуазными партиями. Резолюция Копенгагенского партсъезда предостерегала партию от увлечения парламентскими формами борьбы за так называемые социальные рефор-

мы, которые используются господствующими классами для отвлечения рабочего класса от правильного революционного пути.

* * *

В 1880 году Ф. Энгельс по просьбе П. Лафарга издал брошюру «Развитие социализма от утопии к науке», представлявшую собой три главы «Анти-Дюринга», дополненные некоторыми разъяснениями.

Несмотря на свирепствующий исключительный закон против социалистов, брошюра Энгельса получила широкое распространение и пользовалась большим успехом среди немецких рабочих.

Отмечая успех своей брошюры, Энгельс писал: «Мое предположение, что содержание этой брошюры не представит для наших немецких рабочих больших трудностей, подтвердилось. По крайней мере, с марта 1883 г., когда появилось первое издание, было распродано три издания, общим тиражом в 10.000 экземпляров, и это при господстве — ныне уже покойного — закона против социалистов. Вместе с тем это — новый пример того, как бессильны полицейские запреты против такого движения, как движение современного пролетариата»³.

Широкое распространение среди германских рабочих брошюры Энгельса явилось показателем дальнейшего роста влияния идей революционного марксизма. В последующие годы германская социал-демократия продолжала идейно расти и крепнуть.

Собравшийся в октябре 1887 года очередной съезд германской социал-демократической партии в Сен-Галлене следовал решениям Виденского и Копенгагенского партсъездов.

Показателем роста идейных и организационных сил партии явилось то, что именно германская социал-демократия в эти годы взяла на себя под руководством Энгельса инициативу созыва международного рабочего конгресса в Париже в 1889 году, заложившего основу II Интернационала и наметившего программу воспитания пролетариата в духе учения Маркса и Энгельса.

Наконец, прямым следствием идейно-теоретического роста германской социал-демократии был пересмотр Готской программы в целом на Эрфуртском партийном съезде в 1891 году.

Принятая на этом съезде новая программа, несмотря на недостатки, указанные

¹ См. Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 172.

² В отчете о Виденском партсъезде, напечатанном в 36-м номере газеты «Социал-Демократ», отмечается, что решение вычеркнуть из 2-го пункта Готской программы слово «законными» после оживленных прений было принято съездом единогласно.

³ Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке, стр. 6. 1947.

Энгельсом, явилась большим шагом вперед по сравнению с Готской программой. Из программы были изъяты все лассальянские положения¹.

* * *

Среди передовых людей России, боровшихся против царского самодержавия, труд Энгельса «Анти-Дюринг» вызвал большой интерес. Царское правительство, боясь распространения книги Энгельса в России, немедленно после выхода в свет 1-го немецкого издания взяло эту книгу под особый надзор и запретило ее перевод на русский язык².

Однако никакие цензурные рогадки не могли помешать проникновению в Россию великих идей Маркса и Энгельса.

«Анти-Дюринг» создавался в непримиримой борьбе основоположников научного коммунизма с идеями, враждебными рабочему классу и его революционному мировоззрению. Каждая строка «Анти-Дюринга» дышит непримиримостью ко всяческим врагам рабочего класса. «Анти-Дюринг» является образцом боевой коммунистической партийности и глубокой научности.

Отстаивая революционное учение Маркса и Энгельса от искажения его оппортунистами и развивая это учение дальше, Ленин и Сталин всегда вели беспощадную борьбу с врагами революционного марксизма.

Как и «Анти-Дюринг» Энгельса, в боях с врагами марксизма рождались такие творения революционного марксизма, как «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Что делать?», «Материализм и эмпириокритицизм», «Анархизм или социализм?», и другие выдающиеся труды В. И. Ленина и И. В. Сталина, в которых нашли свое дальнейшее развитие идеи, изложенные на страницах книги Энгельса «Анти-Дюринг».

В своих трудах В. И. Ленин неоднократно обращался к «Анти-Дюрингу», творчески развивая марксистские положения о материалистической диалектике, материа-

листическом понимании истории, о соотношении базиса и надстройки и другие. Ярким образом творческого развития диалектического материализма на основе обобщения опыта классовой борьбы пролетариата и всего нового, что дало развитие науки и прежде всего естествознания, является гениальный труд В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

Продолжая развивать идеи марксистской диалектики, товарищ Сталин в своей работе «Анархизм или социализм?» вскрыл органическую связь между марксистской философией и пролетарским социализмом, дал глубочайшее изложение сущности марксистского диалектического метода и показал его значение для науки и революционной деятельности пролетариата.

После смерти Ф. Энгельса партии II Интернационала, в том числе германская социал-демократия, стали перерождаться из партий социальной революции в реформистские партии. «Большевики не могли не видеть, — пишет товарищ Сталин, — что после смерти Энгельса западно-европейские социал-демократические партии стали перерождаться из партий социальной революции в партии «социальных реформ», а каждая из этих партий, как организация, уже превратилась из руководящей силы в придаток своей собственной парламентской группы»³.

Ввиду того, что к началу XX века центр революционного движения переместился из Западной Европы в Россию, на долю В. И. Ленина и И. В. Сталина, возглавлявших революционную борьбу русского пролетариата и созданную ими партию нового типа, выпала задача огромной исторической важности — отстоять революционный марксизм от оппортунистических извращений и творчески развить его применительно к новым условиям эпохи империализма и пролетарских революций.

«Можно сказать без преувеличения, что после смерти Энгельса величайший теоретик Ленин, а после Ленина — Сталин и другие ученики Ленина — были единственными марксистами, которые двигали вперед марксистскую теорию и обогатили ее новым опытом в новых условиях классовой борьбы пролетариата»⁴.

Величайшим триумфом для марксизма-ленинизма явилась победа социализма в СССР, осуществленная под руководством партии Ленина — Сталина.

После смерти Ленина товарищ Сталин, отстаивая великое ленинское учение от

¹ Эрфуртская программа, исходя в своей теоретической части из марксистских установок, однако, делала уступки оппортунизму; в ней ничего не было сказано о диктатуре пролетариата.

² В докладе царского цензора, относящемся к 1878 году, указывается, что в книге Энгельса «Анти-Дюринг» проводится идея неизбежности пролетарской революции, уничтожения классов и существующих правительств, а также неизбежности исчезновения религии. Цензурный комитет царского правительства наложил резолюцию: «Запретить». См. журнал «Красный архив». Т. IV, стр. 12. 1935.

³ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 135.

⁴ Там же, 342.

многочисленных атак врагов социализма, развил это учение дальше в своих гениальных трудах — «Вопросы ленинизма», «О диалектическом и историческом материализме», «Марксизм и вопросы языкознания», «Экономические проблемы социализма в СССР» и других. Эти произведения являются выдающимся вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма.

* * *

В труде «Экономические проблемы социализма в СССР» товарищ Сталин, решая ряд важнейших вопросов экономического развития социалистического общества, неоднократно обращается к бессмертному творению Энгельса «Анти-Дюринг», углубляя, конкретизируя и развивая дальше многие положения этого произведения.

Так, раскрывая объективный характер законов природы и общества и отвергая ненаучные, субъективно-идеалистические взгляды некоторых деятелей науки, товарищ Сталин ссылается на труд Энгельса «Анти-Дюринг».

Разоблачая некоторых горе-марксистов, отрицающих необходимость единой политической экономии для всех общественных формаций, товарищ Сталин приводит высказывания Энгельса по этому вопросу, подчеркивая, что «политическая экономия изучает законы экономического развития

не одной какой-либо общественной формации, а различных общественных формаций»¹.

Анализируя сущность и особенности товарного производства при социализме, товарищ Сталин также обращается к формулам Энгельса из «Анти-Дюринга», разъясняя и уточняя их.

Говоря о ликвидации противоположности между городом и деревней, товарищ Сталин указывает, исходя из опыта социалистического строительства в нашей стране, что уничтожение противоположности между городом и деревней не должно привести к «гибели больших городов», как то полагал Энгельс (см. «Анти-Дюринг»).

Гениальный труд Энгельса «Анти-Дюринг» изучается миллионами людей. Только в Советском Союзе книга Энгельса была издана в количестве свыше 2 миллионов экземпляров.

Идеи, развитые в «Анти-Дюринге» и в других классических произведениях Маркса и Энгельса, обогащенные гениальными продолжателями учения Маркса — Энгельса В. И. Лениным и И. В. Сталиным, вооружают трудящихся всего мира в борьбе за мир, демократию и социализм.

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 70.

«Письма о Критической философии» А. С. Лубкина

И. Н. КРАВЕЦ (Харьков)

Философская и общественно-политическая мысль в России в конце XVIII и начале XIX столетия развивалась под благотворным влиянием материалистических идей, заложенных в трудах великих русских мыслителей Ломоносова и Радищева.

Прогрессивные русские ученые и философы смело пропагандировали идеи материализма и вели упорную борьбу против господствовавшей в то время идеалистической философии.

В первые десятилетия XIX столетия в России появился ряд произведений, направленных против идеалистической философии Канта, в защиту материалистического взгляда на природу.

В 1807 году был опубликован философский трактат «О пространстве и времени», а в 1813 — работа «Рассуждение о динамической системе Канта», принадлежавшие перу выдающегося русского материалиста-естествоиспытателя Т. Ф. Осиповского.

В начале XIX века вышел в свет труд

русского философа Александра Степановича Лубкина «Письма о Критической философии», в котором автор с позиций материализма резко критиковал кантианство.

А. С. Лубкин родился в 1770 году. После окончания Петербургской духовной академии, в 1792 году, Лубкин был назначен преподавателем немецкого языка и математики в Костромскую семинарию. В 1801 году он был переведен в Армейскую семинарию на должность ректора и преподавателя философии.

В 1806 году Лубкин переводится в Петербургский педагогический институт, а в 1810 году его назначают директором училищ Оренбургской губернии. В следующем году по приглашению попечителя Казанского учебного округа он занял должность адъюнкта философии Казанского университета. В 1815 году его избирают ординарным профессором.

Уже в период работы в Армейской семинарии Лубкин выступает как зрелый философ-материалист. Именно к этому време-

ни относится его выступление против идеалистической философии Канта.

По просьбе редакции журнала «Северный вестник» Лубкин написал ряд статей, где изложил свою точку зрения на философию Канта. Эти статьи были названы им «Письма о Критической философии». Несмотря на то, что философия Канта получила в то время широкое распространение и, как говорил Лубкин, «столько прославилась, или столько наделала шума, что почти опасно явно обнаруживать об ней свое мнение»¹, последний не побоялся навлечь на себя негодование приверженцев Канта и открыто выступил с критикой кантианства. Лубкин знал, что его взгляды расходятся и с воззрениями редакции, поручившей ему выступить со статьями о философии Канта, но он готов был «возбудить на себя негодование новых философов», так как не мог «умолчать о несостоятельности философии Канта».

«Вы требуете от меня искренности, — писал он, — другие тем будут приведены в философский соблазн, а может быть, и вы сами меня не похвалите, увидев, что мои мысли не совсем сходны с мнением большей части»². Лубкин считал, что, «слепо следуя большинству голосов, не видеть в кантовской философии некоторых важных неясностей и произвольных, недоказанных положений, значило бы более, нежели философское самоотречение; значило бы вольное порабощение своего ума мнениям подобного себе смертного»³.

Статьи Лубкина представляют большой теоретический и исторический интерес, поскольку они характеризуют русскую философскую мысль начала XIX столетия, достигшую к тому времени высокого уровня развития.

А. С. Лубкин в своей работе подверг критике всю идеалистическую систему Канта, выделив при этом ряд наиболее важных, по его мнению, вопросов: о пространстве и времени, об объективности качества, о материалистическом характере математических понятий, о конечном и бесконечном и другие.

Проблему пространства и времени, ставшую особенно злободневной после появления книги Канта «Критика чистого разума», Лубкин решал с материалистических позиций. Кантовский априоризм он считал несостоятельным и поэтому не пожелал присоединиться к «кантову, превратному,

против общего разумения, понятию о времени и пространстве»⁴.

Путем логического анализа кантовских положений Лубкин пришел к убеждению, что вывод Канта о том, будто понятия времени и пространства основываются на свойстве нашей познавательной способности, а не на свойстве самых представляемых вещей, «доколе чем-нибудь другим не будет доказано, долженствует почитаться за произвольное, и никак вместо основания служить не может»⁵.

Все доводы Канта Лубкин считал совершенно беспочвенными, лишенными каких бы то ни было оснований. Субъективно-идеалистическим вымыслом Канта он противопоставил свою материалистическую точку зрения. Пространство и время рассматривались им в неразрывной связи с объективным миром. «Что касается до времени и пространства, столь тесно соединенных с представлением каждой вещи, — писал Лубкин, — то оные не суть ли паче необходимые принадлежности бытия вещей, нежели свойство или образ наших о вещах представлений? — ибо почему мы свое бытие ощущаем? — потому, что чувствуем продолжение оного; что чувствуем себя в некоей части повсеместного пространства. Без сего могли ли бы мы сказать, в себе я е с м ь, и в чем будет состоять бытие вещи, когда она сама в себе будет н и г д е, н и к о г д а»⁶. В другом месте своей работы Лубкин замечает, что на опыте мы «сами на себе чувствуем, сколь необходимые суть потребности бытия времени и пространства»⁷. Как материалист, Лубкин большое значение придавал опыту; он считал, что только на основе опыта возможны достоверные знания об окружающей человека природе.

Отрицание Кантом объективности пространства и времени, говорит он, влечет за собой отрицание реальности самих явлений, происходящих в пространстве и во времени. Отсюда логично было бы признать, что знания наши об этих явлениях возникают не из опыта, а вне его, т. е. априорно. На самом же деле пространственно-временные представления, как и понятия об их бесконечности, мы приобретаем благодаря действию на наши органы чувств вне нас существующих предметов. На этой же основе возникает и наше понятие единства пространства и времени. Лубкин высказал глубокую мысль о том, что невозможно представить себе пространство вне времени. Пространство и время, говорит он, существуют только в единстве:

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 193.

⁶ Там же, стр. 192.

⁷ Журнал «Северный вестник» за сентябрь 1805 года, стр. 304.

¹ А. С. Лубкин «Письма о Критической философии». Журнал «Северный вестник» за август 1805 года, стр. 184.

² Там же, стр. 185.

³ Там же, стр. 184.

«После всего, можно противу мнения критической философии утверждать, что понятия (а не представления) о бесконечном времени и пространстве, суть понятия первоначально приобретенные от вне, а потом с помощью умозаключения понимаемые бесконечными и единственными»¹. «Итак не от особого свойства нашей представительной способности зависит единственность времени и пространства, а от свойства самих сих предметов»².

А. С. Лубкин отверг не только кантианские субъективно-идеалистические взгляды, но и ньютоновское толкование пространства и времени. В отличие от Ньютона, предполагавшего, что пространство и время существуют независимо от материи, и рассматривавшего пространство какместилище тел, а время как простую длительность, т. е. в отрыве от бытия, А. С. Лубкин считал, что бытие вне времени и пространства — ничто. Он приближался к последовательно материалистическому пониманию пространства и времени. «Бытие без времени и пространства ничего бы не значило и не могло бы отличаться от ничтожества»³, — писал он.

В своих статьях Лубкин проводит материалистический взгляд на процесс возникновения всех наших представлений и понятий, показывая, что последние возникают в результате воздействия предметов внешнего мира на органы чувств человека. Причем изменчивость понятий и представлений Лубкин также ставит в прямую зависимость от воздействия на человека внешних предметов. «Как переменяемое в представлениях, так и неперемняемое и общее происходит вместе и от свойства вещей и от свойства чувств наших: от свойства вещей, потому что они имеют способность известным образом действовать на наши чувства; от свойства чувств, потому что оные, судя по своему устройению и качествам, известным образом сии действия предметов в себе изменяют, напр.: в рассуждении степени их напряженности; а общее в представлениях от общего свойства всех предметов»⁴.

Значительный интерес представляют рассуждения Лубкина относительно объективности качеств, присущих материальным телам.

Лубкин заявляет, что представления о вещах во многом зависят не только от самих вещей, но и от свойств и устройства наших органов; так, например, «кто хотя несколько знает теорию цветов, тот ни

мало не усумнится, что известное качество оных происходит от известного состояния в нашем глазе лучей, от тел в оной входящих. А почему лучи, проходящие в глаз, в таком находятся состоянии, а не в другом, сие столько же зависит и от строения самого глаза, как от количества и напряжения лучей в оной входящих»⁵.

Его рассуждения о качествах предметов не выходили за рамки метафизического материализма, который признавал наличие в вещах первичных и вторичных качеств. Лубкин считал, что тон, вкус, запах, степень мягкости или твердости тел находятся в зависимости от состояния органов чувств; при изменении этого состояния соответственно меняются и наши представления о качестве предметов.

Поэтому он делает вывод, что качества вещей «не можно почитать прямо собственными (objective tales); но вместе и относительными (subiective s. relative tales)»⁶. Однако, не желая, чтобы эта мысль была истолкована идеалистически, Лубкин заявляет далее, что качества присущи самим вещам. Он предупреждает читателя, что из его вывода «никак еще заключать не можно, что оные (качества.— И. К.) в рассуждении вещей суть ничто, или что вещи вовсе не имеют тех качеств, с каковыми представляются. Искусственное превращение цветов, например, из голубого в зеленый, в красный или желтый доказывает, что и вещи нечто в себе имеют, почему производят в нас о себе такое, а не другое чувствование»⁷.

Лубкин убедительно доказывает несостоятельность выводов Канта, вытекающих из его так называемой критической философии. Из этой идеалистической концепции, согласно которой пространство и время считаются только формами познавательной способности, замечает он, следует отрицание объективности качеств предметов. Согласно этой философии, говорит Лубкин, наши ощущения есть не отражение в нашем сознании тех или иных качеств вещей, присущих самим вещам, а произвольная конструкция человеческого ума.

О материалистических воззрениях Лубкина свидетельствует также его рассуждение о том, что «общее свойство всех наших представлений есть то, что мы о представляемых предметах судим положительно, т. е. приписываем им то, что в них есть»⁸.

Критикуя Канта, по мнению которого прикладная математика есть только умозрительная наука, не имеющая никакого отношения к самим вещам, А. С. Лубкин

¹ Журнал «Северный вестник» за сентябрь 1805 года, стр. 309.

² Там же, стр. 303.

³ Там же, стр. 304.

⁴ Журнал «Северный вестник» за август 1805 года, стр. 192.

⁵ Там же, стр. 187—188.

⁶ Там же, стр. 188.

⁷ Там же, стр. 188—189.

⁸ Журнал «Северный вестник» за сентябрь 1805 года, стр. 306.

доказывает ложность этих измышлений. Исходя из того, что человеческий разум в конечном счете отражает лишь объективно существующее, он делает вывод о том, что математические понятия также являются отражением реального мира. Доказывая, что «не от особого свойства нашей представительной способности зависит единственность времени и пространства, но от свойства самих этих предметов», Лубкин заявляет: «сие предложение: $2 \cdot 2 = 4$ независимо от нашего ума, а само по себе есть таково, и инаковым быть не может»¹.

Не лишены интереса мысли Лубкина о происхождении религиозных представлений. В соответствии с основным материалистическим положением об отражении в сознании человека объективного мира, т. е. о материальной обусловленности представлений и понятий, он считал, что источником ощущений является внешний мир, а самые ощущения есть источник наших знаний о нем. Если бы не было объективных вещей, то человеческое сознание не могло бы их отражать. Следовательно, и человеческое воображение, основанное на представлениях, исходит из тех объектов, которые породили эти представления. Отсюда Лубкин приходит к выводу об антропоморфическом происхождении религиозных образов.

Рассуждения Лубкина о происхождении религиозных образов пронизывает диалектическая мысль о наличии противоположностей в предметах, отражающихся в представлениях человека. «Закон воображения откуда получил свое начало, как не от ощущения многообразия и противоположности в предметах? Если бы в свете никаких других вещей не было, кроме одних людей, то бы конечно разум не мог образовывать в себе никакого представления, коего бы объект был вещь от людей отличная. И по сей-то причине мы планетных жителей, да и самых духов, всегда представляем под видами земными»².

Следует остановиться и на других диалектических догадках А. С. Лубкина. Они представляют большой интерес, так как в начале XIX века были довольно широко распространены метафизические взгляды.

Исследуя проблему пространства и времени, Лубкин отмечает, что понятия всеобъемлющего пространства и времени «не могут быть представлены иначе без противоречия», «ибо в значении всеобъем-

лющей заключается уже значение единства»³. Эта мысль Лубкина, так же как и высказывание его о связи конечного и бесконечного, свидетельствует о том, что уже в начале XIX века в русской материалистической философии созревали глубокие диалектические идеи.

В понимании диалектики конечного и бесконечного Лубкин не только преодолел узкий горизонт метафизических представлений, но и сумел подойти к правильному, научному осмыслению этой проблемы. Он отверг метафизические взгляды, отрицающие существование бесконечного пространства на основании конечности вещей и предметов.

«Итак не самая ли конечность вещей, — спрашивает он, — содержит в себе основание понятия о бесконечности; основание, на котором мы утверждаясь тотчас образуем в себе сие понятие? И без понятия о предельности каким бы образом могли мы достигнуть до понятия бесконечности?»⁴.

И дальше: «Понятие о бесконечности приобретаем мы, рассматривая свойства предельности; а хотя и достигаем до него посредством умозаключений, но к оным материи, а следовательно, и основание подает опыт. Почему несправедливо, что конечные предметы никак не могут дать нам понятия о бесконечности; а равным образом не доказано и то, что понятие о бесконечном пространстве не могло быть получено от чувственных предметов»⁵.

Однако необходимо отметить, что Лубкин не был последовательным материалистом. Позднее он отказался от ряда высказанных им материалистических положений. Об этом свидетельствует его речь — «Рассуждение о том, возможно ли правоучению дать твердое основание независимо от религии», — произнесенная им в торжественном собрании Казанского университета в 1815 году, десять лет спустя после выхода в свет «Писем о Критической философии». В этом выступлении он возвращается к господствовавшим религиозным воззрениям, утверждая существование бога и защищая религиозные основы нравственности.

Тем не менее отступление Лубкина на позиции идеализма не умаляет значения его материалистического произведения «Письма о Критической философии», сыгравшего положительную роль в развитии русской материалистической философии начала XIX столетия.

³ Журнал «Северный вестник» за сентябрь 1805 года, стр. 303.

⁴ Журнал «Северный вестник» за август 1805 года, стр. 195.

⁵ Там же, стр. 196—197.

¹ Журнал «Северный вестник» за сентябрь 1805 года, стр. 303.

² Журнал «Северный вестник» за август 1805 года, стр. 196.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

О месте и роли искусства в общественной жизни

(К итогам дискуссии)

Марксизм рассматривает искусство как явление общественное, как специфическую идеологическую форму, отражающую действительность в художественных образах. В искусстве всегда находит выражение идеология того или иного класса. Оно играло и играет активную роль в общественной жизни, в борьбе классов. Если реакционное искусство всегда служило отживающим общественным силам, то передовое искусство всегда выражало интересы прогрессивных общественных сил, вело борьбу против реакционного общественного строя, против реакционной идеологии, реакционных художественных взглядов.

В условиях социалистического общества искусство является могучим идейным оружием в руках коммунистической партии, Советского государства в деле коммунистического воспитания народа, в деле строительства коммунизма.

Коммунистическая партия, ее основатели и вожди Ленин и Сталин всегда придавали огромное значение советскому искусству, его роли в жизни и развитии советского общества, в идеологической борьбе нашей эпохи. Социалистическое искусство отражает общественные отношения социалистического общества, героические дела советских людей — строителей коммунизма, их быт, нравы. Оно является важнейшей частью общего идеологического фронта передовых сил нашей эпохи в борьбе против капитализма и его реакционной идеологии, за построение коммунистического общества в нашей стране, за победу социализма во всем мире. Решения ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, по вопросам литературы и искусства направлены против безидейности и аполитизма в литературе, против измены принципам социалистического реализма в искусстве, против всего гнилого, отживающего, косного, реакционного, отсталого, против всего того, что стоит на пути победоносного строительства коммунизма. Решения Центрального Комитета партии требуют от советских писателей и художников повышения коммунистической идейности и художественного мастерства, требуют от них создания высокохудожественных произведений, нужных народу.

Товарищ Сталин назвал советских писателей инженерами человеческих душ. Этим определена активная, творчески преобразующая роль социалистического искусства в жизни советского общества, в строительстве коммунизма. Советское искусство призвано служить и служит интересам народа, Советского государства, делу коммунизма, делу прогрессивного человечества.

«Сила советской литературы, самой передовой литературы в мире, состоит в том, что она является литературой, у которой нет и не может быть других интересов, кроме интересов народа, интересов государства. Задача советской литературы состоит в том, чтобы помочь государству правильно воспитать молодёжь, ответить на её запросы, воспитать новое поколение бодрым, верящим в своё дело, не боящимся препятствий, гото-

вым преодолеть всякие препятствия». (Из Постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград».)

Советский патриотизм и пролетарский интернационализм, внутренне неразрывно связанные друг с другом, составляют главное в идейном содержании советского искусства.

В решениях ЦК партии по вопросам литературы и искусства, в замечательном докладе тов. Г. М. Маленкова на XIX съезде партии с исчерпывающей полнотой определены сущность, специфический характер искусства, его общественная функция, его место и огромная роль в борьбе за победу коммунизма в нашей стране.

В труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» дано классическое определение базиса и надстройки. Надстройка — это политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им учреждения. В сталинской характеристике надстройки показаны ее обусловленность экономическим строем, ее исторический характер и служебная роль по отношению к своему базису. Вместе с тем в труде товарища Сталина со всей силой подчеркнута величайшая активная роль надстройки. И. В. Сталин учит нас тому, чтобы каждое общественное явление было понято в его специфике, не только с точки зрения того, что это явление имеет общего с другими общественными явлениями, но и с точки зрения того, чем оно отличается от других явлений.

В № 2 журнала «Вопросы философии» за 1951 год и в № 2 журнала за 1952 год были помещены дискуссионные статьи тт. И. Б. Астахова, П. С. Трофимова и И. А. Масеева по вопросу о специфике искусства как формы общественного сознания, об отношении искусства к базису и надстройке, о роли искусства в общественной жизни. До этого в №№ 1 и 2 за 1951 год были помещены обзоры обсуждений этих же вопросов в Академии общественных наук при ЦК КПСС и в Институте философии АН СССР.

В центре дискуссии встали вопросы об отношении искусства к базису и надстройке. Эти вопросы до сих пор продолжают обсуждаться на кафедрах основ марксизма-ленинизма, философии, литературы и искусства. В журнал «Вопросы философии» поступило значительное количество статей на эту тему.

Основные разногласия по вопросу об отношении искусства и литературы к базису и надстройке сводятся к следующему. Подавляющее большинство товарищей считает, что в искусстве находят свое воплощение и выражение художественные взгляды тех или иных общественных классов, что оно есть явление надстроечного порядка, ибо оно обуславливается соответствующим общественным строем и в конечном счете — экономикой данного общества; искусство всегда служило определенным классам, было и является идейным оружием в классовой борьбе. Вместе с изменением экономического строя общества происходили изменения в области общественного сознания, в области идеологии, в том числе и в искусстве.

Товарищи, возражающие против этой общепризнанной среди марксистов точки зрения, считают, что искусство является формой общественного сознания и не представляет собой явления надстроечного характера. По их мнению, художественные взгляды и искусство принципиально отличаются друг от друга. Взгляд на искусство как на ненадстроечное явление наиболее полно был выражен в статье И. А. Масеева «О социальной природе искусства и художественных взглядов общества» (см. журнал «Вопросы философии» № 2 за 1952 год). «Художественные взгляды и искусство, — пишет тов. Масеев, — при всем общем, что они имеют между собой, принципиально отличаются друг от друга» (стр. 223). Таким образом, неправомерно противопоставляя художественные взгляды искусству и отрывая последнее от экономических условий развития общества, И. А. Масеев и другие товарищи, отстаивающие высказанную им точку зрения, лишают

себя возможности понять общественную, классовую природу искусства в классовом обществе, его действительную роль в общественной жизни, в борьбе классов.

Неправильную точку зрения на искусство защищает и П. С. Трофимов. Не признавая надстроечного характера прогрессивного искусства, он утверждает, что «Маркс относит искусство к одной из форм общественного сознания, а не к надстройке, к которой он причисляет только политику и право» (журнал «Вопросы философии» № 2 за 1951 год, стр. 167).

Товарищи, не признающие надстроечной природы искусства, пытаются свою неверную позицию подкрепить ссылками на произведения классиков марксизма-ленинизма, в частности, ссылками на знаменитое «Предисловие» к «К критике политической экономии» К. Маркса. Они неправильно противопоставляют друг другу надстройку и определяемые базисом формы общественного сознания. По их мнению, формы общественного сознания лишь соответствуют базису, но не относятся к области надстроечных явлений. Эти рассуждения неверны и наивны. Вот что пишет Маркс в указанном «Предисловии»: «С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт (т. е. конфликт между производительными силами и производственными отношениями. — *Ред.*) и борются с ним»¹.

Таким образом, Маркс в «Предисловии» к «К критике политической экономии», где дана классическая формулировка основных положений исторического материализма, указывает, во-первых, на обусловленность переворота в надстройке коренными изменениями экономической основы, т. е. базиса общества; во-вторых, Маркс здесь прямо к надстройке относит политические, юридические, религиозные, художественные, философские — идеологические формы, т. е. формы общественного сознания.

В «Предисловии» Маркс проводит различие между формами общественного сознания и политической, юридической надстройкой, а не надстройкой вообще. И государство, и право, и все формы общественного сознания, к которым относится и искусство, по Марксу, определяются экономическим строем общества. В этом смысле они и являются надстройкой, или идеологической формой экономического содержания.

Конкретизируя и развивая приведенное положение Маркса о базисе и надстройке, товарищ Сталин в работе «Анархизм или социализм?» писал: «И так как, по мнению Маркса, экономическое развитие является «материальной основой» общественной жизни, ее *содержанием*, а юридически-политическое и религиозно-философское развитие является «идеологической формой» этого содержания, его «надстройкой», — то Маркс делает вывод: «С изменением экономической основы *более или менее быстро* происходит переворот во всей громадной надстройке»².

Как видим, здесь И. В. Сталин прямо определяет «идеологические формы» (а философия, искусство, религия — это и есть идеологические формы, или формы общественного сознания) как надстройку.

В речи на могиле Маркса Фридрих Энгельс, определяя суть открытого Марксом материалистического понимания истории, говорил: «...Каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 7—8. Госполитиздат. М. 1949.

² И. В. Сталин. Соч. Т. 1, стр. 317.

воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они поэтому должны быть объяснены, — а не наоборот, как это делалось до сих пор»¹.

Как видим, и Энгельс, один из основоположников исторического материализма, в противовес идеализму выводит государство, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления не из них самих, а из экономических основ данного общества, т. е. рассматривает их как надстройку над соответствующим базисом. В этом суть исторического материализма.

Классическое определение надстройки как политических, правовых, религиозных, художественных, философских взглядов и соответствующих им учреждений, данное И. В. Сталиным в его труде «Марксизм и вопросы языкознания», является дальнейшим творческим развитием положения Маркса из «Предисловия» к «Критике политической экономии» и приведенного положения из речи Энгельса.

Одна из причин неправильных суждений и путаницы в вопросе об отношении форм общественного сознания (искусства в том числе) к базису и надстройке кроется в неправильном, ненаучном, нематериалистическом понимании того, что такое «**ф о р м а** общественного сознания». Товарищи, противопоставляющие **ф о р м ы** общественного сознания идеологической части надстройки, т. е. политическим, правовым, религиозным, художественным и философским **в з г л я д а м**, рассматривают «форму» сознания как некое вместилище, заключающее в себе или политические, или религиозные, или художественные, или философские взгляды. Но такое представление о формах сознания неправильно. Это нечто вроде кантианских форм созерцания или чистого мышления.

Марксисты под понятием «формы общественного сознания» всегда понимали и понимают различные исторически сложившиеся формы **о т р а ж е н и я** общественной жизни, общественного бытия. Политические, правовые, художественные и философские взгляды — это и есть различные **с п е ц и ф и ч е с к и е ф о р м ы** отражения экономического строя общества в сознании людей, в сознании общественных классов.

В философских взглядах отражение действительности дано в форме категорий, понятий, определений. В религиозных взглядах действительность, общественная жизнь и экономический строй данного общества отражаются в фантастически-иллюзорной, извращенной форме. Художественные взгляды общества, его классов получают свое выражение и воплощение в произведениях искусства и литературы, в которых в форме художественных образов отражена действительность, общественная жизнь. Художественные взгляды выражаются также в **т е о р и и** искусства, в эстетике как науке. Теория искусства, эстетика, возникает на основе художественной практики как обобщение художественного творчества. Конечно, раз возникнув, эстетические теории сами затем оказывают воздействие на художественное развитие общества, на творчество писателей, поэтов, художников, актеров.

Совершенно очевидно, что товарищи, пытающиеся противопоставить политические, художественные, философские взгляды политическим и правовым теориям, искусству, философии как формам общественного сознания, поступают неправильно, занимаются игрой в термины, в слова, цепляются за фразу, за ту или иную букву, не вникая в сущность вопроса, и извращают материалистическую трактовку проблемы о надстроечном характере искусства.

Художественные взгляды как особая специфическая форма отражения действительности, подобно политическим и правовым взглядам, получают свое распространение в обществе, живут в сознании миллионов людей.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II, стр. 157. 1948.

В эстетических теориях художественные взгляды общества, его классов выражены в форме категорий, понятий, научных абстракций. В эстетике как науке даны теория о прекрасном в искусстве и действительности, понимание сущности искусства, законов его возникновения, развития и его общественной роли. В эстетике, таким образом, художественное, прекрасное — само искусство является результатом научного анализа. Поэтому глубоко ошибаются те товарищи, которые думают, что художественные взгляды сводятся только к теории искусства, к эстетике.

Художественное развитие человечества, о котором писал В. И. Ленин в своих гениальных статьях о Л. Толстом, определяют, конечно, не научные трактаты по эстетике, не различного рода художественные манифесты, а прежде всего само художественное творчество, произведения искусства как конкретное выражение и воплощение художественных взглядов общества, как правдивое художественное воспроизведение в общественном сознании окружающей нас действительности, общественной жизни.

Таким образом, установление каких-то принципиальных различий между понятиями «художественные взгляды» и «искусство», отнесение первых к надстройке, а второго к формам общественного сознания лишено научных оснований. Оно вносит лишь путаницу и порождает схоластику.

В искусстве находят свое выражение и воплощение также политические, правовые, религиозные, философские взгляды и нравственные принципы общества. Но эти взгляды и принципы в искусстве даны в художественной форме, в форме образов, живых картин, а не в форме абстрактных понятий. Искусство выполняет свою специфическую общественную, политическую роль через удовлетворение эстетических запросов и потребностей общества, через особое воздействие на чувства и умы людей.

Говорят, что искусство не сводится к идейному содержанию, в нем воплощенному. Это верно. Подлинное искусство есть гармоническое единство идейного содержания и художественной формы. Одно идейное содержание, как и художественная форма, взятые сами по себе, не дают нам подлинного искусства. Разрывать и противопоставлять их бессмысленно для марксистов. Однако в единстве формы и содержания последнее является о п р е д е л я ю щ и м.

Решающим для марксиста в искусстве является его идейное содержание, выраженное в художественных образах. Мы различаем буржуазное, реакционное искусство и искусство советское, социалистическое прежде всего по идейному содержанию, по тем художественным образам, типам, характерам, которые выражены, воплощены в них. Коренная противоположность идейного содержания буржуазного и социалистического искусства определяется противоположностью общественного, экономического строя капитализма и социализма.

Товарищи, отрицающие надстроечный характер искусства, если бы они довели свою точку зрения до логического конца, неизбежно пришли бы к идеализму. Их взгляд на искусство питает формалистические, аполитичные, антиобщественные тенденции в искусстве и литературе, разоружает в борьбе против реакционного искусства и реакционной идеологии, порождаемых реакционным капиталистическим базисом.

В чем заключается великий смысл марксистского учения о политических, юридических, религиозных, художественных, философских взглядах и соответствующих им учреждениях как надстройке над соответствующим базисом? До Маркса и Энгельса, до открытия ими материалистического понимания истории буржуазные философы, социологи рассматривали различные идеологические формы как самодовлеющие, выводили их из развития сознания людей, мирового духа, творческого гения или таланта художника, писателя, философа и т. д. Исторический материализм открыл глубокий источник происхождения всех идеологических форм, в

том числе и искусства, в исторически определенных условиях материальной жизни общества, в экономическом строе общества.

Экономический строй общества представляет собой реальный базис, на почве которого возникают соответствующие идеологические, в том числе и художественные, формы (искусство, литература). Художественные образы так или иначе отражают общественные отношения своего времени, своей эпохи. Отражение действительности в искусстве — процесс сложный, опосредованный. Художник испытывает влияние окружающих его условий через эстетические вкусы, нравы, идеалы, мировоззрение, распространенные в данном обществе и отражающие положение общественных классов и классовую борьбу, которые определяются экономическим строем, т. е. базисом данного общества.

На художественное творчество оказывает огромное влияние все предшествующее развитие искусства. Именно в этой связи приобретает важнейшее значение культурное наследие, передовые художественные традиции в искусстве. Коммунистическая партия, направляя развитие советского искусства, требует от писателей и художников творческого овладения великим классическим искусством прошлого.

Огромное значение имеет метод художественного творчества. Только реалистический метод дает возможность правдиво отразить общественную жизнь. Только передовые эстетические принципы способны двигать вперед искусство. И, наоборот, эстетические принципы, выражающие интересы реакционных, отживших классов, глубоко враждебные реализму, неминуемо влекут за собой распад художественного образа, упадок мастерства, деградацию и загнивание искусства и приводят искусство и литературу к полной гибели, как это сейчас происходит с буржуазным искусством в империалистических странах.

Несмотря на опосредованность воздействия экономического строя на художественное развитие, на искусство, материальная, экономическая его обусловленность бесспорна. Коренные причины изменения, переворотов в области политических, художественных, философских взглядов, во всей надстройке общества надо искать не в самих взглядах, а в изменении экономического базиса общества, надстройкой над которым являются все идеологические формы, в том числе и искусство.

Это краеугольное положение исторического материализма для классиков марксизма-ленинизма всегда служило руководящей нитью в их научных исследованиях. Все тайны в духовной, идеологической сфере были раскрыты марксизмом потому, что были объяснены экономическими отношениями.

Опираясь на теорию базиса и надстройки, марксисты разоблачили буржуазные, реакционные, идеалистические эстетические теории о «чистом» искусстве, показав общественную, классовую, в конечном счете экономическую, основу развития искусства.

Экономическое развитие всегда являлось и является глубокой определяющей основой политического и художественного развития общества: «Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основано на экономическом развитии»¹.

Различие художественных образов, героев, типов, характеров, создаваемых художниками, писателями, композиторами в различные эпохи, обуславливается не художественной фантазией, а прежде всего различием общественного строя, различием общественных отношений, различием психологии и быта, нравов, различием экономического строя общества.

Художественные образы и типы, созданные классическим древнегреческим искусством, отражают общественный строй своей эпохи, и в этом смысле они неповторимы.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 470. 1947.

Экономический строй средневековья вызвал к жизни аскетическое, худосочное, враждебное даже мечте о земных радостях жизни феодальное искусство, искусство, проникнутое религиозными идеями и настроениями, мистикой, реакционными общественными идеями о бренности всего земного. Лишь народное художественное творчество выражало передовые художественные взгляды. Оно являлось выражением борьбы с крепостниками, феодалами за лучшую жизнь.

Зарождение в недрах феодального общества капиталистических экономических отношений, появление на исторической арене новых, передовых общественных сил привели к созданию жизнерадостного по своему внутреннему социальному существу антифеодального искусства эпохи Возрождения. В эпоху великой Французской буржуазной революции, когда революционная борьба народных масс против феодализма возглавлялась буржуазией, идеологи третьего сословия в ряде областей художественного творчества создали выдающиеся произведения искусства. Но в эпоху империализма, когда капиталистический экономический строй и его носитель — буржуазия — стали реакционными, пришло в упадок и буржуазное искусство. Реакционности, гнилости буржуазного базиса и всего буржуазного общественного строя соответствует гнилое, реакционное, членовеннавиственное, декадентское буржуазное искусство.

В СССР в течение тридцати лет с начала Великой Октябрьской социалистической революции был ликвидирован старый, капиталистический базис и вместо него был создан новый, социалистический базис. В соответствии с этим была ликвидирована старая, реакционная, буржуазная надстройка и создана новая, социалистическая надстройка, в том числе и самое передовое, самое идейное, революционное по своему духу социалистическое искусство, искусство социалистического реализма, основы которого были заложены еще великим Горьким в недрах старого строя. Советское искусство возникло и расцвело в борьбе за создание нового, социалистического общественного строя и всегда являлось в руках партии и Советского государства мощным идейным оружием в деле коммунистического воспитания трудящихся, в деле борьбы с буржуазной идеологией, с пережитками капитализма в сознании людей.

Советское искусство развивается на основе великих принципов эстетики социалистического реализма — творческого метода, сформулированного И. В. Сталиным. Оно формировалось на основе преемственности, продолжения лучших, передовых традиций русского и всего мирового классического искусства.

Социалистическое искусство проникнуто самыми благородными, самыми возвышенными идеями нашего века. Его главный герой — это великий советский народ, строитель социализма: рабочие, крестьяне, интеллигенция — люди, своим творческим трудом создавшие величественное, светлое здание социализма, а теперь строящие коммунистическое общество. Не было в истории таких героев, таких великих исторических деятелей, таких событий и деяний, как в нашу советскую ленинско-сталинскую эпоху. Их призвано отобразить и отображает в художественных образах советское искусство.

Товарищи, отрицающие надстроечный характер искусства и одновременно признающие, что искусство содержит в себе политические, религиозные, философские, художественные, этические взгляды, проявляют явную непоследовательность. Искусство — одна из идеологических форм, одна из форм выражения идеологии того или иного класса, и в силу этого оно относится к соответствующей надстройке над определенным базисом. Для определения места и значения того или иного направления искусства в жизни данного общества необходим конкретно-исторический подход, умение рассматривать каждое историческое явление в его диалектическом развитии. Некоторые участники дискуссии не понимают того,

что когда речь идет о надстройке данного общества, то имеются в виду, конечно, художественные взгляды господствующего класса, выражающие идеологию этого класса и выполняющие функцию защиты данного общественного, экономического строя.

Ошибку в этом вопросе допускают некоторые литературоведы. Так, например, М. К. Добрынин пишет: «Есть, следовательно, идеология, укрепляющая базис, но есть идеология, разрушающая его. Тем не менее в месте они входят в идеологическую надстройку данного общества, возникшую на определенной системе экономических отношений, на базисе. Следовательно, вполне закономерно, что идеи Пушкина и Лермонтова, с одной стороны, и идеи Кукольника, Греча и Булгарина — с другой, возникли на основе одного базиса и составляют идеологическую надстройку над ним, но функция их различна: одни (идеи Кукольника, Греча, Булгарина) укрепляют его, а другие (идеи декабристов, Пушкина, Лермонтова) разрушают, поскольку последние принадлежат не к культуре господствующего класса, а к элементам демократической культуры»¹.

И далее М. К. Добрынин пишет: «Исследователи, утверждающие, что литература только укрепляет или только разрушает базис, мыслят по формуле «да-да, нет-нет, что сверх того, то от лукавого». Иначе говоря, они мыслят метафизически, не желая признать, что литература как форма общественного сознания, как явление надстройки и исчезает и в то же время и не исчезает. Она исчезает как форма, возникшая на определенном базисе, вызванная им к жизни, и не исчезает как культурное наследие. Она и укрепляет базис, поскольку является выражением мыслей господствующего класса, и разрушает его, поскольку является выражением идей класса угнетенного, которому принадлежит будущее, если речь идет о досоциалистическом обществе. Мы должны мыслить не метафизически, а диалектически...»².

Диалектики здесь, конечно, нет ни грана. В чем ошибка М. К. Добрынина? Включив всю без исключения литературу в одну надстройку и заявляя, что литература одновременно и укрепляет породивший ее базис и разрушает его, М. К. Добрынин обнаружил явное непонимание служебных, защитных функций надстройки по отношению к своему базису. Это приводит его к игнорированию классовой природы надстройки. Тов. Добрынин понимает надстройку как межклассовую или надклассовую. В действительности, учит марксизм, капиталистическому базису соответствует капиталистическая надстройка, социалистическому базису — социалистическая надстройка.

Следует отметить, что гг. М. К. Добрынин, А. М. Еголин и некоторые другие неправильно отождествляют такие различные категории исторического материализма, как «общественное бытие», «условия материальной жизни общества», «способ производства» и «экономический базис общества». Это обстоятельство также мешает им правильно решить вопрос об отношении искусства к базису и надстройке.

Экономический строй всех антагонистических формаций основан на эксплуатации, угнетении одного класса другим. В каждом таком обществе идет скрытая или открытая классовая борьба. Этот антагонизм, борьба классов, получает свое отражение в искусстве, в литературе в виде борьбы в них различных направлений — передовых и реакционных, причем новые общественные идеи, взгляды всегда возникают тогда, когда возникает конфликт между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями.

¹ М. К. Добрынин. Литература как надстройка. Сборник «Вопросы литературоведения в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», стр. 64. Изд-во Академии наук СССР. М. 1951. (Разрядка наша.— *Ред.*)

² Там же, стр. 65. (Разрядка наша.— *Ред.*)

Во всех антагонистических формациях наряду с господствующими производственными отношениями, определяющими природу соответствующего базиса, существуют остатки старых экономических укладов и зародыши нового строя, идущего на смену существующему. Наличие различных экономических укладов, за которыми стоят определенные общественные классы, получает свое отражение и в идеологической области. Поскольку господствующими идеями, взглядами всякого классового общества являются идеи и взгляды господствующего класса, то природу надстройки характеризуют, конечно, воззрения и соответствующие учреждения господствующего класса. Это относится и к художественным взглядам, к искусству. Именно эти взгляды и учреждения выполняют функцию защиты, охраны своего базиса, служат господствующему классу и направлены против других, угнетенных классов. Художественные, политические, правовые и философские взгляды угнетенных классов, своим острием направленные против господствующих идей и учреждений, против существующего реакционного базиса, естественно, не входят и не могут входить в надстройку, созданную господствующим реакционным классом для защиты своего базиса. Они являются мобилизующей, организующей и преобразующей силой, помогающей передовому классу свергнуть старый, реакционный базис и его реакционную надстройку. Политические, художественные и другие взгляды передовых, угнетенных классов представляют собой зародыш, идеологическую часть будущей надстройки.

Так, политические, правовые, философские взгляды рабочего класса, содержащиеся в марксизме, а также его художественные взгляды, нашедшие выражение в зарождавшейся пролетарской литературе, явились мобилизующей, организующей силой, давшей возможность создать революционную армию рабочих и трудящихся крестьян, совершивших Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Эта великая армия, возглавляемая коммунистической партией, ликвидировала старый, буржуазный базис и создала новый, социалистический базис, ликвидировала старую, реакционную, буржуазную надстройку и создала новую, социалистическую надстройку.

Марксистские политические, правовые, философские взгляды, а также социалистическое искусство и воплощенные в нем социалистические художественные взгляды вошли как идеологические формы в социалистическую надстройку. Эти взгляды и созданные в соответствии с ними учреждения играли и играют величайшую активную роль в формировании и развитии социалистического базиса, в строительстве коммунизма.

Таким образом, не только обусловленность искусства в конечном счете экономикой определяет надстроечный характер искусства, но и его активная роль в формировании и развитии своего базиса, в борьбе классов также свидетельствует о его надстроечной природе.

В нашу эпоху борьбы двух систем — социалистической и капиталистической, — в эпоху обостренной классовой и национально-освободительной борьбы в капиталистическом мире, особенно очевидна классовая природа искусства, его функция защиты определенных классовых интересов.

Современное реакционное буржуазное искусство, бесспорно, носит апологетический характер в отношении буржуазного общества, защищает империалистическую, антинародную политику буржуазии. Все реакционные политические взгляды: антидемократизм, фашизм, мальтузианство, расизм, космополитизм, проповедь вечности войн, человеконенавистничества, мистики, обскурантизма, звериной морали, — все, что характеризует современную буржуазную идеологию в целом, свойственно и современному буржуазному искусству. Оно является выразителем, воплощением и проводником всех этих омерзительных реакционных идей, взглядов, теорий.

Назначение буржуазного реакционного искусства, как и всей буржуазной идеологии, состоит в духовном, идейном подавлении, растлении

народных масс. Его главная задача — убить в массах веру в свои силы, сеять обман, развращать душу, культивировать в них звериные инстинкты, возбуждать ненависть между народами, быть орудием пропаганды, развязывания и оправдания империалистических войн. Причем не только тот или иной вид буржуазного искусства, а все его виды — живопись, поэзия, драматургия, кино, музыка — имеют общие черты, выражающие сущность империалистической идеологии. Примером этого служат произведения с характерными гангстерскими названиями: «Рожденные убивать», «Убийца своих детей» и другие — появившиеся в последнее время в США. Буржуазное псевдоискусство стремится увести трудящиеся массы от политической борьбы, от классовой борьбы против капитализма. Такова подлая роль буржуазного искусства, которое служит духовной дубинкой в руках буржуазии.

Противоположную функцию выполняет социалистическое искусство. Оно является орудием коммунистического воспитания трудящихся, защитником социалистического общественного строя, силой, мобилизующей и организующей народные массы на строительство коммунизма, на борьбу за мир между народами, проповедником самых высоких человеческих идеалов, глашатаем великой жизненной правды нашей эпохи.

Светлые, благородные образы искусства социалистического реализма, такие, как Павел Корчагин, Олег Кошевой, Зоя Космодемьянская, Воропаев, Батманов, Мересьев и многие другие, являются образцами поведения советских людей. Их любят, им подражают, на них воспитывается наша молодежь. В этом выражаются надстроечная природа и функция социалистического искусства.

Великая Октябрьская социалистическая революция, победа социализма в СССР блестяще подтвердили учение исторического материализма об определяемости надстройки базисом, о том, что вслед за переворотом в экономических отношениях более или менее быстро происходит переворот и во всей общественной надстройке, в том числе и в области художественных взглядов. С уничтожением, ликвидацией старого, реакционного, буржуазного базиса была уничтожена и охранявшая его, находящаяся у него на службе вся громадная реакционная буржуазная надстройка. Реакционные, буржуазные политические, правовые, художественные, философские взгляды и учреждения были ликвидированы. Полную победу одержали передовые, социалистические политические, правовые, художественные, философские взгляды и соответствующие им учреждения.

Упадочническое искусство мережковских, гиппиус, арцыбашевых, формалистическая живопись — все реакционное искусство сошло со сцены. «Все эти символисты, акмеисты, «жёлтые кофты», «бубновые валеты» «ничевоки», — что от них осталось в нашей родной русской, советской литературе? Ровным счётом ничего»¹, — говорил А. А. Жданов.

Как в области политических, правовых, так и в области художественных взглядов, в идеологии десятков миллионов людей социалистического общества произошел коренной переворот. Художественные вкусы, образы любимых героев, отношение к буржуазному реакционному искусству, представления о прекрасном и уродливом, возвышенном и низменном изменились в сознании советских людей. Вместо реакционных буржуазных художественных взглядов в СССР возникли и утвердились новые взгляды, воплощенные в искусстве социалистического реализма.

В условиях социализма в идеологической области в силу отставания сознания сохранились еще такие пережитки капитализма, как космополитизм, буржуазный национализм и другие проявления буржуазной реакционной идеологии. В недавнем прошлом в советской литературе были разоблачены чуждые нам эстетические взгляды, проповедовавшиеся Зо-

¹ А. А. Жданов. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», стр. 11. 1952.

щенко, Ахматовой и некоторыми другими писателями. Эти пережитки старых взглядов представляют собой обломки старой, реакционной надстройки. Подобные взгляды уже не имеют классовой почвы в нашей Советской стране, но они поддерживаются капиталистическим окружением, которое стремится сохранить реакционные пережитки прошлого в сознании людей. Со всеми этими пережитками наша партия ведет и будет вести непримиримую борьбу.

* * *

Товарищи, отрицающие надстроечный характер искусства, утверждают, что факт долговечности классического искусства свидетельствует о том, что искусство не представляет собой надстроечного явления, что оно развивается по иным законам, чем надстройка. Действительно, классическая литература и искусство не только не исчезли, а, наоборот, приобрели в социалистическом обществе новую жизнь, получили здесь невиданно широкое распространение, они удовлетворяют и будут впредь удовлетворять возросшие эстетические потребности, запросы и вкусы советских людей. Но это обстоятельство отнюдь не опровергает надстроечного характера классического искусства прошлого.

Великое реалистическое искусство в силу целого ряда причин переживает свою эпоху, продолжает жить, правда, особой жизнью, и после ликвидации условий, в которых оно возникло. Чем же это объясняется?

В классическом искусстве сохраняет для нас художественное значение, продолжает доставлять нам эстетическое наслаждение прежде всего его правдивость, передовое идейное содержание, выраженное в прекрасной художественной форме. Классическое искусство, как правило, не было апологетическим по отношению к общественному, экономическому строю, на почве противоречий которого оно обычно и возникало. Наиболее выдающиеся произведения искусства появлялись главным образом в переломные эпохи, в периоды, связанные с крупнейшими социальными переворотами. В силу этого классическое искусство было так или иначе направлено против всего старого, отживающего, реакционного, против общественной неправды, против социального зла, против гнилых, негодных нравов. Таким искусством было русское классическое реалистическое искусство XIX века, боровшееся против крепостничества, против царизма, — искусство Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Глинки, Мусоргского, Чайковского, Сурикова, Репина, Л. Н. Толстого, Некрасова, Салтыкова-Щедрина и других великих деятелей русской культуры.

Герцен писал о себе и своих современниках: «Главным камнем на дороге лежало чудовищное *крепостное право*.. Против крепостного права и были устремлены все наши удары, все усилия; устранению его мы подчинили все интересы»¹. Пушкин писал о себе, что он вслед за Радищевым восславил свободу.

Ненависть к самодержавно-крепостническому строю, борьба за свободу, против деспотизма и произвола, страстное утверждение идей патриотизма, народности и гуманизма делают близкими нам произведения русского классического искусства. «Боевое искусство, ведущее борьбу за лучшие идеалы народа — так представляли себе литературу и искусство великие представители русской литературы»².

Великое русское реалистическое искусство духовно вооружало передовые силы, борющиеся против крепостничества, прокладывало дорогу обществу, идущему ему на смену. Эстетические идеи революционных демократов сыграли огромнейшую роль в развитии русского реалистического искусства и литературы XIX века. В них с наибольшей силой и глу-

¹ А. И. Герцен. Соч. Т. 19, стр. 125. 1922.

² А. А. Жданов. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», стр. 18.

биной развиты принципы идейности, реализма, народности и активной роли искусства в жизни общества. Эстетика русских революционных демократов Герцена, Огарева, Белинского, Чернышевского, Добролюбова есть высшая ступень в развитии эстетической мысли домарковского периода. Под влиянием передовых взглядов революционных демократов выросли такие имеющие всемирную значимость явления, как русская классическая литература второй половины XIX века, как «могучая кучка» в музыке и «передвижники» в живописи. К этой линии вплотную примыкает и продолжает ее уже с позиций революционного пролетариата А. М. Горький — основоположник литературы социалистического реализма, открывший своим творчеством качественно новый этап в художественном развитии всего человечества.

Великое классическое искусство всегда было проникнуто духом борьбы против отживающего, старого, против общественного зла своего времени. В этом заключается жизненная сила подлинно великого искусства, в этом причина того, что оно продолжает жить и тогда, когда общественный строй, эпоха, его породившие, ушли уже в прошлое.

Классическое реалистическое искусство продолжает сохранять для нас свое идейно-эстетическое значение и в силу своей глубокой народности. Оно народно прежде всего по своей направленности против эксплуататорских классов, а также потому, что оно своими истоками уходило в народную толщу, в народное творчество. Оно вбирало в себя народные мотивы, художественные образы, созданные народом, выражало в том или ином виде, более или менее полно думы, чаяния, надежды, мечты народа, было проникнуто любовью к народу и к его светлому будущему. Это относится к творчеству Глинки и Мусоргского, Пушкина и Лермонтова, Репина и Сурикова, Шекспира и Гете, Леонардо да Винчи и Гюго и многих других корифеев реалистического искусства.

Бессмертные художественные образы, музыкальные мотивы, песни, мифы, сказки, легенды создавались народом в течение веков. Они вошли в классическое искусство целиком или подверглись дальнейшей художественной обработке, вдохновляя на создание великих произведений искусства. В силу этого великое искусство, так или иначе связанное с народом и народным творчеством, не может умереть, как не может умереть и сам народ.

Конечно, в классическом русском искусстве есть классовые различия. В нем представлено и искусство, выражающее взгляды, вкусы, настроения просвещенного дворянства и дворянских революционеров, и искусство революционных демократов — идеологов крестьянской революции, и творчество Толстого как своеобразное художественное отражение русской крестьянской революции; в конце XIX века выступил в литературе буревестник пролетарской революции А. М. Горький. И, несмотря на эти классовые различия, все передовое русское искусство было направлено против злейших врагов народа, против царизма и крепостничества. Поэтому русское классическое искусство близко и дорого народу, уничтожившему капитализм и создавшему социалистический общественный строй в своей стране.

Одной из важнейших причин длительной жизни классического искусства является то, что оно глубоко и правдиво отразило общественный строй, классовую борьбу, быт, нравы своей эпохи, наиболее выдающиеся события в жизни народа.

Реалистическое искусство, как и наука, дает нам познание действительности, истину, но в художественной форме. Энгельс писал о творчестве Бальзака, что он из его «Человеческой комедии» узнал об истории Франции, об изображенной им в галерее художественных образов эпохе больше, чем из всех исторических исследований того времени, вместе взятых. Это относится ко всему великому, передовому реалистическому искусству.

«...Если перед нами действительно великий художник, — писал Ленин

о Толстом, — то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях»¹.

Подлинный художник в художественных образах своих произведений всегда дает отражение типического — того, что с наибольшей полнотой выражает сущность данной социальной силы, сущность тех или иных социальных явлений.

Тов. Маленков, раскрывая проблему типического в искусстве, говорит: «Наши художники, литераторы, работники искусства в своей творческой работе по созданию художественных образов должны постоянно помнить, что типично не только то, что наиболее часто встречается, но то, что с наибольшей полнотой и заостренностью выражает сущность данной социальной силы. В марксистско-ленинском понимании типическое отнюдь не означает какое-то статистическое среднее. Типичность соответствует сущности данного социально-исторического явления, а не просто является наиболее распространенным, часто повторяющимся, обыденным. Сознательное преувеличение, заострение образа не исключает типичности, а полнее раскрывает и подчеркивает ее. Типическое есть основная сфера проявления партийности в реалистическом искусстве. Проблема типичности есть всегда проблема политическая»².

Таким образом, в художественных образах, выражающих типическое в общественной жизни, проявляется политическое отношение художника к действительности, к общественной жизни, к историческим событиям.

Классические произведения реалистического искусства дают типичное изображение действительности, наиболее характерных жизненных явлений своего времени. В силу этого классическое искусство сохраняет для нас свою познавательную ценность. «Илиада» и «Одиссея» раскрывают нам в художественных образах быт, нравы, взгляды, чувства, настроения людей античной эпохи. «Война и мир» Толстого дает художественные образы и картины периода Отечественной войны 1812 года.

Нередко великие художники прошлого, будучи реалистами, даже вопреки своему мировоззрению и политическим симпатиям, давали правдивую художественную картину той или иной эпохи.

Классическое искусство не просто правдиво отразило свою эпоху, а отразило ее в высокохудожественной форме. В нем идейное содержание и художественная форма даны в гармоническом единстве, образуя прекрасные творения, доставляющие нам величайшее эстетическое наслаждение, подлинную радость.

Тов. Жданов отмечал глубокую правоту А. Н. Серова, который говорил: «Над истинно-прекрасным в искусстве — время бессильно, — иначе бы не любовались ни Гомером, Данте и Шекспиром, ни Рафаэлем, Тицианом и Пуссеном, ни Палестриною, Генделем и Глюком...»³.

В великих произведениях классического искусства содержится немало общечеловеческого. Не противоречит ли признание наличия в подлинно передовом, реалистическом искусстве, в его великих произведениях элементов общечеловеческого, того, что волнует людей разных эпох, утверждению о классовости искусства и художественных взглядов? Нет, не противоречит. Об этом пишет Маркс в своем «Введении» к «К критике политической экономии», объясняя нам, почему древнегреческое искусство продолжает доставлять нам эстетическое наслаждение. Солнечная, светлая радость, безутешное горе матери, глубокое чувство любви, дружбы, дух борьбы против несправедливости, против зла, выраженные в поэзии, в музыке, в живописи, в скульптуре, при всех различиях присущи людям различных эпох.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 179.

² Г. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), стр. 73. 1952.

³ «Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б)», стр. 143—144. 1948.

Классическое искусство каждой эпохи, будучи порождением своей эпохи, представляет собой ступень в художественном развитии не только своего народа, но и всего человечества. В подлинно великих произведениях искусства, как и в науке, обнаруживается живой творческий гений народа. И. В. Сталин назвал великую русскую нацию нацией Ленина и Плеханова, Глинки и Чайковского, Репина и Сурикова. Великие представители русского искусства являются олицетворением творческого гения русской нации.

Ленин писал о творчестве Толстого: «...В его наследстве есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему. Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат»¹.

В великом реалистическом искусстве каждого народа содержится то, что принадлежит всему человечеству. СССР гордится тем, что его народы внесли свой великий вклад в сокровищницу мирового искусства. Социалистическое искусство, представляя собой принципиально новое явление в духовной жизни общества, высшую ступень в художественном развитии человечества, вместе с тем опирается на все великие достижения в области мирового искусства, критически осваивая их.

Коммунистическая партия, ее вожди Ленин и Сталин вели борьбу против пролеткультовцев, против рапповцев, против всех вульгаризаторов, наплевательски, анархически относившихся к великим завоеваниям человечества в области культуры, достигнутым в прошлые эпохи.

Партия решительно разоблачила махистско-богдановскую основу пролеткультовских и рапповских «теорий», глубоко враждебных советскому искусству. Борьба против антимарксистских нигилистических взглядов в эстетике является составной частью общей борьбы партии против формализма и натурализма, за социалистический реализм в искусстве и литературе.

Центральный Комитет партии в постановлении об опере «Великая дружба» В. Мурадели, подвергая критике формалистическое направление в советской музыке как явление, отражающее влияние буржуазной идеологии, буржуазной декадентской музыки, указывает на отрыв некоторых композиторов от художественного творчества народа, на забвение ими передовых традиций классической русской и мировой реалистической музыки.

«Попирая лучшие традиции русской и западной классической музыки, отвергая эти традиции, как якобы «устаревшие», «старомодные», «консервативные», высокомерно третируя композиторов, которые пытаются добросовестно осваивать и развивать приемы классической музыки, как сторонников «примитивного традиционализма» и «эпигонства», многие советские композиторы, в погоне за ложно понятым новаторством, оторвались в своей музыке от запросов и художественного вкуса советского народа, замкнулись в узком кругу специалистов и музыкальных гурманов, снизили высокую общественную роль музыки и сузили её значение, ограничив его удовлетворением извращенных вкусов эстетствующих индивидуалистов».

В этом же постановлении указывается на необходимость развивать в советской музыке реалистическое направление, основами которого являются «признание огромной прогрессивной роли классического наследства, в особенности традиций русской музыкальной школы, использование этого наследства и его дальнейшее развитие, сочетание в музыке высокой содержательности с художественным совершенством музыкальной формы, правдивость и реалистичность музыки, ее глубокая органическая связь с народом и его музыкальным и песенным творчеством, высокое профессиональное мастерство при одновременной простоте и доступности музыкальных произведений».

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 297.

Коммунистическая партия всегда требовала и требует от представителей советского искусства, чтобы они учились художественному мастерству у классиков русского и мирового искусства с тем, чтобы превзойти лучшие образцы искусства прошлого во всех отношениях.

Классическое искусство прошлого сохраняет для социалистического общества значение великого культурного наследия. Это наследие продолжает играть прогрессивную роль, и поэтому оно живет, сохраняется, поставлено на службу народу. Социалистическое общество, советский народ являются подлинным хранителем великого наследия прошлого, всех сокровищ, созданных человечеством.

«Не надо забывать, что СССР является сейчас подлинным хранителем общечеловеческой музыкальной культуры так же, как он во всех других отношениях является оплотом человеческой цивилизации и культуры против буржуазного распада и разложения культуры»¹, — говорил тов. А. А. Жданов.

Некоторые товарищи вульгарно восприняли и примитивно истолковали гениальное положение товарища Сталина о том, что надстройка ликвидируется, уничтожается, исчезает вместе со своим базисом. Это сталинское положение относится ко всей надстройке как к определенной системе реакционных политических, правовых и других взглядов и соответствующих им реакционных учреждений, ставших тормозом развития производительных сил общества.

История свидетельствует, что при революционных переворотах, ликвидирующих старую, реакционную надстройку, сохраняется известная преемственность в области передовых философских и в особенности художественных взглядов. При отсутствии этой преемственности не было бы художественного развития человечества на протяжении веков. Но разве эта преемственность, сохранение всего ценного, великого, гениального и прогрессивного в искусстве, опровергает его надстроечную природу? Конечно, нет.

Советский народ, руководимый партией Ленина — Сталина, критически осваивает культурное наследие всех народов, созданное в прошлые эпохи. Он отбирает все истинно гениальное и прекрасное, что может вдохновлять и сегодня советских людей на великие дела в различных областях деятельности, и отбрасывает все гнилое, реакционное, выражающее интересы эксплуататорских классов, — все то, что задерживает общественное развитие.

Беря из наследства прошлого все прекрасное, прогрессивное, великое, созданное творческим гением народов, следует иметь в виду, что новые эпохи, новые задачи всегда рожают новых героев, предъявляют новые требования к искусству, к художественному развитию общества. Классическое искусство прошлого, даже самые великие его творения, не дают ответа на современные вопросы, волнующие умы и чувства советских людей. Нам нужны свои великие произведения искусства, достойные сталинской эпохи, нам нужна своя, советская классика.

Большие задачи, стоящие перед советским искусством в период перехода от социализма к коммунизму, ясно указаны и сформулированы тов. Г. М. Маленковым в его докладе на XIX съезде партии: «Наша советская литература и искусство должны смело показывать жизненные противоречия и конфликты, уметь пользоваться оружием критики, как одним из действенных средств воспитания. Сила и значение реалистического искусства состоит в том, что оно может и должно выявлять и раскрывать высокие душевные качества и типичные положительные черты характера рядового человека, создавать его яркий художественный образ, достойный быть примером и предметом подражания для людей... Долг наших писателей, художников, композиторов, работников кинемато-

¹ «Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б)», стр. 147.

графии — глубже изучать жизнь советского общества, создавать крупные художественные произведения, достойные нашего великого народа»¹.

В этих положениях определено направление развития советского искусства, а также развития марксистской эстетики.

Социалистический общественный строй, руководство коммунистической партии, забота товарища Сталина о советском искусстве, о его творцах создают все возможности для беспримерного расцвета социалистического искусства. Деятели советского искусства уже создали немало выдающихся произведений, высоко оцененных народом, но жизнь, возрастающие художественные запросы советского народа предъявляют новые, еще более высокие требования к советскому искусству.

* * *

Итак, только материалистическое понимание искусства дает возможность научно понять законы его возникновения и развития, смену периодов его подъема, расцвета, упадка и нового подъема, весь сложный и противоречивый процесс прогрессивного, поступательного художественного развития человечества. Оно позволяет понять действительную роль искусства, борьбу его передовых и реакционных направлений, выражающих борьбу общественных классов, передовых и реакционных общественных сил.

Только материалистическое понимание искусства идейно, теоретически вооружает работников социалистического искусства, призванных отображать великую правду новой жизни, быть подлинными инженерами человеческих душ, активными строителями коммунистического общества, борцами за дело Ленина — Сталина.

Подводя итоги дискуссии по вопросу об отношении искусства к базису и надстройке, следует признать, что ее серьезным недостатком было то обстоятельство, что в обсуждении спорных вопросов не приняли участия специалисты — литературоведы и искусствоведы, работающие в области эстетики, а также видные деятели советского искусства. Их активное участие в дискуссии сделало бы ее более содержательной, интересной и плодотворной. Другим, не менее серьезным недостатком дискуссии было то, что в ней обсуждалась главным образом проблема об отношении искусства к базису и надстройке. Многие другие важнейшие вопросы марксистской эстетики, вытекающие из труда товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и из практики развития советского искусства, по существу остались в стороне.

Разработкой и освещением проблем марксистско-ленинской эстетики должны заниматься и литературно-художественные журналы, и журналы отдельных видов искусства («Театр», «Советская музыка», «Искусство» и др.), и, наконец, такие органы, как «Литературная газета» и газета «Советское искусство». Только дружными, совместными усилиями целого коллектива ученых, критиков, деятелей советского искусства можно двинуть вперед эстетическую науку. Глубокая разработка наиболее актуальных и сложных проблем марксистско-ленинской эстетики на основе исторических решений XIX съезда КПСС и гениальных трудов И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР» поможет деятелям советской литературы и искусства создавать великие произведения, достойные народа — творца коммунизма.

¹ Г. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), стр. 73—74.

Ответ академику В. А. Фоку

В своей статье В. А. Фок подвергает критике концепцию квантовых ансамблей, изложенную в моем курсе квантовой механики. Отвергая ее, В. А. Фок выдвигает понимание волновой функции как объективной характеристики отдельной микрочастицы (или системы взаимодействующих микрочастиц).

Понимание волновой функции как характеристики реального состояния отдельной микрочастицы при более внимательном рассмотрении оказывается прогрессом в сторону последовательной материалистической теории лишь на словах.

В настоящее время существуют две логически последовательные точки зрения на физическое содержание квантовой механики: идеалистическая концепция дополненности Н. Бора, исходящая из анализа измерительных возможностей наблюдателя, и материалистическая концепция квантовых ансамблей, положенная в основу моего курса квантовой механики.

Идея В. А. Фока есть неудачная попытка согласовать концепцию дополненности с материализмом.

Действительно, Н. Бор трактует волновую функцию как «запись сведений» об отдельной частице, В. А. Фок называет волновую функцию объективной характеристикой отдельной частицы. Однако, следуя В. А. Фоку, мы неминуемо должны признать непознаваемость такого «объективного» состояния, ибо принципиально нет никакого способа измерить волновую функцию одной частицы.

Производя измерение над одной частицей, можно лишь приписать ей волновую функцию и то не до опыта, а только после опыта, то есть тогда, когда состояние ее могло уже измениться.

Поэтому приписывание волновой функции отдельной частице возвращает нас к идеалистическому пониманию волновой функции как «записи сведений наблюдателя». От такой трактовки волновой функции В. А. Фок отказался. Это и понятно, так как она не может удовлетворить материалиста.

Далее. Понимание волновой функции как характеристики состояния отдельной частицы (или системы частиц) ведет к противоречиям при рассмотрении измерений, производимых в системе частиц. (Этот пункт имеет прямое отношение к так называемому «парадоксу» А. Эйнштейна.)

Рассмотрим подробно эту сторону дела. Допустим, что имеется система из двух частиц. Простоты ради положим, что они

взаимодействуют только при непосредственном сближении. До взаимодействия их волновая функция представляла собой произведение двух волновых пакетов:

$$\psi_0(x_1, x_2) = \psi(x_1) \varphi_0(x_2).$$

После взаимодействия и именно в силу этого взаимодействия волновая функция изменится и будет суммой подобных пакетов:

$$\psi(x_1, x_2) = \sum_n \psi_n(x_1) \varphi_n(x_2).$$

Мы можем считать, что импульсы частиц в начальном состоянии $\psi(x_1, x_2)$ нам известны, и их сумма пусть равна $p = p_1^0 + p_2^0$ (это возможно при широких пакетах).

Через продолжительное время мы убедимся, что различные пакеты пространственно разделятся и частицы между собой уже не будут взаимодействовать.

Если теперь измерить импульсы одной из частиц (p_1), то импульс второй будет также определен в силу закона сохранения импульса, а именно: $p_2 = p - p_1$. При этом никаких измерений над второй частицей не делается. В результате измерений исчезнут все «лишние» пакеты в написанной выше сумме, и волновая функция сведется к одному члену суммы:

$$\psi(x_1, x_2) = \psi_n(x_1) \varphi_n(x_2),$$

причем ψ_n означает состояние первой частицы с импульсом p_1 , а φ_n — состояние второй частицы с импульсом $p_2 = p - p_1$.

Мы видим, что состояние второй частицы меняется, несмотря на отсутствие каких-либо физических воздействий на нее (при измерении мы действовали лишь на первую частицу, а взаимодействие между частицами уже прекратилось).

В. А. Фок пытается обойти это противоречие, ссылаясь на «несводимость состояния сложной системы к состояниям ее составных частей». Однако эта ссылка не может быть применена к случаю отсутствия взаимодействия частей системы.

Если последовать за В. А. Фоком и считать, что вторая частица не имела до измерения определенного состояния, то все же получится, что в результате измерения, без физического воздействия, частица приходит в определенное состояние. Это противоречит материалистическому пониманию явлений природы. В. А. Фок, видимо, не замечает, что он продолжает оставаться на старой точке зрения, согласно которой волновая функция есть «запись

сведений наблюдателя», производящего измерения. С этой точки зрения, конечно, никакого парадокса в поведении второй частицы нет, так как изменились сведения, изменилась и запись их. Эта точка зрения по-своему последовательна, но последовательность эта — последовательность солипсиста.

Итак, по В. А. Фоку: а) объективное состояние отдельной частицы не может быть определено до опыта, а только после опыта; б) это состояние способно изменяться без каких-либо физических воздействий.

Ошибочность методологии В. А. Фока заключается в том, что он все время интересуется тем, что получается после измерений, в то время как материалист-естествоиспытателя должно интересоваться то, что было до измерений.

Мы хорошо знаем, что измерение меняет состояние атомных систем, но, ионизируя атомы, разбивая ядра, мы интересуемся тем, каковы они сами по себе, а не тем, чем они становятся после нашего, подчас грубого вмешательства.

С точки зрения материалиста-естествоиспытателя, необходимо искать такую характеристику явлений, которая присуща явлению сама по себе и не зависит от измерения (измерения могут и не производиться, а явление все же существует).

Концепция квантовых ансамблей исходит из признания объективного существования вещей и явлений.

В своем курсе я подчеркиваю, что состояние микрочастиц в квантовой механике характеризуется корпускулярными, притом классическими величинами, как то: энергия, импульс, координаты и т. п., которые фиксируются макроскопическими аппаратами или, общее, макроскопическими условиями (стр. 72). Следовательно, в определении состояния микрочастиц всегда участвует определенная макроскопическая обстановка, которая приводит к появлению частиц в некотором определенном состоянии (например, частиц с заданной энергией). В этой связи уже во введении к моему курсу подчеркивается специфичность метода квантовой механики.

На стр. 11 мы читаем: «Когда в квантовой механике говорят о воспроизведении микроявления, например о повторении одного и того же опыта, то имеют в виду воспроизведение макроскопических условий для микрофизического явления». Эта же сторона дела подробно рассмотрена в § 17 моего курса. Сейчас нет никакого другого пути к пониманию статистического характера микроявлений, кроме ясного представления того факта, что в квантовой механике мы описываем микроявление в его связи с

макроскопическими условиями (настоящей или генетической), сами же эти условия по самой своей сути характеризуются в квантовой механике огрубленно посредством классических величин.

Можно ли характеризовать микроявления нестатистически, в частности, можно ли ответить на вопросы: почему данный электрон упал в данное место фотопластинки, а не в иное? Почему данный радиоактивный атом распался именно в этот момент времени, а не в другой и т. д.

Ни один материалистически мыслящий физик не уйдет от этих вопросов и не успокоится, пока не будут даны положительные ответы на эти вопросы или не будет основательно объяснено, почему этот вопрос незаконен.

Вопросы подобного рода в концепции квантовых ансамблей отнюдь не считаются аргументами бессмысленными, хотя в настоящее время мы не имеем возможности ответить на них¹.

Итак, для концепции квантовых ансамблей характерно признание первостепенного значения связи микроявления с макроскопическими условиями. Эта черта концепции квантовых ансамблей полностью соответствует материализму, требующему не только признания объективности того или иного явления, но и рассмотрения его в неразрывной связи с окружающими явлениями, в его обусловленности от окружающих явлений.

Таким образом, объединение частиц в квантовый ансамбль совершается не «умозрительно», как это приписывает мне В. А. Фок, а по признаку связи частицы с одной и той же макроскопической обстановкой. Волновая функция (или их набор, точнее сказать, статистический оператор в случае смешанного ансамбля) определяет принадлежность

¹ Вопрос о так называемых «скрытых параметрах» не обсуждается в этой статье, поскольку В. А. Фок его не касался. Следует иметь в виду, что актуальная проблема теоретической физики не состоит непосредственно в отыскании «скрытых параметров», в частности, в решении вопроса о месте попадания электрона. Скорее она заключается в метрике малых масштабов времени и пространства — в проблеме структуры простейших частиц. Будет ли эта проблема решена на пути дальнейшего развития статистических методов, подобных квантовой механике (эти методы оказываются практически очень важными для изучения индивидуальных процессов), или решение ее будет связано с обнаружением «скрытых параметров» — это вопрос открытый, и предсказать пути его разрешения сейчас очень трудно. Существенно, что концепция квантовых ансамблей не осуждает ни того, ни другого пути.

частицы к определенным условиям макрообстановки, а совокупность частиц, принадлежащих к одной и той же макрообстановке, образует ансамбль чистый или смешанный. Это и есть определение квантового ансамбля. Поэтому никакого порочного круга в моих определениях нет. Значение макроскопической обстановки и, в частности, прибора разъяснено в § 17, который дополняет и развивает содержание § 14.

Мною подчеркивается, что квантовые ансамбли имеют объективное значение, а не возникают лишь в результате вмешательства наблюдателя, вооруженного измерительными приборами (стр. 57). Отсюда, естественно, возникает и задача установления характера ансамбля в том виде, в каком он существует сам по себе, независимо от наблюдателя, производящего измерения. Состояние частиц, в смысле их принадлежности к одному и тому же ансамблю, в принципе определимо (измеримо), причем оно определимо не после опыта (как считает В. А. Фок), а до опыта, то есть объективно, независимо от вмешательства экспериментатора.

Это утверждение не пустой домysel, что видно хотя бы из того, что по рассеянию рентгеновских лучей можно определить вероятность местонахождения электрона в атоме $w(x) = |\psi(x)|^2$. Если волновая функция $\psi(x)$ действительна, то этим самым найдено из опыта $\psi(x) = \sqrt{w(x)}$, то есть определено состояние электрона в атоме до опыта, существовавшее, стало быть, объективно, независимо от наблюдателя.

Для получения вероятности $w(x)$ надо воспроизвести рассеяние рентгеновских лучей на многих, независимых друг от друга атомах, что практически и делается при изучении рассеяния в газах. Иными словами, нужно иметь дело с ансамблем частиц, а не с одной частицей.

Ансамбль в рассматриваемом примере задается, как всегда, макроскопически, в данном случае температурой газа. Она должна быть достаточно низка, чтобы иметь возможность быть уверенным в том, что в ансамбле нет возбужденных атомов (иначе мы имели бы дело с более сложным, не с чистым, а со смешанным ансамблем).

Далее. Из спектроскопических данных известно, что атом находится в S — состоянии. Это гарантирует действительность волновой функции.

В случае, если волновая функция комплексна, возникает затруднение (отмеченное у меня в курсе): при измерениях в ансамбле определяется лишь модуль волновой функции, а ее фаза остается неопре-

деленной. В этой связи возникает задача (упомянутая и в статье В. А. Фока): по измеренным распределениям аппроксимировать волновую функцию. До сих пор эта задача еще не решена, но нет никаких оснований думать, что она неразрешима.

В частности, если измеряется не только плотность частиц, но и токи, то волновая функция полностью определяется. Во всяком случае, с точки зрения концепции квантовых ансамблей, нет принципиального затруднения для определения объективной характеристики состояния ансамбля (волновой функции или статистического оператора).

В концепции квантовых ансамблей получит объяснение и «парадокс» А. Эйнштейна.

В том случае, когда производится измерение над первой частицей и в результате измерения устанавливается, что ее импульс равен, например, p_1 , в силу сохранения импульса, второй импульс обязательно будет равен $p_2 = p^0_1 + p^0_2 - p_1$, где p^0_1 и p^0_2 — импульсы первой и второй частиц до взаимодействия. Таким образом, измерение выбирает из ансамбля частиц под ансамбль такой, что в нем импульсы частиц, которые мы называем «первыми», равны p_1 . Этим самым в силу законов сохранения автоматически отбираются «вторые» частицы с импульсом $p_2 = p^0_1 + p^0_2 - p_1$.

Самое же изменение импульса p^0_2 на p_2 происходит, конечно, не в результате измерения, а в результате взаимодействия «первых» и «вторых» частиц до измерения. Исчезновение «лишних» пакетов здесь не более парадоксально, чем различие между вероятностями до испытания и после него.

Обратимся теперь к вопросу о приборах, также затронутому в статье В. А. Фока.

Прежде всего следует еще раз подчеркнуть, что измерительный прибор есть лишь частный вид внешних макроусловий. Если эти условия меняются, то вместе с ними меняется и квантовый ансамбль (возникает новая волновая функция или новый статистический оператор). В частности, если эти макроусловия таковы, что в новом ансамбле происходит сортировка частиц по какому-либо признаку (например, по импульсу), то эти макроусловия являются измерительным прибором. Эта сортировка эквивалентна спектральному разложению волновой функции на компоненты, характеризующей исходный ансамбль. Поэтому в моем курсе измерительные приборы рассматриваются как спектральные анализаторы ансамбля.

В. А. Фок упрекает меня в том, что я говорю в своем курсе о приборах так же, как о системах отсчета.

В. А. Фок смешивает представление состояния квантового ансамбля по отношению к данному прибору с действием прибора на частицы ансамбля. Рассматривая приборы как системы отсчета, мы имеем в виду хорошо известную математическую эквивалентность разложений волновой функции по собственным функциям различных механических величин. Будучи математически равноправными, эти разложения физически означают различные представления, определенные по отношению к различным приборам.

Так как эти представления являются вращениями в пространстве Гильберта, то отсюда естественно рассматривать приборы как системы отсчета.

Представления волновой функции, взятые по отношению к различным приборам, совершенно эквивалентны; действия же приборов на ансамбль, разумеется, различны.

Когда мы даем то или иное спектральное разложение волновой функции, то речь идет только о математической операции, прибор же практически осуществляет только спектральное разложение.

Далее, В. А. Фок считает пороком концепции квантовых ансамблей то обстоятельство, что различные измерительные приборы приводят к разложению ансамбля по различным, иногда несовместимым признакам или, как он говорит, приводят к различным статистическим коллективам. Между тем, с моей точки зрения, невозможность разложить ансамбль одновременно по всем мыслимым признакам есть одна из важнейших черт квантового ансамбля.

Правильно, что квантовый ансамбль характеризуется не каким-либо одним распределением вероятностей, а волновой функцией или статистическим оператором. Но поскольку все вероятности в таком ансамбле предсказуемы, то это обстоятельство никакого внутреннего противоречия в концепцию ансамблей не вносит.

Можно провести параллель между квантовым ансамблем и классическим ансамблем Гиббса. В классическом ансамбле Гиббса физически независимые системы объединяются по признаку их связи с одним и тем же термостатом, который играет роль внешней, макроскопической обстановки.

Полная аналогия квантового ансамбля с ансамблем Гиббса нарушается как раз в том отношении, что в классическом ансамбле существует одно-единственное распределение вероятностей (и все другие к нему сводятся), поэтому такой ансамбль вполне характеризуется этим распределением вероятностей, в то время как в квантовом ансамбле одного такого распре-

деления вероятностей нет и вместо распределения вероятностей имеется другая математическая величина (статистический оператор), которая не менее полно характеризует квантовый ансамбль, нежели единственное распределение вероятностей в случае ансамбля Гиббса¹.

Волновая функция, общее, статистический оператор (или «квазивероятность») являются с точки зрения концепции квантовых ансамблей не вторичными, выводимыми из распределений, а первичными характеристиками квантового ансамбля.

Поэтому В. А. Фок совершенно незаконно навязывает концепции квантовых ансамблей в качестве первичного понятия понятие статистического коллектива измерений, производимых над отдельной частицей. В этой связи подчеркнем, что статистический коллектив таких измерений не может мыслиться без понятия квантового ансамбля, так как нельзя повторять измерения над одной и той же частицей.

Следует еще отметить, что утверждение В. А. Фока о том, что якобы со статистической точки зрения уровни энергии атомов принадлежат не отдельным атомам, а только «некоему статистическому ансамблю атомов», совершенно ни на чем не основано, так как состояния с определенной энергией означают состояния без статистической дисперсии по энергии и, следовательно, в любом индивидуальном случае приведут к одному и тому же значению энергии. Напомним, что подобные состояния как раз и получаются математически из требования равенства нулю дисперсии (см. мой курс, стр. 87). Существование подобных собственных состояний и позволяет статистическими методами изучать индивидуальные свойства микрообъектов.

Приведенное выше утверждение В. А. Фока основано на приписывании мне неслучайного допущения, будто бы закономерности квантовой механики возникают из объединения независимых объектов в один

¹ По вопросу о связи квантового и классического ансамбля см. работы: Я. П. Терлецкий, «ЖЭТФ», 7, 1290 (1937); Д. И. Блохинцев, «Journal of Phys. USSR», 2, 71 (1940); Д. И. Блохинцев и П. З. Немировский, там же, 3, 191 (1940). В этих работах было показано, что так же, как и в классической статистической физике, в квантовой области можно ввести функцию от импульсов и координат, аналогичную вероятности, обладающую многими общими с ней свойствами, но не совпадающими с обычным математическим понятием вероятности. Эта функция родственна статистическому оператору. См. также мой курс (стр. 163), где эта величина была названа «квазивероятностью».

«умозрительный» ансамбль. Как мы разъясняли выше, это объединение частиц в ансамбль происходит не умозрительно, а по признаку общей, одинаковой макроскопической обстановки.

В. А. Фок не раз употребляет термин «чисто статистическая точка зрения» применительно к концепции квантовых ансамблей. Это может навести на неверное понимание квантовой механики как особого статистического метода, в основе которого лежит механика Ньютона. На самом деле квантовая механика несовместима с механикой Ньютона и заключает в себе слитые воедино и новый метод описания статистических явлений и новый закон движения микрочастиц¹.

¹ В моем курсе (стр. 553) показано, что подтверждаемые опытом следствия квантовой механики несовместимы с представлением Ньютона о движении частицы по траектории.

С точки зрения концепции квантовых ансамблей, волновая функция² и является тем новым понятием, которое отображает сразу обе эти стороны. Вместе с тем она является объективной, но статистической характеристикой состояния микрочастиц в их связи с макроскопическими условиями.

Предложенное В. А. Фоком понимание волновой функции как характеристики отдельной частицы ведет к признанию непознаваемости состояния отдельных частиц до опыта и к допущению возможности беспричинных изменений их состояния.

Такое понимание физической теории несовместимо с материализмом и не может способствовать развитию науки о микроявлениях.

Д. И. БЛОХИНЦЕВ

² В общем случае статистический оператор, или «квазивероятность».

За диалектико-материалистическое понимание и развитие теории относительности

Дискуссия по теории относительности, начатая на страницах журнала «Вопросы философии», свидетельствует о большом интересе к этому вопросу со стороны как физиков, так и философов.

Задача этой дискуссии состоит, по нашему мнению, в том, чтобы, разобрав с позиций диалектического материализма философские и физические основы теории относительности, утвердить и принять в фонд науки все положительное, что дает эта теория, и отбросить те идеалистические наслоения, которые привносились при построении теории ее создателями и последователями. Необходимо проводить различие, как учит нас диалектический материализм, между результатами физического исследования, с одной стороны, и их интерпретацией и сделанными из них философскими выводами — с другой. Этим самым ставится цель оградить теорию относительности¹ как от идеалистов-релятивистов,

отрицающих объективную реальность пространства и времени и утверждающих, что теория эта все сводит к точке зрения наблюдателя и производимым им измерениям, так и от тех ее противников, которые считают эту теорию антинаучной. Это нужно сделать потому, что как те, так и другие своими ложными построениями затемняют истинный смысл теории относительности, объективно тормозят развитие науки.

Неудовлетворительность статьи Г. И. Нана² для решения указанной задачи уже отмечалась в ряде выступлений, опубликованных в первом и третьем номерах журнала «Вопросы философии» за 1952 год. К сожалению, и в этих выступлениях, по нашему мнению, не раскрывается последовательно-материалистическое понимание теории относительности.

В предлагаемой статье мы делаем попытку дать правильное, диалектико-материалистическое изложение сущности теории относительности и ее действительного научного содержания.

1

Диалектический материализм учит, что пространство и время являются всеобщими, коренными формами существования мате-

² См. журнал «Вопросы философии» № 2 за 1951 год.

¹ Для определенности отметим, что когда мы говорим о теории относительности, то имеем в виду учение о количественных пространственно-временных закономерностях движущихся тел, основанное на принципе относительности и принципе независимости скорости света от скорости движения источника. Под теорией же относительности Эйнштейна мы понимаем не только учение об этих количественных закономерностях, но и эйнштейновскую интерпретацию их.

рии. «В мире нет ничего, кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени»¹, — говорит Ленин. «...Обе эти формы существования материи без материи суть ничто, пустые представления, абстракции, существующие только в нашей голове»², — утверждает Энгельс. Эти формы бытия материи проявляются в протяженности тел и в длительности процессов, которые называются пространственно-временными свойствами тел. В отличие от других эти свойства, как и движение, являются основными, неотъемлемыми свойствами, выражающими сущность вещи.

Решая основной гносеологический вопрос о пространстве и времени признанием объективной реальности пространства и времени, диалектический материализм считает также, что пространственно-временные свойства, определяясь внутренним строением и связью тел с внешним миром, раскрываются в их отношениях с другими телами и что в силу исторических условий мы узнаем эти свойства ограниченно, относительно. А раз это так, то, следовательно, ни одно явление, ни одно свойство тела не может быть выявлено без рассмотрения отношения данного тела к другому. Свойства тела раскрываются только в отношениях — кинематических или динамических (через взаимодействия). Отсюда, конечно, не следует, что свойства порождаются отношениями, но выявиться они могут только через отношения. В зависимости от этих отношений они будут количественно разными (при кинематических отношениях) или качественно различными (при отношениях через взаимодействия).

Идеалисты, в том числе и Эйнштейн, отрицая объективность пространства и времени материи, считают, что пространственно-временные свойства тел *с о з д а ю т с я* в отношениях, возникают при измерении и являются результатом восприятий наблюдателя. А. Эддингтон прямо пишет: «Физическая величина есть прежде всего результат измерений и вычислений, — она будет, так сказать, *с ф а б р и к о в а н н о й* вещью, *с о з д а н н о й* нашими операциями»³. Подчеркивая ложность и идеалистичность такого взгляда, К. Маркс еще в «Капитале» указывал, что «свойства данной вещи не создаются ее отношением к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении...»⁴. В отличие от релятивистов

метафизики рассматривают пространство и время или в совершенном отрыве от материи или как такие формы материи, которые могут проявиться, могут быть познаны без всяких отношений, сами по себе (Ньютон). Такие представления «суть ничто, пустые представления, абстракции, существующие только в нашей голове».

Представления релятивистов и метафизиков о пространстве и времени неверны и не соответствуют природе вещей. Единственно правильным является представление диалектического материализма.

Когда мы изучаем пространственно-временные свойства тела в отношении с покоящимся относительно него другим телом, мы вскрываем одно выражение этих свойств; когда же эти свойства выявляются в отношении с движущимся телом, мы получаем другое их количественное выражение. К такому выводу мы неизбежно приходим при исследовании пространственно-временных свойств, исходя из представлений диалектического материализма. Это дает возможность раскрыть диалектико-материалистическое содержание теории относительности.

В самом деле, поскольку свойства тела (в том числе и его пространственно-временные свойства) раскрываются в отношениях, то для того, чтобы эти свойства выявить и установить объективные закономерности, определяющие их изменение при изменении отношений, необходимо правильно, то есть в соответствии с законами природы, приводить тела в отношения и, исходя из этих законов, а не иначе, отражать свойства в различных отношениях.

Изменяется или не изменяется количественно длина данного тела при изменении его отношения к другому телу, подвижному или неподвижному, может ответить только опыт, практика. Метод диалектического материализма требует лишь, чтобы установление этого проводилось на основе законов природы.

В механике Ньютона неявно считается, что пространственно-временные свойства тела проявляются в отношениях с другими телами, изменение взаимодействия между которыми распространяется с бесконечной скоростью, иначе говоря, эти свойства, согласно теории Ньютона, можно находить, используя сигналы, распространяющиеся с бесконечно большой скоростью. Так как такое выявление пространственно-временных свойств тела основано не на законе природы, то в результате в механике Ньютона получается, что пространство и время абсолютны и с материей не связаны.

В противоположность этому теория относительности, заимствуя из природы закон постоянства скорости передачи взаимодей-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 162.

² Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 187. 1949.

³ А. Эддингтон. Теория относительности, стр. 12. 1934.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 66.

ствия (скорости света) во всех инерциальных системах, использует его для приведения тел в отношения с целью выявления их пространственно-временных свойств. Поскольку этот закон является законом природы, постольку в этих отношениях мы получаем более правильные, по сравнению с ньютоновской механикой, отражения пространственно-временных свойств тел. В этом причина успеха теории относительности, которая благодаря правильному (основанному на законах природы) выявлению пространственно-временных свойств тел освободила физику от многих трудностей, поставивших в тупик классическую теорию.

Изменения пространственно-временных свойств тел при изменении внешних условий также вскрываются теорией относительности (в релятивистской динамике).

Однако заслугой теории относительности является то, что она, в отличие от ньютоновской физики, установила разные количественные проявления этих свойств и в кинематических отношениях, которые не связаны с силовыми взаимодействиями между телами. Этим она не кинематизировала физику, как думают многие¹, а углубила наши знания о пространстве и времени, ибо изменение пространственно-временных свойств тел при изменении силовых взаимодействий было известно еще в древности и получило количественное выражение в механике Ньютона.

Установив вследствие правильного приведения тел в отношения новые представления о пространстве и времени, теория относительности привела к новым, релятивистским, законам движения. Этим определяется ее основное содержание и тот вывод, что движущееся тело имеет меньшие размеры в отношении неподвижного тела:

$$l = l_0 \sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}},$$

а движущиеся часы идут медленнее в том

же отношении: $t_0 = t \sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}$. Таким

же образом надо понимать и изменение массы тела при его движении:

$$m = \frac{m_0}{\sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}}.$$

¹ См. статью Р. Я. Штейнмана в сборнике «Философские вопросы современной физики». Изд-во АН СССР. 1952.

Эти изменения длины, временной длительности процессов и массы движущегося тела вызваны не изменением силового взаимодействия (полей) между телами, как предполагает, например, Р. Я. Штейнман², а являются кинематическими изменениями, найденными теорией относительности благодаря тому, что она, в отличие от классической механики Ньютона, стала правильно, основываясь на законах природы, раскрывать пространственные и временные свойства тел.

Таково правильное истолкование тех закономерностей быстрых движений, которые вскрывает теория относительности.

Следовательно, вывод теории относительности о «сокращении длины» и «замедлении часов» не кажущийся и не является формально-математическим приемом, как считают многие, а отражает действительные отношения между вещами. Только при неправильном понимании этого возможны такие возражения, какие мы находим в статьях, помещенных в сборнике «Философские вопросы современной физики». «В зависимости от того,— пишет, например, И. В. Кузнецов,— к какой системе координат наблюдатель относит рассмотрение объекта, объект якобы будет обладать тем или иным значением длины, временной длительности, массы и т. п.»³. Подобное же высказывание мы находим в статье Р. Я. Штейнмана⁴. (Подробный разбор этих работ см. в § 6 настоящей статьи.)

Пространственно-временные свойства тела, будучи основными его свойствами, проявляют сами себя, обнаруживаются в отношениях, через взаимодействия, хотя и не порождаются этими отношениями. Они существуют, живут в отношениях и только в них и через них познаются, подобно тому, как «...материю и движение можно познать лишь путем изучения отдельных веществ и отдельных форм движения; и поскольку мы познаем последние, постольку мы познаем также и материю и движение как таковые»⁵, т. е. как объективно существующие материю и движение. Свойства тела проявляются во взаимоотношениях, во взаимосвязях с другими телами; однако нельзя противопоставлять взаимосвязь явлений их свойствам. Говорить о свойствах данного тела вне его отношений к другим телам значит ничего не сказать об этих свойствах, кроме признания

² См. сборник «Философские вопросы современной физики», стр. 234.

³ Там же, стр. 49.

⁴ См. там же, стр. 288.

⁵ Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 187.

принадлежности их данному телу. Это признание очень важно, однако оно может служить лишь правильным исходным пунктом для изучения свойств тела, но не выявляет их содержания.

2

Если придерживаться изложенного выше понимания учения о пространстве и времени в теории относительности, то невозможно признать правильным утверждение Минковского и его последователей о том, что «пространство само по себе и время само по себе должны обратиться в фикции»¹ и что только четырехмерное многообразие представляет действительность. Почему именно сохраняющиеся при переходе от одной системы координат к другой (при переходе от одного отношения к другому) величины являются действительными, а количественно или качественно меняющиеся в этих отношениях свойства тел не являются действительными? Для такого утверждения нет никаких оснований ни с точки зрения диалектического материализма, ни с точки зрения теории относительности. Теория относительности устанавливает здесь лишь то, что при переходе от одной системы координат к другой временные и пространственные интервалы изменяются, и притом так, что в особой комбинации (сумме) они дают величину не меняющуюся. Отсюда следует, что в различных отношениях при изменении величины длины данного тела изменяется и величина временного интервала, и так как при этом некоторая их комбинация инвариантна, то этим устанавливается связь между пространственными и временными свойствами. Установление этой связи является очень важным следствием теории относительности, однако оно не превращает в фикции или проекции на фиктивные пространственно-временные сетки² ни пространство, ни время. То, что пространственно-временной интервал является инвариантом, будучи следствием установленного теорией относительности изменения значений длительности и протяженности тела в различных его отношениях, отражая объективную действительность, имеет в физике прежде всего эвристическое значение, но совсем не умаляет действительности, ни пространства, ни времени в отдельности. Это подтверждают все исследования по теории относительности самого же Минковского.

Представление Минковского о четырехмерном, геометрическом пространственно-временном многообразии является лишь спосо-

бом изображения пространственных и временных интервалов при различных отношениях данного тела с другими телами, и поэтому нельзя утверждать, что этот всегонавсегда лишь способ изображения представляет собой основное содержание теории относительности и что задача дальнейшей разработки этой теории состоит якобы в развитии геометрических идей Минковского.

3

Несмотря на то, что геометрический способ изображения пространственных и временных свойств тела при его различных отношениях, предложенный Минковским, и помогает яснее представить себе результаты теории относительности, все же выводы теории относительности обычно трудно воспринимаются. Причина этого, на наш взгляд, состоит в следующем: из повседневного опыта мы знаем, что если тело A движется относительно тела B со скоростью

$\rightarrow V_1$, а само тело B движется относительно

тела C со скоростью $\rightarrow V_2$, то относительно последнего тело A движется со скоростью

$\rightarrow V_1 + \rightarrow V_2$. Скорость же света не удовлетво-

ряет этому повседневному для нас факту: как бы ни двигался относительно A источник B , скорость испускаемого им света относительно A равна c . Эта особенность скорости света, противоречащая всей нашей практике при анализе других (меньших) скоростей, и является причиной трудности понимания выводов теории относительности. Тот, кто критикует парадоксальные выводы теории относительности о пространстве и времени, но считает естественной отмеченную особенность скорости света, вступает в противоречие сам с собой: эти выводы необходимо связаны с постоянством скорости света — опытным фактом, который сам по себе парадоксален более всех выводов теории относительности. Однако «научная истина всегда парадоксальна, если судить о ней по повседневному опыту, который схватывает лишь обманчивую внешность вещей»³. Особенность скорости света, распространяющегося в пространстве и во времени, уже заключает в себе новые данные о пространстве и времени, обнаруживаемые в материальных процессах, изменяющихся с большими скоростями.

4

Теория относительности, как указывалось выше, раскрывает пространственные

¹ Сборник «Принцип относительности», стр. 181. ОНТИ. 1935.

² См. статью Я. П. Терлецкого в журнале «Вопросы философии» № 3 за 1952 год, стр. 193.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII, ч. I, стр. 124.

и временные свойства тела в его отношениях с другими телами. В этом состоит ее основное содержание. Для приведения же тел с указанной целью в отношения теории относительности использует опытный факт универсальности скорости распространения взаимодействий (скорости света). С этого момента теория относительности характеризует пространство и время только приблизительно, относительно, поскольку самый закон о постоянстве скорости света действует в природе лишь приблизительно, в предположении отсутствия вблизи данного тела других тел. В связи с этим в природе мы должны наблюдать (и действительно наблюдаем) отклонения от результатов, даваемых частной теорией относительности. В будущем, без сомнения, будет найден такой способ приведения тел в отношения, который более точно, чем «постоянство» скорости света, отразит действительные закономерности природы, и это даст возможность еще ближе, точнее узнать о пространственно-временных свойствах тел. Одна из задач дальнейшего развития теории относительности состоит именно в этом, а не в разработке геометрических идей Минковского.

Теория относительности в том ее понимании, как было изложено выше, вскрывает пространственно-временные свойства тел в их отношениях с другими телами и, давая приблизительные, относительные представления о пространстве и времени, является материалистической теорией. Однако при построении теории относительности Эйнштейн, интерпретируя эту теорию, внес такие представления о пространстве и времени, которые являются идеалистическими и потому должны быть отброшены. Критика этих представлений Эйнштейна с позиций диалектического материализма особенно необходима, так как он является одним из авторов теории относительности. Используя идеалистические философские выводы Эйнштейна о пространстве и времени, за созданную им теорию, как это отмечал еще Ленин, «ухватилась уже громадная масса представителей буржуазной интеллигенции», «громадное большинство модных философских направлений»¹.

Правильное понимание теории относительности показывает, что она не имеет ничего общего с идеалистическими представлениями Эйнштейна о пространстве и времени.

5

Изложенное выше понимание теории относительности ставит нас на твердую почву, дает возможность правильно объяснить

целый ряд выводов этой теории и указать на многие ошибки в статьях по этому вопросу, опубликованных в журнале «Вопросы философии» и в цитированном сборнике «Философские вопросы современной физики». Остановимся на некоторых из этих ошибок.

а) В статье «К вопросу о философской стороне теории относительности» В. Штерн, правильно отмечая, что признание относительности пространства и движения не означает отрицания объективной реальности, ставит вопрос о том, «совместимо ли отрицание абсолютного пространства и абсолютного движения с признанием объективной реальности»² и «не содержит ли и не должна ли содержать эта бесспорная относительность пространства и движения элемент абсолютного, не связана ли она неизбежно с существованием абсолютного пространства и абсолютного движения»? (стр. 177). На поставленные вопросы В. Штерн отвечает, что хотя «фактически невозможно указать систему отсчета, которая могла бы считаться абсолютной», но «все-таки утверждение, что нет абсолютного пространства и абсолютного движения, является... агностико-идеалистическим, релятивистским утверждением, которое в конце концов ведет к отрицанию объективной реальности пространства и научная несостоятельность которого может быть доказана» (там же). «Доказывает» это В. Штерн путем неправильного толкования ленинского философского учения о соотношении относительной и абсолютной истины. Он рассуждает так: «Узнать точнее явление обычно не означает ничего другого, как подойти ближе к его совершенному, абсолютному познанию, к абсолютной истине. Но нельзя подойти ближе к абсолютной истине, если она не существует» (стр. 178).

Ошибочность всех этих рассуждений В. Штерна о существовании абсолютного движения состоит в том, что он это абсолютное движение ищет не в том направлении, в каком следовало бы. Абсолютное движение, к познанию которого мы все время приближаемся через познание относительных движений, состоит не в движении относительно абсолютного пространства, а в относительных движениях относительно всех тел мира. Следовательно, мы достигаем познания абсолютного движения через знание относительных движений по отношению ко всем телам вселенной.

Таково правильное применение ленинского философского учения о соотношении

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 207, 202.

² Журнал «Вопросы философии» № 1 за 1952 год, стр. 175.

абсолютной и относительной истины. Только руководствуясь этим учением, мы получаем возможность правильно понять вопрос об абсолютном движении, как форме существования материи, проявляющемся через относительные движения тел. В. Штерн называет абсолютным движением движение относительно абсолютного пространства, т. е. относительно пространства бесконечной материальной вселенной. Он пишет, что отрицание этого абсолютного пространства «означало бы отрицание материальности мира, его объективного существования» (там же). Пространство бесконечной вселенной, несомненно, существует, но движение относительно этого пространства — абсолютное движение — есть движение относительно бесконечных элементов бесконечной вселенной. Движение же относительно бесконечного в том же смысле, как движение относительно конечного, сводит бесконечное к конечному, т. е. приводит к противоречию в самом понятии бесконечного и, следовательно, в таком смысле не существует. Таким образом, под абсолютным движением тела, в ленинском плане о соотношении относительной и абсолютной истины, надо понимать его движение относительно всех тел вселенной, а не движение относительно бесконечного пространства. Абсолютное движение тела A ,

двигающегося со скоростью V_1 относительно

тела B_1 , со скоростью V_2 относительно

тела B_2 , и т. д. со скоростью V_n относительно тела B_n состоит именно в этих относительных движениях относительно тел $B_1, B_2, \dots, B_n$, когда $n \rightarrow \infty$.

«Из суммы относительных истин в их развитии складывается абсолютная истина...»¹, — пишет В. И. Ленин.

б) Таким же путем, по нашему мнению, надо решать вопрос и об относительной и абсолютной траектории.

Путаница в этом вопросе существует страшная, хотя с точки зрения диалектического материализма, по нашему мнению, он решается элементарно. Эйнштейн пишет: «Не существует траектории самой по себе, но всякая траектория относится к определенному телу отсчета»².

Г. И. Наан считает, что «в данном пункте» Эйнштейн прав³.

А. А. Максимов, наоборот, утверждает, что «это рассуждение, преподносимое как

философский вывод о том, что нет никакой объективно данной траектории тела, существующей независимо от выбора той или иной системы координат, совершенно антинаучно»⁴. Г. А. Курсанов, соглашаясь с Максимовым и «развивая» его мысль, пишет: «Всякое материальное тело движется в реальном объективном пространстве, занимая в каждый данный момент времени вполне определенное место в данной точке пространства (и непрерывно выходя из нее), а не 5 или 12 различных точек. Следовательно, всякое материальное тело в своем движении в пространстве и времени имеет одну действительную траекторию, а не 5 или 12... Вполне определенная, т. е. единственная в объективном пространстве, траектория движущегося тела, как его объективное свойство, неизбежно обнаруживает себя в различных отношениях с другими движущимися телами (различные «траектории»)». В этом последнем, по Г. А. Курсанову, «состоит диалектика противоречивости движения материальных тел в пространстве и времени»⁵.

Вот несколько мнений по данному вопросу, и все разные.

Кто здесь прав? Это легко определить, если дать правильное, диалектико-материалистическое решение данного вопроса.

Движение, как и материя, объективно, т. е. независимо от нашего сознания; оно абсолютно, т. е. существует всегда и всюду, оно вечно и бесконечно. Но его объективность и абсолютность существуют в конкретно данных формах и в относительных движениях и вне их представляют собой пустые абстракции.

Также и траектория тела, как результат его движения, объективна, т. е. независима от нашего сознания, абсолютна, т. е. существует всегда при движении тела; но ее объективность и абсолютность существуют через конкретные формы траекторий относительно разных тел и вне этого являются отвлеченными абстракциями.

Траектория «сама по себе», траектория «вообще», «одна-единственная траектория» вне конкретных форм траекторий относительно разных тел — самая пустая и наиболее бездейственная абстракция. Но траектория «сама по себе», траектория «вообще» существует как выражение объективности траектории в виде конкретных форм разных траекторий.

Отсюда видно, что Эйнштейн был прав лишь наполовину: он прав, когда говорит, что всякая конкретная траектория относится к определенному телу отсчета, и не-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 295.

² А. Эйнштейн. О специальной и общей теории относительности, стр. 12. 1921.

³ Журнал «Вопросы философии» № 2 за 1951 год, стр. 73.

⁴ Журнал «Вопросы философии» № 3 за 1948 год, стр. 114.

⁵ Журнал «Вопросы философии» № 1 за 1952 год, стр. 170.

прав, когда отрицает траекторию «саму по себе», как выражение объективности траектории. Это последнее упускает из виду и Г. И. Наан.

А. А. Максимов допускает противоположную Эйнштейну ошибку, когда он утверждает о существовании «одной, определенной траектории», траектории «вообще», траектории «самой по себе», не зависимой от тела отсчета, отображением которой являются будто бы траектории, выраженные тем или иным уравнением.

Из приведенных цитат из статьи Г. А. Курсанова видно, что он так же неправ, как и Максимов. «Развитие» Курсановым мысли А. А. Максимова о траектории «вообще» грешит еще тем, что он говорит о каком-то объективном пространстве, не связанном с материей, в котором якобы движется всякое материальное тело, имея одну-единственную траекторию, т. е. он говорит о форме существования материи без материи, что, по Энгельсу, есть ничто, пустая абстракция.

в) Сходное с В. Штерном неправильное применение ленинского учения о соотношении абсолютной и относительной истины допускает в своей статье «За ленинское учение о движении» и Д. И. Блохинцев, когда он пишет, что «суть вопроса об абсолютном движении заключается в представлении о существовании выделенной инерциальной системы, независимо от ее природы (будь то эфир или что-нибудь другое)»¹. Абсолютное движение, по Д. И. Блохинцеву, — это движение относительно наиинерциальнейшей системы (что аналогично абсолютному пространству у В. Штерна), к установлению которой мы идем в процессе развития науки. Д. И. Блохинцев, так же как и В. Штерн², рассматривает абсолютное движение (движение относительно наиинерциальнейшей системы отсчета), как существующее наряду с относительным, а это неверно, ибо то абсолютное движение, проявляющееся в относительных движениях, о котором говорит диалектический материализм, как о форме существования материи, существует не наряду с относительным, а только через относительное: нет абсолютного движения вне относительного. Знать абсолютное движение тела значит знать его движение не относительно наиинерциальнейшей системы, а относительно всех тел. Только через движение относительно

всех тел раскрывается абсолютное движение тела.

г) Другую позицию в вопросе об относительном движении занял в своей статье Я. П. Терлецкий. Он пишет, что скорость тела и его траектория имеют различные значения и вид в зависимости от выбора системы отсчета: «Означает ли, однако, эта относительность скорости и траектории относительность движения вообще? Совершенно очевидно, что не означает. Движение материи абсолютно. Только в нашем сознании движение изолированных объектов может изображаться по-разному...»³. «Таким образом, движение материи абсолютно, но его отражение в нашем сознании относительно и в той или иной мере всегда зависит от избранной точки зрения»⁴. Прежде всего, так как «взаимное воздействие (тел.— И. Б.) друг на друга и есть именно движение»⁵, то понятие движения тела «вообще», безотносительно к другим телам, есть метафизическая абстракция. Ленин писал, что «для объективной диалектики в релятивном **есть** абсолютное»⁶ и, следовательно, вне относительного не существует и невозможно абсолютное. Абсолютное движение существует не вне относительного, а только в относительном и через относительное. Поэтому относительное движение — это не «отражение в нашем сознании» движения вообще, как думает Я. П. Терлецкий, считая относительное движение с у б ъ е к т и в н о й категорией, а выражение независимого от нашего сознания взаимного воздействия тел друг на друга. Во всяком относительном движении есть абсолютное движение.

Понимание Я. П. Терлецким движения вообще и относительного движения, изложенное выше, основано на его ошибочном, с нашей точки зрения, утверждении, будто под системой отсчета в теории относительности надо понимать не реальные тела, в отношениях с которыми и проявляются пространственно-временные свойства данного тела, а «воображаемые координатно-временные сетки», с которыми может быть «не связано ни одно реальное тело»⁷. Как же это можно отобразить пространственно-временные свойства данного тела в его отношениях (а только так эти свойства и можно раскрыть) с воображаемыми координатно-временными сетками,

¹ Журнал «Вопросы философии» № 1 за 1952 год, стр. 182.

² В. Штерн пишет, что «каждое движение относительно... Однако каждое движение является одновременно абсолютным движением, т. е. движением относительно абсолютного пространства» (там же, стр. 178).

³ Журнал «Вопросы философии» № 3 за 1952 год, стр. 195.

⁴ Там же, стр. 196.

⁵ Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 45. 1949.

⁶ «Философские тетради» В. И. Ленина, стр. 328. 1947.

⁷ См. журнал «Вопросы философии» № 3 за 1952 год, стр. 193.

если эти сетки, вообще говоря, не связаны с телами, т. е. не материальны?

Такие результаты у Я. П. Терлецкого получаются потому, что те пространственно-временные свойства у данного тела, которые раскрывает теория относительности и которые проявляются в отношениях с другими телами, он считает не реальными пространственно-временными свойствами данного тела, выраженными в его отношениях с другими телами, а проекциями реальных пространственно-временных величин этого тела на воображаемые, нематериальные координатно-временные сетки. У Я. П. Терлецкого выпала, таким образом, материальная основа теории относительности и получили чрезмерное преувеличение геометрические идеи Минковского, имеющие в действительности лишь пояснительный и учебный характер. Причиной такого положения является, по нашему мнению, следующая особенность теории относительности.

Частная теория относительности, выявляя пространственно-временные свойства тел в их отношениях с другими телами, использует при приведении тел в отношения закон природы об универсальности скорости света; при этом для теории совершенно несущественно, какова масса этих других тел и каково расстояние до них. Следовательно, в частной теории относительности влияние масс на пространственно-временные свойства не учитывается: пространственно-временные свойства тела A в его отношении с телом B ,

→

движущимся со скоростью V , будут те же, какова бы ни была масса тела B : m или $M \gg m$. Вот эта особенность (ограниченность) частной теории относительности и приводит к неправильному ее пониманию, когда утверждается, что пространственная протяженность и временная длительность в теории относительности представляют собой проекции реальных временной длительности и пространственной протяженности тела на воображаемые, нематериальные координатно-временные сетки, так как при этом считается, что масса другого тела не только может быть сколь угодно большой или сколь угодно малой, но даже и равной нулю. Однако этот переход к $m = 0$, выходя за рамки ограниченности частной теории относительности в вопросе неучета ею влияния массы тел на их пространственно-временные свойства, отнимает материальную основу у теории относительности, лишая ее всякого смысла.

сительности разбираются в статьях И. В. Кузнецова «Советская физика и диалектический материализм» и Р. Я. Штейнмана «За материалистическую теорию быстрых движений».

И. В. Кузнецов в своей статье совершенно правильно отмечает, что до сих пор остаются непреодоленными трудности с трактовкой закономерностей движения тел с большими скоростями и что разоблачение взглядов Эйнштейна на теорию относительности, а также выработка материалистического понимания закономерностей быстрых движений тел являются важнейшими задачами советских физиков и философов.

Причинами такого положения с теорией относительности являются, по нашему мнению, некритическое отношение к ней многих наших физиков и философов, абсолютизация выводов теории относительности, появление вредных работ легкого жанра, в которых теория относительности «обосновывается» или как революционизирующая все физическое мышление теория¹ или как лженаука, и отсутствие творческих работ по диалектико-материалистическому освещению содержания теории относительности.

В обеих статьях «Сборника» проводится критика и разоблачение эйнштейновского понимания теории относительности. В этом только и состоит их ценность. Что же касается позитивной части этих статей, то, как будет видно из дальнейшего, она ни-же всякой критики.

Каковы позиции И. В. Кузнецова в понимании теории относительности? Что он предлагает в своей статье?

Его статья заканчивается так: «Критикуя общеполитические идеалистические высказывания Эйнштейна, нередко говорят о необходимости сохранения теории относительности Эйнштейна как «физической теории». Из сказанного выше следует, что такой подход к эйнштейновской теории относительности неправилен... Только отказ от концепции Эйнштейна в целом, а не компромиссные решения и полумеры в отношении ее, позволяют... двинуть науку дальше» (стр. 72). В цитированной же книге «Принцип соответствия в современной физике и его философское значение» на стр. 23 и 24 тот же И. В. Кузнецов пишет: «Теория относительности А. Эйнштейна освободила физику от многих трудностей и противоречий, над преодолением которых безуспешно билась классическая теория. Она революционизировала все физическое мышление и в новом свете пред-

¹ См. И. В. Кузнецов. Принцип соответствия в современной физике и его философское значение, стр. 24. Гостехиздат. 1948.

ставила коренную проблему науки — проблему взаимосвязи пространства, времени и движения материи».

Сравнивая эти две оценки, мы видим, что И. В. Кузнецов не имеет твердой позиции в понимании теории относительности. Поэтому все его общеполитические рассуждения о том, что для понимания подлинной сущности законов какой-нибудь части явлений необходимо исходить из результатов исследования более общих закономерностей (см. стр. 57 «Сборника»), что «по-настоящему научная физическая теория — не внешнее описание явлений, а отображение закона, сущности в самих явлениях» (стр. 47), что все «вновь установленные физикой XX в. закономерности не являются обособленными и независимыми друг от друга. Они представляют собой систему количественно выраженных взаимосвязей между рядом различных явлений и сторон материальных объектов. Именно эта система законов, истолковываемая материалистически, и была подтверждена на опыте» (стр. 68) и т. д. — все эти рассуждения не имеют никакого действительного значения; более того, они даже вредны, ибо как в рассматриваемой статье, так и в книге «Принцип соответствия в современной физике и его философское значение» автор исходит из философии диалектического материализма, а получает совершенно противоположные выводы о теории относительности; создается впечатление, что марксистско-ленинская философия представляет собой не науку, а какую-то резину, из которой можно вытянуть все, что угодно. Что касается его фразы в последней цитате: «именно эта система законов, истолковываемая материалистически, и была подтверждена на опыте», то она совершенно неправильна, так как законы природы являются объективными законами и проявляются независимо от какого-либо их истолкования.

Для правильного, диалектико-материалистического понимания теории относительности И. В. Кузнецов, «исходя» из марксистско-ленинской философии, предлагает рассматривать движение тел «относительно целостной материальной системы, частью которой они являются и с которой они связаны реальными физическими связями, взаимодействиями» (стр. 58). Далее он пишет, что не во всех случаях «для расчета эффектов, связанных с быстрыми движениями, необходимо рассматривать движение тел только по отношению к целой системе, в которую они входят», что иногда можно «рассматривать их движение (и. — И. В.) по отношению друг к другу» (там же). Но если рассмот-

рение движения относительно целостной материальной системы «в корне подрывает утверждения релятивистов-эйнштейнцев об «обратимости» изменения пространственных и временных свойств материальных объектов и тем самым их отрицание объективно присущей материальным объектам количественной и качественной определенности» (там же), то как же тогда понять те случаи, когда можно «рассматривать их (тел. — И. В.) движение по отношению друг к другу»? Что же и кто же здесь-то будет в корне подрывать «утверждения релятивистов-эйнштейнцев об «обратимости» изменения пространственных и временных свойств материальных объектов»? Неужели все-таки в этом случае нужно поверить утверждениям релятивистов-эйнштейнцев о субъективном характере закономерностей природы? Так зачем же тогда нужна так называемая «целостная материальная система» и что это такое вообще?

На все эти вопросы мы не находим ответа в статье И. В. Кузнецова. «Целостная материальная система» — это очередной «вывод» (т. е. очередная путаница) Кузнецова из философии диалектического материализма для понимания теории относительности.

Статья Р. Я. Штейнмана ставит своей задачей «выявить сущность материалистического понимания закономерностей быстрых движений, противопоставить его эйнштейновскому, и показать реакционность и несостоятельность последнего» (стр. 236). Как выполнена автором эта задача, читатель сможет сейчас оценить.

Не считая введения («Постановка вопроса»), статья состоит из четырех разделов.

Первый раздел начинается с неправильного утверждения, будто «в основе теории относительности лежат лоренцевы уравнения преобразования, выражающие определенные соотношения между пространственными и временными величинами» (стр. 236). Говорить таким образом — это все равно, что утверждать, что в основе механики Ньютона лежат галилеевы преобразования, выражающие определенные соотношения между пространственными и временными величинами. Но хорошо известно, что это не так, что в основе механики Ньютона лежат законы Ньютона. То же относится и к лоренцевым преобразованиям. Они, как также хорошо известно, выводятся в теории относительности и, следовательно, являются следствиями основных положений этой теории. Такими положениями, лежащими в основе теории относительности, являются принцип относительности и принцип независимости скорости света от скорости движения источ-

ника. Лоренцевы же преобразования, базируясь на этих основных положениях, выражают представления теории относительности о пространстве и времени.

Отмечая далее, что представления теории относительности о пространстве и времени коренным образом отличаются от ньютоновских, автор подробно излагает эти последние, связывая их со взглядами Ньютона на материю, как на совокупность бескачественных, абсолютно неизменных атомов, разделенных пустотой.

Чтобы понять дальнейший ход развития физических идей, подтверждающих представления диалектического материализма о пространстве и времени, автор довольно подробно разбирает основные положения электронной теории. Он правильно и ясно излагает эти основные положения, если не считать некоторых ошибок физического характера, как, например, следующее утверждение: «неподвижный проводник, обтекаемый электрическим током, не действует на неподвижный заряд, так как вокруг проводника существует только магнитное поле... электрические же поля электронов проводимости и ионов решетки в проводнике компенсируют друг друга, поэтому вокруг проводника электрического поля нет» (стр. 258). Все это, конечно, неверно: вокруг неподвижного проводника с током существует не только магнитное, но и электрическое поле, и, следовательно, такой проводник, вопреки Р. Я. Штейнману, действует на неподвижный заряд. Однако, несмотря на такого рода утверждения, в целом эта часть статьи воспроизводит неплохую обзорную главу электронной теории. Следовало бы, по нашему мнению, закончить этот обзор словами: электронная теория Лоренца, при всех ее успехах, привела к нагромождению гипотез, из которых последняя (лоренцево сокращение) придумана только для того, чтобы объяснить, почему нельзя обнаружить неподвижный эфир.

Во втором разделе Штейнман пытается дать, как он говорит, материалистическую трактовку закономерностей быстрых движений, исходя из того, что в системе зарядов поле создается этими зарядами совместно. Из этого факта, а также из того, что при относительном движении тел связывающие их поля изменяются, Штейнман делает вывод об изменчивости размеров тел, длительности происходящих в них процессов и о зависимости их от скорости движения. «Изменчивость массы со скоростью, — пишет он, — с особой наглядностью вскрывает объективный характер этого явления как следствия изменения поля, связывающего движущуюся частицу с другими частицами» (стр. 274). В другом месте он утверждает: «Длительность цик-

ла должна изменяться при изменении внешних условий, в частности, скорости частицы» (стр. 269).

Прежде всего вопрос о том, должно или не должно меняться то или иное свойство тела при его движении относительно других тел, не может определяться только фактом изменения поля; известно, что ряд величин, и прежде всего самая близкая к полю величина — заряд тела, при этом действительно не меняется. Никаких доказательств того, что изменения величин, о которых говорит Штейнман, равны тому, что мы имеем на практике, в статье, конечно, нет. Тем не менее автор видит в своих утверждениях материалистическую трактовку теории относительности.

Как известно, полевую трактовку закономерностей быстрых движений тел выдвигал в свое время Лоренц, который, однако, потом от нее отказался.

Р. Я. Штейнман снова поднимает ее, модернизируя в направлении отказа от эфира Лоренца и учитывая, что поле — это не состояние эфира, а материальный объект, особый род материи.

Несмотря на эту модернизацию полевой трактовки закономерностей быстрых движений, она и в таком виде является несостоятельной, так как не может объяснить именно тех результатов, которые в соответствии с опытом, практикой дает теория относительности.

Если бы Штейнман был прав в своем утверждении, что изменения массы, временной длительности и сокращение длины тела, происходящие при его движении относительно других тел, и вскрываемые теорией относительности, были обусловлены изменением поля при движении, то вследствие непрерывного изменения при этом поля, связывающего два тела, длина, временная длительность и масса тела должны были бы также непрерывно меняться, т. е. зависеть от расстояния между телами. Ничего этого теория относительности не дает, не дает этого и опыт, практика.

Мы уже не говорим о том, что «материалистическая» трактовка Штейнманом закономерностей быстрых движений тел не дает возможности понять взаимность сокращений пространственных и временных интервалов, даваемых теорией относительности. Понимая, повидимому, это, автор на стр. 287—288 возражает против такого результата теории относительности, так как он противоречит его «материалистической» трактовке. «Согласно теории относительности, — пишет Штейнман, — движущееся тело изменяет свои размеры, темп происходящих в нем процессов, массу. Значит, принимая положение об обратимости, можно считать, что

Земля сплюсчивается относительно любого атома (хотя и по-разному), обладает различной массой относительно различных атомов и т. д.» (стр. 288).

К подобным выводам Штейнман приходит потому, что забывает главное: изменения длины, массы и длительности циклов у движущихся тел, вскрываемые теорией относительности, являются кинематическими, а не обусловленными взаимодействиями тел; в выражения для этих изменений поэтому не входит расстояние между телами, от которого зависят силовые взаимодействия и характер поля. Как будут зависеть длина тела и его масса от расстояния между телами и, следовательно, от изменения поля,— это совсем другой вопрос, который также решается теорией относительности в релятивистской динамике.

Мы видим, таким образом, что Штейнман пытается материалистически истолковать не теорию относительности и вскрываемые ею закономерности при быстрых движениях тел, а что-то совсем другое.

На стр. 283 Штейнман уверяет, что определение одновременности, данное Эйнштейном, является условным, ибо «на чем основана наша уверенность, что мы когда-либо не отыщем другой род сигналов, пригодных для определения одновременности, скорость которых будет отличаться от скорости света? Такой уверенности у нас нет и быть не может. Значит, может получиться так, что события, являющиеся одновременными при применении способа Эйнштейна, в один прекрасный день будут определены как неодновременные».

Мы считаем, что эти утверждения ошибочны. Наша уверенность, что определение одновременности, данное Эйнштейном, не является условным, а отражает действительность, основана на том, что это определение базируется на законе природы о независимости скорости света от движения источника. Никакой другой «род сигналов, пригодных для определения одновременности, скорость которых будет отличаться от скорости света», не может прийти в конфликт с этим законом природы, если этот род сигналов действительно пригоден для определения однове-

менности, то есть не выдуман, а взят из природы. Поэтому никогда не «может получиться так, что события, являющиеся одновременными при применении способа Эйнштейна, в один прекрасный день будут определены как неодновременные». Не может, поскольку одновременность у Эйнштейна определена, основываясь на законе природы! Лишь в том случае, если закон постоянства скорости света окажется приближенно отражающим природу, мы должны будем уточнить определение одновременности, данное Эйнштейном.

Штейнман делает правильный вывод, что теорию относительности ни в коем случае нельзя считать по всему ее содержанию лженаукой, а все ее конкретные положения ошибочными. Однако, так как его «материалистическая» трактовка теории относительности, как было показано, в действительности не относится к теории относительности, то ряд его выводов, основанных на этой трактовке, неверен.

Таким образом, статьи И. В. Кузнецова и Р. Я. Штейнмана по теории относительности не решают задачу материалистической трактовки закономерностей быстрых движений, вскрываемых теорией относительности. И. В. Кузнецов, не имея собственной позиции в понимании теории относительности, вводит непонятные «целостные системы». Штейнман же, допуская ряд физических ошибок, трактует о вещах, не имеющих отношения к теории относительности.

ВЫВОДЫ:

1. Теория относительности на основе закона природы об универсальности скорости света раскрывает пространственно-временные свойства тел в их отношениях с другими телами, устанавливая новые представления о пространстве и времени. Этим определяется ее основное содержание.

2. Философская интерпретация этого содержания теории относительности, даваемая Эйнштейном и его последователями, является идеалистической, реакционной и должна быть поэтому отброшена.

И. П. БАЗАРОВ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Выдающийся образец творческого марксизма

Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Том. I. Перевод с китайского. М. Издательство иностранной литературы. 1952. 534 стр.

Марксизм-ленинизм есть великое, непреодолимое учение, обновляющее мир. Это учение является теоретическим обобщением мирового революционного движения. Оно непрерывно обогащается новыми положениями, новыми формулами по мере развития освободительного движения.

Выдающимся образцом творческого применения основных положений марксистско-ленинского учения к решению конкретных вопросов освободительной борьбы является политика, стратегия и тактика Китайской коммунистической партии, которая свыше 30 лет ведет героическую борьбу за освобождение китайского народа, за прогрессивный путь развития. Под руководством Коммунистической партии китайский народ разорвал путы империалистического гнета, сбросил иго феодалов и монополистов, создал сильное народно-демократическое государство и успешно решает задачи хозяйственного строительства.

Во главе Коммунистической партии Китая стоит испытанный вождь китайского народа Мао Цзэ-дун, который является самым выдающимся представителем марксистско-ленинской мысли в Китае. В трудах Мао Цзэ-дуна нашел свое теоретическое воплощение и обобщение богатый и многогранный опыт Коммунистической партии Китая по руководству освободительным движением в стране.

Последовательно и неуклонно руководствуясь марксизмом-ленинизмом, творчески применяя марксистско-ленинское учение к решению конкретных вопросов китайской революции, Мао Цзэ-дун дал научное обоснование политической линии компартии Китая на разных этапах борьбы, научил партию менять тактику, формы и методы борьбы и выдвигать новые политические лозунги в зависимости от изменения исторических условий, указал китайскому народу самые эффективные пути завоевания свободы, вывел страну на путь прогрессивного развития.

Работы Мао Цзэ-дуна имеют большое международное значение. Для компартий тех стран, которые еще не добились свободы, особенно колониальных и зависимых стран, они являются примером творческого использования марксизма-ленинизма как могучего теоретического оружия в борьбе

за освобождение народов от ига империализма.

В настоящее время в Китае издается четырехтомное собрание избранных произведений Мао Цзэ-дуна, подготовленное комиссией ЦК компартии Китая и просмотренное автором. Первый том избранных произведений Мао Цзэ-дуна переведен на русский язык и издан советским Издательством иностранной литературы. В этот том включены произведения, относящиеся к периодам первой и второй гражданских революционных войн (март 1926 — июль 1937 года).

Произведения Мао Цзэ-дуна являются теоретическим обобщением опыта Китайской коммунистической партии за период, насыщенный богатейшими событиями; в них дан марксистско-ленинский анализ стратегии и тактики коммунистов в период подъема революции и в годы спада революционной волны и всесторонне освещается героическая работа партии по воспитанию масс, по укреплению связи с ними, по мобилизации китайских трудящихся на борьбу против империалистического и феодального гнета.

В своих произведениях Мао Цзэ-дун дал подлинно научные, марксистско-ленинские ответы на коренные вопросы политической жизни, выдвигаемые развитием революции, показал социальные корни оппортунизма и теоретическое убожество уклонистов всех мастей и обеспечил правильность политической линии компартии на разных этапах борьбы.

В книге рассматривается большое количество вопросов, связанных с деятельностью компартии Китая, но все они группируются вокруг основных четырех проблем, которые и представляют наибольший интерес: 1) определение стратегического этапа развития революции, раскрытие содержания китайской революции, ее особенностей и движущих сил, обоснование руководящей роли рабочего класса в демократической китайской революции; 2) определение политической линии и тактики Коммунистической партии Китая на различных этапах развития революции; 3) разработка военной стратегии и тактики; 4) разработка философских вопросов, являющихся теоретической основой политики Коммунистической партии.

Все эти вопросы представляли в период 1926—1937 годов наибольший интерес, так как они затрагивали самые важные, самые основные стороны деятельности Китайской компартии.

В связи с подъемом национально-освободительного движения вопросы революционной борьбы приобрели актуальное значение и встали в центре теоретической мысли марксистов. Ленин и Сталин разработали теорию революции в колониальных и зависимых странах в эпоху империализма, показали, что освободительное движение в колониях и полуколониях есть важная составная часть единого революционного процесса, направленного против империализма, ослабляющего капитализм в целом.

Ленин и Сталин предвидели мощный подъем революционного движения в Китае и уделяли вопросам китайской революции серьезное внимание. В своих работах товарищ Сталин раскрыл своеобразие революции в Китае и специфику в расстановке классовых сил, показал, что для понимания исторических процессов, происходящих в Китае, необходимо учитывать: а) полуколониальное положение Китая и финансово-экономическое господство империализма; б) гнет феодальных пережитков, усугубленный гнетом милитаризма и бюрократии; в) растущую революционную борьбу миллионных масс рабочих и крестьян против феодально-чиновничьего гнета, против милитаризма, против империализма; г) политическую слабость национальной буржуазии, ее зависимость от империализма, ее боязнь размаха революционного движения; д) растущую революционную активность пролетариата, рост его авторитета среди миллионных масс трудящихся; е) существование пролетарской диктатуры по соседству с Китаем.

Совокупность всех этих исторических, экономических и социальных факторов развития Китая определила характер китайской революции как революции буржуазно-демократической. Однако, указывает товарищ Сталин, специфика китайской революции состоит в том, что она своим острием направлена против империализма, т. е. носит по преимуществу антиимпериалистический характер. Таким образом, китайская буржуазно-демократическая революция есть революция антиимпериалистическая, антифеодальная.

Раскрыв значение антиимпериалистической борьбы в общей цепи общедемократического революционного процесса, товарищ Сталин вместе с тем доказал, что основным содержанием буржуазно-демократической революции в Китае является аграрная революция.

Показав слабость китайской национальной буржуазии, товарищ Сталин сформулировал важное положение о необходимости обеспечить гегемонию пролетариата, его руководящую роль в буржуазно-демократической революции.

Ленинско-сталинская теория империализма и теория национально-колониального вопроса, ленинско-сталинские положения о революциях в эпоху империализма являются

краеугольным камнем для определения политической линии коммунистических партий в угнетенных и зависимых странах.

В своих теоретических произведениях и в практической деятельности по руководству освободительным движением товарищ Мао Цзэ-дун последовательно и неуклонно руководствуется теорией марксизма-ленинизма, отстаивает и защищает ленинско-сталинские идеи о революции в колониях и полуколониях в эпоху империализма.

* * *

Важным вопросом в политической жизни Китая периода 1926—1937 годов был вопрос о характере революции, о расстановке классовых сил и взаимоотношениях между классами, о роли пролетариата в развертывающейся революции.

Руководствуясь теорией марксизма-ленинизма, Мао Цзэ-дун прежде всего определил специфику исторических и социальных условий дореволюционной жизни китайского общества и на этой основе в полном соответствии с марксизмом-ленинизмом сформулировал коренные стратегические задачи, стоящие перед китайским рабочим классом: ликвидация чужеземного империалистического гнета и завоевание национальной независимости, уничтожение феодализма, осуществление аграрной революции и завоевание демократических свобод.

«Китаю,— указывает Мао Цзэ-дун,— на-сущно необходима буржуазно-демократическая революция, и осуществить ее возможно только под руководством пролетариата» (стр. 100).

Определяя характер китайской революции как революции буржуазно-демократической, Мао Цзэ-дун вместе с тем в ряде своих произведений анализирует ее особенности, раскрывает ее специфику.

Марксизм-ленинизм учит, что национальная независимость является непременным условием прогрессивного развития всякого народа, поэтому борьба за национальную свободу, против чужеземных угнетателей является исходным пунктом освободительного движения в колониях и зависимых странах. Как известно, Китай был страной полуколониальной, зависимой, и вполне естественно, что острие революционного движения в Китае направлялось прежде всего против империализма, так как империалистический гнет задерживал и экономическое и политическое развитие страны, препятствовал ликвидации сохранившихся феодальных отношений. Успех борьбы против феодализма находился в прямой зависимости от успехов антиимпериалистического движения. Нельзя было уничтожить феодальный гнет, решить аграрный вопрос, завоевать демократические права и свободы, не уничтожив чужеземного империалистического ига, не добившись национальной независимости. Все эти обстоятельства делали вопросы борьбы против империализма самыми жгучими и злободневными вопросами китайской революции вплоть до ее победоносного развития в 1946—1949 годах.

Но антиимпериалистическая направленность китайской революции не только не отменяла ее основного содержания как революции аграрной, а, наоборот, была необходимой предпосылкой уничтожения феодально-помещичьего господства в деревне, демократического решения аграрного вопроса.

В своем «Докладе об обследовании крестьянского движения в провинции Хунань» Мао Цзэ-дун разъясняет и конкретизирует это положение: «Феодально-патриархальные тухао и лешэнь, бесчинствующие помещики — это основа абсолютизма, существовавшего на протяжении тысячелетий, опора империалистов, милитаристов и чиновников — казнокрадов и взяточников. Ниспровержение этих феодальных сил и является подлинной целью национальной революции» (стр. 41).

В ряде статей подробно и обстоятельно раскрывается неразрывная связь между антиимпериалистическим и антифеодальным потоками китайской революции и формулируется важное стратегическое положение:

«Главными нашими врагами в революционной войне в Китае являются империализм и феодальные силы» (стр. 326—327).

Китайская революция, которая решала общедемократические задачи, была шире обычной буржуазно-демократической революции; она разрушала цепи империализма, сковывавшие Китай, и тем самым ослабляла империализм в целом, расшатывала его позиции и потому явилась важным составным звеном мирового освободительного движения.

Рассмотрев историческую обстановку, сложившуюся в Китае, правильно определив стратегический этап развития революции и ее содержание, Мао Цзэ-дун разрешил и другие весьма важные для Китая теоретические вопросы — о расстановке классовых сил, о взаимоотношениях между классами, о роли пролетариата в китайской демократической революции.

В Китайской компартии в период первой гражданской революционной войны шла напряженная борьба по вопросу о расстановке классовых сил.

Правые оппортунисты во главе с Чэнь Ду-сю настаивали на сотрудничестве только с национальной буржуазией, с гоминданом и отрицательно относились к союзу с крестьянством, что неизбежно означало капитулянтство перед буржуазией, потерю самостоятельности рабочего класса в революции. Ясно, что подобная политическая линия неизбежно вела к поражению революции.

Сторонники «левого» уклона во главе с Чжан Го-тао, назойливо кричавшие о своей преданности рабочему классу, отрицали необходимость сотрудничества с национальной буржуазией и союза с крестьянством, что обрекало рабочий класс на одиночество, на изоляцию от его союзников. Совершенно ясно, что и эта политическая линия была пагубна для дела революции.

И правые и «левые» оппортунисты, игнорируя марксистско-ленинское положение о союзниках рабочего класса в демократиче-

ской революции, ослабляли тем самым рабочий класс, обрекали революцию на поражение. Вопрос о друзьях и врагах китайского рабочего класса приобрел первостепенное значение.

Как подлинный марксист, Мао Цзэ-дун учит правильно подходить к вопросу о союзниках пролетариата, в зависимости от конкретной исторической обстановки. С марксистско-ленинских позиций он подробно и обстоятельно анализирует экономическое положение классов в Китае, их отношение к революции. Анализу классовой структуры китайского общества специально посвящены две статьи: «О классах китайского общества», «Как определять классовую принадлежность в деревне».

Мао Цзэ-дун показал, что врагами китайского народа являются помещики и Compradorская буржуазия, которые защищают и отстаивают в Китае все отжившее, реакционное и одновременно являются настоящими вассалами международной буржуазии:

«Эти классы олицетворяют наиболее отсталые и наиболее реакционные производственные отношения и препятствуют развитию производительных сил Китая. Их интересы совершенно несовместимы с целями китайской революции. В особенности это относится к крупным помещикам и крупным Compradorам, которые всегда стоят на стороне империализма и являются крайне контрреволюционной силой» (стр. 16).

Политическими представителями помещиков и Compradorской буржуазии в то время выступали группка фашиствующих политиканов-националистов и правые гоминдановцы.

Важное место в структуре китайского общества занимала средняя, так называемая национальная буржуазия, которая олицетворяла собой капиталистические производственные отношения. В статьях дана глубокая характеристика поведения средней буржуазии, показаны ее колебания и политическая неустойчивость.

Испытывая на себе тяжкие удары иностранного капитала и гнет милитаристов, средняя буржуазия, с одной стороны, заинтересована в революции и относится одобрительно к революционному движению, направленному против империализма и милитаризма; с другой стороны, она боится отечественного пролетариата, боится революции и поэтому проявляет колебания. В зависимости от конкретной обстановки средняя буржуазия может поддержать революцию и отвернуться от нее.

Средняя буржуазия мечтает о «самостоятельной» революции, о создании собственного государства. «Ее политическая платформа, — говорится в статье «О классах китайского общества», — создание государства, в котором должен господствовать один класс — национальная буржуазия» (стр. 16). Однако в эпоху империализма, когда идет напряженная борьба между пролетариатом и монополистической буржуазией, надежды средней буржуазии создать свое «самостоятельное» государство

обречены на неудачу. Исторические события в Китае подтвердили правильность этого положения Мао Цзэ-дуна.

Раскрыв противоречивость поведения буржуазии, Мао Цзэ-дун определил отношение к ней рабочего класса, показал, что средняя буржуазия, и прежде всего ее левое крыло, может быть использована в борьбе против иностранных империалистов и их вассалов внутри страны.

К классу мелкой буржуазии Мао Цзэ-дун относит крестьян-собственников (т. е. крестьян, владеющих собственной землей), владельцев ремесленных предприятий, низший слой интеллигенции (студенчество, преподавателей средних и начальных школ, мелких чиновников, мелких служащих, мелких адвокатов, мелких торговцев). Для правильной политики пролетариата по отношению к разным представителям этого класса необходимо учитывать, что наиболее обеспеченная часть мелкой буржуазии представляет ее правое крыло, наименее обеспеченная часть мелкой буржуазии представляет левое крыло, а значительная прослойка мелкой буржуазии занимает среднюю позицию.

Затем в статье анализируется положение и поведение полупролетарских слоев населения, к числу которых Мао Цзэ-дун относит подавляющее большинство крестьян-полуарендаторов, крестьян-бедняков, мелких ремесленников, приказчиков, уличных торговцев.

Мао Цзэ-дун показал, что крестьяне-полуарендаторы и крестьяне-бедняки, которые подвергались беспощадной эксплуатации со стороны помещиков, заинтересованы в революции. При этом он специально подчеркивает, что «подавляющее большинство крестьян-полуарендаторов вместе с крестьянами-бедняками составляет огромную по численности массу. И то, что называется крестьянским вопросом, является в основном вопросом об этих слоях» (стр. 21). В книге убедительно и ярко показана также заинтересованность в революции полупролетариата города.

Большое внимание уделяет Мао Цзэ-дун пролетариату. В период, когда писалась статья «О классах китайского общества», численность пролетариата составляла всего около двух миллионов. Малочисленность промышленного пролетариата объяснялась экономической отсталостью страны. Подробно осветив экономическое положение пролетариата, Мао Цзэ-дун указывает, что хотя численность промышленного пролетариата и невелика, но он является самым прогрессивным классом современного Китая, руководящей силой революционного движения страны.

На основе глубокого, марксистско-ленинского анализа классовой структуры китайского общества Мао Цзэ-дун правильно определяет расстановку классовых сил в китайской революции, поведение классов и их взаимоотношения.

«Из всего сказанного выше,— пишет Мао Цзэ-дун,— видно, что все милитаристы, бюрократы, компрадо́ры и крупные помещики, стакнувшиеся с империалистами, а также

зависящая от них реакционная часть интеллигенции являются нашими врагами. Промышленный пролетариат — руководящая сила нашей революции. Весь полупролетариат и мелкая буржуазия являются нашими ближайшими друзьями» (стр. 26—27).

Мао Цзэ-дун обосновал возможность блока со средней буржуазией, особенно с ее левым крылом, указав при этом на необходимость всегда учитывать колебания средней буржуазии и не давать ей возможности дезорганизовать фронт революции.

Работа Мао Цзэ-дуна явилась мощным идейным ударом по правым и «левым» оппортунистам, раскрыла их теоретическую беспомощность и политическую близорукость, она давала правильную, марксистскую установку по вопросу о движущих силах китайской революции.

Великая историческая заслуга Мао Цзэ-дуна состоит в том, что он отстоял и конкретизировал марксистско-ленинское определение революции в Китае как революции буржуазно-демократической, по своему содержанию антиимпериалистической, антифеодальной, дал глубокий марксистский анализ расстановки классовых сил китайского общества, правильно решил вопрос о гегемонии пролетариата в демократической революции, о его союзниках в борьбе против империалистов, помещиков и компрадо́ров. Разработка всех этих вопросов сохраняет свое практически-политическое и теоретическое значение и для дальнейшего развития революционного национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах.

* * *

Марксизм-ленинизм учит, что политическая борьба рабочего класса подчиняется определенным законам и для достижения победы необходимо их знать и руководствоваться ими. При этом необходимо учитывать, что законы меняются, если изменяются условия, в которых развивается политическая борьба. Мао Цзэ-дун показывает, что игнорирование законов политической борьбы, кустарничество в политике, субъективизм и отсебятина в тактике неизбежно приводят к поражению революции.

Непременным условием победоносной революции является правильная политическая линия пролетариата, определяемая Коммунистической партией, точный учет национальных особенностей борьбы, быстрая и гибкая смена тактики, форм и методов борьбы в зависимости от изменения исторических условий, воспитание масс на собственном опыте, выдвижение лозунгов, точно отражающих потребности общественного развития, понятных массам, и т. д.

Коммунистическая партия Китая, руководимая Мао Цзэ-дуном, в совершенстве овладела сложным искусством политического руководства революционным движением масс. Стратегия и тактика Коммунистической партии Китая, разрабатываемые Мао Цзэ-дуном, являются подлинно марксистскими, они носят научный, творческий характер, отличаются необходимой для рево-

люционной партии гибкостью и в то же время глубокой принципиальностью.

В первом томе всесторонне и глубоко раскрывается политика и тактика компартии Китая в период первой и второй революционных гражданских войн и обосновывается необходимость изменения политики в связи с японской агрессией.

Как известно, китайская революция 1925—1927 годов началась как революция общенационального объединенного фронта, направленная главным образом против внешнего, империалистического гнета. Национальная буржуазия, поддерживая революцию, стремилась ограничить ее размах и добивалась прежде всего расширения территориальных завоеваний. Задача пролетариата состояла в том, чтобы использовать буржуазию в борьбе против иностранных империалистов, для завоевания национальной независимости, для уничтожения феодальных устоев и создания демократической республики. В этих целях было необходимо обеспечить гегемонию пролетариата в буржуазно-демократической революции, укрепить союз рабочего класса с крестьянством.

Этого важного марксистского положения не поняли правые оппортунисты во главе с Чэнь Ду-сю, которые заняли неправильную позицию и, по существу, оттолкнули главного союзника пролетариата — крестьянство, что привело к изоляции рабочего класса и в конечном счете — к поражению революции.

Во время похода национально-революционной армии из Гуандуна на север в 1926—1927 годах в южных провинциях Китая началось широкое движение крестьянских масс, началась аграрная революция. Национальная буржуазия испугалась размаха революции, встала на путь измены и вскоре перешла в лагерь контрреволюции. Начался поворот от революции общенационального фронта к революции аграрной, которая призвана была осуществить и нерешенные задачи антиимпериалистической революции. Не понимая сущности этого поворота и происходящих изменений в расстановке классовых сил, правые оппортунисты отвернулись от крестьянского движения и даже стремились всячески ограничить его, чтобы «не оттолкнуть» национальную буржуазию.

Мао Цзэ-дун решительно выступил против этой неправильной, оппортунистической установки. Он выехал в провинцию Хунань, где аграрное движение приняло особо широкий размах, изучил его на месте и сформулировал свои выводы в статье «Доклад об обследовании крестьянского движения в провинции Хунань», помещенной в первом томе. Историческое значение этой статьи состоит в том, что Мао Цзэ-дун, руководствуясь ленинско-сталинскими положениями о союзниках пролетариата, вопреки правым оппортунистам выдвигает идею всемерного развертывания аграрного движения, раскрывает великое революционизирующее значение этого движения.

Мао Цзэ-дун показал, что трудовое крестьянство представляет собой могучую революционную силу, которая под руковод-

ством пролетариата может иметь первостепенное значение. Аграрная революция, пишет он, подобна «урагану, перед которым все должно либо склониться, либо погибнуть» (стр. 38).

В статье убедительно показано антифеодальное содержание крестьянского движения, его подлинно народный характер:

«...Широкие крестьянские массы поднялись, чтобы выполнить свою историческую миссию; поднялись демократические силы деревни, чтобы свергнуть ее феодальные силы» (стр. 41).

Анализируя расстановку классовых сил в период широкого аграрного движения в провинции Хунань, Мао Цзэ-дун подчеркивает, что самым революционным элементом в деревне являются бедняки и что руководящее положение бедноты в крестьянских союзах есть важнейшее условие успеха революции: «Без бедняков («босяков», как их называют шэньши) революция в деревне никогда не могла бы получить нынешнего размаха; без них невозможно свергнуть тухао и лэшэнь и завершить демократическую революцию» (стр. 50).

На основе анализа крестьянского движения в провинции Хунань Мао Цзэ-дун приходит к выводу, что буржуазно-демократическая революция вступает в свою вторую фазу — фазу антифеодальной, аграрной борьбы, когда центр тяжести переносится на ликвидацию пережитков феодализма в стране.

Придавая первостепенное значение аграрному крестьянскому движению, видя в нем будущее революции, Мао Цзэ-дун как подлинный марксист призывает всех членов партии «как можно скорее пресечь всяческие рассуждения, направленные против крестьянского движения, как можно скорее исправить все ошибочные мероприятия революционных властей в отношении этого движения. Только так можно содействовать дальнейшему развертыванию революции. Ибо в настоящий момент подъем крестьянского движения приобретает величайшее значение. Пройдет очень немного времени — и во всех провинциях Центрального, Южного и Северного Китая поднимутся сотни миллионов крестьян; они будут стремительны и неодолимы, как ураган, и никакой силе их не сдержать» (стр. 36).

Мао Цзэ-дун решительно поддерживал крестьянское движение, он добивался, чтобы пролетариат возглавил его; однако правые оппортунисты, занимавшие в то время в партии руководящие посты, отказались признать точку зрения Мао Цзэ-дуна и продолжали настаивать на своих ошибочных взглядах, ослабляя тем самым партию, рабочий класс, его связи с крестьянством. Капитулянтская линия правых оппортунистов явилась одним из факторов, обусловивших поражение революции 1925—1927 годов.

После поражения революции обстановка в Китае существенным образом изменилась. Претерпела видоизменения и расстановка классовых сил. Перед Коммунистической партией вновь с исключительной остротой встал вопрос об определении поли-

тической линии, о тактике борьбы, об отношении к различным классам. Выработка правильной политической линии происходила в ожесточенной борьбе с различными оппортунистами.

Небольшая группка троцкистов, вопреки очевидным фактам, доказывала, что гоминдан якобы завершил буржуазно-демократическую революцию и теперь задача состоит в том, чтобы готовиться к революции социалистической. «Левые» оппортунисты в ЦК, не учитывая поражения революции, требовали немедленного революционного выступления в широком масштабе.

Правые оппортунисты, наоборот, считали, что поражение революции носит длительный характер, не верили в новый подъем и, по существу, впали в пессимизм и уныние.

Мао Цзэ-дун показал теоретическую несостоятельность оппортунистов всех мастей и обосновал политическую линию партии в новых исторических условиях, наметил новую тактику борьбы.

Критикуя никчемность, беспочвенность и лживость рассуждений троцкистов о завершении буржуазно-демократической революции, Мао Цзэ-дун убедительно показал, что задачи буржуазно-демократической революции остались неразрешенными, и китайский народ должен их разрешить.

«Программа последовательной демократической революции в Китае,— говорится в статье «Борьба в Цзинганшане»,— предусматривает: в области внешнеполитической — свержение господства империалистов и полное национальное освобождение; в области внутриполитической — ликвидацию компрадорской буржуазии в городе, завершение аграрной революции, уничтожение феодальных отношений в деревне и свержение правительства милитаристов. Только через такую демократическую революцию можно создать подлинную основу для перехода к социализму» (стр. 157).

В новых исторических условиях задачи буржуазно-демократической революции могли быть разрешены только рабочим классом в союзе с полупролетариями и мелкой буржуазией деревни и города при гегемонии рабочего класса. Соответственно расстановке классовых сил в период второй гражданской революционной войны Мао Цзэ-дун выдвигает новый политический лозунг — создание рабоче-крестьянской республики, выдвигает и отстаивает идею создания красной власти.

Такова была установка Коммунистической партии Китая на осуществление антимилитаристской, антифеодальной революции. Эта установка обеспечивала мобилизацию сил китайского народа на завоевание национальной независимости и демократических свобод.

Мао Цзэ-дун нанес также мощный идейный удар нытикам и пессимистам из лагеря правых оппортунистов, которые не верили в новый подъем революции, в близкую возможность уничтожения гнета феодалов и ига империалистов в Китае. Он показал, что, несмотря на неравномерность

развития революции в стране, несмотря на то, что революция состоит из приливов и отливов, из побед и поражений, она должна в конечном счете завершиться победой.

Твердой и непреклонной верой в революционные силы китайского народа, борющегося во главе с пролетариатом, проникнуты все произведения Мао Цзэ-дуна. Вождь китайских коммунистов не приходил в уныние от поражения, а делал из него необходимые выводы. Вопреки всем нытикам и маловедам он заявлял: «Что же является настоящей несокрушимой стеной, товарищи? Народ, многомиллионные массы народа, всем сердцем и всеми помыслами своими поддерживающие революцию. Это — настоящая несокрушимая стена, которую не разрушить никогда, не разрушить никакой силой. Контрреволюции нас не сломить, а мы ее сломим. Сплотив многомиллионные массы народа вокруг революционного правительства и развернув нашу революционную войну, мы сумеем полностью уничтожить контрреволюцию, сумеем освободить весь Китай» (стр. 254).

В обстановке поражения революции, в условиях жесточайшего белого террора Мао Цзэ-дун выступает со смелым предложением дальнейшего развертывания революции.

Учитывая необходимость существенных изменений в тактике борьбы в зависимости от изменившихся условий, Мао Цзэ-дун, творчески используя марксизм-ленинизм, обосновал новую тактическую линию компартии. Он предложил создать на территории страны опорные революционные базы — районы красной власти, которые явились бы центрами накопления и подготовки сил революции, центрами сплочения, мобилизации и воспитания народных масс в духе революции. Он предложил также начать переход от красногвардейских отрядов к созданию мощной Красной армии.

Мао Цзэ-дун создал вооруженный отряд, получивший название «Первая дивизия рабоче-крестьянской армии», пришел с этим отрядом в горы Цзинганшань и создал в конце 1927 года первый район красной власти. Весной 1928 года в Цзинганшань пришел отряд во главе с Чжу Дэ. Отряды Мао Цзэ-дуна и Чжу Дэ объединились и положили начало существованию китайской Красной армии.

Идеи Мао Цзэ-дуна о создании районов красной власти, о развитии и укреплении Красной армии, высказанные им в статьях «Почему в Китае может существовать красная власть», «Борьба в Цзинганшане» и др., отражали назревшие потребности освободительного движения в Китае и исходили из трезвого, научного анализа положения в стране.

Возможность возникновения, существования и развития районов красной власти в Китае, по мнению Мао Цзэ-дуна, определяется следующими условиями: 1) раздробленностью страны на замкнутые районы с сельскохозяйственной экономикой, 2) империалистической политикой раздела Китая на сферы влияния и, наконец, 3) разногласиями и войнами в лагере реакционеров.

Для существования и развития революционных баз требуется активность народных масс, крепкая партийная организация, достаточно мощная Красная армия, местность, удобная для ведения военных действий, минимум экономических ресурсов.

Мао Цзэ-дун доказал, что создание революционных баз поставит господствующую власть Китая перед лицом огромных трудностей, усилит внутреннее разложение старой власти, ускорит наступление революционного подъема во всей стране. «Только таким образом,— говорится в статье,— можно внушить революционно настроенным массам всей страны такую же веру, какую внушает Советский Союз всему миру» (стр. 195).

Под руководством Мао Цзэ-дуна, под знаменем создания рабоче-крестьянской республики, при правильной тактической ориентации — создание и укрепление революционных баз — развертывалась в Китае народная революция, возникали и расширялись районы красной власти, росла и мужала Красная армия.

В красных районах осуществлялась народная власть, класс помещиков был ликвидирован, земля передана крестьянам. Успехи в создании революционных баз позволили образовать Центральное народное правительство, которое возглавил Мао Цзэ-дун. Красная власть по своему классовому содержанию являлась диктатурой рабочего класса и крестьянства.

Гоминдановцы предпринимали несколько походов против красных районов, ставя своей целью ликвидировать революционные базы, уничтожить народную власть, сокрушить Красную армию, но все их походы один за другим проваливались.

Правильная политическая линия компартии, творчески найденная форма борьбы, форма объединения, воспитания и мобилизации народных масс — создание революционных баз и героическая организаторская работа партии, которая смело возглавила антиимпериалистическую, антифеодальную революцию, — все это обеспечило крупные победы китайского народа в борьбе за свободу. Эти победы были одержаны потому, что вождь Коммунистической партии Мао Цзэ-дун умело руководил революционной борьбой. В каждой конкретной обстановке он всегда правильно находил основное звено, за которое должна была ухватиться партия, чтобы решить стоящие перед ней задачи.

Тактическая линия создания, укрепления и развития революционных баз, оправдавшая себя и показавшая свою жизненность, подверглась нападкам со стороны «левых» оппортунистов во главе с Ли Ли-санем, которые одно время захватили руководство партией.

В 1930 году, когда был отбит третий поход гоминдановцев против Пограничного района (центральной революционной базы), лилисаневцы выдвинули авантюристический план немедленной организации вооруженного восстания во всех крупных городах Китая, требовали наступления молодой еще Красной армии на центральные города страны, заявляли, что китайская ре-

волюция вызовет мировую революцию и только при этом условии она может быть победоносной. Одновременно они выработали ряд левацких, авантюристических установок, которые неминуемо привели бы к поражению революционного движения.

Мао Цзэ-дун раскрыл авантюристический характер левацкой установки Ли Ли-сяня на немедленное вооруженное восстание в масштабе страны, показал ее вред. В сентябре 1930 года сторонники Ли Ли-сяня были смещены с руководящих постов, сам Ли Ли-сянь признал свои ошибки. После разгрома лилисаневцев сопротивление политике создания революционных баз стала оказывать группа новых «левых» уклонистов во главе с Чэнь Шао-юем (Ван Мином) и Цинь Бан-сянем (Бо Гу).

Объявив установки лилисаневцев право-оппортунистическими, они выдвинули новую политическую программу, которая фактически развивала лилисаневскую линию и обрекала революцию на поражение.

Эта линия, господствовавшая четыре года (1931—1935), нанесла партии и революции тяжелый ущерб: компартия потеряла около 90% своих членов, Красная армия потерпела ряд серьезных поражений и также значительно сократилась, территории революционных баз были утрачены, и десятки миллионов людей, живших в этих базах, подверглись жестокому террору со стороны гоминдановцев.

Неправильная политическая и тактическая установка «левых» авантюристов ослабила силы революции, затормозила ее развитие.

Ошибочная линия «левых» оппортунистов была разбита и осуждена на совещании партийного руководства в Цзуньи. Восторжествовала правильная, марксистская линия Мао Цзэ-дуна.

Огромное, поистине историческое значение теоретических трудов Мао Цзэ-дуна этого периода состоит в том, что он в новых исторических условиях выдвинул и обосновал новую политическую и тактическую линию Коммунистической партии Китая. В обстановке, когда национальная буржуазия изменила и в стране начался террор гоминдановцев, Мао Цзэ-дун правильно определил содержание революции, отстоял идею гегемонии рабочего класса в революции и укрепления союза пролетариата с крестьянством, выдвинул лозунг создания рабоче-крестьянской демократической республики и вооружил компартию новой тактической установкой, направленной на создание революционных баз в деревне. Исторический опыт показал правильность, жизненность политической линии, выработанной Мао Цзэ-дуном.

Когда же в связи с нападением японских империалистов на Китай международное и внутреннее положение страны изменилось существенным образом, Мао Цзэ-дун сформулировал новую политическую линию, которая полностью отвечала новым историческим условиям.

В соответствии с изменением исторической обстановки в Китае началась перегруппировка классовых сил, началась новая фаза развития революции. Угроза пол-

ной потери своей национальной независимости, угроза превращения Китая в колонию японских империалистов затрагивала интересы почти всех классов и слоев китайского общества. Перед страной встали общенациональные задачи, решение которых возможно только под руководством рабочего класса, при наличии правильной политической линии компартии. В этих условиях Мао Цзэ-дун правильно ставит и решает проблему внутренних и внешних противоречий в политической жизни Китая.

«...Противоречия между Китаем и Японией,— пишет он,— стали теперь главными, а внутренние противоречия заняли второстепенное, подчиненное место, в международных отношениях и во взаимоотношениях между классами внутри страны произошли изменения; эти изменения положили начало новому этапу развития современной обстановки» (стр. 449).

В новой исторической обстановке Коммунистическая партия Китая, вооруженная марксизмом-ленинизмом, руководимая Мао Цзэ-дуном, формулирует новую политическую и тактическую линию. Компартия четко формулирует основную задачу данной фазы развития революции — борьбу за национальную независимость, против японских империалистов и их пособников — компрадорской буржуазии и феодалов. Для решения этой задачи компартия стремилась объединить все патриотические силы страны и, последовательно осуществляя марксистско-ленинскую тактику единого фронта, выступила с лозунгом создания народной республики.

«Организовать многомиллионные народные массы, двинуть огромную революционную армию — вот что требуется сегодня для наступления революции на контрреволюцию,— учит Мао Цзэ-дун.— Только такая сила способна разгромить японский империализм и китайских национальных предателей; это — очевидная истина. А поэтому только тактика единого фронта и является марксистско-ленинской тактикой» (стр. 280—281).

Компартия Китая обратилась ко всем китайским гражданам, ко всем политическим партиям и группам, независимо от их прежних и нынешних политических убеждений и интересов, ко всем войсковым соединениям, независимо от того, ведут ли они сейчас войны между собой или нет, с призывом создать единый антияпонский национальный фронт. «Наш единый фронт,— указывает Мао Цзэ-дун,— охватывает буржуазию и всех тех, кто готов защищать свою родину; это единый фронт всей страны против внешнего врага. Выполнить задачу создания такого фронта не только необходимо, но и возможно» (стр. 450—451). Некоторые коммунисты высказывались против сотрудничества с национальной буржуазией в борьбе с японскими империалистами на том основании, что ее участие в этой борьбе временное. Мао Цзэ-дун показал, что отказ от сотрудничества с национальной буржуазией носит глубоко реакционный, по своей сущности троцкий характер, что этот отказ есть

проявление самого худшего рода сектантства и авантюризма, и еще раз напомнил ленинское указание о необходимости использовать для борьбы против врага все средства и силы, которые могут оказать помощь в этой борьбе.

Но установление сотрудничества пролетариата с буржуазией вовсе не означает отказа от самостоятельной позиции пролетариата в едином национальном фронте. Наоборот, учит Мао Цзэ-дун, успешное решение общенациональных задач возможно только в том случае, если пролетариат возьмет на себя руководство антияпонской борьбой, если он станет гегемоном в едином антияпонском национальном фронте. «В современной обстановке,— пишет он,— без политического руководства пролетариата и его партии не может быть создан единый антияпонский национальный фронт» (стр. 466).

«Это обстоятельство,— указывает далее Мао Цзэ-дун,— возлагает на пролетариат и его партию еще большую ответственность за политическое руководство. Взять на себя роль главного штаба войны против японских захватчиков за спасение родины — священный долг коммунистической партии, от которого она не вправе и не может отказываться» (стр. 466—467).

Таким образом, расстановка классовых сил в Китае в связи с агрессией японских империалистов существенно видоизменилась. Основными движущими силами революции попрежнему оставались рабочий класс и крестьянство, а широкие массы мелкой буржуазии города и революционной интеллигенции — их самыми надежными союзниками. После длительных колебаний к борьбе против японского империализма примкнула и средняя буржуазия, а впоследствии — даже и некоторые круги крупной буржуазии.

Изменение обстановки выдвигало необходимость определения основного звена в решении задач, встававших перед партией в новых исторических условиях, и в связи с этим замены устаревших лозунгов новыми лозунгами, соответствующими новым задачам революционного движения в стране.

Как известно, в период измены национальной буржуазии делу революции, когда движущими силами революции оставались только пролетариат, крестьянство и мелкая буржуазия города, Коммунистическая партия Китая выступила единственным организатором борьбы народных масс и выдвинула лозунг создания рабоче-крестьянской республики, который сыграл важную роль в сплочении и воспитании народных масс, в подготовке сил для нового революционного выступления. Он полностью отвечал потребностям исторического развития и правильно отражал сложившуюся расстановку классовых сил и закономерности развития революционного движения.

В новых исторических условиях, когда задачи борьбы против японского империализма стали центральными и для их решения необходимо было сплотить все патрио-

тические силы страны, лозунг создания рабоче-крестьянской республики уже не отвечал обстановке, не спланировал, а разъединял различные классы, боровшиеся против агрессоров, не укреплял, а ослаблял единый антияпонский национальный фронт.

Поэтому этот лозунг был снят и заменен другим лозунгом.

«Лозунг рабоче-крестьянской демократической республики,— пишет Мао Цзэ-дун,— был правильно выдвинут в прошлом и правильно снят в настоящее время» (стр. 464).

Творчески проанализировав сложившуюся историческую обстановку, Мао Цзэ-дун выдвинул и теоретически обосновал идею создания народной демократической республики, которая объединила бы все антиимпериалистические силы.

ЦК компартии указывает, что демократическая республика есть наиболее подходящий для единого фронта лозунг. Она может распространить свое влияние на более обширную территорию, чем режим демократической диктатуры рабочих и крестьян, и будет неизмеримо более прогрессивной системой управления, чем реакционный режим гоминдана, явится наилучшим способом сплочения всех антияпонских сил, сможет привлечь широчайшие народные массы к участию в политической жизни, поднять уровень их организованности и сознательности, создаст простор для свободной деятельности пролетариата и в виду всех этих причин будет представлять собой крупный шаг в демократическом развитии Китая.

«...Народная республика сбросит империалистический гнет и таким образом приведет Китай к свободе и независимости, сбросит помещичий гнет и таким образом избавит Китай от полуфеодальных порядков; а это отвечает интересам не только рабочих и крестьян, но и остальной части народа» (стр. 286).

Так творчески был решен вождем китайского народа вопрос о политической линии и тактике революционной борьбы в новых исторических условиях. В соответствии с этой установкой были переименованы районы красной власти и Красная армия.

Весьма важно отметить, что борьбу за национальное освобождение компартия неуклонно связывала с борьбой за демократические свободы, считая завоевание демократии главным звеном в общей цепи задач революции.

«В области политической,— пишет Мао Цзэ-дун,— завоевание демократических свобод является именно тем главным условием, которое обеспечит победу в войне с японскими захватчиками» (стр. 456).

Высоко подняв знамя антиимпериалистической, антифеодальной революции, Коммунистическая партия Китая связывала и связывает общедемократическую борьбу с социалистическими задачами пролетариата, указывая при этом, что демократическая революция пройдет несколько этапов развития и в ходе длительной борьбы в конечном счете перерастет в революцию социалистическую.

«Коммунисты,— говорил Мао Цзэ-дун,— отнюдь не отказываются от своих социалистических и коммунистических идеалов; пройдя через этап буржуазно-демократической революции, они придут к социалистическому и коммунистическому этапу» (стр. 461—462).

Коммунистическая партия Китая, поднимая народные массы страны на решение назревших политических и экономических задач, всегда связывала китайское освободительное движение с международным фронтом борьбы против реакции, всегда рассматривала китайскую революцию как составную часть единого мирового революционного процесса. Последовательно придерживаясь принципов пролетарского интернационализма, компартия непрерывно расширяла свои связи с братскими компартиями, и прежде всего с Коммунистической партией Советского Союза — «Ударной бригадой» международного революционного движения, она настойчиво боролась и борется за укрепление дружбы китайского народа с советским народом.

Мао Цзэ-дун настойчиво указывает, что китайскому народу в его освободительной борьбе «нужна помощь зарубежных народов и прежде всего помощь народов Советского Союза, и они, конечно, помогут нам, ибо мы связаны с ними узами кровных интересов» (стр. 290).

Политическая установка в антияпонской войне, сформулированная Мао Цзэ-дуном, легла в основу деятельности Коммунистической партии Китая и полностью оправдала себя.

* * *

Большое внимание уделяет Мао Цзэ-дун вопросам военной стратегии и тактики, которым посвящена специальная работа «Стратегические вопросы революционной войны в Китае». В этой работе обобщается опыт второй революционной гражданской войны, дается марксистский анализ сущности войн и раскрывается разница между войнами справедливыми и несправедливыми. Мао Цзэ-дун формулирует в этой работе законы революционной войны в Китае, с исключительной силой показывает неразрывную связь между сущностью войны, конкретными условиями ее развертывания и ее законами, раскрывая связь между стратегией и тактикой политической и военной и призывая командные кадры изучать общие законы войны и их конкретное проявление в ходе китайской революционной войны.

«...Мы должны изучать,— пишет Мао Цзэ-дун,— общие законы войны, должны изучать общие законы революционной войны и, наконец, должны изучать законы революционной войны в Китае» (стр. 308).

Исследуя специфические законы революционной войны в Китае, Мао Цзэ-дун учитывает прежде всего опыт гражданской войны в СССР: «Опыт этой гражданской войны, которой руководили Ленин и Сталин, имеет всемирное значение. Этот опыт и его теоретическое обобщение Лениным и Сталиным служат компасом

для всех коммунистических партий, в том числе и для Коммунистической партии Китая» (стр. 332).

Раскрывая огромное значение опыта гражданской войны в СССР для всех революционных войн, Мао Цзэ-дун одновременно предупреждает против опасности механического перенесения этого опыта в Китай и указывает на особенности революционной войны в Китае, которые необходимо учитывать, чтобы одержать победу. В соответствии с этими особенностями Мао Цзэ-дун сформулировал принципы стратегии и тактики второй революционной войны.

Политические, тактические и военные установки Мао Цзэ-дуна прошли суровую проверку истории, показали свою жизненность на различных этапах развития революции, обеспечили китайскому народу правильную линию поведения и позволили добиться победы.

Под знаменем творческого марксизма, руководимый героической партией коммунистов во главе с Мао Цзэ-дуном, китайский народ осуществил победоносную демократическую революцию, изгнал иностранных империалистов и завоевал национальную свободу, покончил с внутренней реакцией и добился широчайшего демократизма. Китайский народ создал свое независимое, свободное, народно-демократическое государство.

* * *

Правильная политическая тактика Коммунистической партии Китая складывалась в ходе ожесточенной борьбы с правыми и «левыми» уклонами на основе творческого применения марксизма-ленинизма к решению вопросов китайской революции, в процессе преодоления оппортунистических извращений марксистско-ленинской теории и попыток ее догматического применения.

Борьба против догматизма и эмпиризма в теории, против авантюризма и субъективизма в политике приобрела особую остроту в 1931—1934 годах.

В этот период в Коммунистической партии Китая была группа руководящих работников — приверженцев догматизма, которые долгое время отрицали опыт китайской революции, игнорировали указание основоположников марксистско-ленинской теории о том, что марксизм — это не догма, а руководство к действию, абсолютизировали отдельные фразы из марксистских произведений. Будучи оторванными от практической борьбы, эти талмудисты конструировали различные умозрительные, нежизненные политические схемы, которые они стремились навязать компартии как якобы марксистские. С другой стороны, в партии имелась другая группа работников — сторонники эмпиризма, — которые не понимали важности теории для революционной борьбы, абсолютизировали свой личный опыт, скользили по поверхности явлений, не видели и не могли видеть общей связи событий, плохо разбирались в их сущности, работали хотя и честно, но вслепую.

Эмпиризм и особенно догматизм явились методологической основой субъективистских ошибок в партии в 1931—1934 годах и нанесли серьезный ущерб революционному движению. Теоретический разгром эмпиризма и догматизма стал жизненной необходимостью: для того, чтобы полностью и творчески использовать могучее идейное оружие пролетариата — марксизм-ленинизм, надо было покончить с эмпиризмом и догматизмом в философии, с субъективизмом и авантюризмом в политике. Эта задача была блестяще выполнена Мао Цзэ-дуном в его работе «Относительно практики».

Выдающееся значение этой работы состоит в том, что Мао Цзэ-дун, рассматривая в ней коренные вопросы марксистско-ленинской теории познания, обнажил и подверг беспощадной критике гносеологические корни авантюризма и субъективизма в политике, показал, что правильная политика может строиться только на базе научного познания законов объективного мира, раскрыл диалектику процесса познания на основе обобщения опыта китайского освободительного движения.

Мао Цзэ-дун последовательно и глубоко развивает марксистско-ленинское положение о неразрывной, органической связи познания и действия, о том, что в основе всякого познания лежит практическая деятельность людей, общественная практика, которая является исходным пунктом процесса познания, критерием истинности наших знаний и в конечном счете целью познания.

Человек познает причинные связи внешнего мира в процессе материальной производственной деятельности, участвуя в политической борьбе, культурной жизни общества и т. д.

Марксистское понятие практики включает в себя всю совокупность и многогранность общественных отношений. В статье подробно и всесторонне рассматривается и развивается это важное положение марксистско-ленинской теории познания.

Далее Мао Цзэ-дун показывает, что непрерывное развитие общественной практики, движение общества от низших ступеней к высшим является материальной основой неуклонного углубления процесса познания от простого к сложному, от одностороннего к многостороннему. В частности, в статье раскрыты материальные и социальные причины ограниченности общественной науки до появления пролетариата. Эта ограниченность объясняется, с одной стороны, тем, что эксплуататорские классы в угоду своим классовым интересам извращали историю общества, а с другой стороны, узким масштабом производства, который ограничивал кругозор людей. С появлением крупной промышленности во много раз расширились и углубились представления людей о природе и обществе и появился современный пролетариат, класс, который заинтересован в безграничном расширении и углублении познания закономерностей исторического развития. Все эти обстоятельства позволили создать подлинно науч-

ное мировоззрение, подлинную науку об обществе — марксизм-ленинизм.

Раскрыв неразрывную связь процесса познания с общественной практикой, Мао Цзэ-дун затем показывает, каким образом из практики возникает человеческое познание, как познание воздействует на практику.

В статье показано, что исходным пунктом процесса познания является практика, опыт. «Познание начинается с опыта,— пишет Мао Цзэ-дун,— это и есть материализм теории познания» (стр. 518).

Первым шагом процесса познания является соприкосновение людей в ходе практической деятельности с предметами и явлениями, которые воспринимаются и отражаются органами чувств. Это ступень чувственного познания, когда у человека под влиянием внешнего воздействия возникают ощущения и представления. Сильная сторона чувственного познания состоит в том, что оно устанавливает прямую связь сознания с внешним миром, имеет силу непосредственного впечатления. Однако чувственное восприятие отражает лишь внешние стороны вещей и явлений, оно устанавливает лишь внешние связи между отдельными явлениями.

В статье приведен пример, который глубоко и ярко характеризует ступень чувственного познания. Пролетариат в начальный период своей общественной практики, когда он только складывался как класс, воспринимал и познавал лишь отдельные стороны и внешнюю связь различных явлений капитализма, поэтому рабочие, не понимая, кто является истинным виновником их тяжелого положения, разрушали машины, стихийно поднимались на борьбу за осуществление лишь частичных, временных требований.

Иначе говоря, чувственное познание, являясь первой ступенью процесса познания, является неполным, оно не может раскрыть закономерностей развития объективного мира, так как оно отражает только внешнюю, поверхностную сторону вещей и явлений. На этой ступени люди еще не могут выработать глубокие понятия, сделать логические выводы. Таким образом, чувственное восприятие является недостаточным, неполным. Развитие производственной деятельности, вся общественно-историческая практика порождает необходимость и создает возможность для перехода к новой ступени познания — к познанию логическому.

В статье подробно и всесторонне на конкретном материале китайской политической жизни рассматривается переход от чувственного познания к логическому, раскрывается значение теоретического мышления в жизни людей.

«Ощущение,— указывает Мао Цзэ-дун,— может разрешить лишь вопрос о внешних сторонах явлений, вопрос же о сущности решается только теоретическим мышлением» (стр. 511—512).

Мао Цзэ-дун придает большое значение логическому мышлению, показывает, что сила человеческого познания выражается в правильности логического мышления, ко-

торое в понятиях, суждениях и умозаключениях устанавливает внутреннюю связь вещей и явлений, раскрывает внутренние причины движения, отражает и формулирует законы развития объективного мира.

В статье подробно рассматривается и развивается марксистско-ленинское положение о том, что подлинная задача познания в том именно и состоит, чтобы от ощущений подняться до мышления, до уяснения внутренних противоречий объективно существующих вещей, явлений, до уяснения их закономерностей и внутренней связи между различными процессами, т. е. достигнуть логического познания.

«Логическое познание,— пишет Мао Цзэ-дун,— отличается от чувственного познания тем, что чувственное познание охватывает отдельные стороны вещей, явлений, внешние их стороны, внешнюю связь явлений, а логическое познание делает огромный шаг вперед, охватывая явление в целом, его сущность и внутреннюю связь явлений, поднимается до раскрытия внутренних противоречий окружающего мира и тем самым может постигнуть развитие окружающего мира во всей его целостности, с его всеобщими внутренними связями» (стр. 510—511).

Обосновав качественное различие между чувственным восприятием и логическим мышлением, Мао Цзэ-дун одновременно устанавливает их неразрывную связь, показывает, что чувственное и рациональное образуют две ступени единого процесса познания. «Чувственное и рациональное,— пишет Мао Цзэ-дун,— различны по своему характеру, однако они не оторваны друг от друга, а объединяются на базе практики» (стр. 511).

Опираясь на известное высказывание Ленина о том, что все научные абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее, Мао Цзэ-дун показывает поступательный характер процесса познания, качественные изменения в его развитии от чувственного познания к логическому и с исключительной глубиной раскрывает значение логического мышления для общественной жизни вообще и для руководства китайским освободительным движением в частности.

Статья является ярким образцом творческого, партийного изложения философских вопросов. Для Мао Цзэ-дуна категории теории познания не являются отвлеченными формулами. Он показывает, что эти формулы исполнены богатейшим жизненным содержанием, что они отражают человеческую практику и служат ей. Раскрыв огромное значение теоретического познания в общественной практике, Мао Цзэ-дун указывает, что для руководства китайским освободительным движением необходимо знать общие законы классовой борьбы и специфические условия китайской революционной борьбы. А для того, чтобы знать, необходимо учиться. В статье подвергаются суровой критике узколобые деятели, которых было немало в Китайской компартии, эмпирики, которые исходили только из опыта, отрицали значение теории, не хотели изучать законы общественного развития и

потому не могли охватить общей связи исторических событий.

«...Узколобые деляги,— указывает Мао Цзэ-дун,— ...преклоняются перед опытом и игнорируют теорию, вследствие чего не могут охватить объективный процесс в целом, им недостает ясности ориентировки, они лишены широкой перспективы, они упиваются своими случайными успехами и поверхностными представлениями. Если бы эти люди руководили революцией, они завели бы ее в тупик» (стр. 519).

Мао Цзэ-дун призывает китайских коммунистов учиться, овладевать знаниями, овладевать теорией.

«Если хочешь получить знания,— говорится в статье,— то участвуй в практике, изменяющей действительность... Если хочешь знать теорию и методы революции, то тебе нужно принять участие в революции» (стр. 513).

Эта формула своим острием направлена против догматиков, которые абсолютизируют отвлеченное знание, не умеют и не хотят связывать его с жизнью, с практикой борьбы, против сторонников отвлеченной, книжной мудрости. Как известно, догматики, имевшиеся в Китайской компартии, всячески стремились навязать партии политику и тактику, которые соответствовали бы их общим отвлеченным схемам и не учитывали реальные условия борьбы, расстановку классовых сил и соотношение между ними на данном этапе борьбы. Догматики в теории были субъективистами в вопросах политики. Они нанесли огромный ущерб китайскому освободительному движению. Мао Цзэ-дун разгромил теоретические и политические воззрения догматиков, показал пустоту и безжизненность их взглядов и свел на нет их влияние в партии.

Одновременно в статье критикуются сторонники «левого» фразерства, которые также являются догматиками, так как они отрывают теоретические положения от исторической обстановки, забегают вперед, выдвигают идеи, для осуществления которых еще не созрели условия, что неизбежно ведет к авантюризму в политике. Не щадит Мао Цзэ-дун и консерваторов в революционных рядах, чьи идеи отстают от движения истории и отражают вчерашние события.

Таким образом, в статье последовательно проводится, отстаивается и развивается важное марксистское положение об органической связи процесса познания с обществен-

ной практикой, с неразрывности знания и жизни, знания и действия, идет воинствующая борьба против разрыва субъективного и объективного, против теоретических воззрений «левых» и правых, ошибочных по содержанию, оторванных от практики.

Мао Цзэ-дун показал, что процесс отражения человеком объективного мира в классовом обществе носит классовый характер.

В полном соответствии с марксистско-ленинской теорией познания решает Мао Цзэ-дун и вопрос о целях познания и на конкретных примерах китайской революции показывает, что марксисты стремятся понять закономерности мира не только для того, чтобы объяснить его, но и для того, чтобы изменить, переделать объективную действительность. В ходе практической деятельности идет проверка истинности теоретических положений, правильных научных теорий.

В настоящее время ответственность за правильное познание мира и его преобразование возложена историей на плечи пролетариата и его партии.

В статье показано, что преобразование объективного мира сопровождается перевоспитанием человека, познающего и переделывающего мир. Мао Цзэ-дун показал, что процесс преобразования объективного мира и человека уже идет в СССР и на этот путь вступает Китай.

* * *

Творчески используя марксистско-ленинскую теорию познания, Мао Цзэ-дун установил единство конкретного знания и конкретного действия применительно к специфическим условиям китайской революции, показал образец того, как надо связывать теорию с решением конкретных вопросов революционной борьбы.

Победа китайской революции является новым торжеством марксизма-ленинизма. Она еще раз с новой силой подтвердила правильность и великую преобразующую силу марксистско-ленинской теории, ее роль в развитии человечества.

Труды Мао Цзэ-дуна являются выдающимся образцом творческого применения коренных положений марксизма-ленинизма к решению задач Китайской народной революции, теоретическим оружием в борьбе за строительство новой жизни в Китае, за торжество идей демократии, за мир во всем мире.

А. И. СОБОЛЕВ

НОВЫЕ книги

НОВЫЕ ТРУДЫ И. В. СТАЛИНА

И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. М. Госполитиздат. 95 стр.

И. Сталин. Речь на XIX съезде партии 14 октября 1952 г. М. Госполитиздат. 14 стр.

МАТЕРИАЛЫ XIX СЪЕЗДА ПАРТИИ

Г. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б) 5 октября 1952 г. М. Изд. «Правда», 87 стр.

Л. Берия. Речь на XIX съезде ВКП(б) 7 октября 1952 г. М. Госполитиздат. 30 стр.

Н. Булганин. Речь на XIX съезде ВКП(б) 8 октября 1952 г. М. Госполитиздат. 23 стр.

А. Микоян. Речь на XIX съезде ВКП(б) 9 октября 1952 г. М. Госполитиздат. 23 стр.

М. Сабуров. Доклад о директивах XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 гг. 8 октября 1952 г. М. Госполитиздат. 47 стр.

Н. Хрущев. Доклад XIX съезду партии об изменениях в Уставе ВКП(б) 10 октября 1952 г. М. Госполитиздат. 29 стр.

Директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы. М. Госполитиздат. 32 стр.

Устав Коммунистической партии Советского Союза (принят XIX съездом партии). М. Изд. «Правда». 24 стр.

Резолюции XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза. 5—14 октября 1952 г. М. Госполитиздат. 1952. 62 стр.

ФИЛОСОФСКАЯ ЛИТЕРАТУРА, ВЫШЕДШАЯ В 1952 ГОДУ

ЛИТЕРАТУРА О ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

В помощь пропагандисту

Аржанов М. О. О произведении В. И. Ленина «Государство и революция». М. Госполитиздат. 48 стр.

Белов П. О произведении В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». М. Госполитиздат. 140 стр.

Ильичев Л. О произведении Ф. Энгельса «Анти-Дюринг». М. Госполитиздат. 76 стр.

Кедров Б. О произведении Ф. Энгельса «Диалектика природы». М. Госполитиздат. 80 стр.

Корнеев М. Труд И. В. Сталина по языкознанию — ценнейший вклад в марксистско-ленинскую науку. М. Госполитиздат. 62 стр.

Леонтьев А. О произведении К. Маркса и Ф. Энгельса «Манифест Коммунистической партии». М. Госполитиздат. 56 стр.

Обичкин Г. Д. О произведении И. В. Сталина «Анархизм или социализм?». М. Госполитиздат. 40 стр.

Розенталь М. О произведении Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». М. Госполитиздат. 38 стр.

Слепов Л. О произведениях И. В. Сталина «Об основах ленинизма» и «К вопросам ленинизма». М. Госполитиздат. 32 стр.

Степанян Ц. А. О работе И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме». М. «Московский рабочий». 144 стр.

Таленский Н. О книге И. В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза». М. Госполитиздат. 40 стр.

Цамерян И. О произведениях И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос» и «Национальный вопрос и ленинизм». М. Госполитиздат. 1951. 32 стр.

Юдин П. Ф. О произведении И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». М. Госполитиздат. 44 стр.

Лекции

Абгарян В. А. О работе И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос». М. «Знание». 40 стр.

Александров Г. Ф. И. В. Сталин о марксизме как науке в трудах по вопросам языкознания. М. «Знание». 64 стр.

Андреев И. Д. Выдающееся произведение марксистско-ленинской философии (о труде И. В. Сталина «Анархизм или социализм?»). М. «Знание». 46 стр.

Гаврилов Б. А. О работе И. В. Сталина «Об основах ленинизма». М. «Знание». 48 стр.

Кружков В. С. О произведении И. В. Сталина «Анархизм или социализм?». М. «Знание». 32 стр.

Обичкин Г. Д. О «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. М. «Знание». 40 стр.

Островитянов К. В. Значение труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» для экономической науки. М. «Знание». 23 стр.

Черкашин П. П. Работа В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма». М. «Знание». 40 стр.

ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Александров Г. Ф. Труды И. В. Сталина о языкознании и вопросы исторического материализма. Академия наук СССР. Институт философии. М. Госполитиздат. 512 стр.

Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Выпуск 2. Ред. коллегия: И. Д. Андреев, Ф. В. Константинов, В. С. Молодцов, Д. М. Трошин, Д. И. Чесноков. Академия наук СССР. Институт философии. М. Изд. АН СССР. 318 стр.

Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. Ред. коллегия: академик Г. Ф. Александров, академик В. В. Виноградов, Г. Д. Санжеев, Б. А. Серебренников и Д. И. Чесноков. Академия наук СССР. Институт языкознания. Институт философии. М. Изд. АН СССР. 494 стр.

Галкин В. Возникновение и развитие социалистических наций в СССР. М. Госполитиздат. 112 стр.

Евстафьев Г. Н. Социалистическое соревнование — закономерность и движущая сила экономического развития советского общества. М. Госполитиздат. 344 стр.

Жирнов В. Развитие советской социалистической культуры. М. Госполитиздат. 160 стр.

Каммари М. Д. Марксизм-ленинизм о роли личности в истории. Академия наук СССР. Институт философии. М. Госполитиздат. 408 стр.

Мао Цзэ-дун. Избранные произведения (в 4 томах). Перевод с китайского. Т. 1. М. Изд. иностранной литературы. 534 стр.

Матюшкин Н. И. Советский патриотизм — могучая движущая сила социалистического общества. М. Госполитиздат. 395 стр.

Научная сессия Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), посвященная трудам И. В. Сталина и их значению в развитии общественных наук. Академия общественных наук при ЦК ВКП(б). М. Изд. АОН. 368 стр.

Научная конференция университетов и педагогических институтов, посвященная годовщине выхода в свет труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Доклады и сообщения. М. Московский Государственный университет имени М. В. Ломоносова. 276 стр.

О диалектическом материализме. Сборник статей. Академия наук СССР. Институт философии. М. Госполитиздат. 416 стр.

О советском патриотизме. Сборник статей. (Под ред. Н. П. Васильева и Ф. Д. Хрустова). 2-е доп. изд. Академия наук СССР. Институт философии. М. Госполитиздат. 515 стр.

Розенталь М. М. Марксистский диалектический метод. М. Госполитиздат. 348 стр.

Руткевич М. Н. Практика — основа познания и критерий истины. М. Госполитиздат. 242 стр.

Самедов В. Развитие И. В. Сталиным марксистско-ленинской теории в трудах о Великой Отечественной войне. Академия наук Азербайджанской ССР. Институт истории и философии. Баку. Изд. АН АзССР. 140 стр.

Степанян Ц. А. Развитие В. И. Лениным и И. В. Сталиным учения о социализме и коммунизме. Академия наук СССР. Институт философии. М. Изд. АН СССР. 482 стр.

Чесноков Д. И. Советское социалистическое государство. Академия наук СССР. Институт философии. М. Госполитиздат. 631 стр.

Чернов Ф. Ф. Советское социалистическое государство. М. Госполитиздат. 211 стр.

В помощь пропагандисту

Александров Г. Ф. И. В. Сталин о языке как общественном явлении. Академия наук СССР. Институт философии. Изд. АН СССР. 87 стр. (Научно-популярная серия).

Александров Г. Ф. Социализм — это мир и дружба между народами. М. «Московский рабочий». 56 стр.

Глезерман Г. Е. Марксизм-ленинизм о классах и классовой борьбе. М. «Советская наука». 44 стр.

Глезерман Г. Е. Социалистическое государство — главное орудие строительства коммунизма. М. «Молодая гвардия». 40 стр.

Иовчук М. Т. Борьба мнений и свобода критики — закон развития советской науки. Свердловск. Облгиз. 48 стр.

Соколов В. Диалектический материализм — мировоззрение марксистско-ленинской партии. Кемерово. Изд. «Кузбасс». 48 стр.

Лекции

Андреев И. Д. Условия материальной жизни общества. М. «Знание». 32 стр.

Богданов Б. А. Движение, изменение и развитие в природе и обществе. М. «Знание». 32 стр.

Зайцев Г. Г. Марксистско-ленинское учение о базисе и надстройке. Л. Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Ленинградское отделение. 31 стр.

Ковалев Е. Ф. Нерушимая дружба народов Советского Союза и Китая. М. «Знание». 31 стр.

Константинов Ф. Т. Строительство основ социализма в Болгарии. М. «Знание». 32 стр.

Кулагин П. В. В. И. Ленин и И. В. Сталин о познании как диалектическом процессе. Л. Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Ленинградское отделение. 44 стр.

Николаев В. В. Советское государство — политическая надстройка над социалистическим базисом. М. «Знание». 32 стр.

Рябушкин Н. В. И. В. Сталин о неодолимости нового в развитии. М. «Знание». 32 стр.

Рязанцев Н. И. О трех особенностях производства. М. «Знание». 32 стр.

Трошин Д. М. О коренной противоположности двух концепций развития. М. «Знание». 38 стр.

Федорова А. Т. Труд — как основа коммунистического воспитания молодежи. М. «Знание». 31 стр.

Царицын А. М. Диалектический материализм — философская основа пролетарского атеизма. М. «Знание». 31 стр.

Чесноков Д. И. Марксистско-ленинское учение о государстве, революции и диктатуре пролетариата. М. Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Кафедра диалектического и исторического материализма. М. Изд. ВПШ. 94 стр.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Аристотель. Аналитики первая и вторая. Перевод с греческого. Л. Госполитиздат. 438 стр.

Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. Под ред. Б. В. Томашевского и И. И. Любименко. Академия наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом). М.-Л. Изд. АН СССР. 570 стр.

Бланки Л. О. Избранные произведения. Перевод с французского и комментарии Ф. Б. Шуваевой. Вступительная статья В. П. Волгина. Академия наук СССР. М. Изд. АН СССР. 395 стр. Серия «Предшественники научного социализма».

Ботев Христо. Публицистика. Статьи, очерки, письма. Перевод с болгарского. Сост., перевод и примечания Д. Горбова. Вступительная статья Д. Заславского. М. Госполитиздат. 504 стр.

Ла Боэси, Этьен де. Рассуждения о добровольном рабстве. Перевод статьи и комментарии Ф. А. Коган-Бернштейн. (Академия наук СССР. Лит. памятники). М. Изд. АН СССР. 196 стр.

Добролюбов Н. А. Собрание сочинений. В 3 томах. Т. 2 Статьи и рецензии 1859 г. Подготовка и примечания М. С. Пенкина. М. Гослитиздат. 744 стр.

Добролюбов Н. А. Собрание сочинений. В 3 томах. Т. 3. Статьи и рецензии 1860—1861 гг. Подготовка и примечания В. Дорофеева. М. Гослитиздат. 744 стр.

Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. В 2 томах. Под общ. ред. и со вступит. статьей И. Я. Щипанова. М. Госполитиздат. Т. I. (Просветители: Н. Н. Поповский, А. А. Барсов, Д. С. Аничков, С. Е. Десницкий, И. А. Третьяков, А. М. Брянцев, А. А. Каверзнев, П. А. Словцов, Я. П. Козельский). 711 стр.

Из истории русской материалистической философии XVIII—XIX веков. Ученые записки. Вып. 15. Под ред. Г. С. Васецкого и М. И. Сидорова. Академия общественных наук при ЦК ВКП(б). Кафедра истории философии. М. Изд. АОН. 323 стр.

Из истории русской философии XVIII—XIX веков. Сборник статей. Отв. ред. И. Я. Щипанов. Московский Государственный ордена Ленина университет им. М. В. Ломоносова. Кафедра истории философии. М. Изд. МГУ. 317 стр.

Кружков В. С. Мировоззрение Н. А. Добролюбова. Академия наук СССР. Институт философии. М. Госполитиздат. 577 стр.

Макогоненко Г. П. Александр Николаевич Радищев. М. Госкультпросветиздат. 80 стр.

Морочник С. Б. Философские взгляды Омара Хайяма. Сталинабад. Таджикгосиздат. 66 стр.

Наследие Белинского. Сборник статей. М. «Советский писатель». 370 стр.

Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения (в 2 томах). Под общей редакцией М. Т. Иовчука и Н. Г. Тараканова. Том I. Академия наук СССР. Институт философии. Госполитиздат. 862 стр.

Орлов В. Л. Радищев и русская литература. Изд. 2-е, доп. Л. «Советский писатель». 245 стр.

Покровский В. С. История русской политической мысли. Вып. 2. М. Госюриздат. 86 стр. Вып. 3. М. Госюриздат. 76 стр.

Покровский В. С. Общественно-политические и правовые взгляды А. Н. Радищева. Киев. Изд. Государственного университета им. Т. Г. Шевченко. 202 стр.

Покровский С. А. Политические и правовые взгляды Чернышевского и Добролюбова. Академия наук СССР. Институт права. М. Изд. АН СССР. 379 стр.

Радищев А. Н. Избранные сочинения. Подготовка текста и вступительная статья Г. П. Макогоненко. М. Гослитиздат. 712 стр.

Радищев А. Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. Под общей редакцией и со вступительной статьей И. Я. Шипанова. (К 150-летию со дня смерти А. Н. Радищева (1802—1952)). Академия наук СССР. Институт философии. Московский ордена Ленина государственный университет имени М. В. Ломоносова. Кафедра истории русской философии. М. Госполитиздат. 675 стр.

Русские революционные демократы. Т. I. Ученые записки Ленинградского государственного ордена Ленина университета имени А. А. Жданова. № 158. Филологический факультет. Серия филологических наук. Вып. 17. Л. Изд. ЛГУ. 411 стр.

Сушко Н. Я. Развитие домарксистской материалистической философии в России. М. Военно-политическая академия имени В. И. Ленина. 101 стр.

Теряев Г. В. А. И. Герцен — великий русский мыслитель и революционный демократ. М. Госкультпросветиздат. 72 стр.

Чернышевская Н. М. Н. Г. Чернышевский в Саратове. Саратов. Облгиз. 199 стр.

Шмаков А. Радищев в Сибири. Иркутск. Облгиз. 100 стр.

Лекции

Брейдо И. С. Великий таджикский ученый Ибн-Сина (к 1000-летию со дня рождения). Ленинград. обл. отд. культпросветработы. Обл. лекц. бюро. 34 стр.

Васецкий Г. С. Философские взгляды М. В. Ломоносова. М. «Знание». 31 стр.

Вульфсон Г. и Бушканец Е. Революционные демократы и общественное движение в Казанском университете в период революционной ситуации (1859—1861 гг.). Гос. музей Татарской АССР. Казань. Татгосиздат. 39 стр.

Горынин В. Ф. Идеальный разгром В. И. Лениным реакционной философии махизма в произведении «Материализм и эмпириокритицизм». Л. Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Ленинградское отделение. 41 стр.

Кружков В. С. Общественно-политические и философские взгляды Н. А. Добролюбова. М. «Знание». 32 стр.

Омельченко К. К. Большевицкая печать в период столыпинской реакции. М. Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Кафедра журналистики. 39 стр.

Прокофьев В. И. Общественно-политические и философские взгляды Д. И. Писарева. М. «Знание». 31 стр.

Смирнова З. В. Общественно-политические и философские взгляды В. Г. Белинского. М. «Знание». 32 стр.

Токарев С. В. Развитие русской культуры и общественной мысли во второй половине XVIII века. М. Военно-полит. академия имени В. И. Ленина. 32 стр.

ФИЛОСОФИЯ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

Барабашев Н. П. Борьба с идеализмом в области космогонических и космологических гипотез. Харьков. Государственный университет имени А. М. Горького. 121 стр.

Жданов Ю. Воздействие человека на природные процессы. М. «Молодая гвардия». 64 стр.

Лепешинская О. Б. Развитие жизненных процессов в доклеточном периоде. М. Изд. АН СССР. 300 стр. (Научно-популярная серия).

Лысенко Т. Д. Стадийное развитие растений. Работы по теории стадийного развития и яровизации сельскохозяйственных растений. М. Сельхозгиз. 712 стр.

Райков Б. Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Материалы к истории эволюционной идеи в России. Том I (Ломоносов, Вольф, Каверзнев и др.). М.-Л. Изд. АН СССР. 472 стр.

Философские вопросы современной физики. Сборник статей. Ред. коллегия: А. А. Максимов, И. В. Кузнецов, Я. П. Теплецкий, Н. Ф. Овчинников. Академия наук СССР. Институт философии. М. Изд. АН СССР. 576 стр.

В помощь пропагандисту

Быков К. М. Учение И. П. Павлова и современное естествознание. М. Медгиз. 36 стр.

Ковда В. А. Великий план преобразования природы. Академия наук СССР. Комитет содействия строительству гидроэлектростанций, каналов и оросительных систем. М. Изд. АН СССР. 112 стр. (Научно-популярная серия).

Курсанов Г. А. Великий русский ученый материалист И. П. Павлов. Свердловск. Облгиз. 32 стр.

Щеглов В. П. Ломоносов и материалистическое естествознание. Ташкент. Изд. САГУ. 26 стр. (Научно-популярная серия).

НАУЧНО-АТЕИСТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА

В помощь пропагандисту

Амосов Н. К. Происхождение и классовая сущность христианства. М. Госкультпросветиздат. 63 стр.

Баскин М. П. Католицизм — враг науки. М. Госкультпросветиздат. 46 стр.

Вальдгард С. Наука против религии. М. «Московский рабочий». 132 стр.

Гантимуров В. С. Марксизм-ленинизм о религии. Изд. 2-е, перераб. и доп. Иркутск. Облгиз. 66 стр.

Колоницкий П. Ф. Мораль коммунистическая и мораль религиозная. М. «Молодая гвардия». 37 стр.

Павёлкин П. Религиозные суеверия и их вред. М. Госполитиздат. 164 стр.

Потёмкин И. Социальные корни и классовая сущность религии. Пенза. Облгиз. 49 стр.

Прокофьев В. И. Атеизм русских революционных демократов. М. Госполитиздат. 143 стр.

Прокофьев В. И. Великие русские ученые в борьбе с религиозными предрассудками. М. Госкультпросветиздат. 64 стр.

Прокофьев В. И. Мораль и религия. М. Госкультпросветиздат. 56 стр.

Соколов В. Г. Происхождение и реакционная сущность христианских праздников. М. Госкультпросветиздат. 55 стр.

Федулаев И. Н. Антинаучная и реакционная сущность религии. Вологда. Облгиз. 52 стр.

Шейнман М. М. Краткие очерки истории папства. Академия наук СССР. М. Изд. АН СССР. 190 стр. (Научно-популярная серия).

Эмме А. М. Наука и религия о возникновении жизни на Земле. М. Госполитиздат. 116 стр.

Лекции

Аристов Г. А. За материалистическое мировоззрение в астрономии. М. «Знание». 32 стр.

Каганов В. М. Мичуринская биология и ее роль в преодолении религиозных пережитков. М. «Знание». 32 стр.

Ковалев С. И. Происхождение и классовая сущность христианства. М. «Знание». 32 стр.

Некоторые вопросы научного атеизма. Сборник лекций. Респ. лекционное бюро. Улан-Удэ. Гос. Изд-во Бурят-Монгольской АССР. 135 стр.

Острянин Д. Ф. И. И. Мечников и его борьба против идеализма и религии. М. «Знание». 32 стр.

Петрушевский С. А. Учение И. П. Павлова — острое оружие в борьбе против идеализма и религии. М. «Знание». 32 стр.

Соколов В. Г. Происхождение и реакционная сущность религиозных обрядов и праздников. М. «Знание». 32 стр.

Соколов В. Г. Сектантство и его реакционная сущность. М. «Знание». 31 стр.

Федорович Н. В. Реакционная сущность религиозных праздников (Материалы к лекции). Л. Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Ленинградское отделение. 58 стр.

ЭТИКА. ВОПРОСЫ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ

В помощь пропагандисту

Болдырев Н. И. О моральном облике советского человека. М. Госкультпросветиздат. 56 стр.

Лифанов М. Советская семья. Л. Лениздат. 100 стр.

Шаров А. Д. О коммунистическом воспитании трудящихся. Киров. Облгиз. 188 стр.

Лекции

Додон Л. Л. О культуре поведения советского молодого человека. Л. Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Ленинградское отделение. 32 стр.

Каблуков А. Н. Защита Отечества — священный долг каждого гражданина СССР. М. «Знание». 32 стр.

Пчелинцев В. Н. О долге и мужестве советских людей. Л. Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Ленинградское отделение. 31 стр.

Слепов Л. Коммунистическое воспитание трудящихся и задачи идеологической работы парторганизаций. Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Кафедра партийного строительства. М. Изд. ВПШ. 39 стр.

ЭСТЕТИКА

Бакинский Виктор. Маяковский в борьбе за социалистический реализм (1918—1923). Л. «Советский писатель». 256 стр.

Герасимов А. М. За социалистический реализм. Сборник статей и докладов. М. Академия художеств СССР. 351 стр.

Песис Б. Французская прогрессивная литература в борьбе за мир и демократию. М. «Советский писатель». 178 стр.

Рыжкин И. Русское классическое музыкознание в борьбе против формализма. М.-Л. Музгиз. 1951. 152 стр.

П. И. Чайковский о народном и национальном элементе в музыке. Избранные отрывки из писем и статей. Составление, редакция и комментарии И. Ф. Кунина. М. Музгиз. 105 стр. (Русская классическая музыкальная критика).

Лекции

Абалкин Н. А. О творческом методе К. С. Станиславского. М. «Знание». 31 стр.

Благой Д. И. Национальные особенности русской литературы в свете трудов В. И. Ленина и И. В. Сталина. М. «Знание». 37 стр.

Борщук В. И. Роль В. И. Ленина в формировании мировоззрения и творческого метода М. Горького. М. «Знание». 40 стр.

Ломидзе Г. И. О социалистическом содержании и национальной форме литературы народов СССР. М. «Знание». 31 стр.

Писаревский Д. С. Советское искусство в борьбе за мир. М. «Знание». 32 стр.

Политыко Д. А. О значении советской литературы в коммунистическом воспитании трудящихся. Общество по распространению политических и научных знаний Белорусской ССР. Минск. Изд. АН БССР. 32 стр.

ЛОГИКА

Каландаришвили Г. М. Очерки по истории логики в Грузии (Материалы и опыт исследования). Академия наук Грузинской ССР. Институт философии. Тбилиси. Изд. АН Груз. ССР. 224 стр.

ПСИХОЛОГИЯ

Дискуссия на тему «Некоторые вопросы советской психологии» 8—10 апреля. Тезисы докладов. Академия наук Грузинской ССР. Тбилиси. Изд. АН Груз. ССР. 36 стр.

Егоров Т. Г. Психология. Учебное пособие для военных учебных заведений. Под ред. К. Н. Корнилова. Военно-педагогический ин-т Советской Армии. М. Воениздат. 205 стр.

Левитов Н. Д. Вопросы психологии характера. Академия педагогических наук РСФСР. Институт психологии. М. Изд. Акад. пед. наук РСФСР. 382 стр.

Смирнов А. А. Состояние психологии и ее перестройка на основе учения И. П. Павлова. Академия педагогических наук РСФСР. Институт психологии. М. Изд. Акад. пед. наук РСФСР. 63 стр.

Теплов Б. М. Об объективном методе в психологии. Академия педагогических наук РСФСР. Институт психологии. М. Изд. Акад. пед. наук РСФСР. 47 стр.

Учение И. П. Павлова и философские вопросы психологии. Сборник статей. Ред. коллегия: С. А. Петрушевский (отв. редактор), Н. Н. Ладыгина-Котс, Ф. Н. Шемякин, Е. В. Шорохова. Академия наук СССР. Институт философии. М. Изд. АН СССР. 474 стр.

Спиркин А. Г., Бруновт Е. П. и Марков Н. Г. Учение И. П. Павлова о сигнальных системах. Пособие для учителей. М. Учпедгиз. 39 стр.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Баскин М. П. Современная американская буржуазная социология на службе экспансионизма. Академия наук СССР. Институт философии. М. Изд. АН СССР. 195 стр.

Геевский И. Расистская политика американских империалистов. М. Госполитиздат. 168 стр.

Григорьян В. Правые социалисты — оруженосцы империализма. М. Госполитиздат. 79 стр.

Идеологи империалистической буржуазии — проповедники агрессии и войны. Сборник статей под редакцией А. Ф. Окулова, А. Н. Маслина и О. И. Саяпиной. Академия наук СССР. Институт философии. М. Госполитиздат. 341 стр.

Карманский П. Ватикан — вдохновитель мракобесия и мировой реакции. М. Госполитиздат. 64 стр.

Карпович Б. В. Идеологическая обработка солдат армий США и Англии. М. Воениздат. 64 стр.

Корсунский А. Немецкие правые социал-демократы на службе у американско-английских поджигателей войны. М. Госполитиздат. 188 стр.

Против буржуазных и правосоциалистических фальсификаторов марксизма. Сборник сокращенных переводов. Ред. и вступ. статья Т. И. Ойзермана и И. С. Нарского. М. Изд. иностранной литературы. 261 стр. (Прогрессивная философская мысль за рубежом).

Семенов Ю. Н. Фашистская геополитика на службе американского империализма. 2-е изд., перераб. М. Госполитиздат. 188 стр.

Шевкин В. С. Педагогика Д. Дьюи на службе современной американской реакции. М. Учпедгиз. 144 стр.

Лекции

Борисов Ю. В. В. И. Ленин и И. В. Сталин о реакционной сущности американского империализма. М. «Знание». 32 стр.

Возчиков М. С. Ватикан на службе американского империализма. М. «Знание». 31 стр.

Минаев В. Н. Фашистско-полицейский режим в Соединенных Штатах Америки. М. «Знание». 32 стр.

Пономарев Б. Н. Правые социалисты — агентура американских агрессоров. М. «Знание». 31 стр.

Изучение труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и исторических решений XIX съезда партии

Труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», его историческая речь на XIX съезде партии, решения и материалы XIX съезда широко обсуждались во всех философских научных учреждениях Москвы и на философских кафедрах Академии общественных наук при ЦК КПСС, Высшей партийной школы, Московского ордена Ленина Государственного университета имени Ломоносова и других высших учебных заведений.

* * *

В Институте философии Академии наук СССР с докладом о задачах советских философов в свете новых трудов И. В. Сталина и решений XIX съезда партии выступил академик Г. Ф. Александров. В своем докладе он охарактеризовал значение труда И. В. Сталина для дальнейшей разработки проблем диалектического и исторического материализма.

Г. Ф. Александров отметил, что советские философы допускают ошибки субъективно-идеалистического характера в работах по историческому материализму, мало работают над проблемами марксистско-ленинской теории познания. Подготовленные Институтом философии работы (учебник по диалектическому материализму, вышедший из печати сборник «О диалектическом материализме» и ряд других книг) страдают существенными недостатками.

Советские философы все еще уклоняются от исследования глубинных процессов развития советского общества, от творческого решения сложных проблем, нередко скользят по поверхности явлений, слабо развешивают критику и самокритику.

Примером глубокого творческого исследования законов развития общества являются труды И. В. Сталина.

Труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» дает програм-

му дальнейшей борьбы за построение коммунизма, а историческая речь вождя на XIX съезде партии намечает перспективы развития международного рабочего движения и борьбы братских коммунистических и рабочих партий за мир, демократию и социализм.

Опираясь на труды И. В. Сталина и решения XIX съезда партии, коллективы советских философов, работающие в Институте философии АН СССР и на философских кафедрах высших учебных заведений, должны создать научные труды, в которых получил бы глубокое, подлинно марксистское освещение вопрос об объективных законах развития природы и общества, особенно вопрос об объективных социологических и экономических законах развития социалистического общества. Г. Ф. Александров указал далее на ряд проблем, которые приобретают особую актуальность в свете труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

Советские философы должны развернуть наступление против волюнтаризма и агностицизма в современной буржуазной социологии, отвергающей объективный характер законов развития общества, и вообще против субъективно-идеалистического направления в философии и социологии. Необходимо повести самую решительную борьбу против субъективно-идеалистических ошибок в работах советских философов. (Докладчик привел примеры подобных ошибок). В связи с этим надо пересмотреть в свете новых трудов И. В. Сталина книги, выпущенные ранее советскими философами, вскрыть имеющиеся в них ошибки; необходимо создать новые работы, посвященные пропаганде идей, содержащихся в новых трудах И. В. Сталина и решениях XIX съезда.

Ф. В. Константинов говорил о задачах, стоящих перед журналом «Вопросы

философии» в связи с выходом в свет нового труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и решениями XIX съезда партии. Труд И. В. Сталина представляет собой образец творческого применения и дальнейшего развития диалектического и исторического материализма. Это произведение определяет содержание нашей научной работы в области философии, в том числе и задачи журнала «Вопросы философии». Советские философы должны разоблачать идеализм не только в области философии, но вторгаться и в другие науки, чтобы бить идеализм повсюду, где он находит себе лазейку.

Но в первую очередь нам необходимо подвергнуть критике ошибки идеалистического и метафизического характера, которые были допущены философами в некоторых книгах, а также и в некоторых статьях, печатавшихся на страницах журнала «Вопросы философии».

Многие философы и экономисты допустили ошибку, рассматривая планирование как экономический закон социалистического общества. В книге «Исторический материализм» при общей правильной характеристике законов развития социалистического общества как объективных законов содержится неправильная формулировка, в которой сказано, что планирование якобы «имеет силу экономического закона».

Некоторые философы, исходя из правильного положения о решающей роли партии и Советского государства, о решающей роли политики в развитии нашего общества, пришли к глубоко ошибочному заключению, что открытый Марксом закон «общественное бытие определяет общественное сознание» якобы утратил свою силу в советском обществе. В этом духе трактовалась проблема первенства политики над экономикой, как будто марксистское положение об определяющей роли базиса по отношению к надстройке в наших условиях утратило свою силу. Высказывались и такие утверждения, что советская власть — наполовину базис, наполовину надстройка, что советское государство — это базис, а не надстройка. Подобные взгляды являются проявлением идеализма и не имеют ничего общего с марксизмом.

Враги марксизма, ревизионисты, пытались запутать вопрос об источнике развития производительных сил. И. В. Сталин дал ответ и на этот вопрос: главным двигателем производительных сил являются новые производственные отношения. В нашей теоре-

тической и пропагандистской работе должен занять большое место вопрос о законе обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, законе, нашедшем свое блестящее и всестороннее обоснование в труде И. В. Сталина.

Новый труд товарища Сталина и новые задачи, поставленные XIX съездом партии, требуют от нас выше поднять теоретический и идейный уровень работы журнала.

План журнала с учетом новых задач, стоящих перед советскими философами, составлен и обсуждается на совещаниях актива авторов и читателей журнала. Большую работу должны провести авторы коллективного труда «Исторический материализм», чтобы изложить все проблемы в свете нового труда И. В. Сталина.

В обсуждении труда И. В. Сталина приняли участие Г. Е. Глезерман, Н. И. Арбузов, З. В. Смирнова, Б. М. Кедров, М. П. Баскин, Н. П. Васильев, С. Л. Рубинштейн, И. В. Кузнецов, Е. Д. Варнакова, И. Б. Астахов, Н. Э. Овандер.

Г. Е. Глезерман говорил о том, что после выхода в свет труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» советские философы развернули борьбу против отождествления базиса с производительными силами общества, так как подобное отождествление ведет к нигилистическому отношению к производительным силам, созданным капитализмом. Новый труд И. В. Сталина раскрывает другую сторону вопроса, показывая, что отождествление базиса с производительными силами ведет к игнорированию необходимости экономических изменений для перехода от социализма к коммунизму.

До сих пор в научной литературе мы встречаемся с проявлениями субъективистских представлений о роли государства, о чем свидетельствуют статья А. Н. Кузнецова, опубликованная в четвертом номере журнала «Вопросы философии» за 1951 год, и ряд статей в журнале «Советское государство и право». Источником этих ошибочных взглядов является отрицание применимости общих законов исторического материализма к советскому обществу. Нередко в работах советских философов и экономистов неверно освещался вопрос о соотношении производительных сил и производственных отношений. Тов. Глезерман отметил, что, в частности, в его брошюре неправильно трактовалось полное соответствие между производительными силами и производственными

отношениями как присущее якобы только социалистическому обществу.

Тов. Глезерман далее указал на ряд проблем, которые требуют разработки в свете труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

Н. П. Васильев отметил один из важнейших недостатков многих научных трудов по вопросам философии — отсутствие творческого подхода к решению философских проблем, поверхностное описание нашей действительности, не раскрывающее глубоко тенденций общественного развития. Так, например, в статье М. М. Розенталя, опубликованной в сборнике, изданном Академией общественных наук, все положения правильны, но примеры взяты из прошлого, и они не ориентируют на то, чтобы пересмотреть устаревшие понятия на основе новой практики.

До сих пор философы не создали работы, вскрывающей диалектику соотношения производительных сил и производственных отношений. Недоработан вопрос о противоречиях в социалистическом обществе. Особое значение приобретает сейчас вопрос о советском патриотизме и интернационализме, о борьбе нового со старым и о соотношении старой формы и нового содержания.

Н. И. Арбузов указал, что в Институте философии до сих пор не получили глубокой разработки многие актуальные вопросы диалектического материализма: о свободе и необходимости, о борьбе нового со старым. Те немногие работы, которые касались последнего вопроса, содержали ошибки, послужившие основой для так называемой «теории бесконфликтности», нашедшей своих защитников среди работников литературы и искусства. Статья Черткова по этому вопросу подверглась справедливой критике в «Литературной газете» и «Советской книге».

В течение ряда лет в плане Института философии не было работ по вопросам марксистско-ленинской теории познания, и поэтому не случайно в трактовке законов логики были допущены ошибки субъективно-идеалистического характера.

З. В. Смирнова говорила о значении труда И. В. Сталина для разработки вопросов истории философии. До сих пор слабым местом в работах по истории философии был анализ конкретной исторической обстановки, обуславливавшей возникновение той или иной системы взглядов. Иногда эти взгляды выводились прямо из состояния производительных сил данной эпохи без глу-

бокого анализа производственных отношений. В некоторых работах все еще имеет место вульгаризаторский, антиисторический подход к философским системам прошлого, например, в работе тов. Голосова по истории английского материализма XVII века.

Недостаточно внимания уделяется критике реакционных, идеалистических концепций в философии и социологии, концепций, отрицающих объективные законы развития науки, развития общества. Важнейшая задача в настоящее время — критика субъективного идеализма, разоблачение остатков антимарксистских богдановских «теорий», борьба с вульгаризацией в трактовке вопросов истории философии.

Член редколлегии журнала Б. М. Кедров говорил о значении труда И. В. Сталина для разработки вопросов о скачках и о постепенности, как форме развития вообще и форме развития советского общества в частности, а также для разработки вопросов диалектической логики. Б. М. Кедров подверг критике работы Института философии по логике, в том числе подготовленный к изданию учебник логики для средней школы, в котором запутывается вопрос о соотношении между формальной логикой и марксистской диалектикой.

М. П. Баскин осветил вопрос о значении труда И. В. Сталина для разоблачения современной буржуазной философии и социологии и для правильной классификации современных социологических школ. Все современные буржуазные социологи являются апологетами основного закона капитализма. Ярким примером может служить книга Гувера, в которой утверждается, что движущей силой истории является бизнес.

Член-корреспондент АН СССР С. Л. Рубинштейн в своем выступлении подчеркнул значение труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» для развития психологии.

До сих пор еще не изжит субъективно-идеалистический взгляд на психологию как науку, которая якобы должна изучать не объективные законы психической деятельности людей, а лишь субъективные состояния, не подчиняющиеся каким-либо закономерностям. Все еще имеет хождение ошибочный взгляд, что в психологии нет никаких законов. Но в свете труда И. В. Сталина для всех очевидно, что если нет психологических законов, то нет и психологии как науки.

Законы высшей нервной деятельности, открытые И. П. Павловым, имеют огромное

значение для объяснения психических явлений. Они отвечают на вопрос, как возникают и формируются психические явления в нервной системе, в мозгу. Но ответом на этот вопрос не исчерпывается объяснение психических явлений. У психологии есть свои законы. Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» требует от нас глубокого изучения специфики явлений. Задача психологии как науки заключается в исследовании психических явлений, как формы отражения мозгом объективного мира в процессе активного взаимодействия субъекта с объективным миром, и в выяснении того, какую роль выполняют психические явления в поведении людей, в их деятельности.

Труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» выдвигает перед советскими психологами задачу разработки трех проблем: проблемы потребностей, всестороннего развития способностей и воспитательной роли труда в формировании личности.

И. В. Кузнецов говорил об основополагающем значении труда И. В. Сталина для разработки теоретических вопросов естествознания и истории естествознания, для борьбы против «физического» идеализма и других идеалистических теорий и указал на необходимость вести борьбу с проявлениями субъективного идеализма в работах некоторых советских ученых, например, в трудах покойного физика Мандельштама, а также в работах проф. Ландау.

Е. Д. Варнакова подвергла критике совещание по вопросам психологии, которое рассматривало вопросы психологии в отрыве от практики, от задач воспитания советских людей. Труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» нацеливает советских психологов на изучение объективных законов психологии и решение кардинальных вопросов этой науки.

* * *

Выступавшие подвергли критике ошибки субъективно-идеалистического характера, допущенные советскими философами, экономистами, юристами и историками в трактовке законов развития общества. Однако критика этих ошибок была недостаточно острой, конкретной.

Заведующие секторами Института философии и научные сотрудники сообщили о том, как перестраивается тематика научно-исследовательской работы всех секторов и

тематика кандидатских и докторских диссертаций.

Конкретные предложения, внесенные выступавшими о перестройке плана научно-исследовательской работы Института философии, получили отражение в решении Ученого совета.

В принятом решении Ученый совет наметил ряд мероприятий, отвечающих новым требованиям, выдвинутому перед теоретическими работниками в связи с выходом в свет программного произведения И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

Ученый совет Института философии признал необходимым пересмотреть тематику докторских и кандидатских диссертаций и план научно-исследовательской работы института, обогатив его новыми темами, а также пересмотреть структуру и содержание всех работ, выполняемых институтом.

В плане Института философии намечена подготовка следующих трудов по разделу «Развитие И. В. Сталиным теории марксизма-ленинизма»:

Развитие И. В. Сталиным марксистско-ленинской философии в труде «Экономические проблемы социализма в СССР».

И. В. Сталин о базисе и надстройке социалистического общества.

Политика и идеология современной буржуазии в свете основного экономического закона капитализма.

Марксистский философский материализм.

И. В. Сталин о диалектике развития производительных сил и производственных отношений.

И. В. Сталин об объективном характере законов науки.

Марксистско-ленинское учение об истине.

По разделу «О постепенном переходе от социализма к коммунизму»:

И. В. Сталин об основных предварительных условиях перехода от социализма к коммунизму.

Ликвидация противоположности между городом и деревней в СССР и пути преодоления существенного различия между ними.

Критика и самокритика — движущая сила развития социалистического общества.

И. В. Сталин о ликвидации существенного различия между физическим и умственным трудом.

Многонациональное социалистическое государство, его особенности и пути развития.

Социалистические нации в период посте-

пенного перехода от социализма к коммунизму.

Основы коммунистической морали.

Вопросы марксистско-ленинской эстетики.

По другим разделам:

Диалектический материализм и современное естествознание.

Философские вопросы языка и мышления в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию.

Намечено также подготовить ряд работ о философских и естественно-научных основах психологии. (Материалистическое учение И. П. Павлова о сигнальных системах и др.)

Целый ряд работ института будет посвящен разоблачению агрессивной политики американского империализма и его реакционной идеологии. Среди этих работ книга «Значение труда товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» для борьбы против современной философии империалистической буржуазии», коллективный труд «Крах буржуазной демократии», книги «Американские буржуазные социологи — враги культуры», «Австрийские правые социалисты — агенты империалистов США» и ряд других работ, направленных на разоблачение субъективного идеализма и агностицизма в современной буржуазной философии: «Критика субъективного идеализма в современной буржуазной философии и социологии», «Прагматизм — философия американского империализма» и др.

В план работы института включена также тема «Борьба прогрессивных сил Англии против реакционной буржуазной философии».

Институт философии наряду с этим будет продолжать работу над другими плановыми темами и над подготовкой ряда учебников и учебных пособий для высших учебных заведений и ссти партийного просвещения.

* * *

На кафедре истории философии Академии общественных наук при ЦК КПСС в обсуждении труда И. В. Сталина и решений XIX съезда партии приняли участие научные сотрудники и аспиранты.

С докладом на тему «Труд И. В. Сталина — программа строительства коммунизма» выступил академик Г. Ф. Александров. (В переработанном автором виде доклад публикуется в этом номере журнала.)

Товарищи Г. А. Стрельченко, О. Я. Стечкин и другие поставили вопрос о значении труда И. В. Сталина для научной разработки истории философии. Товарищи А. Ф. Окулов, Г. С. Васецкий, М. Д. Цебенко, М. И. Сидоров внесли ряд конкретных предложений о мерах улучшения работы кафедры истории философии.

Г. А. Стрельченко говорил о необходимости шире развернуть критику буржуазной идеологии. Необходимо обеспечить поступление в библиотеку Академии общественных наук новейшей философской литературы, выходящей за рубежом, чтобы иметь возможность разоблачать современные реакционные концепции буржуазных философов — идеологов империализма. Г. А. Стрельченко говорил также о необходимости поднять уровень преподавания иностранных языков и в связи с этим подверг критике работу кафедры иностранных языков.

О. Я. Стечкин подчеркнул необходимость разработки вопроса о законах истории философии как науки в связи с тем, что И. В. Сталин в работе «Экономические проблемы социализма в СССР» особо поставил вопрос о законах различных наук. И. В. Сталин требует различать законы общие и законы специфические, проникать вглубь явлений, а не скользить по поверхности.

О. Я. Стечкин в своем выступлении подверг критике работу кафедры истории философии, подчеркнув, что руководитель кафедры академик Г. Ф. Александров должен уделять больше внимания работе кафедры.

Г. С. Васецкий внес предложение разработать ряд практических мероприятий для улучшения работы кафедры. Советские философы должны оказывать всемерную помощь прогрессивным зарубежным философам. Пропаганда идей, содержащихся в труде И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», безусловно поможет всем прогрессивным философам в их борьбе против реакции.

Труд И. В. Сталина поможет и советским философам правильно разрешить те вопросы, в которых они допускали ошибки. Так, например, в советской философской литературе нередко допускалась путаница в трактовке вопроса о движущих силах советского общества. Путаница в трактовке философских вопросов явилась результатом недостаточно глубокого изучения работ классиков марксизма-ленинизма. И. В. Сталин внес полную ясность в этот вопрос наряду с дру-

гими важнейшими теоретическими проблемами.

Задача советских философов заключается в том, чтобы внимательно изучить, как ставятся важнейшие проблемы философии в трудах В. И. Ленина и И. В. Сталина. Советские философы должны дать анализ производительных сил советского общества. Это одна из актуальных задач, стоящих перед ними. Однако наряду с разработкой теоретических проблем советские философы должны уделить большое внимание и разработке организационных вопросов в свете решений XIX съезда партии.

М. Д. Цебенко сообщила, что на первом курсе был проведен семинар по диалектическому и историческому материализму. В докладах и выступлениях обсуждались теоретические вопросы в свете труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и решений XIX съезда КПСС. Аспиранты второго курса успешно сдали кандидатский минимум по истории домарксистской философии. В своих ответах аспиранты показали значение труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» для глубокого изучения истории домарксистской философии. В прочитанных за последнее время лекциях по истории философии лекторы руководствовались новыми трудами И. В. Сталина и материалами XIX съезда КПСС.

Курсанты кафедры также использовали труд И. В. Сталина и материалы съезда в своих диссертациях. Однако нельзя успокаиваться на достигнутом. Работу кафедры нужно поднять на новый, более высокий уровень. Общим недостатком лекций и диссертаций является описательность. Между тем в труде И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» говорится о необходимости исследования глубинных процессов.

Кафедре необходимо заняться разработкой вопроса о законе и о развитии И. В. Сталиным марксистского диалектического метода. Кафедра должна также разработать тематику докладов в связи с выходом в свет труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и материалами XIX съезда. Необходимо усилить критику субъективизма и в связи с этим включить в тематику диссертационных работ и в тематику докладов и лекций ряд тем, посвященных критике субъективизма. Надо дать несколько тем диссертаций по работе Ф. Энгельса «Анти-Дюринг». Как известно, И. В. Сталин в своем

труде уделяет большое внимание этой работе Энгельса.

М. И. Сидоров в своем выступлении указал на необходимость сосредоточить внимание коллектива кафедры на борьбе марксизма с субъективизмом в истории философии. Большое значение в этой связи приобретает освещение истории марксистско-ленинской философии. Необходимо показать, как классики марксизма-ленинизма в своих работах обосновали закономерность общественного развития, постоянно возвращаясь к этому вопросу и настойчиво подчеркивая всю важность разработки этой проблемы. В современных условиях идеологической борьбы важное значение приобретает научное освещение вопроса о революционных, прогрессивных, демократических традициях всех стран. Важно показать, как русские коммунисты в трудных условиях царского режима умели не только отстаивать и защищать ценное наследие в истории русской общественной мысли, но и всячески обогащать передовые традиции на каждом новом этапе исторического развития страны сообразно условиям классовой борьбы. Важно также показать, как в современных условиях коммунистические партии и все прогрессивные силы во Франции, Италии и других странах борются за передовые национальные традиции. Советские философы должны оказывать всемерную помощь прогрессивным философам за рубежом в их борьбе за передовые, демократические, революционные традиции.

* * *

В Институте Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК КПСС, в Академии общественных наук, в Институте философии АН СССР и в других научно-исследовательских учреждениях прошли научные сессии, посвященные произведению И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», решениям XIX съезда партии и речи товарища Сталина на заключительном заседании съезда.

Обсуждение труда И. В. Сталина, материалов и решений XIX съезда партии способствует более глубокому усвоению важнейших проблем диалектического и исторического материализма, широкому развертыванию критики и самокритики и разработке ряда конкретных мероприятий для подъема научно-исследовательской и учебно-воспитательной работы в философских учреждениях на более высокий идейно-теоретический уровень.

О современной французской философии

Лекция профессора Роже Гароди

Осенью 1952 года на собрании научных сотрудников Института философии АН СССР и редакции журнала «Вопросы философии» выступил с лекцией о борьбе направлений в современной французской философии французский философ-коммунист, член ЦК Французской коммунистической партии профессор Роже Гароди.

Ниже дается изложение этой лекции.

* * *

Для того чтобы набросать даже самую общую картину состояния современной буржуазной философии во Франции, необходимо вспомнить о задачах, которые ставит перед собой империализм, проводящий политику усиления реакции и разжигания войны.

Философия империализма, загнивающего капитализма, — это загнивающая философия. На XII съезде Французской коммунистической партии Морис Торез показал, что основная задача этой философии состоит в прикрашивании империализма, в обмане широких масс.

Почему ложь и фальсификация стали социальной функцией буржуазной философии? Потому что для глашатаев империализма действительность превратилась в грозный кошмар. Противоречия капитализма умножились и стали более глубокими; теперь уже не только далекие предвестники бури угрожают капиталистическому режиму, — нарастающая опасность экономического кризиса, внутренние раздоры, противоречия между империалистическими государствами и все усиливающееся недовольство широких масс политикой фашизма и войны, а также рост национально-освободительного движения в колониях и зависимых странах ни днем, ни ночью не дают покоя гибнущему классу, цепляющемуся за власть.

Великие победы Советского Союза в деле строительства коммунизма, неудержимое движение к социализму стран народной демократии, усиливающаяся борьба колониальных народов за национальную независимость, мощный подъем революционного движения рабочего класса и рост влияния коммунистических партий во всех капиталистических странах, сплочение все более значительных прогрессивных сил вокруг рабочего класса — вся современная международная обстановка целиком подтверждает тот вывод, который сформулировал В. И. Ленин в своей статье «Пророческие слова»: «Только люди, закрывающие себе глаза, чтобы не видеть, и затыкающие уши, чтобы не слышать, могут не замечать того, что во всем мире для старого капиталистического общества, беременного социализмом, начались родовые схватки»¹.

Такова действительность. Перед современной буржуазной философией поставлена

задача: на возможно более длительный срок «заткнуть уши» и «закрывать глаза» людям, чтобы они не видели этой действительности. В этих целях реакция прибегает прежде всего к помощи полиции.

В Осеннем салоне полиция снимает картины, изображающие борьбу французского народа против американских оккупантов; полиция запрещает пьесу Роже Вайяна «Полковник Фостер признает себя виновным», потому что в ней выражена солидарность с корейским народом, мужественно борющимся против американских агрессоров; полиция арестовывает Андре Стиля, потому что он в своих статьях против Риджуэя в «Юманите» и в своих романах о борьбе докеров и о борьбе коммунистической партии против колонизации Франции взывает к патриотизму французов; полиция бросает за решетку Жака Дюкло во время приезда Риджуэя в Париж. Однако каждый из этих актов полицейских репрессий и фашистского произвола вместо того, чтобы задержать движение против поджигателей войны — американских оккупантов, — развивает его, потому что тысячи людей в свете этих фактов осознают опасность войны и фашизма.

Полицейские репрессии оказываются бессильными перед ростом пробуждающегося сознания широких масс. Полиция не может помешать людям видеть и слышать.

Тут-то буржуазная философия и должна сыграть свою роль: сознание — это ее область; оно пробуждается, — значит, нужно его усыпить.

Хаос и жестокость царят в капиталистическом обществе. Капиталистическая действительность внушает отвращение и ужас, — значит, нужно фальсифицировать действительность, приукрасить ее.

Научная мысль отражает действительность такой, какова она есть на самом деле, — значит, нужно разделаться с этим неприятным свидетелем.

Основные характерные черты, присущие всем буржуазным философским системам в период общего кризиса капитализма: панический страх перед действительностью и ненависть к разуму.

Отсюда вытекают три основные излюбленные темы в современной французской буржуазной философии:

1. История не наука; законов истории не существует.

2. Наша мысль не может познать действительность.

3. Свобода ставит человека вне природы и общества.

Основная идея почти всех современных буржуазных философских работ — отрицание объективных законов истории, отрицание истории как науки. Современные буржуазные философы больше всего боятся социальной действительности и из всех наук больше всего ненавидят историю, которая

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 460.

разоблачает царящий в капиталистическом мире хаос. Поль Валери еще в своих проникнутых унынием «Взглядах на современный мир» писал: «История — это самый опасный продукт, какой только могла вырабатывать химия интеллекта». В наши дни буржуазия стоит еще ближе к пропасти. И хотя ее «мыслители» смотрят на современный мир, избирая в качестве наблюдательных пунктов ночные кафе Монпарнаса или редакции реакционных газет, вроде «Фигаро», многое становится ясным и для них. Если признать, что научная теория исторического развития верна, то с неизбежностью придется признать, что буржуазия обречена на гибель. История доказывает правоту пролетариата, — значит, надо доказать неправоту истории. Поэтому главная цель идеологов буржуазии состоит в отрицании научных основ политики, в отрицании законов истории. Их главный враг — диалектический и исторический материализм.

Причина ненависти буржуазии и ее идеологов, противников научной мысли, к историческому материализму очевидна: как метод познания марксизм-ленинизм раскрывает историческую необходимость падения буржуазии, как метод революционной деятельности он служит рабочему классу мощным оружием в борьбе за ниспровержение ее господства.

Одна из задач передовых, прогрессивных философов состоит в том, чтобы показать различные приемы фальсификации исторической науки, скрытые в тумане схоластических рассуждений, разоблачить реакционную сущность мистических заклинаний и теоретических ухищрений современных идеологов буржуазии, пытающихся всеми способами повернуть вспять колесо истории.

Борьба против истории как науки неизбежно приводит к борьбе против науки вообще. Тот, кто отрицает объективные законы общественного развития, вынужден выбросить за борт всю науку в целом. Старый, буржуазный рационализм оказывается более непригодным для осуществления тех задач, которые выдвигает перед философией современная буржуазия. Стремясь увековечить хаос, она использует в этих целях все разновидности агностицизма и идеализма. Испуганные неумолимым ходом истории, современные буржуа в растерянности призывают на помощь Беркли, Юма, Канта, Мен де Бирана и Огюста Конта; в настоящее время они даже воскрешают учение Гегеля, переделывая его на свой лад для того, чтобы воспользоваться им как оружием против марксизма.

Этот «возврат к Гегелю» весьма знаменателен. Ипполит, подвизавшийся в Сорбонне, перевел Гегеля и написал в 1946 году диссертацию, озаглавленную «Генезис и структура «Феноменологии духа»». Кожев в 1947 году опубликовал «Введение в изучение Гегеля», а Жан Валь читает лекции о Гегеле.

Все эти господа обращаются к Гегелю отнюдь не для того, чтобы использовать его метод диалектического мышления. Они заимствуют из его философии преимущественно два момента: из его ранних произведений — мистическое описание «человеческого существования» в мире тревоги и

насилия, а из философии государства и философии истории Гегеля — апологию прусской феодальной монархии.

Тревога и насилие действительно лежат в основе существования капиталистического строя, обреченного на гибель, а идеологи империализма хотят превратить их в вечную основу существования всего человечества. Это направление современной буржуазной философии нашло свое характерное выражение в «Несчастном сознании» Жана Вали.

Реакционная апология прусской феодальной монархии у Гегеля воспринята фашистским философом Ароном как образец для оправдания реакции во Франции.

Основная цель этого «возврата к Гегелю» заключается в отрицании марксизма. К Гегелю обращаются для того, чтобы опровергнуть Маркса. Философия Гегеля перекраивается по мерке пигмеев мысли умирающей буржуазии. При виде того, во что превращают Гегеля все эти валли, ипполиты и кожевы, невольно вспоминаются слова Виктора Гюго: «...толпа уродливых карликов кроит себе куртки из его королевской мантии».

Метод вытаскивания на свет обветшалых философских систем и снабжения их новыми ярлыками для прикрытия язв и противоречий действительности становится всеобщим; все эти «современные» системы изготовлены совершенно одинаково: все они напоминают плащ арлекина, сшитый из обрывков философских систем прошлого, лишь расползшихся по-разному. Вот почему сразу же после «пошивки» все эти новейшие «системы» уже пахнут нафталином!

Вот несколько рецептов западной философской кухни. Действительность внушает страх, такой же страх внушает наука, которая познает эту действительность, обрекающую на гибель класс буржуазии. Значит, прежде всего надо отгородиться от действительности. Кант окажет вам эту маленькую услугу: он объяснит вам, что если в мире и существует упорядоченность, то вносит ее туда ваш разум. Вот вы и вне опасности: вам больше нечего бояться законов истории и законов природы с их детерминизмом. Ведь эти законы, по утверждению Канта, созданы человеческим разумом. Вот почему кантианство остается основой буржуазной университетской системы преподавания. Кант успокаивает и ободряет; наука заперта на замок, и ее область строго ограничена, действительность удалена на почтительное расстояние, и религия вновь обретает свое жизненное пространство.

Опираясь на Канта, вы можете двинуться дальше. Вы можете, например, отбросить «вещь в себе», которую Кант настолько лишил содержания, что она стала похожей на призрак. И вы спокойно переходите от агностицизма к идеализму.

Вы можете также использовать метод, примененный Кантом в его трансцендентальной дедукции, иначе говоря, исходить из «внутреннего наблюдения», как учил Мен де Биран, и «выводить» из этого наблюдения «необходимые» условия всякого опыта. Подобный прием был назван «реф-

лекторным методом». Совершенно очевидно, что этот «метод» напоминает метод барона Мюнхгаузена, который пытался вытащить самого себя из болота за косичку собственного парика.

Все применяющие этот «метод» остаются замкнутыми в своей «внутренней жизни» и в своем усилии выйти за ее пределы могут придти только к мистицизму. Именно это и произошло с Морисом Блонделем в его работах «Действие» и «Мысль», в которых он пытается оживить «рефлекторный метод» при помощи диалектики, заимствованной у Паскаля. То же самое случилось и с Луи Лавелем: во всех работах, начиная от книги «Самосознание» и до работы «О действии», он только с помощью теологии избегает солипсизма.

Ле Сенн, один из верховных жрецов Сорбонны, примыкает к тому же течению со своим «Введением в философию», трактатом «Долг» и работой «Препятствие и ценность».

Все эти теории, усиленно пропагандируемые в Сорбонне и других высших школах Франции, стремятся увести студента от действительности. Все они порождают у него поэтическую иллюзию, будто можно создать мир с помощью понятий, являющихся продуктом исключительно человеческого разума, подобно тому как шелковичный червь плетет кокон при помощи собственных выделений. Цель достигнута, если студент замыкается в своих абстракциях, как шелковичный червь в коконе. Главное, чтобы он из них не выходил.

Третья тема, тема «свободы», являющаяся излюбленным коньком буржуазных философов, идеологов империализма, полностью раскрывает свое истинное значение в свете буржуазных концепций исторического развития, отрицающих существование каких бы то ни было закономерностей в природе и обществе. Все законы природы и общества, по мнению этих господ, являются просто конструкциями разума. Чтобы быть свободными, утверждают они, нужно уничтожить необходимость в истории, в обществе, в природе, в науке, — одним словом, необходим хаос. Свобода плавает на поверхности этого хаоса, ни на что не опираясь, непрочная, как мыльный пузырь. Подобно мыльному пузырю, она становится тем более хрупкой, чем больше ее наполняют содержанием, и лопается при малейшем соприкосновении с действительностью.

Эта «свобода», которую они называют «свободой духа», состоит в том, чтобы выдумывать все, что угодно, вплоть до самых нелепых фантазий, лишь бы мысль никогда не превратилась в действие, не была связана с действительностью — буржуазной действительностью — и не пыталась ее изменить. Запертый в этой идеалистической клетке, философ становится безопасным для существующего режима.

Эта концепция «свободы», если не считать незначительных отклонений, является общей для всех открытых и маскирующихся философов-идеалистов. Она нашла свое выражение в диссертации Набера «Внутренний опыт свободы» и в произведениях католических и протестантских писателей.

* * *

Каким образом французская буржуазная философия могла дойти до подобного ма-разма? Здесь недостаточно сослаться на американское влияние, которое в настоящее время очень значительно и о котором речь будет идти впереди. Французская буржуазия также несет свою долю ответственности и за это вырождение философии и за свое политическое банкротство.

Такого рода состояние современной буржуазной философии обусловлено прежде всего отказом от передовых национальных традиций, отрицанием всего самого лучшего, самого прогрессивного в национальном философском наследии. Буржуазия систематически замалчивала или искажала учения философов, которые прославили французскую мысль в период подъема буржуазии.

Реакционная философия замалчивает научную деятельность Декарта, научные, материалистические элементы его метода, связывая его имя исключительно с «Метафизическими размышлениями» и онтологическим доказательством бытия бога. В книге Амелена Декарт превращен в идеалиста-метафизика, в другой книге — в теолога-схоласта. Ле Сенн и Лавель великодушно приписали ему свой собственный «рефлекторный метод».

Что касается французских философов-энциклопедистов XVIII века, то французский университет предпочитает их игнорировать. Труды философов-материалистов XVIII века не переиздавались во Франции в течение последних семидесяти пяти лет (со времени издания Полного собрания сочинений Дидро в конце XIX века). Ни один из них не фигурирует в программах кандидатских экзаменов по философии. В течение сорока лет им не было посвящено ни одной диссертации, если не считать диссертации Кейма о Гельвеции, в которой автор пытался доказать, что Гельвеций не был материалистом.

Замалчивая или искажая все лучшее в национальных традициях Франции, представители современной реакционной буржуазной философии вытаскивают на свет учения реакционных философов времен Реставрации, например, Мен де Бирана с его проповедью «самоуглубления». Они охотно поднимают на щит и философов, писавших в то время, когда буржуазия после революции 1848 года стала контрреволюционной и открыто отвергла философию Просвещения, для того, чтобы преградить дорогу рабочему движению. Огюст Конт является характерной фигурой этого периода реакции. В настоящее время его учение используется в двух направлениях: во-первых, подымается на щит его реакционная социология, наследниками которой являются дюркгеймы, леви-брюли и дави; во-вторых, его теория познания, его проповедь агностицизма. Как указывает В. И. Ленин, агностицизм под личиной позитивизма представляет собой основу для мирного сожительства теологов и профессоров, для взаимного нейтралитета науки и мистики. Агностицизм в духе позитивизма Огюста Конта пустил

глубокие корни во Франции под влиянием абстрактного лжерационализма Алэна.

Кроме того в современной буржуазной философии снова пушены в ход все разновидности средневековой и католической мысли. Последователи учения Фомы Аквинского, реставрированного Жаком Маритэном, имеют свой орган, «Томистский журнал»; существует также бесчисленное множество комментаторов св. Августина и кружков, изучающих его учение; немало имеется во Франции и последователей Мальбранша.

Когда же католики пытаются (весьма осторожно) познакомиться с марксизмом, как, например, отец Дерош, автор книги «Значение марксизма», или осмыслить рабочее движение, как отец Монтюклу, автор книги «События и вера», их быстро призывают к порядку. Книга Дероша и течение, выражением которого она являлась, были осуждены папой в булле «Род людской», а книга Монтюклу была запрещена парижским архиепископом.

Отвергнув прогрессивные традиции в истории философии, буржуазная философия Франции впала в маразм и подверглась влиянию наихудшей разновидности интеллектуальной реакции, которая ведет свое происхождение из США. Эта философия стала космополитической, лишилась родины, утратила национальный характер, подобно классу, интересы которого она выражает.

Возьмем для примера тему, которая, по существу, является центральной темой реакционной философии, — тему отношения между личностью и обществом. Сравним в этом отношении книги американца Сантаяны, француза Арона, англичанина Тойнби и немца Шпенглера. Если прочесть эти книги, трудно различить, какая из них написана американцем, какая французом, какая англичанином и какая немцем. Все эти книги берут свое начало из одного источника — империалистической реакции. Эта «атлантическая» философия так же денационализирована, как пресловутая «европейская» армия. Ее задачей является не помощь народу в его национальном развитии, а снабжение империалистической реакции идеологическим оружием.

Вот почему традиционный философский арсенал современных идеологов империализма спешно приводится в соответствие с политикой подготовки войны. Прислужники империализма спешат снабдить своих хозяев идеологическим оружием. В этой идеологической гонке вооружений основную роль играют идеи, экспортированные из Америки.

На XII съезде Французской коммунистической партии Морис Торез говорил: «Французская мысль испытывает возрастающее давление... Преподавание во французской школе будет соотносываться с нуждами американской политики войны. Нам хотят преподнести в дар университет американского типа, где слово «мир» будет рассматриваться как преступление, как попытка деморализовать армию и нацию и как оскорбление министра».

Это давление на французскую мысль с

каждым днем усиливается. Идеологическая экспансия американцев находит поддержку в реакционных кругах Франции, начиная от фашистов из РПФ и кончая правыми социалистами. Книга Бернхэма «За мировое господство», представляющая собой подлинный «Мейн кампф» американского империализма, была переведена во Франции в серии, озаглавленной «Свобода духа», издающейся по инициативе фашиствующего философа Арона, члена деголлевской РПФ и редактора «Фигаро»; первый том книги Бернхэма вышел с предисловием Леона Блюма. Таким образом, американский фашизм проникает во Францию под двойным покровительством — РПФ и правых социалистов.

В 1951 году была переведена на французский язык книга англичанина Тойнби, посвященная вопросам философии истории и носящая название «История. Опыт истолкования». Основная идея этой книги состоит в том, что классовая борьба — это беспорядок, а революция — признак упадка.

Все общественное зло в истории, по утверждению Тойнби, исходит от революционеров. Практический вывод очевиден: нужно их уничтожить. Подобная «философия истории» служит теоретическим «обоснованием» для антикоммунистических репрессий и подготовки войны против СССР. Она является идеологическим оправданием политики Трумэна и Эйзенхауэра.

Но Тойнби на этом не останавливается. Он утверждает, что классовая борьба не единственное препятствие, встречающееся на пути исторического развития. Другое препятствие — национальный суверенитет.

«Мы вправе надеяться, — пишет Тойнби, — что наша современная западная проблема найдет свое разрешение в какой-либо части Европы, где национальный суверенитет не будет превращен в предмет суеверного поклонения. Мы не можем ждать спасения ни от одного из национальных государств Запада, где каждая мысль и политическое убеждение связаны с узко местными интересами... Люди, застывшие в немом обожании идеи национального суверенитета, никогда не смогут выполнить задачу». Таким образом, по мнению Тойнби, стремление к национальной независимости представляет собой угрозу для цивилизации, причем подразумевается, что понятие «цивилизация» означает мировое господство американских банков.

Взгляды Тойнби увенчиваются теологической концепцией исторического развития. Люди, пишет он, — это не более, как «бессильные шашки, которые бог передвигает во всех направлениях, останавливает и отодвигает назад и которые он одну за другой складывает обратно в коробку». «Мы можем, и мы должны, — продолжает Тойнби, — молиться, чтобы нам не было отказано в отсрочке, первоначально обещанной богом нашему обществу...»

Вот все, что нужно для превращения империалистической агрессии в крестовый поход. «Gott mit uns!» («С нами бог!») — говорил еще Гитлер. Эта философия великолепно сочетается с политикой Трумэна, который 28 сентября 1951 года заявил: «Во время кризиса, переживаемого человечеством, все

люди, верящие в бога, должны объединиться, чтобы испросить у него помощи и совета. Действительно, разве не правда, что свободному, верующему миру угрожает сила, враждебная всему, во что мы верим?»

Напомним, что именно в это время, 10 октября 1951 года, Трумэн провел «закон о взаимном обеспечении безопасности», которым предусматриваются специальные ассигнования в сумме 100 миллионов долларов на финансирование подрывной деятельности отдельных лиц и вооруженных групп на территории Советского Союза, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Албании.

На этом примере видно, что философская стряпня Тойнби и ему подобных оказывает прямую поддержку поджигателям войны.

Вся эта претенциозная тарабарщина не заслуживала бы столь подробного разбора, если бы она не обнаруживала вполне явно основную тенденцию всей современной буржуазной философии: доказать, что история лишена смысла или что этот смысл скрыт от нас «провидением», и потому классовая борьба бесплодна, и человечеству ничего не остается, как объединиться против «варваров», которые раскрыли бесчеловечную сущность современной капиталистической цивилизации.

В эпоху феодальной реакции периода Реставрации во Франции были теоретики, занимавшиеся вопросами истории в консервативно-теологическом духе, такие, как де Местр и Бональд; однако философское направление, которое хотят сегодня навязать Франции идеологи империализма, берет начало не из этого источника. Социология аристов, мальро и К° — это сборные конструкции, созданные из импортных материалов: планы и отдельные детали, иначе говоря идеологические темы, доставляются из Америки в порядке осуществления идеологического плана Маршалла.

Область теории познания во Франции также наводняется импортными американскими отходами в виде «новейших» идеалистических теорий, ведущих свое происхождение от идеализма Беркли и Канта. Эти отходы прибывают к нам в виде логического позитивизма, тесно смыкающегося с мистицизмом в духе Уайтхеда, в виде персонализма учеников Д. Ройса, в виде прагматизма и всех его разновидностей, включая инструментализм Дьюи и чикагской школы.

Однако среди этих философских отбросов, поставляемых из-за океана, наибольшее влияние на учебники философии и на университетское преподавание во Франции оказал логический формализм, представленный логистикой Карнапа. Этим формализмом пронизано все преподавание логики; он находит свое непосредственное приложение и в области теории познания в «рефлекторном методе», а в психологии примыкает к очень распространенному течению, носящему название «гештальт-теории», представленному, в частности, «Психологическим трактатом» Геймома.

На основе этих идеалистических концепций философии истории и теории познания развились идеалистические концепции сво-

боды и человеческой личности. Эти концепции лишены всякого содержания и определяются исключительно через отрицание: отрицание истории, отрицание общества, вообще отрицание объективной действительности.

Такова концепция свободы экзистенциалистов.

Персонализм — философия с религиозной окраской — имеет ту же функцию: лишить историю смысла. Мир, утверждают персоналисты, есть творение некоего «личного бога», и подлинная реальность мира заключается в совокупности отражений «божественной личности» в человеческих личностях, созданных «по образу и подобию божьему». То обстоятельство, что тысячи христиан совершенно искренне верят в эту доктрину, не осознавая ее реакционной сущности, ничего не меняет в той реакционной роли, которая предназначается ей ее проповедниками: усыпить классовое сознание широких масс. Во имя «высшей реальности человеческой личности» эти проповедники отрицают объективную реальность классов и классовой борьбы. Они утверждают, что не классовая борьба, а стремление личностей к богу является движущей силой истории. Главная задача подобных теорий состоит в отрицании классовой борьбы и ведущей роли рабочего класса в общественном развитии.

Персонализм — это философское течение, долго возглавлявшееся Эммануэлем Мунье, основавшим журнал «Эспри». Нынешние руководители журнала, например, Ж. Доменак, участвуют в прогрессивном движении, отрицая, однако, руководящую роль рабочего класса в борьбе за мир.

Существует и светская разновидность этой философской концепции. Заменяя «стремление к богу» «стремлением к справедливости» в качестве движущей силы истории, персонализм выступает под маркой «гуманизма». Это излюбленный конек правых социалистов. Во имя «гуманизма» они проповедуют необходимость уничтожения классового сознания и прекращения классовой борьбы пролетариата для того, чтобы объединить в одном и том же понятии «человек» рабочий класс и тех, кто его эксплуатирует. Во имя «гуманизма», по инициативе Л. Блюма, социалистическая партия исключила из своего устава выражение «классовая борьба». Для оправдания этого отречения от марксизма Л. Блюм пытался извратить самые основы исторического материализма, чтобы заставить часть рабочего класса слепо идти на поводу у буржуазной идеологии и империалистической политики.

Реакционная сущность современной реакционной философии заключается в идеологическом оправдании и философской маскировке агрессивных планов империализма США и в усыплении классового и национального сознания масс путем запутывания и обмана, путем отвлечения от актуальных социальных проблем.

* * *

Многочисленные разновидности реакционной идеологии, импортируемой из США,

широко распространяются во Франции сотнями газет, журналов и роскошно изданных книг. Однако следует иметь в виду, что только немногие философы Франции предаются этой интеллектуальной проституции и принимают эту новую форму сотрудничества с оккупантами.

Даже среди тех философов, которые припадают ныне к тому или иному реакционному философскому течению, имеется немало запутавшихся и искренне заблуждающихся. Многие распространяют реакционную идеологию, не сознавая той предательской роли, которую они играют в подготовке войны и фашизации Франции.

Несмотря на то, что состав студентов во французском университете носит ярко выраженный классовый характер (в Сорбонне менее двух процентов студентов являются выходцами из рабочих семей), французский университет еще сохраняет запас честности, достаточный для того, чтобы если не сопротивляться, то, во всяком случае, относиться с недоверием к американской идеологии.

На одного продажного Арона приходятся десятки мужественных ученых, которые смело борются против наступления реакции, и сотни сбитых с толку, но честных представителей интеллигенции, которые еще сомневаются, выжидают, но искренне стремятся найти верный путь.

Этот путь может указать только коммунистическая партия. Именно поэтому ответственность коммунистов исключительно велика. Они должны разоблачать реакционную сущность буржуазной философии и разъяснять основы диалектического и исторического материализма.

В борьбе против реакции в области философии французские философы-коммунисты опираются прежде всего на теоретические труды В. И. Ленина и И. В. Сталина, которые обогатили и творчески развили основы марксизма. Коммунисты Франции в своей работе опираются на великое учение марксизма-ленинизма, теоретически обобщающее опыт строительства социализма в СССР и освещающее всем народам путь к коммунизму.

Товарищ Сталин, творчески развивая в своем труде «Марксизм и вопросы языкознания» мысль Энгельса о происхождении и роли идей, помогает философам-марксистам бороться против всяких механистических искажений, против вульгаризации марксизма и всяких попыток принизить роль сознания в истории.

Философская дискуссия 1947 года и доклад тов. Жданова на этой дискуссии явились богатым вкладом в творческий марксизм. Научная сессия ВАСХНИЛ и работы советских биологов, развивающих идеи Мичурина и Лысенко, открыли перед наукой о жизни неограниченные перспективы развития. Могучий толчок развитию науки дан трудами Павлова и его учеников в области физиологии, психологии и теории познания. Наука сталинской эпохи служит для философов-марксистов путеводной звездой в их теоретической работе. Их практическая деятельность направлена на

борьбу против всех форм идеологической реакции.

Эту борьбу возглавляет и направляет генеральный секретарь Французской коммунистической партии Морис Торез. Его сочинения, изданные во Франции, являются настольным руководством для всех французских коммунистов в их борьбе против реакции как в области идеологии, так и во всех других областях.

Большое внимание уделяет Морис Торез идеологической борьбе в области литературы и искусства.

На XII съезде Коммунистической партии Франции Морис Торез так определил ведущую идею современного передового искусства и литературы: «Социальное содержание нашей эпохи, которое должно быть выражено в книгах наших писателей, на полотнах наших художников, в симфониях наших музыкантов, заключается в великом подъеме народных сил, в борьбе нового со старым, со старым, которое повсюду отступает под давлением форм новой жизни». Морис Торез показал, что партия, требуя, чтобы искусство было зеркалом действительности, влияет жизнь в творчество художника и возвращает художнику достоинство как представителю передовой интеллигенции.

Морис Торез всегда подчеркивает, что в освещении вопросов искусства, науки, философии коммунистическая партия стоит на подлинно научных позициях, следуя лучшим национальным традициям и защищая эти традиции от наступления реакции.

На этой прочной основе и разворачивается идеологическая борьба.

Коммунисты Франции располагают для этого многочисленными печатными органами. Прежде всего это теоретический журнал ЦК партии «Кайе дю коммунизм», в котором систематически разоблачаются фашистский характер идеологии дегалловской РПФ, фальсификации правых социалистов и попытки католиков затушевать классовую борьбу или извратить ее подлинный смысл. Журнал разоблачает реакционную сущность идеологии космополитизма, показывая, что эта идеология служит прикрытием для хищнических планов англо-американского империализма. Журнал дает глубокий анализ классовых отношений во Франции, показывает, по примеру Мориса Тореза, значение борьбы за национальную независимость и передовые национальные традиции в современных условиях и подготавливает почву для осуществления широкой политики единства, политики Национального фронта.

Создание Национального фронта является единственным способом для французам вновь обрести национальную независимость, приостановить наступление фашизма, сохранить мир.

Наряду с «Кайе дю коммунизм» во Франции имеется и другой теоретический орган коммунистов — журнал «Нувель критик», созданный по личной инициативе Мориса Тореза боевой группой молодых воинствующих марксистов. Этот журнал приобрел большую популярность во Франции. Он в значительной мере способство-

вал делу популяризации во Франции научных дискуссий, происходивших в Советском Союзе, — философской дискуссии 1947 года, научной сессии ВАСХНИЛ, дискуссии по вопросам языкознания. Со всем недавно редакцией журнала изданы солидные сборники статей советских авторов по вопросам квантовой физики, теории относительности и по вопросам истории; подготовлен к изданию сборник по вопросам биологии.

Особое место среди прогрессивных французских печатных органов занимает журнал «Пансэ», основанный Ланжевром и возглавляемый в настоящее время Жюлио-Кюри и Жоржем Коньо. Журнал стремится воплотить в жизнь великую идею Ленина, высказанную в его статье «О значении воинствующего материализма», идею объединения вокруг философов-марксистов всей прогрессивной интеллигенции для совместной борьбы против реакции в области идеологии. Сторонники старого, буржуазного рационализма борются вместе с философами-марксистами против реакционного обскурантизма. «Пансэ» служит для французских коммунистов связующим звеном с этими добрыми попутчиками.

Недавно группа врачей-психиатров, коммунистов, основала новый журнал «Рэзон», который активно борется против реакционных течений в физиологии и психологии и делает полезное дело, распространяя во Франции работы Павлова и его учеников Быкова и Иванова-Смоленского.

Кроме журналов, французские коммунисты располагают двумя издательствами — Социальным и Объединенным — для распространения произведений классиков марксизма, писателей-марксистов и других прогрессивных авторов.

Эти издательства опубликовали много книг по вопросам философии и социологии, разоблачающих космополитизм как орудие американского империализма, стремящегося развязать войну и добиться мирового господства.

Эти издательства приложили много усилий для пропаганды передового французского культурного наследия и его правильной оценки.

Морис Торез показывает пример борьбы за передовые национальные традиции в философии, подчеркивая в своих работах прогрессивное значение философии Декарта. Издательства французских коммунистов выпустили исследования о Декарте, Дидро, французских предшественниках социализма и опубликовали их отдельные сочинения.

Советские философы оказали существенную помощь французским философам-марксистам, подвергнув обстоятельной критике работы буржуазных философов о Декарте и французских материалистах и социалистах XVIII и XIX веков.

Наиболее неотложные философские задачи на ближайшее время заключаются не только в отпоре реакции, но и в контрнаступлении во всех областях философии, где реакция пытается вести наступление: в вопросе об истории и ее законах, в теории познания и, особенно, в вопросе о свободе.

В своей борьбе против реакционной буржуазной философии французские философы-марксисты могут, к счастью, опираться на труды В. И. Ленина и И. В. Сталина, использовать огромные завоевания передовой советской науки, науки сталинской эпохи, и благодаря критическим замечаниям, которые мы получаем от наших советских друзей, исправлять свои ошибки.

Французские философы-коммунисты должны проявлять еще большую смелость и наступательный дух в области идеологии, работать более творчески. Ведь враг не может противопоставить нам ничего, кроме лжи, и с каждым днем миллионам честных людей, находящимся в состоянии полной интеллектуальной растерянности, становится все более ясным, что только коммунистическая партия указывает правильный выход из состояния маразма.

Долг французских коммунистов, как и всех представителей передовой французской интеллигенции, состоит в том, чтобы сделать эту истину еще более очевидной.

Тот факт, что во главе Французской коммунистической партии стоит Морис Торез, лучший ученик Сталина во Франции, является залогом того, что в общей идеологической борьбе против реакции участок фронта — Франция — будет удержан.

Над хаосом умирающего капиталистического мира Советский Союз высится, как маяк, освещающий народам путь к коммунизму. Советский Союз является всеобщей надеждой, ибо под руководством товарища Сталина он строит новый, счастливый мир — коммунистическое общество.

* * *

После лекции профессор Гароди ответил на ряд вопросов о борьбе философских направлений в современной Франции.

Затем состоялась беседа профессора Гароди с группой советских психологов.

Приводим краткую запись беседы.

Вопрос. Какое положение существует сейчас во Франции в преподавании психологии?

Ответ. Официальным направлением в области преподавания психологии является «гештальт-психология», а официальным учебником — курс психологии Гийома, возглавляющего в настоящее время это направление. Представители министерства оказывают усиленное давление на преподавателей, стремясь утвердить «гештальт-психологию» в качестве официальной доктрины.

Вопрос. Каково влияние Валлона в современной психологии?

Ответ. Около Валлона группируются некоторые педагоги, интересующиеся проблемами педагогики и психологии и подготовляющие к изданию книгу о Макаренко.

Вопрос. Каково влияние Бергсона и Фрейда в современной буржуазной психологии?

Ответ. Что касается Бергсона, то его влияние в психологии удержалось в значительно большей степени, чем в философии. Последователем Бергсона в философии является Рустан, декан университета. При-

мыкает к этому направлению Шарль Блондель, чьи психологические взгляды являются соединением социологической концепции Дюркгейма и психологических воззрений Бергсона. Последователем Блонделя является Дави.

Влияние фрейдизма очень ограничено. Представителем фрейдизма во Франции являются Навиль и узкая группка наиболее реакционных психологов.

Вопрос. Какую позицию занимают в идеологической борьбе Мейерсон и Пьерон?

Ответ. Мейерсон — коммунист, а Пьерон работает с Валлоном в одном учреждении, но очень далек от него по своим воззрениям.

Вопрос. Как определяют французские психологи-марксисты предмет психологии?

Ответ. Определение предмета науки, особенно такой сложной, как психология, — одна из трудных задач. Французские психологи-марксисты обсуждают этот вопрос, пытаются разрешить эту задачу. Однако, к сожалению, нельзя еще сказать, что они нашли точное определение предмета психологии.

Вопрос. Известны ли французским психологам работы советских психологов?

Ответ. На французский язык переведены лишь некоторые работы Павлова и его учеников: Быкова и Иванова-Смоленского. Однако следует отметить, что переводами работ Павлова и его учеников занимаются в основном медики, а не психологи. Широкие круги французских психологов, не знающие русского языка, лишены возможности читать работы советских психологов. Французские философы-марксисты, знающие русский язык, знакомятся с работами советских психологов и с нетерпением ждут новых советских работ по вопросам психологии.

Вопрос. Проявляют ли философы-марксисты интерес к вопросам психологии советского человека?

Ответ. Вопросы психологии советского человека представляют большой интерес. В философских работах часто говорится о новом облике советского человека, но, к сожалению, конкретно этот облик не раскрывается. Между тем проблема психологии советского человека представляет для нас особый интерес, поскольку проблема личности вообще играет видную роль в идеологической борьбе против реакции.

Вопрос. Имеются ли во Франции работы французских психологов, подвергающиеся критике реакционные направления в психологии?

Ответ. Отдельных книг, посвященных критике буржуазной психологии, нет, но эту работу частично выполняет журнал «Резон». Французские психологи-марксисты используют для борьбы с реакционными направлениями в психологии сборник «О диалектическом и историческом материализме в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», изданный Институтом философии АН СССР, и книгу Г. Ф. Александрова, посвященную труду И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

Вопрос. На какие работы французских философов, по мнению профессора Гароди, следовало бы дать рецензии в журнале «Вопросы философии»?

Ответ. Для французских философов-марксистов крайне важна критика всех выпущенных ими работ. Эта критика, безусловно, окажет им большую помощь. Она будет особенно полезна еще и потому, что во французской печати критика публикуемых работ развернута недостаточно.

Указатель статей и материалов, помещенных в журнале «Вопросы философии» за 1952 год

	№	Стр.
ОТВЕТ ТОВАРИЩА СТАЛИНА на вопросы группы редакторов америк- канских газет	2	3
И. В. СТАЛИН — Речь на XIX съезде партии	5	3
И. СТАЛИН — Экономические проблемы социализма в СССР	5	6

ПЕРЕДОВЫЕ И РЕДАКЦИОННЫЕ

О значении воинствующего материализма	2	4
Гениальный труд В. И. Ленина об идеологических основах марксист- ской партии	3	13
Пятилетие философской дискуссии и задачи советских философов	3	3
Торжество идей марксизма-ленинизма	5	52
XIX съезд Коммунистической партии и вопросы идеологической работы	6	3

ОТДЕЛ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Акад. АЛЕКСАНДРОВ Г. Ф.— И. В. Сталин о роли надстройки в разви- тии общества	1	3
Акад. АЛЕКСАНДРОВ Г. Ф.— Труд И. В. Сталина «Экономические про- блемы социализма в СССР» — программа строительства коммунизма	6	41
ГАК Г. М.— О важности познания специфики явлений	1	145
ГАПОЧКА П. Н.— Ликвидация противоположности между городом и де- ревней в СССР	4	3
ГЛЕЗЕРМАН Г. Е.— О сознательном применении законов общественного развития при социализме	3	28
ДОБРУСКИН М. Е. (Харьков) — Новая интеллигенция в странах народной демократии	1	85
ДУДИНСКИЙ И. В.— Индустриализация — основное звено строительства фундамента социализма в европейских странах народной демократии	5	132
ИОВЧУК М. Т.— Борьба мнений и свобода критики — важнейшее условие развития передовой науки	2	14
КАММАРИ М. Д.— О новом выдающемся вкладе И. В. Сталина в мар- ксистско-ленинскую философию	6	18
КОЗЛОВСКИЙ В. Е.— К вопросу о природе противоречий в советском обществе	2	54
КОН И. С. (Ленинград).— О роли политических и правовых взглядов в раз- витии общества	5	95
КОНСТАНТИНОВ Ф. В.— Основные черты социалистической идеологии	2	32
КУЗНЕЦОВ И. А.— Партия большевиков — руководящая сила диктатуры пролетариата	2	168
МАКАРОВСКИЙ А. А.— Социалистические производственные отноше- ния — главный двигатель производительных сил в СССР	6	84
ОРАТОВСКИЙ В. Т. (Киев) — Советский патриотизм — выражение идео- логии пролетарского интернационализма и советской национальной гордости	4	20
РУБИНШТЕЙН Н. Л.— Марксизм-ленинизм — научная основа советской внешней политики	1	44
Чл.-корр. АН СССР ФЕДОСЕЕВ П. Н.— Основной принцип социализма	5	76

ОТДЕЛ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

ВОСТРИКОВ А. В.— Классики марксизма-ленинизма о связи языка и мышления	3	47
ГОРСКИЙ Д. П.— К вопросу об образовании и развитии понятий	4	64

	№	Стр.
ДУДЕЛЬ С. П.— Познаваемость мира и его закономерностей	3	168
КАГАНОВ В. М.— О путях перехода от старого качества к новому в процессе развития	2	65
КЕДРОВ Б. М.— О материалистическом понимании законов природы	6	63
ЛЕОНОВ М. А.— Место и роль философии в общественной жизни	1	24
ЛЕОНОВ М. А.— Вопросы марксистской теории познания в свете труда И. В. СТАЛИНА по языкознанию	5	115
РОЗЕНТАЛЬ М. М.— Разработка закона борьбы противоположностей в «Капитале» К. Маркса	4	46
СТЕМПКОВСКАЯ В. И.— О гибкости и определенности понятий	5	190
ТУГАРИНОВ В. П. (Ленинград) — О законах объективного мира и законах науки	4	78

ОТДЕЛ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

БЕЛЯЕВСКИЙ М. Т.— Николай Поповский	2	156
БУДРЕЙКО Н. А.— М. В. Ломоносов — великий ученый-новатор	2	140
ЛЫННИК М. А.— О философских и эстетических идеях Леонардо да Винчи	4	101
КРАВЕЦ И. Н. (Харьков) — «Письма о Критической философии» А. С. Лубкина	6	151
МИХАЙЛОВ С. И.— О роли русской революционно-демократической идеологии в формировании передовой общественной мысли народов России в XIX веке	5	180
НАРСКИЙ И. С.— Эдвард Дембовский — прогрессивный польский философ XIX века	3	140
ПЕТРОВСКИЙ А. В. (Вологда) — Петр Любовский — передовой психолог начала XIX века	3	211
СИДОРОВ М. И.— К вопросу о периодизации истории философии народов СССР	4	93
СОЛОВЬЕВ Ю. И., УШАКОВА Н. Н.— Русские ученые XVIII и XIX столетий о М. В. Ломоносове	4	152
УЛЬМАН Г. С. (Калининград) — К истории создания классического труда Ф. Энгельса «Анти-Дюринг»	6	144
ЩИПАНОВ И. Я.— К истории революционной мысли в России и о революционных традициях русского народа	5	161

ОТДЕЛ ЭСТЕТИКИ

ДУРЫЛИН С. Н.— Н. В. Гоголь об искусстве	3	65
КЕМЕНОВ В. С.— Художественное наследие Леонардо да Винчи	3	80
ЛЕБЕДЕВ Н. А.— Советское киноискусство в борьбе за мир	1	68
ЛОМИДЗЕ Г. И.— За правдивое отражение жизненных конфликтов в литературе	5	149
ПРЯМКОВ А. В.— Борьба «Правды» в дооктябрьский период за прогрессивную литературу и искусство	2	81
РАЗУМНЫЙ В. А.— О сущности реалистического художественного образа	6	99

ОТДЕЛ ФИЛОСОФИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

КЕДРОВ Б. М.— О высказываниях Д. И. Менделеева по философским вопросам естествознания	2	112
КОВДА В. А.— Программа великого строительства и преобразования природы	4	36
КОМПАНЕЕЦ А. И.— Борьба Н. А. Умова за материализм в физике	2	128
НОВИНСКИЙ И. И.— О единстве организма и среды	6	114
СИСАКЯН Н. М.— О единстве внешнего и внутреннего в биологическом обмене веществ	1	103
СПАССКИЙ Б. И.— Некоторые методологические вопросы истории физики	5	201
Акад. ФЕСЕНКОВ В. Г.— Эволюция и возникновение звезд в современной галактике	4	110
ШИРОКОВ М. Ф.— О преимущественных системах отсчета в ньютоновской механике и теории относительности	3	128
ШЕМЯКИН Ф. Н.— Вопрос о представлениях в трудах И. М. Сеченова и И. П. Павлова	2	98
ШОРОХОВА Е. В.— Учение И. П. Павлова о сигнальных системах в свете ленинской теории отражения	3	104
ШУГАЙЛИН А. В.— О философских взглядах П. Н. Лебедева	3	117

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ

АРБАТОВ Ю. А.— Проповедь «морального перевооружения» — орудие американских поджигателей войны	5	219
БАСКИН М. П.— Лакей американских монополистов	6	138

	№	Стр.
БРУТЯН Г. А. (Ереван) — Иррационализм и софистика — оружие поджигателей войны	4	138
ЕПИСКОПОСОВ Г. Л. — «Атомная социология» — идеологическое оружие американского империализма	2	182
КАЛАШНИКОВА В. С. — Идеология французской реакции	4	125
НИКИФОРОВ Б. С. — Гангстеризм на службе монополий США	5	228
МАТЕРИАЛИСТ — Отец-иезуит в роли критика диалектического материализма (о книге Г. Веттера «Диалектический материализм. Его история и его система в Советском Союзе». Вена)	6	127
ПОЛЕНЦ О. Э. — Современные «теоретики» международного разбоя	3	148
ПОЛИКАРОВ А. П. (София) — Идеалистическое освещение квантовой механики в новом выступлении Гейзенберга	3	164
СУЛЬЖЕНКО Г. Д. (Свердловск) — Борьба французских коммунистов против реакционной философии экзистенциализма	2	206
Акад. ТАРЛЕ Е. В. — Философы атомной бомбы в раздумье и на распутье	1	141
ТЕР-ЗАХАРЯН А. И. — Правые социалисты Австрии — агентура американского империализма	2	195
ТОПЕХА П. П. — Идеологическая маскировка американской оккупации в Японии	1	117

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

БАЗАРОВ И. П. — За диалектико-материалистическое понимание и развитие теории относительности	6	175
БОЙКО Е. И. — Некоторые вопросы перестройки психологии на основе учения И. П. Павлова	1	162
БЛОХИНЦЕВ Д. И. — За ленинское учение о движении	1	181
БЛОХИНЦЕВ Д. И. — Ответ академику В. А. Фоку	6	171
ВИЛЬНИЦКИЙ М. Б. (Киев) — За последовательно-материалистическую трактовку принципа относительности в физике	1	183
ГОЖЕВ А. Д. (Ленинград) — О географической среде	2	230
КАРД П. Г. (Тарту) — О теории относительности	5	240
КИРИН Ф. Я. (Дзауджикау) — О единой географии	2	237
КОЗЕВА Т. А. (Свердловск) — Против проявлений дуализма в физиологии и психологии	5	248
КУРСАНОВ Г. А. (Свердловск) — К критической оценке теории относительности	1	169
МАНСУРОВ Н. С. — За применение и развитие учения И. П. Павлова в психологии	1	153
МАСЕЕВ И. А. — О социальной природе искусства и художественных взглядов общества	2	217
НЕЧАЕВ С. С. (Печора) — На ложном пути	4	180
О месте и роли искусства в общественной жизни (к итогам дискуссии) . .	6	155
Чл.-корр. АН СССР РУБИНШТЕЙН С. Л. — Учение И. П. Павлова и некоторые вопросы перестройки психологии	3	197
СЕВЕРСКИЙ Н. Я. — По вопросу о «единой географии» (к статье Ф. Я. Кирина)	2	238
ТЕРЛЕЦКИЙ Я. П. — О содержании современной физической теории пространства и времени	3	191
Акад. ФОК В. А. — О так называемых ансамблях в квантовой механике	4	170
ШЛЯМИН Б. А. — Еще раз о географии	4	174
ШТЕРН В. (Берлин) — К вопросу о философской стороне теории относительности	1	175

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

АЛЕКСЕЕВ М. Н. — Новая книга по логике для высшей школы (о книге К. Бакрадзе «Логика». Изд. Тбилисского государственного университета имени И. В. Сталина. Тбилиси. 1951)	3	223
АНДРЕЕВ И. Д., РОЖИН В. П. — О статьях по философии в Большой Советской Энциклопедии	1	193
АНДРЕЕВ И. Д., ГАЗЕНКО В. И., ИМШЕНИН М. И. (Иваново), РОЖИН В. П., РУТКЕВИЧ М. Н. (Свердловск), ТАВАНЕЦ П. В. — О новом издании Краткого философского словаря	4	183
БАСКИН М. П. — За творческую разработку великих сталинских идей («Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Академия наук СССР. Институт философии. Изд. 2-е, дополненное. Изд-во Академии наук СССР. М. 1951)	1	187
ЗАВАДСКАЯ Н. В. — Голос прогрессивной интеллигенции (о журнале «Тетради свободного исследования». Брюссель. 1950)	1	203

	№	Стр.
ЗЛОТНИКОВ Р. А. (Черниковск) — За научное освещение истории органов советской государственной власти («Очерки по истории органов советской государственной власти». Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР. Гос. изд. юрид. литературы. М. 1949)	1	198
КАИРЯН В. М., СЕМЕНОВ В. Г. — Книга по истории марксистско-ленинской философии (о книге А. Окулова «Борьба Ленина и Сталина за теоретические основы марксистской партии (1908—1912 гг.)». Академия общественных наук при ЦК ВКП(б). Кафедра истории философии. Госполитиздат. 1951)	4	191
КЕДРОВ Б. М. — Против талмудизма и вульгаризации марксизма в учебнике логики для средней школы (об учебнике С. Н. Виноградова и А. Ф. Кузьмина «Логика». Учебник для средней школы. 3-е изд. 1949 г.; 4-е изд. 1950 г.; 5-е изд. 1951 г. при участии Н. И. Кондакова)	3	227
КОН И. С. (Вологда) — Право и нравственность в социалистическом обществе (о книге М. П. Каревой «Право и нравственность в социалистическом обществе». Академия наук СССР. Институт права. Изд. АН СССР. М. 1951)	2	240
КОСТ А. Н. — Гомология в органической химии (о книге Ю. А. Жданова «Гомология в органической химии». Изд. Моск. гос. университета)	2	245
Новые книги	6	198
ПЕРЕЛЬ Ю. Г. — О книге Б. Е. Райкова «Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России». Изд. АН СССР. Изд. 2-е. М.-Л. 1947	4	196
СИДОРОВ М. И. — На ложных позициях (о журнале «Советская педагогика» за 1951 год)	3	218
СОБОЛЕВ А. И. — Выдающийся образец творческого марксизма (Мао Цзэдун. Избранные произведения. Том 1. Перевод с китайского. ИЛ. М. 1952)	6	186
Философская литература, вышедшая в 1951 году	3	234

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ВАРНАКОВА Е. Д., САХАРОВА Т. А. — О защищенных диссертациях по психологии	1	220
В Институте философии АН СССР	3	262
ГАРОДИ Р. — О современной французской философии (лекция)	6	211
ДОНСКОЙ В. М. — Об улучшении преподавания общественных наук в высших учебных заведениях	4	190
Изучение труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и исторических решений XIX съезда партии	6	205
ИОВЧУК М. Т., КУРСАНОВ Г. А. (Свердловск) — Из опыта работы философских семинаров для научных работников Свердловска	5	250
КЕРБИКОВ О. В., САРКИСОВ С. А. — Учение И. П. Павлова и вопросы медицинской науки	1	216
Научная сессия в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), посвященная трудам И. В. Сталина и их значению в развитии общественных наук (Д. И. Надточеев. Вступительный доклад. М. Н. Маслина и В. Г. Семенов. Сообщение о втором пленарном заседании и объединенных заседаниях кафедр)	3	240
НЕСТЕРЕНКО Г. Я., ТРОШИН Д. М. — Усилить пропаганду философских знаний	2	250
Обсуждение вопросов марксистско-ленинской этики в Чехословакии (Сообщение Отделения философии Чехословацко-Советского Института. Прага)	1	225
ОВЧИННИКОВ Н. Ф., ПЛЮЩ Л. Н. — Обсуждение проспекта книги «Диалектический материализм и современное естествознание»	1	211

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая — XIX съезд Коммунистической партии и вопросы идеологической работы	3
М. Д. Каммари — О новом выдающемся вкладе И. В. Сталина в марксистско-ленинскую философию	18
Акад. Г. Ф. Александров — Труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» — программа строительства коммунизма	41
Б. М. Кедров — О материалистическом понимании законов природы	63
А. А. Макаровский — Социалистические производственные отношения — главный двигатель производительных сил в СССР	84
В. А. Разумный — О сущности реалистического художественного образа	99
И. И. Новинский — О единстве организма и среды	114

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Материалист — Отец-иезуит в роли критика диалектического материализма	127
М. П. Баскин — Лакей американских монополистов	138

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Г. С. Ульман (Калининград) — К истории создания классического труда Ф. Энгельса «Анти-Дюринг»	144
И. Н. Кравец (Харьков) — «Письма о Критической философии» А. С. Лубкина	151

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

О месте и роли искусства в общественной жизни (к итогам дискуссии)	155
Д. И. Блохинцев — Ответ академику В. А. Фоку	171
И. П. Базаров — За диалектико-материалистическое понимание и развитие теории относительности	175

СОДЕРЖАНИЕ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. И. Соболев — Выдающийся образец творческого марксизма	186
Новые книги	198

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Изучение труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и исторических решений XIX съезда партии . .	205
О современной французской философии. Лекция профессора Роже Гароди	211

Указатель статей, помещенных в журнале «Вопросы философии» за 1952 год	219
--	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ф. В. Константинов (главный редактор), **Б. М. Кедров**, **В. С. Кеменов**, **А. А. Максимов**, **М. Б. Митин**, **В. С. Молодцов**, **М. И. Сидоров**, **Ц. А. Степанян**, **В. Н. Столетов**, **Я. П. Терлецкий**, **Ю. П. Францев**.

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 14, комн. 418. Телефоны Б 8-76-32, Д 3-35-40.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 01407. Изд. № 1018. Заказ 2956. Подписано к печ. 18/1 1953 г.

Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. 7 бум. л. — 19,18 печ. л. Тираж 35 000.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 12 руб.